

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

***Перегруппировка сил в мире:
тернистый путь Глобального Юга***

***Regrouping Forces in the World:
The Thorny Path of the Global South***

ТОМ 19 • НОМЕР 1 • 2026

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 19 • NUMBER 1 • 2026

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентерберри, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Тедеев А.А., МГУ, Москва, РФ
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2026

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.00

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

ЯКОВЛЕВ П.П. Восхождение стран Глобального Юга и геэкономические параметры нового миропорядка 6–28

АВАТКОВ В.А., АФАНАСЬЕВ В.И. Контуры трансформации международных отношений: ограниченная моноцентричность или полицентричность? 29–42

Цифровые трансформации

КАНАЕВ Е.А. Цифровая экосистема Экономического сообщества АСЕАН: итоги научно-технологического и инновационного сотрудничества 43–59

КОРОЛЕВ П.А. Политический анализ внедрения цифровой валюты центрального банка в Нигерии 60–72

Особенности современного экономического развития

СЕМЕНОВА Н.К. Трансформация конкурентного ландшафта Восточно-Азиатской портовой системы 73–96

ПЕРМИНОВА А.А., ИЛЛЕРИЦКИЙ Н.И. Институциональные и технико-экономические задачи развития электроэнергетики в странах Центральной Азии: роль Российской Федерации 97–119

США: новые реалии

БОРЗОВА А.Ю., ВОЛОСЮК О.В., КОЗЫЛОВ И.С. Доктрина Монро 2.0 vs «Сообщество единой судьбы» в Латинской Америке 120–143

КУКЛА М.П. Инвестиционная фрагментация в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США: сравнительный анализ позиций США и Китая (2009–2023) 144–158

Панорама Африки и Ближнего Востока

ХОДУНОВ А.С., ХАЙРУЛЛИН Т.Р., КОРОТАЕВ А.В. Гражданская война в Судане: внутренняя динамика и роль внешних акторов 159–178

ФУРСОВА Е.Н. Отражение темы «Единство Магриба» в конституционных текстах государств региона 179–195

В национальном разрезе

ЛУПАЛЬЦОВА А.И. Образ Европейского союза в восприятии политических элит и аналитических центров КНР 196–215

Вокруг книг

ИВАНОВА Л.В., КИНФУ З.Т. Читая книгу «Кто кому дает? Переосмысление Африки в гуманитарном представлении» 216–228

DOI: 10.31249/kgj/2026.01.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Astamur A. Tedeev, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.00

Contents

Political Processes in the Changing World

YAKOVLEV P.P. The Rise of the Global South and the Geoeconomic Parameters of the New World Order 6–28

AVATKOV V.A., AFANASYEV V.I. The Contours of International Relations in Transition: Constrained Monocentricity or Polycentricity? 29–42

Digital Transformations

KANAEV E.A. The Digital Ecosystem of the ASEAN Economic Community: Assessing the Outcomes of Science, Technology and Innovation Cooperation 43–59

KOROLEV P.A. Central Bank Digital Currency Implementation in Nigeria: A Political Analysis 60–72

Specifics of Modern Economic Development

SEMENOVA N.K. Transformation of the Competitive Landscape in the East Asian Port System 73–96

PERMINOVA A.A., ILLERITSKY N.I. Institutional, Technical and Economic Challenges of Electric Power Development in Central Asian Countries: The Role of the Russian Federation 97–119

USA: New Realities

BORZOVA A.YU., VOLOSUYUK O.V., KOZYLOV I.S. Monroe Doctrine 2.0 vs “Community of Shared Future” in Latin America 120–143

KUKLA M.P. Investment Fragmentation in the Context of the U.S. Indo-Pacific Strategy: A Comparative Analysis of U.S. and China’s Positions (2009–2023) 144–158

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

KHODUNOV A.S., KHAYRULLIN T.R., KOROTAYEV A.V. The Civil War in Sudan: Internal Dynamics and the Role of External Players 159–178

FURSOVA E.N. The Reflection of the Theme of “Unity of the Maghrib” in the Constitutional Texts of the States of the Region 179–195

National Peculiarities

LUPALTSOVA A.I. The Image of the European Union in Perception of Chinese Establishment and Think Tanks 196–215

Spotlight on New Academic Arrivals

IVANOVA L.V., KINFU Z.T. Reading the Book “Who Gives to Whom? Reframing Africa in the Humanitarian Imaginary” 216–228

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 327:339

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.01

Восхождение стран Глобального Юга и геоэкономические параметры нового миропорядка

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра иберийских исследований

Институт Латинской Америки РАН

улица Большая Ордынка, д. 21/16, г. Москва, Российская Федерация, 115035

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлев П.П. Восхождение стран Глобального Юга и геоэкономические параметры нового миропорядка // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 6–28.
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.01

Статья поступила в редакцию 15.03.2026.

Исправленный текст представлен 27.05.2026.

АННОТАЦИЯ. Концептуальную основу статьи образует смысловой переход от подведения итогов неолиберальной глобализации к анализу стратегических направлений процесса формирования нового геоэкономического миропорядка. Автор подчеркивает, что отличительная особенность современного политического и научно-исследовательского дискурса – повышенное внимание к роли стран Глобального Юга/Мирового большинства в системе мирохозяйственных отношений. Акцентированный интерес ко многим из этих государств объясняется рядом весомых причин, в том числе огромным демографическим дивидендом, наличием колоссальных запасов необходимых мировой экономике энергосырьевых ресурсов, опережающей (по сравнению

со странами Запада) динамикой роста промышленного и сельскохозяйственного производства, последовательным увеличением удельного веса в международной торговле, ощутимыми успехами в использовании передовых технологий. В силу названных (и ряда других) экзистенциально значимых факторов Глобальный Юг становится ключевым актором, меняющим сложившийся баланс сил. Однако развитие этого процесса происходит в условиях геополитической турбулентности, непрекращающихся международных кризисов и вооруженных конфликтов, а также настойчивых попыток администрации Трампа 2.0 (так называемой политики разрушающего тарана) различными способами, включая военные операции, ослабить позиции стран Мирового

большинства. Поэтому, по мнению автора, процесс накопления геоэкономических и геополитических отношений нового качества будет сопровождаться кризисами разной интенсивности, вооруженными конфликтами (в том числе чреватými глобальными потрясениями) и может растянуться на сравнительно долгий исторический период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Глобальный Юг, кризис неолиберальной глобализации, изменение мирового баланса сил, формирование нового миропорядка, геополитическая нестабильность, «политика разрушающего тарана» Трампа 2.0, Карибский кризисный круг, «Ормузский капкан».

За последние два десятилетия, особенно после мирового финансового кризиса 2008–2009 годов и пандемии коронавируса COVID-19, международный торгово-экономический ландшафт радикально изменился. И одной из главных трансформаций стал мощный геоэкономический подъем стран Глобального Юга/Мирового большинства, который, по признанию многих западных экспертов, оказал определяющее воздействие на формирование главных международных трендов XXI в. [The Rise..., 2023].

При этом, как подчеркивают в совместном исследовании профессор Йельского университета Пинелопи Голдберг и экономист Всемирного банка Тристан Рид, восхождение Глобального Юга продолжается и в условиях кризиса неолиберальной глобализации, зачастую именуемого «экономической деглобализацией». Ученые пишут даже о наступлении «эры деглобализации» и усматривают причины этого

явления не только (и не столько) в торгово-экономической и финансовой сферах, сколько в факторах и мотивах геополитического порядка, включая весьма чувствительные вопросы национальной безопасности [Goldberg, Reed, 2023].

Переход в альтернативную реальность, когда состояние мировой экономики и торговли определяется как рыночными силами, так и геополитическими соображениями и интересами, является одной из ключевых характеристик нового миропорядка, идущего на смену западоцентричной глобализации.

Кризис неолиберальной глобализации

Во многом благодаря эффектам глобализации в 1990-е годы в регионах Глобального Юга (прежде всего в Азии и Латинской Америке) начали происходить кардинальные макроэкономические изменения. Это было особенно заметно на Азиатском континенте: Китай вошел в фазу форсированного промышленного роста, Индия заложила научно-производственную основу будущей цифровой экономики, члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1992 г. дали старт процессу формирования региональной зоны свободной торговли с целью «максимизировать использование производственного и торгового потенциала региона»¹. Структурные сдвиги начали происходить в экономике государств Персидского залива в связи с масштабными вложениями нефтедолларов в инфраструктуру, финансовый сектор и отдельные сектора промышленности. В ключевых странах Латинской Америки

1 Agreement on the Common Effective Preferential Tariff (CEPT) Scheme for the ASEAN Free Trade Area (AFTA). 28.01.1992. – URL: <https://asean.org/agreement-on-the-common-effective-preferential-tariff-cept-scheme-for-the-asean-free-trade-area-afta/> (дата обращения: 08.03.2026).

Таблица 1. Динамика роста ВВП по группам государств (среднегодовые показатели), %

Table 1. Dynamics of GDP growth by groups of countries (average annual figures), %

Группы стран	1991–2000 гг.	2001–2010 гг.	2011–2020 гг.	2021–2024 гг.	1991–2024 гг.
Весь мир	3,1	3,9	2,9	4,3	3,4
Глобальный Север	2,8	1,7	1,3	3,1	2,1
Глобальный Юг	3,6	6,2	4,2	5,0	4,7
Азия	7,4	7,9	6,0	6,0	7,0
Африка	2,4	5,3	3,3	4,1	3,7
Ближний Восток	4,0	5,3	2,8	3,6	4,1
Латинская Америка	3,3	3,2	0,9	4,1	2,7

Составлено автором по данным издания Международного валютного фонда *World Economic Outlook* за различные годы. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo> (дата обращения: 08.03.2026).

(в Аргентине, Бразилии, Мексике, Перу, Чили) десятилетие 1990-х явилось периодом проведения рыночных реформ, обеспечивших приток иностранных инвестиций и беспрецедентную активизацию частного предпринимательства, а также было отмечено усилением интеграционных процессов. В частности, в 1991 г. был подписан Асунсьонский договор о создании МЕРКОСУР (Общего рынка Юга – *MERCOSUR*) с участием Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая, а 1 января 1994 г. начало функционировать Североамериканское соглашение о свободной торговле – НАФТА (*NAFTA*), уникальное объединение, членами которого стали Мексика и две высокоразвитые державы – Канада и США [Яковлев, 2025].

Уверенно можно констатировать, что в период расцвета неолиберальной глобализации (1990–2008), скроенной по лекалам «Вашингтонского консенсуса» [After the Washington..., 2003], многие страны Глобального Юга не стояли на месте, а эффективно воспользовались открывшимися возможностями, энергично развивали передовые для них отрасли экономики, включая высокотехнологичные и экспортоориентиро-

ванные, повсеместно создавали субрегиональные, региональные (а в случае с Китаем – мировой) центры (хабы) промышленного производства и трансграничной торговли.

Другими словами, инициаторы глобализации, страны Запада во главе с США, своей политической открытостью рынков, переноса (в погоне за сверхприбылью) производственных активов и технологий в Азию и Латинскую Америку (в меньшей степени – в Африку), формирования глобальных цепочек добавленной стоимости и кратного увеличения объемов международного финансирования, обеспечившего беспрецедентный уровень заимствований (нередко на весьма выгодных для получателей условиях), ускорили экономический рост развивающихся государств, которые в экспертном сообществе долгое время рассматривались как «догоняющие». В результате использования преимуществ глобализации «догоняющие» стали «опережающими», о чем свидетельствуют показатели изменения ВВП различных групп стран (таблица 1).

Приведенные сопоставления указывают на существенный разрыв в темпах экономического роста: в те

чение трех с половиной десятилетий (1991–2024 гг.) среднегодовой прирост ВВП государств Глобального Юга в два с лишним раза превышал аналогичный показатель развитых стран. Парадоксально, но инициированная Западом неолиберальная глобализация ускорила рост большой группы развивающихся государств. Геоэкономический подъем стран Глобального Юга стал свершившимся фактом, что было воспринято западным экспертным сообществом и частью политического истеблишмента как «износ» и «кризис глобализации» в ее западцентричной версии [Herr, 2025]. Предельно жестко по этому поводу высказался на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2026 г. министр торговли США Говард Лютник. По его оценке, «глобализация провалилась», ее результаты противоречили интересам Запада, поскольку за прошедшие десятилетия Соединённые Штаты и Европа экономически отстали от вырвавшейся вперед группы развивающихся государств во главе с Китаем².

Разумеется, закат неолиберальной глобализации и геоэкономический подъем Глобального Юга не возникли одномоментно. Причины этих судьбоносных явлений коренятся в череде событий и потрясений, которые пережила международная хозяйственная система в последние два десятилетия. В их числе – высокий сырьевой цикл 2003–2012 гг., мировой финансовый шок 2008–2009 гг., замедление темпов прироста ВВП в развитых странах и пандемия коронавируса, пик которой пришелся на 2020 г., ставший годом самого глубокого падения объемов производства и торговли за многие десятилетия.

В частности, латентные кризисные явления процесса глобализации резко обострились в 2008–2009 гг., когда зародившиеся в США потрясения на международных финансовых рынках вскрыли многие слабые узлы неолиберального геоэкономического миропорядка. При этом Глобальный Юг оказался более резильентным к экономическим шокам, чем Глобальный Север. В 2009 г. совокупный ВВП развитых государств «просел» на 3,4%, а ВВП развивающихся стран, несмотря на удары кризиса, увеличился на 3,1%. При этом ВВП зоны евро уменьшился на 4,4%, Японии – на 5,5%, а экономика развивающихся государств Азии выросла на 7,7%³.

Преодолев с меньшими потерями, чем Глобальный Север, тяжелые последствия международного финансового шока, Глобальный Юг в 2010–2020 гг. сделал заявку на лидирующую роль в процессе геоэкономического развития, по существу, позиционировал себя в качестве формирующегося ядра будущего мирохозяйственного порядка [Акуиз, 2013].

Новый ощутимый удар по основам неолиберальной глобализации нанесла пандемия COVID-19. Из-за последствий коронавируса в 2020 г. на 2,7% снизился мировой ВВП, на 7% сократился экспорт, на 35% (с 1481 млрд до 963 млрд долл.) упал приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), на 1 млрд клиентов, или на 74%, обрушился рынок международных туристических услуг. Но, как и в 2009 г., развивающиеся страны в год пика пандемии продемонстрировали сравнительно более высокую степень кризисоустойчивости. Их совокупный ВВП уменьшил-

2 Christenson J. Commerce Secretary Howard Lutnick tells Davos forum: 'Globalization has failed' // New York Post. – 2026. – January 20.

3 IMF. World Economic Outlook. Recovery Strengthened, Remains Uneven. – Washington: International Monetary Fund, April, 2014. – P. 180.

Таблица 2. Накопленный объем прямых иностранных инвестиций, млрд долл.

Table 2. Stock of foreign direct investment, USD billion

Страны, группы стран	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2024 г.
Весь мир	2198	7377	20 844	41 354	50 907
Глобальный Север	1688	5860	14 979	28 680	35 095
Европейский союз	886	1883	7121	11 563	11 461
Великобритания	204	440	1058	2206	3254
США	540	2783	3422	10 803	15 567
Канада	113	325	984	1100	1819
Япония	10	50	215	243	220
Глобальный Юг	510	1517	5865	11 804	15 813
Азия	340	1024	3676	8563	11 784
Китай	21	193	587	1919	3650
Индия	2	16	206	480	548
Латинская Америка	107	339	1551	2232	2922
Африка	61	153	623	979	1074

Источник: UNCTAD. World Investment Report 2025. – New York : United Nations Publications, 2025. – P. 271–274.

ся на 1,7%, тогда как у развитых государств – на 4,0%⁴.

Экономические успехи Глобального Юга значительно укрепили доверие мировых предпринимательских и финансовых кругов к развивающимся рынкам, что нашло свое адекватное отражение в динамике накопления объемов ПИИ (таблица 2).

Как видно из приведенных данных, за три с половиной десятилетия развития в условиях западоцентричной глобализации (1990–2024) общемировой накопленный объем (*stock*) ПИИ вырос в 23 раза (с 2198 млрд до 50 907 млрд долл.), но при этом данный показатель для Глобального Севера вырос в 21 раз, а для Глобального Юга – 31 раз. Как итог, если в 1990 г. на долю разви-

вающих стран приходилось 23% мирового накопленного объема ПИИ, то в 2024 г. – свыше 30%.

Таким образом, неолиберальная глобализация, как она задумывалась на Западе в 1980-е годы и реализовывалась в период до третьего десятилетия XXI в., объективно сыграла на руку значительной группе государств Глобального Юга. Эти страны, вопреки расчетам Запада, умело воспользовались открывшимися возможностями,кратно нарастили хозяйственный потенциал, ощутило усилили свою роль в мировой системе торгово-экономических связей и оказали существенное влияние на процесс эволюции всей системы международных отношений [International Relations..., 2020].

4 2020: Worst Year in Tourism History with 1 Billion Fewer International Arrivals // UN Tourism. – 2021. – January 28. – URL: <https://www.untourism.int/news/2020-worst-year-in-tourism-history-with-1-billion-fewer-international-arrivals> (дата обращения: 26.02.2026).

Таблица 3. Крупнейшие страны мира по размеру ВВП, млрд долл.
Table 3. The world's largest countries by GDP, USD billion

2005 г.		2024 г.	
Страна	ВВП	Страна	ВВП
США	13 039	США	28 751
Япония	4876	Китай	18 744
Германия	2895	Германия	4686
Великобритания	2554	Япония	4028
Китай	2326	Индия	3910
Франция	2193	Великобритания	3686
Италия	1866	Франция	3160
Канада	1174	Италия	2381
Испания	1155	Канада	2244
Республика Корея	972	Бразилия	2186
Мексика	918	Россия	2174
Бразилия	892	Республика Корея	1875
Россия	821	Мексика	1856
Индия	820	Австралия	1757
Австралия	612	Испания	1726
Нидерланды	689	Индонезия	1396
Турция	507	Турция	1359
Швейцария	424	Саудовская Аравия	1240
Швеция	392	Нидерланды	1215
Тайвань	374	Швейцария	937
Весь мир	47 848	Весь мир	110 983

Составлено автором по данным: *International Monetary Fund* за различные годы. – URL: <https://data.imf.org/en> (дата обращения:11.03.2026).

**Мегаэкономики:
лидеры Глобального Юга**

Убедительным свидетельством гео-экономического восхождения Глобального Юга явилось формирование мегаэкономик – развивающихся стран с объемом ВВП, превышающим (по номиналу) 1 трлн долл.

В 2005 г. такой страной был только Китай с ВВП в 2,3 трлн долл. (менее 5% общемирового индекса). В настоящее

время число мегаэкономик Глобально-го Юга/Мирового большинства выросло до восьми (присоединились Индия, Бразилия, Россия, Мексика, Турция, Индонезия и Саудовская Аравия), а их совокупный ВВП составил в 2024 г. почти 33 трлн долларов, или порядка 30% мирового показателя (таблица 3). При этом характерно, что четыре из восьми мегаэкономик являются странами – основателями объединения БРИКС.

По прогнозу британской консалтинговой компании *Centre for Economic and Business Research*, в 2039 г. количество мегаэкономик, или геоэкономических «тяжеловесов» из стран Глобального Юга, возрастет до 16, поскольку отметку в 1 трлн долл. «перешагнут» экономики Бангладеш, Филиппин, Вьетнама, Объединённых Арабских Эмиратов, Аргентины, Египта, Таиланда и Малайзии⁵ [Coughlin, 2025].

Похожая картина наблюдается в сфере международной торговли. В 2005 г. в списке 30 крупнейших стран-экспортеров товаров фигурировало 10 развивающихся государств, на долю которых пришлось около 20% совокупного мирового вывоза товаров. В 2024 г. их число возросло до 12, а доля в мировом экспорте превысила 32% (таблица 4).

Обращает на себя внимание стремительный рост объема экспортных поставок большой группы стран Глобального Юга. В указанный период товарный экспорт Бразилии, Индонезии и Мексики увеличился в 3 раза, Индии и Китая – почти в 5 раз. Феноменальный экспортный форсаж продемонстрировал Вьетнам: за два десятилетия он нарастил поставки товаров за рубеж более чем в 12 раз – с 32 млрд до 403 млрд долл., причем свыше половины вьетнамского экспорта составляет технологическая продукция и высокотехнологичная⁶. И в этом плане Вьетнам не одинок. Всё большее число государств Глобального Юга становятся крупными поставщиками промышленной продукции высоких переделов, успешно конкурируя с западными державами.

Парадигмальный кейс – мировой рынок автомобилей. В 2005 г. в списке

15 крупнейших автопроизводителей было 7 развивающихся стран, на долю которых пришлось около 23% мирового выпуска. В 2024 г. восемь государств Глобального Юга обеспечили 53% общемирового производства автомобилей и тем самым лишили США, Японию, Республику Корею и страны Европы их прежнего доминирующего положения (таблица 5).

Аналогичная ситуация, как признают западные исследователи, характерна и для многих других товаров, производство и экспорт которых в решающей степени контролируются торгово-экономическими лидерами из числа государств Мирового большинства во главе с Китаем [New World..., 2022].

Перемещение основных производственных мощностей в страны Азии, Африки и Латинской Америки и формирование там мегаэкономик – стержневая сюжетная линия, вокруг которой складываются главные тренды геоэкономического и геополитического развития Глобального Юга.

Какие можно отметить фундаментальные торгово-экономические особенности стран-мегаэкономик?

Прежде всего, представим агрегированную картину места развивающихся мегаэкономик («Большой восьмерки») в современном мире (таблица 6).

Приведенные данные поистине впечатляют и убедительно иллюстрируют то уникальное положение, которое мегаэкономики Глобального Юга в настоящее время занимают в мирохозяйственной системе. Как видим, на их долю приходится почти четверть мирового товарного экспорта, около 30% ВВП и суммарной территории стран мира, а также более 45% населения.

5 Coughlin D. The countries tipped to dominate the world by 2038 // Yahoo!Finance. – 2025. – December 2. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/countries-rule-world-2039-where-130000767.html> (дата обращения: 04.03.2026).

6 WTO. Global Trade Outlook and Statistics. – Geneva: WTO Publications, April 2025. – P. 31.

Таблица 4. Крупнейшие страны – экспортеры товаров, млрд долл.

Table 4. Largest exporting countries goods, billion dollars

2005 г.		2024 г.	
Страна	Экспорт	Страна	Экспорт
Германия	969,9	Китай	3575,5
США	904,4	США	2064,5
Китай	762,0	Германия	1677,1
Япония	594,9	Нидерланды	921,0
Франция	460,2	Япония	708,0
Нидерланды	402,4	Республика Корея	683,7
Великобритания	382,8	Италия	674,9
Италия	367,2	Гонконг	646,0
Канада	359,4	Франция	626,9
Бельгия	334,3	Мексика	619,0
Республика Корея	284,4	Канада	569,2
Россия	243,6	Бельгия	549,6
Сингапур	229,6	Великобритания	512,9
Мексика	213,7	Сингапур	504,9
Тайвань	197,8	Тайвань	474,6
Испания	187,2	Швейцария	446,9
Саудовская Аравия	181,4	Индия	441,7
Малайзия	140,9	ОАЭ	439,4
Швейцария	130,9	Россия	406,7
Швеция	130,1	Испания	403,7
Австрия	124,0	Вьетнам	403,2
Бразилия	118,3	Польша	380,3
ОАЭ	115,5	Австралия	345,9
Таиланд	110,1	Бразилия	337,1
Ирландия	109,9	Малайзия	330,1
Австралия	105,8	Саудовская Аравия	305,4
Норвегия	103,8	Таиланд	299,3
Индия	95,1	Индонезия	264,7
Польша	89,3	Турция	261,8
Индонезия	86,2	Чехия	259,3
Мировой экспорт	10 431,0	Мировой экспорт	23 926,4
Доля 10 стран Глобального Юга, %	19,7	Доля 12 стран Глобального Юга, %	32,1

Источник: ITC. Trade Map. List of exporters for the selected product. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=
(дата обращения: 11.03.2026).

Таблица 5. Крупнейшие мировые производители автомобилей
Table 5. The world's largest automobile manufacturers

2005 г.		2024 г.	
Страна	Количество, тыс.	Страна	Количество, тыс.
США	11 947	Китай	31 282
Япония	10 800	США	10 562
Германия	5758	Япония	8235
Китай	5718	Индия	6015
Республика Корея	3699	Мексика	4203
Франция	3549	Республика Корея	4127
Испания	2753	Германия	4069
Бразилия	2531	Бразилия	2550
Великобритания	1803	Испания	2377
Мексика	1684	Таиланд	1469
Индия	1639	Чехия	1459
Россия	1355	Турция	1365
Таиланд	1123	Канада	1343
Иран	1077	Индонезия	1197
Италия	1038	Россия	983
7 стран Глобального Юга	15 127	8 стран Глобального Юга	49 064
Всего в мире	66 720	Всего в мире	92 504
Доля 7 стран Глобального Юга, %	22,7	Доля 8 стран Глобального Юга, %	53,0

Источник: OICA. World Motor Vehicle Production 2024. – URL: https://oica.net/production_statistic/total-2024/ (дата обращения: 06.02.2026).

На примере мегаэкономик отчетливо видно, что в основе геоэкономического восхождения Глобального Юга лежал ряд весомых факторов, создавших для ведущих развивающихся стран (в первую очередь для «Большой восьмерки») новые возможности количественного и качественного роста в условиях неолиберальной глобализации [Яковлев, 2021], в их числе:

- опора на колоссальный демографический потенциал, обеспечивший мегаэкономике практически неограниченным притоком относительно дешевой (по сравнению со странами Запада) рабочей силы;

- поддержка государством развития внутреннего рынка, поступательное улучшение материального положения большей части населения и формирование многочисленного среднего класса;
- беспрецедентно интенсивное наращивание добычи и хозяйственного использования востребованных мировой экономикой природных ресурсов, включая энергетические;
- форсированное развитие сельскохозяйственного производства и выход на международные рынки с широкой гаммой продовольственных товаров;
- ориентация на приоритетное развитие экспортоориентированных,

Таблица 6. «Большая восьмерка» стран Глобального Юга в современном мире**Table 6.** The G8 countries of the Global South in the modern world

Страна	Население, 2025 г., млн чел.	Площадь, 2023 г., тыс. км ²	ВВП по курсам валют, 2025 г., млрд долл.	Экспорт товаров, 2025 г., млрд долл.
Бразилия	213	8510	2280	348
Индия	1464	3287	3956	445
Индонезия	286	1917	1446	283
Китай	1407	9563	19 498	3772
Мексика	132	1957	1833	665
Россия	146	17 234*	2561	419
Саудовская Аравия	37	2150	1275	311
Турция	86	785	1597	273
Все страны мира	8215	140 539	118 350	26 387
«Большая восьмерка»	3771	45 403	34 446	6516
Доля стран «Большой восьмерки», %	45,9	32,3	29,1	24,7

Составлено автором на базе данных Всемирного банка. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 25.05.2026); данные по населению и площади России – Российский статистический ежегодник. 2025. – Москва : Росстат, 2025. С. 46 (площадь, по данным Всемирного банка, – 17 125 тыс. км², причем с учетом Республики Крым и г. Севастополя).

преимущественно промышленных, отраслей;

- практически свободный доступ на емкие рынки западных государств благодаря, как правило, низким таможенным пошлинам;

- резкое увеличение притока на рынки Глобального Юга иностранных прямых и портфельных инвестиций, а также кредитных ресурсов международных финансовых организаций и частных банков;

- либерализация практики получения передовых западных технологий, в частности благодаря офшорингу – переносу в развивающиеся страны производственных активов западных корпораций;

- активное привлечение в государства Мирового большинства (прежде всего в Азию и Латинскую Америку)

высококвалифицированного зарубежного технического и менеджерского персонала;

- реализация научно-технологического прорыва, создание (зачастую на местной почве) собственных технологических платформ: крупнейших цифровых ID-систем, индустрии IT-услуг, международных центров электроники, экосистем искусственного интеллекта, национальных платежных систем.

Сочетание указанных факторов (разумеется, со специфическими национальными чертами и особенностями) образовало сердцевину модели экономического роста, с разной степенью эффективности функционировавшей в наиболее продвинутых странах Глобального Юга в условиях неолиберальной глобализации.

Стратегия Трампа 2.0 в отношении Глобального Юга

Консолидация курса на геэкономическое восхождение Глобального Юга и расширение состава БРИКС на фоне кризиса неолиберальной глобализации побудило Запад, прежде всего Соединённые Штаты в период второго президентского срока Д. Трампа, акцентировать внимание к процессам, происходящим в развивающихся странах, и выработать методы сдерживания их растущего влияния в мировых делах⁷.

По мнению значительной части американского экспертного сообщества, квинтэссенцией внешней политики Трампа 2.0 является «восстановление империи» – продвижение (в том числе силовыми методами) стратегических интересов Соединённых Штатов в тех районах мира, которые Белый дом в данный момент сочтёт приоритетными для укрепления широко понимаемой национальной безопасности. Историк Стефен Вертхайм из Фонда Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*) считает, что Д. Трамп стремится вернуть США мировое военно-стратегическое доминирование, а в экономической сфере – заменить не оправдавшую надежд Запада неолиберальную глобализацию «трампистским глобализмом»⁸.

Внешний контур политики, именуемой «Америка прежде всего» (*America First*), уже в первый год второй каденции Д. Трампа проявился в использовании широкой палитры средств трансграничного давления. В их числе – резкие, на грани оскорблений, заявления в адрес зарубежных стран и их лидеров (вклю-

чая союзников по НАТО); введение во многом произвольных торговых тарифов; фактическое принуждение к заключению выгодных американскому бизнесу торговых и финансовых сделок; политическое давление и угрозы правительствам суверенных государств; выдвижение территориальных претензий; торгово-экономические блокады; организация рейдов сил специального назначения; проведение масштабных военных операций. Как подчеркивает профессор Джорджтаунского университета Надер Хашеми, последствия этой имперской внешней политики «будут особенно значительными и чувствительными для стран Глобального Юга, политическая идентичность которых формировалась в контексте антиколониальной борьбы с западным империализмом»⁹.

Не будет преувеличением констатировать, что центром тяжести международной деятельности администрации Д. Трампа, получившей название «политика разрушающего тарана» (*Wrecking Ball Politics*)¹⁰, явились попытки подрыва геэкономических и геополитических позиций целого ряда ведущих стран Мирового большинства и усиления влияния Вашингтона в ключевых регионах Глобального Юга.

Первым объектом нового экспансионистского курса Вашингтона стала Латинская Америка, где идеологическим обоснованием «особых прав» Соединённых Штатов на торгово-экономическое и политико-стратегическое доминирование послужила провозглашенная в 1823 г. Доктрина Монро. Именно на нее многократно ссылался Д. Трамп, провозглашая откровенно гегемонистские претензии на ведущую роль США на огромном про-

7 Aftermath of War in Europe: The West VS. the Global South? // Policy Center for the New South. – 2023. – January 12. – URL: <https://www.policycenter.ma/publications/aftermath-war-europe-west-vs-global-south> (дата обращения: 28.02.2026).

8 Henderson A. Why 'astonished' Europeans and 'skeptical' MAGA side-eye Trump's foreign policy // The New York Times. – 2026. – February 27.

9 Wong E. Trump's Foreign Policy: Resurrecting Empire // The New York Times. – 2026. – February 27.

10 Tankersley J. Trump Is a Global 'Wrecking Ball', Europe Security Experts Say // The New York Times. – 2026. – February 9.

Таблица 7. Объемы торговли товарами США и КНР со странами Латинской Америки (без Мексики), млрд долл.**Table 7.** US and Chinese trade goods with Latin American countries (excluding Mexico), USD billion

Показатель	США		КНР	
	2006 г.	2025 г.	2006 г.	2025 г.
Экспорт	88,2	214,3	26,8	207,3
Импорт	140,5	170,5	31,5	229,0
Оборот	228,7	384,8	58,3	436,3
Сальдо	-52,3	+43,8	-4,7	+21,7

Источник: ITC. Trade Map. Bilateral trade between China and Latin America and the Caribbean. – URL: [https:// www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=](https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=) (дата обращения: 11.03.2026).

странстве от Рио-Гранде до Огненной Земли. Данное обстоятельство дало повод американским средствам массовой информации, в частности влиятельной газете *The New York Times*, определить концептуальный подход 47-го президента США к Латинской Америке, как «доктрину Донро» (*Donroe Doctrine*) – своего рода реинкарнацию «дипломатии канонерок»¹¹.

Встраивая латиноамериканский курс Вашингтона в духе «доктрины Донро» (или доктрины Монро 2.0), Д. Трамп, по меткому замечанию известного обозревателя Джека Никаса, «усилил хватку» в отношении южных соседей и четко разделил страны региона на союзников и противников. При этом Белый дом видит в Латинской Америке уникальную возможность доступа к колоссальным природным ресурсам, востребованным американской и мировой экономикой на нынешнем этапе технологической трансформации, а также нейтрализации в регионе угроз национальной безопасности США, главной из которых Д. Трамп считает развитие всесторонних связей Латинской Амери-

ки с Китаем, в частности стремительное увеличение объемов китайско-латиноамериканской торговли (таблица 7).

За два последних десятилетия (2006–2025) товарооборот Соединённых Штатов со странами Латинской Америки (без Мексики, представляющей особый случай) увеличился менее чем на 70%, тогда как китайско-латиноамериканская торговля в стоимостном выражении выросла в 7,5 раза и в 2025 г. превзошла аналогичный показатель США на 12%. Для сравнения: в 2006 г. товарооборот КНР с регионом составлял лишь 25% от уровня США. Для целого ряда ведущих латиноамериканских стран Китай стал главным торговым партнером. В их числе – региональный лидер Бразилия. Объем ее торговли с КНР в указанный период возрос в 10 раз и превысил 170 млрд долл.¹²

Но проблема не только в росте объемов торговли Китая с Латинской Америкой. Еще большее недовольство в Вашингтоне вызывает китайско-латиноамериканское сотрудничество в кредитно-финансовой и инвестиционной сферах, а также в политико-дипломати-

11 Bennhold K. Trump and the 'Donroe Doctrine' // *The New York Times*. – 2025. – November 17.

12 ITC. Trade Map. List of importing markets for a product exported by Brazil. – URL: [https:// www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=](https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=) (дата обращения: 02.03.2026).

ческой и военно-стратегической областях. Показательными примерами могут служить реализованные китайцами масштабные проекты: строительство на тихоокеанском побережье Перу крупнейшего в регионе контейнерного порта Чанкай, управление портовой инфраструктурой Панамского канала (через него проходит свыше 40% внешнеторгового оборота США), присоединение большинства латиноамериканских стран к инициативе «Один пояс – один путь», установление отношений стратегического партнерства между Пекином и Каракасом, тесное взаимодействие Бразилии и Китая на международной арене, в том числе в рамках БРИКС¹³.

Взяв курс на расшатывание основ влияния Пекина в Латинской Америке, администрация Трампа 2.0 сконцентрировала внешнеполитические усилия в зоне Карибского бассейна, где растущее присутствие Китая является для Соединённых Штатов чрезвычайно болезненным. Своими дипломатическими и преимущественно военно-политическими действиями Вашингтон в считанные месяцы превратил этот район в своего рода «Карибский кризисный круг» и с помощью силовых методов добился ощутимых результатов в свою пользу¹⁴ [Martinez, 2025], в том числе:

- правительство Панама лишило китайскую компанию возможности управлять портовой инфраструктурой межокеанского канала, вышло из проекта «Один пояс – один путь» и согласилось на увеличение военного присутствия США на своей территории;

- Мексика ограничила торговлю с Китаем и значительно расширила взаимодействие с Соединёнными Штатами в борьбе с наркокартелями и противодействии нелегальной миграции;

- в Венесуэле американский спецназ захватил и вывез в США президента Николаса Мадуро. После этого Д. Трамп получил фактический контроль над венесуэльской нефтяной промышленностью и тем самым лишил Китай инвестиций в этой стране в размере свыше 60 млрд долл.;

- Вашингтон ужесточил экономическую блокаду Кубы и взял курс на свержение политического режима в Гаване, о чем сам Д. Трамп открыто заявлял, утверждая, что кубинское правительство представляет для США «экстраординарную угрозу»¹⁵. Смена власти на острове также грозит Пекину крупными финансовыми потерями, поскольку на его долю приходится порядка 75% кубинских долгов;

- сильный нажим был оказан на правительство Густаво Петро в Колумбии, что имело целью ослабить позиции левых сил в преддверии президентских выборов в этой стране.

В результате, как признают практически все международные эксперты, в Карибском бассейне методами политики «управляемого хаоса» был создан «пояс нестабильности» и геополитическая ситуация радикально изменилась в интересах Соединённых Штатов и в ущерб лидеру Глобального Юга – Китаю¹⁶.

В других районах Латинской Америки Д. Трамп применил тактику «кну

13 Full text: China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // Global Times. – 2025. – December 10. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202512/1350190.shtml> (дата обращения: 04.02.2026).

14 Martinez D. Trump chooses war over diplomacy in the Caribbean // Peoples Dispatch. – 2025. – October 10. – URL: <https://peoplesdispatch.org/2025/10/10/trump-chooses-war-over-diplomacy-in-the-caribbean/> (дата обращения: 08.03.2026).

15 Addressing Threats to the United States by the Government of Cuba // The White House. – 2026. – January 01. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/01/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-cuba/> (дата обращения: 02.03.2026).

16 Pfeiffer C. The Trump Administration Could Finally Roll Back China's Advances in Latin America // The Diplomat. – 2026. – February 6. – URL: <https://thediplomat.com/2026/01/the-trump-administration-could-finally-roll-back-chinas-advances-in-latin-america/> (дата обращения: 23.02.2026).

и пряника», наказывая одни страны и поощряя другие. В частности, по политическим мотивам, хозяин Белого дома ввел на часть импортируемых на американский рынок бразильских товаров 50%-ю пошлину, что стало одним из максимальных тарифов, примененных США.

Вместе с тем Д. Трамп активно поддержал своего регионального союзника, президента Аргентины Хавьера Милея. Накануне промежуточных выборов 26 октября 2025 г., которые, по всем прогнозам, сторонники Х. Милея могли проиграть, Белый дом одобрил валютный своп с Аргентиной в размере 20 млрд долл. и тем самым облегчил тяжелое финансовое положение этой южноамериканской страны. Проправительственные силы одержали electoralную победу, но характерно мнение аргентинского еженедельного журнала *Noticias*, который написал: «Трамп добился особого успеха, поскольку выиграл выборы в другой стране»¹⁷.

Попыткой сплотить своих латиноамериканских союзников под предлогом объединения усилий в борьбе с организованной преступностью явилась инициатива Белого дома по созданию Американской антикартельной коалиции (*Americas Counter Cartel Coalition*), или «Щита Америк» (*Shield of the Americas*). Для участия в учредительном саммите, прошедшем в гольф-клубе Д. Трампа во Флориде 7 марта 2026 г., были приглашены руководители 17 стран региона, из которых в совещании приняли участие наиболее идейно близкие американскому президенту лидеры 12 государств: Аргентины, Боливии, Гайаны, Гондураса, Доминиканской Республики, Коста-Рики, Панама,

Парагвая, Сальвадора, Тринидада и Тобаго, Чили и Эквадора¹⁸.

Анализируя заявление Д. Трампа в связи с проведением названного форума, нельзя не обратить внимание на содержащееся в нем требование к союзникам поддержать политику Соединённых Штатов по противодействию «вредоносному иностранному влиянию в Западном полушарии»¹⁹. Не требуется большого воображения, чтобы понять, «вредоносное влияние» какой страны имелось в виду в первую очередь.

Стремление Вашингтона «выдавить» Китай из Латинской Америки и нанести экономический ущерб Бразилии указывают на то, что в контексте проводимой США политики сдерживания Глобального Юга центральное место занимает курс на ослабление БРИКС – центра торгово-экономического и политико-дипломатического притяжения стран Мирового большинства. Д. Трамп неоднократно обвинял членов БРИКС в проведении «антиамериканской политики» и угрожал обложить дополнительными тарифами страны, которые являются партнерами объединения [Wulf, 2025]. Кроме того, стратегической задачей администрации Трампа 2.0 в международной сфере стало, без преувеличения, внесение разлада в ряды БРИКС. Примером может служить политика Белого дома в отношении Индии.

Сначала Д. Трамп ввел сверхвысокие пошлины на индийские товары, составившие в конце августа 2025 г. 50% (включая «карательный тариф» в размере 25% за импорт российской нефти), а в начале февраля 2026 г. объявил о достижении рамочной договоренности о временном соглашении о взаим-

17 Fantini C. El exito de Trump: ganar elecciones en otro país // Noticias. – 2015. – 2 de noviembre. – Исп. яз. – URL: <https://noticias.perfil.com/noticias/internacionales/el-exito-de-trump-ganar-elecciones-en-otro-pais.phtml> (дата обращения: 08.02.2026).

18 Correal A., McCreesh S. Trump Assembles a New Coalition to 'Eradicate' Cartels // The New York Times. – 2026. – March 7.

19 Commitment to Countering Cartel Criminal Activity. By the President of the United States of America. A Proclamation // The White House. – 2026. – March 7. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/03/commitment-to-countering-cartel-criminal-activity/> (дата обращения: 12.03.2026).

ной американо-индийской торговле. Одновременно Д. Трамп подписал исполнительный указ о снижении до 18% пошлин на индийские товары на том основании, что Нью-Дели взял на себя обязательство в течение 5 лет приобрести американских товаров на сумму 500 млрд долл. и прекратить закупки российской нефти²⁰.

Нельзя сбрасывать с внешнеполитических счетов и то обстоятельство, что Индия, наряду с Соединёнными Штатами, Австралией и Японией, с 2007 г. состоит членом Четырёхстороннего диалога по безопасности (QUAD – *Quad group of nations*). Секрет Полишинеля – деятельность QUAD имеет главной целью совместное «сдерживание коммунистического Китая» в Индо-Тихоокеанском регионе. Не случайно эту организацию иногда называют «Азиатским НАТО»²¹.

Безусловно, втягивание Индии в военно-политические антикитайские альянсы наряду с откровенным торговым шантажом Нью-Дели и стремлением Вашингтона помешать развитию взаимовыгодных российско-индийских деловых связей органично вписывается в курс администрации Трампа 2.0 на раскол БРИКС. Однако такая политика может вызвать ответную реакцию, углубить противоречия между Глобальным Югом и Глобальным Западом, в конечном счёте – оказать дестабилизирующее влияние на всю систему геоэкономических и геополитических отношений.

Ещё в большей степени разбалансировала международную обстановку на-

чатая 28 февраля 2026 г. крупномасштабная военная операция США и Израиля против Ирана, которую российское руководство охарактеризовало как «заранее спланированный и неспровоцированный акт вооружённой агрессии»²².

Помимо требующей «железных» доказательств опасной близости Тегерана к обладанию ядерным оружием и средствами его доставки, способными угрожать территории США, существуют по меньшей мере три реальных мотива, лежащих в основе действий американской администрации.

На один мотив указал лондонский еженедельник *The Economist*²³. По его мнению, таким способом Д. Трамп демонстрирует своим противникам во всём мире «сокрушительную природу американского могущества». Возможно, это так. Но нам представляется, что «за кадром» военной операции просматриваются ещё два важных для Трампа 2.0 фактора стратегического порядка: присоединение Тегерана к БРИКС в 2024 г. и огромные запасы нефти и природного газа в Иране, находящиеся вне контроля США. По сути, нанеся Ирану поражение и добившись смены власти в этой стране, Вашингтон рассчитывал ослабить БРИКС (а значит, и геополитические позиции Глобального Юга) и поставить под свое управление относящиеся к крупнейшим в мире месторождения углеводородов.

Упорное вооружённое сопротивление Ирана, включавшее чувствительные ракетно-дроновые удары по стратегическим объектам США и их союз-

20 Fact Sheet: The United States and India Announce Historic Trade Deal // The White House. – 2026. – February 9. – URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2026/02/fact-sheet-the-united-states-and-india-announce-historic-trade-deal/> (дата обращения: 12.03.2026).

21 What is the QUAD, and how did it come about? // The Guardian. – 2022. – May 24. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/24/what-is-the-quad-and-how-did-it-come-about> (дата обращения: 18.02.2026).

22 Заявление МИД России в связи с вооружённой агрессией США и Израиля против Ирана // МИД России. – 2026. – 28 февраля. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/official_statement/2083284/ (дата обращения: 07.03.2026).

23 Why Donald Trump gambled in Iran // The Economist. – 2026. – March 1. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2026/03/01/why-donald-trump-gambled-in-iran> (дата обращения: 07.03.2026).

ников в регионе, смешало геополитические карты Белого дома и заставило его искать выход из кризиса на путях переговоров. Немалую роль в этом сыграла необходимость вырваться из «Ормузского капкана» – перекрытия иранскими военными пролива, по которому до начала боевых действий осуществлялось порядка 30% глобальных морских перевозок нефти и 20% сжиженного природного газа²⁴.

Как отмечал колумнист *The New York Times* Брет Стефенс, иранское руководство осознало, что контроль над Ормузским проливом дает им в руки сильный козырь, который вновь может быть использован Тегераном в критической ситуации²⁵.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что действия администрации Трампа 2.0, враждебные странам БРИКС и шире – Глобального Юга, включают в себя обширный арсенал средств давления, приобретают целенаправленный и серийный характер, подрывают основы международного торгово-экономического взаимодействия, ставят человечество на грань мирового вооруженного столкновения. Вместе с тем, как показывает пример Ирана, страны Мирового большинства ощутило нарастили потенциал защиты национальных интересов и способны наносить Западу болезненные ответные удары.

Геоэкономика формирующегося миропорядка

Процесс складывания обновленной системы мирохозяйственных связей (нового геоэкономического порядка) прошел ряд этапов и развивается в нескольких измерениях, затрагивая все

основные компоненты международных торгово-экономических, инвестиционных и технологических отношений. Важными особенностями перехода к альтернативному геоэкономическому порядку стали фрагментация мировой системы, усиление военно-стратегической неопределенности и чрезвычайно высокая степень политизации глобальной бизнес-повестки [Спартак, 2022].

Наиболее чувствительным индикатором происходящих в мире перемен традиционно является трансграничная торговля, которая не только чутко реагирует на новые веяния в производственных отраслях экономики, но и в сильнейшей степени подвержена влиянию геополитических факторов [Helpman, 2011]. Многочисленные факты, в том числе последнего времени, показывают, как те или иные международные политические события, прежде всего вооруженные конфликты, воздействуют на спрос и предложение товаров и услуг, на интенсивность и направления торговых потоков, в конечном счете – на цену поставляемой продукции, в первую очередь энергетического сырья. Далеко не случайно в нынешней турбулентной геополитической обстановке в международном товарообмене всё чаще наблюдаются перебои в функционировании созданных западными корпорациями глобальных цепочек добавленной стоимости и утверждают такие торговые практики, как *friend-shoring* и *nearshoring* [Яковлев, 2023].

Именно стремление минимизировать геополитические риски побуждает многие страны Глобального Юга делать акцент на развитии внешнеторговых связей с дружественными (как минимум нейтральными) и соседними стра-

24 Narasimant A. The Strait of Hormuz: A Key Point for Global Energy and Security // Atlas Institute. – 2025. – April 7. – URL: <https://atlasinstitute.org/the-strait-of-hormuz-a-key-point-for-global-energy-and-security/> (дата обращения: 25.05.2026).

25 Stephens B. Deal or No Deal With Iran // The New York Times. – 2026. – May 26.

Таблица 8. Торговля стран Африки с партнерами Глобального Севера и Глобального Юга товарами, млрд долл.

Table 8. African trade with partners in the Global North and Global South goods, billions of dollars

Страны	2015 г.		2024 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Всего	416,9	534,7	646,7	732,0
В том числе страны Запада				
США	20,2	30,8	27,3	36,7
Германия	11,3	28,7	25,1	26,2
Нидерланды	19,4	11,5	23,9	10,3
Япония	8,3	13,2	7,2	11,2
4 страны Запада	59,2	84,2	83,5	84,4
Доля, %	14,2	15,7	12,9	11,5
В том числе страны БРИКС				
Китай	46,2	84,6	87,6	148,0
Индия	26,1	24,9	27,5	38,8
Бразилия	6,7	9,1	7,4	16,1
Россия	1,1	9,2	1,2	14,4
4 страны БРИКС	80,1	127,8	123,7	217,3
Доля, %	19,2	23,9	19,1	29,7

Источник: ITC. Trade Map. Bilateral trade between Africa and the United States of America. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvprn= (дата обращения: 08.03.2026).

нами, выстраивать собственные инфраструктурные узлы и логистические коридоры, в конечном счете создавать новые центры региональной и межрегиональной торгово-экономической гравитации. Прямым следствием этих трендов становится опережающая динамика роста товарооборота между самими развивающимися государствами.

Характерным примером может служить сравнение объемов внешнеторгового оборота стран Африканского континента с ведущими торговыми державами Запада и членами БРИКС (таблица 8).

Приведенные данные наглядно подтверждают тренд на приоритет-

ный рост торговли по линии Юг – Юг и относительное (а в ряде случаев и абсолютное) сокращение товарооборота стран Глобального Юга с государствами Глобального Севера.

Интенсификация торговых связей в рамках Мирового большинства – стратегический перелом в системе международных хозяйственных отношений, явление поистине исторического масштаба, свидетельствующее о том, что внутри Глобального Юга происходит формирование самостоятельных торгово-экономических пространств. Ключевую роль в этом процессе играют транспортные артерии, соединяющие различные районы развивающегося

мира, и новые логистические хабы. В их числе – инициатива «Один пояс – один путь» и торговые маршруты Китая через Центральную Азию, превращение Восточной Африки в логистический хаб для государств Индийского океана, налаживание контейнерных маршрутов между Латинской Америкой и Азией, планы по строительству железнодорожной магистрали, соединяющей атлантическое и тихоокеанское побережья Южной Америки, Северный морской путь, мегапроект международного мультимодального транспортного коридора «Север – Юг», пролегающего от Санкт-Петербурга до индийского порта Мумбаи²⁶.

Элементом нового геоэкономического миропорядка можно считать и растущее число соглашений о свободной торговле и экономическом сотрудничестве между развивающимися странами различных регионов и субрегионов Глобального Юга. Например, Китай имеет такого рода договоренности с Белоруссией, Грузией, Мавританией, Мальдивами, Никарагуа, Эквадором; Индия – с АСЕАН, Объединенными Арабскими Эмиратами, Маврикием и Таиландом; Аргентина и Бразилия – с Мексикой; Индонезия – с Пакистаном и Чили; Турция – с Боснией и Герцеговиной, Венесуэлой, Малайзией, Молдовой, Сербией и Черногорией; Вьетнам и Таиланд – с Чили и т.д.²⁷

Наращивание в значительной мере автономного внешнеторгового потенциала Глобального Юга обрело прочный фундамент не только в традиционных для развивающихся стран сырьевой, энергетической и продовольственной отраслях экономики, но и в динамично растущем индустриальном секторе.

Именно промышленная продукция, включая инновационную, стала сердцевиной экспорта не только Китая, но и длинного ряда азиатских и латиноамериканских государств. В результате за десятилетие (2015–2024) Индия нарастила экспорт фармацевтических товаров с 12,5 млрд до 23,3 млрд долл., Мексика увеличила вывоз промышленного оборудования с 58,9 млрд до 105,9 млрд долл., Вьетнам в 3 раза поднял планку экспорта электрических машин и электрооборудования (с 47,4 млрд до 143,3 млрд долл.), а небольшая центральноамериканская страна Коста-Рика в 4 раза (с 2,2 млрд до 8,8 млрд долл.) увеличила поставки за рубеж высокотехнологичного медицинского оборудования²⁸. И список такого рода примеров можно продолжить.

Производство и экспорт развивающимися государствами продукции высоких технологических переделов – фактор их активного участия в формировании нового геоэкономического порядка, поскольку именно обладание технологиями в конечном счете определяет место и степень влияния той или иной страны в современной системе мирохозяйственных связей. Прорывные решения в сфере искусственного интеллекта, телекоммуникаций, электроники и финансовых технологий (Китай, Индия), робототехники и IT-системах (Ближний Восток), возобновляемых источниках энергии (Бразилия) и других областях уже в среднесрочной перспективе способны сделать Глобальный Юг преобладающей торгово-экономической силой в мире.

В подтверждение данного тезиса отметим, что на принципиально новой

26 Международный транспортный коридор «Север – Юг» (справочная информация) // МИД России. – 2025. – 25 декабря. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2068639/ (дата обращения: 18.02.2026).

27 WTO. Regional Trade Agreements. Database // WTO. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicAllIRTAListAccession.aspx> (дата обращения: 13.03.2026).

28 ITC. Trade Map. Trade statistics for international development. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (дата обращения: 13.03.2026).

технологической основе, с широким использованием возможностей цифровизации и искусственного интеллекта происходит модернизация традиционных для экономик стран Мирового большинства энергосырьевой и сельскохозяйственной отраслей [The New Global..., 2026].

В частности, международные эксперты обращают внимание на исключительную роль государств Южной Америки в снабжении мировой экономики на современном этапе технологического перехода критически важными сырьевыми ресурсами, включая медь, литий, серебро, олово, никель, молибден, ниобий, редкоземельные металлы, железную руду и бокситы. При этом сырьевой потенциал этого района мира полностью еще не раскрыт. Например, одним из крупнейших геологических открытий последнего времени стало месторождение меди, золота и серебра *Vicuña* в Андах на границе Аргентины и Чили²⁹.

В решающую стадию переходит борьба развивающихся стран за лидирующие позиции на международных рынках продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Здесь феноменальный спурт продемонстрировали бразильские корпорации, в настоящее время поставляющие продовольствие более чем на 200 зарубежных рынков. В 2006–2025 гг. Бразилия нарастила стоимостной объем аграрного экспорта в 4,5 раза: с 37 млрд до 169 млрд долл. и конкурирует с Соединёнными Штатами за 1-е место в мире по этому показателю³⁰. Крупными поставщиками аграрной продукции являются

и другие государства Глобального Юга, включая Аргентину, Вьетнам, Индию, Индонезию, Китай, Колумбию, Малайзию, Мексику, Перу, Россию, Таиланд, Турцию, Чили, Эквадор, ЮАР. В результате впервые за многие десятилетия развивающиеся страны примеряют на себя роль гаранта мировой продовольственной безопасности, что также является одной из существенных геоэкономических характеристик формирующегося нового миропорядка.

Наконец, страны Глобального Юга инициативно включились в процесс реформирования мировой финансовой системы, в частности, сокращая взаимные расчеты в долларах США и всё чаще прибегая к платежам в национальных валютах. Наиболее крупные платежи такого рода осуществляются между Россией и Китаем (в юанях), Китаем и Бразилией (в юанях и реалах), Индией и Объединёнными Арабскими Эмиратами (в рупиях и дирхамах), Аргентиной и Китаем (в песо и юанях). По сути, такого рода финансовые транзакции (а их число будет неизбежно расти) фиксируют свершившийся геоэкономический факт: конец монопольного положения доллара США как единственной универсальной расчетной валюты.

Заключение

Восхождение государств Глобального Юга/Мирового большинства, ставшее объективной реальностью в последние десятилетия, стимулировалось, с одной стороны, эффектами неолиберальной глобализации, а с дру-

29 Critical raw materials in South America: A key resource for the global energy transition // Global Mining Review. – 2025. – November 11. – Critical raw materials in South America: A key resource for the global energy transition. 11.11.2025. – URL: <https://www.globalminingreview.com/mining/11112025/critical-raw-materials-in-south-america-a-key-resource-for-the-global-energy-transition/> (дата обращения: 12.03.2026).

30 Brazil's Agricultural Exports: A Pillar of Strength in a Shifting Economy // Oreate AI. – 2026. – February 19. – URL: <https://www.oreateai.com/blog/brazils-agricultural-exports-a-pillar-of-strength-in-a-shifting-economy/2ba364372ab76d284444d32aa4fc4b25> (дата обращения: 12.03.2026).

гой – движением в направлении создания нового миропорядка.

Используя торгово-экономические возможности, открытые глобализацией, десятки развивающихся стран перестроили и модернизировали национальные хозяйственные структуры и кардинально укрепили свою роль в системе геоэкономических связей. В обширные регионы Азии, Африки и Латинской Америки сместился не только мировой демографический вектор, но и основной потенциал международного экономического, прежде всего промышленного, роста. По широкому спектру торгово-экономических вопросов Глобальный Юг становится самостоятельным и во многом самодостаточным центром хозяйственного и технологического развития, способным конкурировать с традиционным мировым лидером – Глобальным Севером. Причем особая роль в этой новой расстановке сил отводится странам – членам БРИКС, стремящимся «сбалансировать влияние многосторонних институтов, в которых всё еще доминируют западные державы» [Sorin-George, 2024].

Проигрывая Глобальному Югу экономически, «коллективный Запад» во главе с Соединёнными Штатами намерен добиваться ослабления позиций Мирового большинства и восстановления своего международного господства военно-политическими, силовыми методами. Этот курс австралийский исследователь-марксист Бен Хильер называет «погоней американского империализма за новым веком Запада»³¹.

Наиболее отчетливо современный геостратегический радикализм демонстрирует администрация Трампа 2.0. В стремлении нейтрализовать негативные для себя эффекты меняющихся геоэкономических реалий Вашингтон комбинирует средства финансово-

экономического нажима с прямыми вооруженными акциями. Предельно наглядно это проявилось в районе Карибского бассейна, который является ключом к Латинской Америке. Добившись перелома ситуации на Карибах, Д. Трамп обрушил военную мощь США на Иран, придав экзистенциальный характер тлеющему ближневосточному конфликту. Показательно, что и в первом, и во втором случаях вооруженные акции тесно переплетались с торгово-экономическими вопросами и напрямую задели бизнес-интересы ряда ведущих стран Глобального Юга. В этом – геоэкономический стержень политики Трампа 2.0, использующего сложившиеся трансграничные торгово-экономические связи в качестве инструмента внешнеполитического давления.

События в Карибском бассейне и вокруг Ирана не могут внушить оптимизм в отношении того, что формирование нового, более справедливого и сбалансированного мирового порядка пройдет гладко, без международных катаклизмов и напряженной борьбы между ключевыми глобальными игроками. Более реалистичным представляется сценарий, в рамках которого процесс накопления геоэкономических и геополитических отношений нового качества будет сопровождаться кризисами разной интенсивности и займет относительно длительный период времени. По-видимому, развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки будет не просто закрепить достигнутые торгово-экономические и внешнеполитические успехи. И в этом – один из главных исторических вызовов государствам Мирового большинства.

Однако политические и экономиче-

31 Hillier B. US imperialism's quest for 'a new Western century' // Red Flag. – 2026. – February 28. – URL: <https://redflag.org.au/us-imperialisms-quest-for-a-new-western-century/> (дата обращения: 08.03.2026).

ские проблемы, возникающие (нередко «с подачи» Запада) в тех или иных странах и регионах Глобального Юга, включая членов БРИКС, не должны заслонять генеральной линии на подъем государств развивающегося мира, обусловленный целым комплексом весомых факторов национального и международного порядка. И даже отдельные неудачи и поражения на страновом уровне не отменяют генеральной линии на исторически обусловленное восхождение государств Мирового большинства.

Список литературы

Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 7. – С. 7–29. – DOI: 10.24412.2072-8042-2022-7-7-29.

Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 6–27. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1.

Яковлев П.П. Модели экономического роста стран Латинской Америки: региональные черты и национальные особенности // Латинская Америка. – 2025. – № 4. – С. 6–24. – DOI: 10.31857/S0044748X25040012.

Яковлев П.П. Модель “*nearshoring*” – концепция новой экономики Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2023. – Т. 67, № 2. – С. 93–103. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-93-103.

After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America / Ed. by J. Williamson, P.-P. Kuczynski. – Washington : Institute for International Economics, 2003. – 373 p.

Akyuz Y. The Financial Crisis and the

Global South: A Development Perspective. – London : Pluto Press, 2013. – 208 p.

Goldberg P., Reed T. Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? // NBER Working Papers. – 2023. – N 31115 (April). – 49 p. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w31115/w31115.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

Helpman E. Understanding Global Trade. – Cambridge : Harvard University Press, 2011. – 232 p.

Herr H. Crisis of globalization and imperialist structures // European Journal of Economics and Economic Policies. – 2025. – Vol. 22, N 2. – P. 223–238. – DOI: 10.4337/ejeep.2025.0150.

International Relations from the Global South. Worlds of Difference / Ed. by Tickner A., Smith K. – London : Routledge, 2020. – 368 pp.

New World Orderings: China and the Global South (Sinotheory) / Ed. by L. Rofel, C. Rojas. – Durham : Duke University Press, 2022. – 280 p.

Sorin-George T. The Making Of A New World Economic Order in the 21st Century // Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics. – 2024. – Vol. 5, October. – P. 193–199. – URL: <https://ideas.repec.org/a/cbu/jrnlec/y2024v5p193-199.html> (дата обращения: 04.03.2026).

The New Global Economic Order / Ed. by L. Yan Ing L., D. Rodrik. – London; New York : Routledge, 2026. – 192 p.

The Rise of the Global South. Philosophical, Geopolitical and Economic Trends of the 21st Century / Ed. by J. Dargin. – Singapore : World Scientific Publishing Co., 2013. – 417 p.

Wulf H. Trump's Tariff Offensive Against BRICS // Toda Peace Institute. – 2025. – July 26. – URL: <https://toda.org/global-outlook/2025/trumps-tariff-offensive-against-brics.html> (дата обращения: 18.02.2026).

Political Processes in the Changing World

The Rise of the Global South and the Geoeconomic Parameters of the New World Order

Petr P. YAKOVLEV

Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher, Center for Iberian Studies
Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
B. Ordynka Street, 21/16, Moscow, Russian Federation, 115035
E-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovlev P.P. (2026). The Rise of the Global South and the Geoeconomic Parameters of the New World Order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 6–28 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.01

Received: 15.03.2026.

Revised: 27.05.2026.

ABSTRACT. *The conceptual framework of this article is formed by a semantic transition from summarizing the results of neoliberal globalization to analyzing of the strategic directions of the formation of a new geoeconomic world order. The author emphasizes that a distinctive feature of contemporary political and scientific discourse is the increased attention to the role the countries of the Global South / World Majority play in the system of international economic relations. This focused interest in many of these nations is explained by a number of compelling reasons, including: a huge demographic dividend, colossal reserves of natural resources essential to the global economy, faster growth dynamics in industrial and agricultural production (compared to Western countries), a consistent increase in their share of international trade, and tangible successes in the use of advanced technologies. Due to these (and a number of other) existentially significant factors,*

the Global South is becoming a key actor shifting the existing balance of powers. However, this process is unfolding against a backdrop of geopolitical turbulence, ongoing international crises and armed conflicts, as well as persistent attempts by the Trump 2.0 administration (the so-called “Wrecking Ball Policy”) to weaken the positions of the Global South through various means, including military operations. Therefore, the author believes, the process of accumulating new geoeconomic and geopolitical relations will be accompanied by crises of varying intensity (including those fraught with global upheavals) and could extend over a relatively long historical period.

KEYWORDS: *Global South, crisis of neoliberal globalization, changing global balance of powers, emergence of a new world order, geopolitical instability, Trump’s 2.0 “Wrecking Ball Policy”, Caribbean Crisis Circle, The Hormuz Trap.*

References

After the Washington... (2003). Williamson J., Kuczynski P.-P. (eds.). (2003). *After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America*. Washington: Institute for International Economics, 373 pp.

Akyuz Y. (2013). *The Financial Crisis and the Global South: A Development Perspective*. London: Pluto Press, 208 pp.

Goldberg P., Reed T. (2023). Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? *NBER Working Papers*. No. 31115 (April), 49 pp. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w31115/w31115.pdf, accessed 02.03.2026.

Helpman E. (2011). *Understanding Global Trade*. Cambridge: Harvard University Press, 232 pp.

Herr H. (2025). Crisis of globalization and imperialist structures. *European Journal of Economics and Economic Policies*. Vol. 22, no. 2, pp. 223–238. DOI: 10.4337/ejeep.2025.0150.

International Relations... (2020). Tickner A., Smith K. (eds). *International Relations from the Global South. Worlds of Difference*. London: Routledge, 368 pp.

New World... (2022). Rofel L., Rojas C. (eds). *New World Orderings: China and the Global South (Sinotheory)*. Durham: Duke University Press, 280 pp.

Sorin-George T. (2024). The Making Of A New World Economic Order in the 21st Century. *Annals – Economy Series, Constantin Brancusi University, Faculty of Economics*. Vol. 5, October, pp. 193–199. Available at: <https://ideas.repec.org/a/cbu/>

<jrnlec/y2024v5p193-199.html>, accessed 04.03.2026.

Spartak A.N. (2022). Transition to a New World Economic Order: Stages, Key Features, Challenges, and Solutions for Russia. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 7, pp. 7–29 (in Russian). DOI: 10.24412.2072-8042-2022-7-7-29.

The New Global... (2026). Yan Ing L., Rodrik D. (eds). *The New Global Economic Order*. London and New York: Routledge, 192 pp.

The Rise... (2013). Dargin J. (ed). *The Rise of the Global South. Philosophical, Geopolitical and Economic Trends of the 21st Century*. Singapore: World Scientific Publishing Co., 417 pp.

Wulf H. (2025). *Trump's Tariff Offensive Against BRICS*. Toda Peace Institute. July 26. Available at: <https://toda.org/global-outlook/2025/trumps-tariff-offensive-against-brics.html>, accessed 18.02.2026.

Yakovlev P.P. (2021). Global South: Conceptual Approaches and Socioeconomic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 14, no. 2, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1.

Yakovlev P.P. (2023). The “nearshoring” model – the concept of the new economy of Latin America. *World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67, no. 2, pp. 93–103 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-93-103.

Yakovlev P.P. (2025). Models of economic growth in Latin American countries: regional features and national characteristics. *Latin America*. No. 4, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X25040012.

УДК 327

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.02

Контуры трансформации международных отношений: ограниченная моноцентричность или полицентричность?

Владимир Алексеевич АВАТКОВ

доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего
и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: avatkov.v@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Вячеслав Иванович АФАНАСЬЕВ

аспирант

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: afanasev.vi@bk.ru

ORCID: 0009-0008-0499-8169

ЦИТИРОВАНИЕ: Аватков В.А., Афанасьев В.И. Контуры трансформации
международных отношений: ограниченная моноцентричность
или полицентричность? // Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 29–42.
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.02

Статья поступила в редакцию 17.12.2025.

Исправленный текст представлен 16.03.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается новый взгляд на постбиполярный период в системе международных отношений. Предпринимается попытка осмыслить уникальность ситуации, возникшей после распада СССР в системе международных отношений, и определить, к чему же система более склонна: к «ограниченной моноцентричности» или полицентричности. В работе анализируется, каким образом устроена и что из себя представляет «ограни-

ченная моноцентричность» как новый вариант состояния системы международных отношений. Подробно рассматриваются три основных фактора, способных ограничить моноцентричность в современных международных отношениях, а также признаки, указывающие на наличие в международных отношениях доминирующей державы с наибольшим влиянием на мировые процессы. Однако современные экономические и политические тенденции

в постбиполярном периоде указывают на возможность формирования полицентричного мироустройства. В связи с этим особое внимание в статье уделяется анализу изменений экономического влияния в мире, причин роста конфликтности в международных отношениях и иных политических факторов, способствующих формированию полицентричной системы. По результатам комплексного анализа прослеживается переход от биполярного мироустройства к «ограниченной моноцентричности», которая на современном этапе находится в стадии трансформации к полицентричности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *полицентричность, моноцентричность, система международных отношений, постбиполярный период, трансформация, США, экономическая сфера, военная сфера.*

Система международных отношений не имеет статического состояния и находится в постоянном процессе трансформации. Определение вектора происходящей трансформации является одним из важнейших вопросов современных международных отношений. С момента распада СССР вектор трансформации системы международных отношений колеблется между ограниченной моноцентричностью и полицентричностью. Из-за отсутствия консенсуса в отношении направления движения системы международных отношений в постбиполярный период возникают различные теории: полицентричность; формирующаяся биполярность Китай/США; моноцентричность; биполярность «Запад»/«не-Запад»; бесполярность и т.д. Подобное разнообразие теорий является следствием особенности и неповторимости действующей системы международных отношений.

В российском политическом дискурсе преобладает представление, что система международных отношений находится в стадии трансформации к полицентричной модели. Данное представление рассматривается и иностранными исследователями, к примеру, китайский исследователь Чжэн Юй [Чжэн Юй, 2017, с. 163] и европейский исследователь А.Э. Вариско [Varisco, 2013, р. 3] акцентируют внимание на движении системы международных отношений к полицентричной модели. Однако между российскими и зарубежными взглядами есть принципиальная разница. Оба иностранных исследователя считают, что трансформация идет к полицентричной системе от моноцентрической системы, а российские исследователи часто считают, что трансформация происходит с момента распада Советского Союза, а период моноцентричности выделяется крайне кратковременным в начале 1990-х годов.

Разнообразие и разнонаправленность теорий подтверждают отсутствие четкого понимания вектора трансформации системы международных отношений в постбиполярный период. Можно констатировать, что полноценной моноцентричности или полицентричности не сформировано. На современном этапе мир находится в промежуточном состоянии между ограниченной моноцентричностью и полицентричностью.

Историческое обоснование системы международных отношений в постбиполярный период

В истории международных отношений известны четыре основные и общепризнанные системы международных отношений: Вестфальская система, Венская система, Версальско-Вашинг-

Таблица 1. Периодизация систем международных отношений

Table 1. Periodization of international relations systems

Наименование	Период существования системы	Длительность периода
Вестфальская система	1648–1814 гг.	166 лет
Венская система	1815–1918 гг.	103 года
Версальско-Вашингтонская система	1919–1944 гг.	25 лет
Ялтинско-Потсдамская система	1945–1991 гг.	46 лет
Беловежская система (постбиполярная система)	1992 г. – н.в.	34 года

Составлено авторами на основе данных Г.Н. Крайнова.

тонская система, Ялтинско-Потсдамская система. Профессор Г.Н. Крайнов [Крайнов, 2015, с. 47] в своей статье исследовал эволюцию систем международных отношений и предложил историческую периодизацию.

Системы международных отношений создавались и сменялись в результате крупных военных конфликтов, по итогам которых устанавливались новые правила взаимодействия акторов международных отношений и новый баланс сил. Данное утверждение справедливо для становления Вестфальской системы, возникшей по итогам Тридцатилетней войны, Венской системы, возникшей по итогам наполеоновских войн, Версальско-Вашингтонской системы, возникшей по итогам Первой мировой войны, Ялтинско-Потсдамской системы, возникшей по итогам Второй мировой войны. Однако данное утверждение несправедливо для постбиполярной системы, возникшей в 1991 г. после распада Советского Союза и ознаменовавшей окончание двуполярного мироустройства. Впервые в истории произошла смена системы без крупного военного конфликта.

С момента распада СССР прошло более 30 лет, что является полноценным сроком для существования системы международных отношений,

к примеру, Версальско-Вашингтонская система действовала 25 лет. В связи с этим требуется определение системы международных отношений в данный период истории.

В 1991 г. фактически из двух сверхдержав, США и СССР, остается только одна – США, что наталкивает на рубежных [Krauthammer, 1990, p. 24] и российских [Богданов, 2014, с. 8] исследователей на мысль о формировании моноцентрической системы в международных отношениях. Сочетание военной и экономической силы делает США единственной сверхдержавой современности. Вашингтон имеет ресурсы для отстаивания собственных интересов в любой точке мира. Т.А. Шаклеина отмечает, что «игнорировать сверхдержаву невозможно, участие ее необходимо, без нее не удастся обеспечить даже частичную фиксацию атрибутов порядка XXI в.» [Шаклеина, 2019, с. 46]. Профессор предполагает, что США и страны Запада строят собственную политику, исходя из восприятия мира в формате моноцентрической системы. При этом ряд крупных стран, таких как Россия, Китай, Индия, воспринимают мир в формате полицентричной системы [Шаклеина, 2015, с. 17]. Данное сосуществование двух систем предполагает взаимное недопо-

нимание внешней политики государств и рост конфликтогенности в международных отношениях. Таким образом, отчетливо проявляется непризнание гегемонии США ведущими державами мира.

Трактовать современные международные отношения в рамках однозначного однополярного мироустройства невозможно, но отрицать ключевое влияние США в мировой политике сложно, особенно в 1990-е годы. В дальнейшем происходит постепенное снижение влияния США в мировой политике, что позволяет говорить о движении к полицентричности, но не о смене системы международных отношений. А.Д. Богатуров предложил термин «плюралистическая однополярность» для описания состояния системы международных отношений в 1990-е годы [Богатуров, 1996, с. 33]. В рамках данной системы центральным полюсом выступает группа стран G7 с неофициальным лидером в лице Вашингтона. Данная идея демонстрирует возможность существования какой-то особенной моноцентричности в постбиполярном мироустройстве.

Ограниченная моноцентричность

Ограниченная моноцентричность – система международных отношений с единственной сверхдержавой, обладающей военным и экономическим превосходством в мире, но в силу ряда причин неспособной использовать в полной мере военную и экономическую силу в продвижении собственных интересов.

Постбиполярное мироустройство системы международных отношений возможно объяснить с помощью опре-

деления ограниченной моноцентричности. США действительно остались единственной сверхдержавой после распада СССР с военным, экономическим и технологическим доминированием в мире. При этом США не могут позволить себе проводить внешнеполитическую деятельность без учета ряда ограничивающих факторов.

Первый фактор – наличие ядерного оружия у России (5580 боеголовок), Китая (500 боеголовок), Франции (290 боеголовок), Великобритании (225 боеголовок), Индии (172 боеголовки), Пакистана (170 боеголовок), Израиля (90 боеголовок) и КНДР (50 боеголовок). В свою очередь, США обладают 5044 боеголовками¹. Исходя из этого следует, что значительными и близкими к паритету ядерными арсеналами обладают только США и Россия. Прямое военное столкновение между Россией и США приведет к гарантированному взаимному уничтожению. В связи с этим Вашингтон может оказывать давление на Москву экономическими мерами воздействия, поддержкой оппозиционных сил, разжиганием и снабжением оружием конфликтов по периметру России, но нанести прямой военный удар не представляется возможным, поскольку последует неминуемое возмездие с гарантированным уничтожением США.

Важно отметить, что факт наличия ядерного оружия не дает стране гарантий избежать военного конфликта с гегемоном. Франция, Великобритания, Индия, Пакистан, Израиль и КНДР не обладают достаточными арсеналами ядерного оружия для создания угрозы существования гегемона. Китай тоже не обладает сопоставимым с США арсеналом ядерных вооружений, но активно его наращивает и имеет все необходимые ресурсы

¹ Status of World Nuclear Forces // Federation of American Scientists. – 2025. – March 26. – URL: <https://fas.org/initiative/status-world-nuclear-forces/> (дата обращения: 21.10.2025).

для его расширения. Так, по состоянию на 2015 г. Китай обладал 250 ядерными боеголовками, к 2024 г. арсенал удвоился и составил 500 боеголовок. К 2030 г. прогнозируется рост китайского арсенала до 1000 боеголовок и к 2035 г. – до 1500 боеголовок [Chinese nuclear ... , 2025]. Столь значительное расширение объемов ядерного оружия Китая приведет к формированию новой угрозы для военного доминирования США².

Второй фактор – необходимость поддержания международного положительного образа США с целью избежания формирования коалиций против доминирования США. Положительный образ Вашингтон стремится формировать, позиционируя себя «маяком демократии» и «лидером свободного мира» [Айриян, 2022, с. 8]. Подобная самоидентификация подкрепляется глобальным военным присутствием, экономической мощью, доминированием доллара как мировой валюты и значительным влиянием Вашингтона в мировой политике. Сама идея, что США являются «маяком демократии», не является новой для пост-биполярного периода. По сути, данная самоидентификация является продолжением концепций, сформировавшихся в течение холодной войны, а распад СССР стал подтверждением для многих стран правильности именно демократического пути построения государства. На протяжении длительного периода времени США удавалось оставаться примером демократического и свободного государства для подражания. Об этом свидетельствуют результаты крупных международных социологических опросов.

Один из рассмотренных опросов проводился в 2024 г. с участием респондентов из 34 стран со всех континентов Земли на тему «Является ли американская демократия хорошим примером для подражания?». В среднем около 40% опрошенных ответили, что раньше демократия в США была примером для подражания, 21% опрошенных считают, что демократия в США и сейчас остается примером для подражания, а 22% опрошенных убеждены, что демократия в США никогда не являлась примером для подражания³. Исходя из этого следует, что лидерские позиции США в последние годы ухудшились из-за влияния масштабных мировых событий: пандемии COVID-19; военных операций США против Афганистана, Йемена, Ирака, Ливии и т.д.; начала специальной военной операции на Украине; санкций и финансовых ограничений против России, Белоруссии, Ирана, Китая и др.; тарифной политики США против большинства стран мира. Более того, политика США ведет к отдалению ближайших союзников и кризису трансатлантического сообщества. Первые признаки уже заметны и проявляются в виде наращивания Европой собственных вооруженных сил [Пархалина, 2024, с. 13].

Таким образом, за последние два десятилетия положительный образ США понес серьезные репутационные потери и для многих людей был развенчан. Важным заявлением стал комментарий Дональда Трампа «БРИКС – это, по сути, группа стран, которые настроены против США», из которого следует, что США рассматривают данную организацию как формирующуюся ан-

² Разумеется, следует учитывать приближенность оценок военного потенциала лишь по числу боеголовок – важны также средства их доставки и т.п.

³ Is U.S. democracy a good example to follow? // Pew Research Center. – 2024. – June 11. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2024/06/11/is-u-s-democracy-a-good-example-to-follow/> (дата обращения: 01.02.2025).

тиамериканскую коалицию⁴. При этом 10 лет назад профессор Г.А. Дробот отмечал, что существуют разные идеи и предположения о том, что деятельность БРИКС может принять антиамериканский характер и потенциально перерасти в антиамериканскую коалицию, но сам исследователь считал, что страны БРИКС еще долгое время не смогут предпринять решительных антиамериканских шагов [Дробот, 2015, с. 34]. Из этого выделяется явная взаимосвязь репутационных потерь международного положительного образа США и начала формирования антиамериканских тенденций в мире. Следуя данной логике, в ближайшем будущем США должны приложить значительные усилия по восстановлению положительного образа или готовиться к усилению конфронтации. Стоит отметить, что определенные шаги по восстановлению положительного образа осуществляются уже сегодня. Наиболее ярким проявлением является политика Вашингтона, направленная на позиционирование США в качестве глобального миротворца⁵.

Третий фактор – экономическая и транспортная глобализация мира. В экономической сфере глобализация привела к формированию взаимозависимости национальных экономик стран по всему миру [Ткаченко, 2021, с. 10]. Выделяется фрагментарность производства и формирование сложных цепочек поставок с участием десятков стран. Сформировались новые влиятельные акторы международных отношений: транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ). Важно отметить, что на долю США, Великобритании,

Японии, Германии и Франции еще недавно приходилось более 90% крупнейших ТНК и ТНБ [Поздняков, 2011, с. 27], теперь же снизилась до менее 2/3. За счет основной концентрации ТНК и ТНБ в США и проамериканских странах деятельность новых акторов международных отношений будет преимущественно прозападной и будет приносить дивиденды и выгоды странам базирования транснациональных корпораций и транснациональных банков.

Транспортная глобализация отражается в интернационализации транспортной инфраструктуры и в унификации международной транспортной документации. Возрастает мировая зависимость от стабильности на международных транспортных маршрутах. Исторически Суэцкий канал и Панамский канал являлись важнейшими водными артериями, но с конца XX в. количество ключевых водных участков для мировой торговли возросло. Примером является Малаккский пролив, объемы перевозок по которому в разы увеличились по сравнению с уровнем 1990-х годов [Лебедева, 2011, с. 34].

По мнению профессора И.И. Афанасьевой, «особенностью современного этапа развития глобальной экономики является то обстоятельство, что ни одно государство или страна мира не может существовать, развиваться и обеспечивать свое эффективное функционирование вне рамок последней ввиду колоссальной взаимной зависимости между абсолютно всеми субъектами мировой экономики» [Афанасьева, 2019, с. 34]. Экономическая и транспортная взаимозависимость государств друг от друга приводит

4 Трамп назвал БРИКС антиамериканской коалицией, действующей против доллара // Коммерсантъ. – 2025. – 30 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7925636?ysclid=mgw4nww4rp640705005> (дата обращения: 22.10.2025).

5 Трамп заявил, что завершил уже восьмую войну и спас миллионы жизней // Коммерсантъ. – 2025. – 13 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8118589?ysclid=mgw6he9n7e809697925> (дата обращения: 22.10.2025).

к взаимной необходимости в поддержании стабильности и предсказуемости внутренней и внешней политики. На современном этапе нестабильность в одной стране способна оказывать серьезное влияние на глобальную экономическую систему и провоцировать изменение цен на конечную продукцию, вызывать миграционные кризисы, порождать радикальные, экстремистские и террористические группы.

В совокупности приведенные факторы ограничивают возможности доминирующей страны во внешней политике и образуют «ограниченную моноцентричность». С целью обхода ограничений для оказания воздействия на национальные элиты и государства без прямого военного вмешательства в США были сформулированы новые концепции «мягкой силы» и «умной силы» [Леонова, 2019, с. 25]. Отмечается появление стратегии «непрямых войн», А.И. Поздняков характеризует их как «комплексное использование методов экономического и информационного воздействия на противника в сочетании с операциями спецслужб, военными угрозами и демонстрациями военной мощи» [Поздняков, 2011, с. 32].

Признаки доминирования США

Вопрос о том, что из себя представляет американское доминирование – лидерство или гегемонию, находится на повестке уже более 30 лет. Высказываются мнения, что США сформировали «гегемонистскую стабильность» [Богатуров, 2007, с. 115] или выступают глобальным лидером [Шаклеина, 2022, с. 8]. При этом рассуждения о ли-

дерстве или гегемонии основываются на серьезном доминировании США в ряде сфер.

Военное доминирование США в мире обеспечивается превосходством над другими державами в военной силе, однако в современном мире недостаточно обладать самой крупной по численности солдат или технике армией. Ключевой отличительной чертой американской военной политики стало создание и долгосрочное поддержание значительного количества военных баз за рубежом. Данная черта позволила США достичь глобального военного присутствия. Глобальное военное присутствие позволяет Вашингтону наглядно демонстрировать свою силу в любой точке света и оперативно реагировать на любые процессы в каждом регионе мира. По состоянию на 2022 г. американское глобальное военное присутствие основывается на более чем 750 военных базах в более чем 80 странах мира, при этом наибольшее количество баз приходится на Японию, Германию и Южную Корею – 120, 119 и 73 соответственно. Общий контингент США за рубежом насчитывает 171 736 действующих военнослужащих [Allen, Flynn, Martinez Machain, 2022, с. 361].

Второй отличительной чертой доминирования США в военной сфере является превосходство в спутниковой группировке вокруг Земли. Так, по состоянию на середину 2025 г., по данным Управления Организации Объединенных Наций по вопросам космического пространства, у США на орбите Земли находится 9582 спутника, у России 1480 спутников, а у Китая 1117 спутников⁶. Стоит отметить, что большая

6 Online Index of Objects Launched into Outer Space // United Nations Office for Outer Space Affairs. – URL: https://www.unoosa.org/oosa/osoindex/search-ng.jsp?if_id=#?c=%7B%22filters%22%3A%7B%22fieldName%22%3A%22object.status%22%3A%22value%22%3A%22in%20orbit%22%7D%7B%22fieldName%22%3A%22object.status.inOrbit%22%3A%22value%22%3A%22Yes%22%7D%7D%7B%22sortings%22%3A%7B%22fieldName%22%3A%22object.launch.dateOfLaunch%22%3A%22dir%22%3A%22desc%22%7D%7D%7D (дата обращения: 02.11.2025).

часть американских спутников коммерческая. Только у компании *Starlink* по состоянию на конец 2024 г. на орбите Земли находится более 7000 активных спутников⁷.

Готовность Вашингтона использовать военную силу для достижения глобального превосходства и борьбы с непокорными режимами была продемонстрирована неоднократно. Военная операция Организации Североатлантического договора во главе с США против Югославии стала яркой демонстрацией пренебрежения международными правилами, действовавшими в рамках Ялтинско-Потсдамской системы. Военная операция проводилась против суверенного государства без санкции ООН [Сквозников, 2019, с. 77]. Отсутствие возможности у мирового сообщества ограничить агрессивные действия США доказывает существование моноцентрической системы. Показательным событием является военная операция Израиля в Секторе Газа, которая демонстрирует, что, несмотря на стремление международного сообщества к мирному урегулированию, достаточно поддержки США для избежания любых серьезных последствий от нарушения прав человека, политических свобод и остальных либеральных ценностей. Это подтверждается голосованием 12 декабря 2023 г. на Чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН по принятию резолюции по гуманитарному перемирию в Газе, на котором из 186 стран проголосовали за принятие резолюции 153 страны, воздержались 23 страны, против – 10 стран, включая США и Израиль⁸.

В экономической сфере США сохраняют мировое лидерство, концентрируя в себе 26,2% мирового ВВП по итогам 2023 г. При этом Китай, занимающий 2-е место по ВВП, имеет долю, равную 16,8% мирового ВВП. Стоит отметить, что при учете общего ВВП стран – членов Европейского союза доля ЕС составит 17,2% мирового ВВП и вытеснит Китай на 3-е место⁹.

Важным экономическим преимуществом США является сохранение доминирования доллара в мировой торговле и валютно-финансовой системе, начавшееся с Бреттон-Вудской системы и продолжившееся в Ямайской валютной системе. Профессор Л.Г. Чувакина [Чувакина, 2025, с. 106] отмечает, что на современном этапе зависимость мировой финансовой системы от доллара остается крайне значительной. Более 64% мирового долга номинировано в долларах США, 59% мировых валютных резервов хранится в долларах США, 54% международных торговых платежей производится в долларах США. Данные показатели нагляднее всего демонстрируют устойчивость доллара и зависимость мировой валютно-финансовой системы от доллара США.

Проведя краткий анализ ключевых показателей США в экономической, военной и технологической сферах, можно сделать вывод, что США обладают внушительными ресурсами, которые позволяют Вашингтону пытаться сохранить ограниченную моноцентричность. Однако возможности и влияние США в мире значительно сократились из-за формирования новых центров

7 Starlink Progress Report 2024 // Starlink. – 2024. – URL: https://starlink.com/public-files/starlinkProgressReport_2024.pdf?srsltid=AfmBOoopYQp3-ABp_eo72F2nRh1v1FMfmXSKmTZ_kdpUwjwhrx1_gA1f (дата обращения: 02.11.2025).

8 На Чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН приняли резолюцию, требующую немедленно прекратить огонь в Газе и освободить заложников // Новости ООН Глобальный взгляд Человеческие судьбы. – 2023. – 12 декабря. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447727> (дата обращения: 16.11.2025).

9 National Accounts – Analysis of Main Aggregates // Department of Economic and Social Affairs United Nations. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/basic> (дата обращения: 03.11.2025).

силы в лице России, Китая и Индии, что позволяет говорить о движении мира к полицентричности. Ярким свидетельством происходящих перемен может служить недавнее высказывание вице-президента США Джей Ди Вэнса: «Эпоха бесспорного доминирования США на мировой арене ушла в прошлое»¹⁰.

Признаки трансформации системы международных отношений к полицентричности

Наиболее явными признаками трансформации системы международных отношений к полицентричности являются изменения экономического влияния в мире, рост конфликтогенности в международных отношениях, а также увеличение самостоятельности государств.

В экономической сфере с конца XX в. по 2023 г. прослеживается явная динамика сокращения в мировом ВВП доли стран ЕС и Японии. За практически 30 лет их доля в мировом ВВП

сократилась на 25,9 проц. пункта, что привело к увеличению доли в мировом ВВП развивающихся стран. Наиболее внушительных показателей достиг Китай, который увеличил свою долю более чем в 7 раз, а также Индия с ростом практически в 3 раза (таблица 2). Примечательно, что доля США в мировом ВВП за этот же период сохраняла стабильность и продемонстрировала рост на 1,8 проц. пункта. Российская экономика тоже смогла увеличить свою долю на 0,6 проц. пунктов. Таким образом, с экономической точки зрения наблюдается рокировка между Японией и Китаем, а также перераспределение практически половины доли ЕС между развивающимися странами.

Возрастающая конфликтогенность в международных отношениях проявляется в эскалации целого ряда региональных конфликтов и начале конфликта на Украине, крупнейшего в Европе со времен Второй мировой войны. Нарушение международного права, нарастающее противостояние великих держав, активное применение военного и экономического давления в международных

Таблица 2. Лидеры по доле в мировом ВВП в 1995 г. и 2023 г.
Table 2. Leaders in terms of global GDP share in 1995 and 2023

Страна	Доля в мировом ВВП в 1995 г., %	Доля в мировом ВВП в 2023 г., %
Страны ЕС (в актуальном составе)	29,4 (ЕС-15)	17,2 (ЕС-27)
США	24,4	26,2
Япония	17,7	4,0
Китай	2,3	16,8
Россия	1,3	1,9
Индия	1,2	3,4

Составлена авторами на основе *National Accounts – Analysis of Main Aggregates* // Department of Economic and Social Affairs United Nations. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/basic> (дата обращения: 03.11.2025).

10 Вэнс заявил о завершении эры «бесспорного доминирования» США в мире // РБК. – 2025. – 24 мая. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/05/2025/6830f18c9a794741055493d2?ysclid=mht3q52s5x630317842> (дата обращения: 16.11.2025).

отношениях в совокупности вынуждают государства увеличивать военные расходы и полагаться только на собственные силы¹¹. Отмечается, что во многих странах мира формируются настроения в пользу организации мира в полицентричном формате. Особенно это заметно на фоне развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона [Володин, 2025, с. 63].

Попытка Вашингтона сформировать новый мировой порядок в начале XXI в. провалилась и привела к дестабилизации системы международных отношений. На современном этапе наблюдается кризис «ограниченной моноцентричности», который стремится трансформировать систему международных отношений в полицентричную модель. Кризис системы проявляется в увеличении конфликтности, а также усиливающемся противостоянии великих держав. Профессор С.А. Караганов предлагает считать, что на современном этапе происходит «третья холодная война», в рамках которой ведется борьба Запада против остального мира за сохранение доминирующего положения [Караганов, 2021, с. 28]. Таким образом, кризис «ограниченной моноцентричности» находится в активной фазе, но очертания формирующейся полицентричной системы с каждым годом становятся всё отчетливее.

На основании проведенного анализа формирования и современного состояния системы международных отношений предлагается обозначить действующую систему международных отношений как «ограниченная моноцентричность», которая находится

на стадии трансформации в полицентричность.

Начиная с 2000-х годов отмечается постепенное снижение влияния США в мире за счет активного экономического развития стран Азии и Южной Америки. Данная тенденция ведет к возвращению мира в естественное состояние равновесия полицентричного мироустройства. Полицентричное мироустройство существовало во времена Вестфальской, Венской и Версальско-Вашингтонской систем международных отношений, то есть с 1648 по 1945 г. В данный период происходили значительные технологические изменения, сохранялась конкуренция между суверенными государствами и происходила борьба за сферы влияния. После Второй мировой войны возникает ядерное оружие, ставшее не просто новым эффективным инструментом войны, а угрозой существованию человечества. Впервые в истории военный конфликт стал недоступным методом изменения баланса сил в мире. Сформировалась более стабильная биполярная система международных отношений. После распада биполярности сформировалась «ограниченная моноцентричность».

На современном этапе явно проявляется трансформация системы международных отношений в сторону полицентричного мироустройства. Центрами полицентричной системы в современном мире могут стать только страны или интеграционные объединения стран, обладающие ядерным арсеналом. Россия, США, Китай, Индия и ЕС выделяются в экономических, технологических и военных сферах. Именно эти акторы имеют перспективы стать центрами полицентричной системы.

11 Эксперты SIPRI назвали страны – лидеры по военным расходам. Доля России в общемировых тратах на оборону составила 5,5% // РБК. – 2025. – 28 апреля. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/04/2025/680ac9169a794781be94b0d6?ysclid=mi1h4e3ct85244838> (дата обращения: 12.11.2025).

Список литературы

Айриян Р.С. Концепция продвижения демократии во внешней политике США: новый импульс в развитии идеи американской исключительности // Новое прошлое. – 2022. – № 3. – С. 8–22.

Афанасьева И.И. Глобализация и регионализация как факторы мирового развития // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 33(4). – С. 33–37.

Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 9. – С. 114–122.

Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. – 1996. – № 2. – С. 25–36.

Богданов А.Н. «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI века // Геополитический журнал. – 2014. – № 6. – С. 7–15.

Володин А.Г. Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 50–71. – DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04.

Дробот Г.А. БРИКС как международно-политическое пространство // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. – 2015. – № 3–4. – С. 33–47.

Караганов С.А. О третьей холодной войне // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, № 4(110). – С. 21–34. – DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34.

Крайнов Г.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2015. – № 1(42). – С. 47–54.

Лебедева Н.Б. Малаккский пролив – возможны ли пути к безопасности? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – № 16. – С. 33–64.

Леонова О.Г. Политика «умной силы» – продукт эволюции «мягкой силы» // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 5. – С. 25–31.

Пархалина Т.Г. Формирование нового мирового порядка. Роль объединенной Европы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2024. – № 75(91). – С. 4–13.

Поздняков А.И. Глобализация и ее влияние на международную безопасность и военную политику Российской Федерации // Пространство и Время. – 2011. – № 2(4). – С. 27–34.

Сквозников А.Н. Военная агрессия НАТО против Югославии в 1999 году // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2019. – Т. 1, № 3(3). – С. 76–82.

Ткаченко А.А. Глобализация: феномен, развитие и новая эпоха // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 10. – С. 7–21. – DOI: 10.24412.2072-8042-2021-10-7-21.

Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 4(59). – С. 36–48.

Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 4(43). – С. 6–19.

Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 4(71). – С. 6–22. – DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.2.

Чувахина Л.Г. Роль доллара как инструмента санкционной политики США // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 6(143). – С. 103–110. – DOI: 10.24158/pep.2025.6.14.

Allen M.A., Flynn M.E., Martinez Machain C. US global military deployments, 1950–2020 // *Conflict Management and Peace Science*. – 2022. – Vol. 39, N 3. – P. 351–370. – DOI: 10.1177/07388942211030885.

Chinese nuclear weapons / Kristensen H.M., Korda M., Johns E., Knight M. // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2025. – Vol. 80, N 1. – P. 49–72. – DOI: 10.1080/00963402.2023.2295206.

Krauthammer C. The unipolar moment // *Foreign Affairs*. – 1990. – Vol. 70, N 1. – P. 23–33.

Varisco A.E. Towards a multi-polar international system: Which prospects for global peace // *E-International*

Relations Students. – 2013. – Vol. 3. – P. 1–8.

Чжэн Юй. Усиление тенденции мировой многополярности и китайско-российских отношений = 郑羽. 世界多极化趋势的加强与中俄关系 // *Избранные научные статьи по важным теоретическим и практическим вопросам в международной сфере* (2016) / под ред. Цай Фана, Ма Юаня, Чжан Гочуня, и Ван Цзыхао = 载蔡昉, 马援, 张国春, 王子豪, 中国社会科学院学部工作局主编《国际领域重要理论与现实问题研究文选 2016》. – Пекин: Академическое издательство социальных наук = 社会科学文献出版社, 2017. – С. 161–171. – Кит. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.02

The Contours of International Relations in Transition: Constrained Monocentricity or Polycentricity?

Vladimir A. AVATKOV

Dr. Sc. (Politics), Head of Department, Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: avatkov.v@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Vyacheslav I. AFANASYEV

PhD Student

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: afanasev.vi@bk.ru

ORCID: 0009-0008-0499-8169

CITATION: Avatkov V.A., Afanasyev V.I. (2026). The Contours of International Relations in Transition: Constrained Monocentricity or Polycentricity? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 29–42 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2026.01.02

Received: 17.12.2025.

Revised: 16.03.2026.

ABSTRACT. *This article offers a new perspective on the post-bipolar period in international relations. It attempts to understand the unique nature of the international situation that emerged after the collapse of the USSR and determine whether the system is more prone to “limited monocentricity” or polycentricity. The paper analyzes the structure and nature of “limited monocentricity” as a new version of the international relations system. Three key factors capable of limiting monocentricity in contemporary international relations are examined in detail, as well as indicators of a dominant power in international relations with the greatest influence on global processes. However, current economic and political trends in the post-bipolar period point to the possibility of a polycentric world order. Therefore, the article devotes particular attention to analyzing changes in global economic influence, the causes of increasing conflict in international relations, and other political factors contributing to the formation of a polycentric system. The results of a comprehensive analysis reveal a transition from a bipolar world order to “limited monocentricity,” which is currently undergoing a transformation to polycentricity.*

KEYWORDS: *polycentricity, monocentricity, system of international relations, post-bipolar period, transformation, the United States, economic sphere, military sphere.*

References

- Afanasyeva I.I. (2019). “Globalization and Regionalization as Factors in World Development”. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. No. 33 (4), pp. 33–37 (in Russian).
- Allen M.A., Flynn M.E., Martinez Machain C. (2022). US global military deployments, 1950–2020. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 39, no. 3, pp. 351–370. DOI: 10.1177/07388942211030885.
- Ayriyan R.S. (2022). “The Concept of Promoting Democracy in US Foreign Policy: A New Impetus in the Development of the Idea of American Exceptionalism”. *New Past*. No. 3, pp. 8–22 (in Russian).
- Bogaturov A.D. (1996). “Pluralistic Unipolarity and Russia’s Interests”. *Free Thought*. No. 2, pp. 25–36 (in Russian).
- Bogaturov A.D. (2007). “Global Aspects of the “Civilizational” Influence of the United States in the 21st Century”. *World Economy and International Relations*. No. 9, pp. 114–122 (in Russian).
- Bogdanov A.N. (2014). “American Unipolarity” and the Systemic Balance of Power at the Beginning of the 21st Century. *Geopolitical Journal*. No. 6, pp. 7–15 (in Russian).
- Chinese nuclear... (2025). Kristen H.M. et al. *Chinese nuclear weapons*. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 80, no. 1, pp. 49–72. DOI: 10.1080/00963402.2023.2295206.
- Chuvakhina L.G. (2025). The Role of the Dollar as an Instrument of US Sanctions Policy. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 6 (143), pp. 103–110 (in Russian). DOI: 10.24158/pep.2025.6.14.
- Drobot G.A. (2015). BRICS as an International Political Space. *Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics*. No. 3–4, pp. 33–47 (in Russian).
- Karaganov S.A. (2021). On the Third Cold War. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19, No. 4 (110), pp. 21–34 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34.
- Krauthammer C. (1990). The unipolar moment. *Foreign Affairs*. Vol. 70, no. 1, pp. 23–33.

Kraynov G.N. (2015). The Evolution of the International Relations System and Its Peculiarities at the Current Stage. *Scientific Notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanitarian and Social Sciences*. 2015, No. 1 (42), pp. 47–54 (in Russian).

Lebedeva N.B. (2011). The Strait of Malacca: Are Paths to Security Possible? *Southeast Asia: Current Development Issues*. No. 16, pp. 33–64 (in Russian).

Leonova O.G. (2019). Smart Power Policy: A Product of the Evolution of Soft Power. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 5, pp. 25–31 (in Russian).

Parkhalina T.G. (2024). Formation of a New World Order. The Role of a United Europe. *European Security: Events, Assessments, Forecasts*. No. 75 (91), pp. 4–13 (in Russian).

Pozdnyakov A.I. (2011). Globalization and Its Impact on International Security and Military Policy of the Russian Federation. *Space and Time*. No. 2 (4), pp. 27–34 (in Russian).

Shakleina T.A. (2015). Leadership and the Modern World Order. *International Processes*. Vol. 13, no. 4 (43), pp. 6–19 (in Russian).

Shakleina T.A. (2019). “America’s dilemma” in the formation of the modern world order. *International Processes*. Vol. 17, no. 4 (59), pp. 36–48 (in Russian).

Shakleina T.A. (2022). A Turning Point in Global Development. Will the West Retain a Prevailing Influence on the Formation of the 21st Century World Order? *International Processes*. Vol. 20, no. 4 (71), pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.2.

Skvoznikov A.N. (2019). NATO’s military aggression against Yugoslavia in 1999. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences*. Vol. 1, No. 3 (3), pp. 76–82 (in Russian).

Tkachenko A.A. (2021). Globalization: Phenomenon, Development, and New Era. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 10, pp. 7–21 (in Russian). DOI: 10.24412.2072-8042-2021-10-7-21.

Varisco A.E. (2013). Towards a multi-polar international system: Which prospects for global peace. *E-International Relations Students*. T. 3, pp. 1–8.

Volodin A.G. (2025). South and South-east Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 18, no. 1, pp. 50–71 (in Russian). DOI: 10.31249/kgf/2025.01.04.

Zheng Yu. (2017). Strengthening the Trend of Global Multipolarity and Sino-Russian Relations. In: Cai Fang et al. (eds.). *Selected Research Papers on Important Theoretical and Practical Issues in the International Sphere* (2016). Beijing: Academic Press of Social Sciences, pp. 161–171 (in Chinese).

Цифровые трансформации

УДК 339(5)АСЕАН

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.03

Цифровая экосистема Экономического сообщества АСЕАН: итоги научно-технологического и инновационного сотрудничества

Евгений Александрович КАНАЕВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр
азиатско-тихоокеанских исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: kanaev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-7988-4210

ЦИТИРОВАНИЕ: Канаев Е.А. Цифровая экосистема Экономического сообщества АСЕАН: итоги научно-технологического и инновационного сотрудничества // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 43–59.
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.03

Статья поступила в редакцию 21.03.2026.
Исправленный текст представлен 31.05.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена степень влияния научно-технологического и инновационного сотрудничества между странами Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на развитие цифровых инструментов формирования ее основного интеграционного проекта в сфере экономики – Экономического сообщества (ЭС). Выявлены особенности цифровых инструментов формирования ЭС АСЕАН, раскрыты основные сложности на пути их применения и повышения эффективности. Проанализированы и обобщены наиболее важные глобальные тенденции научно-технологического и инноваци-

онного сотрудничества с точки зрения их влияния на реализацию перспективных планов АСЕАН. Прослежена эволюция и дана оценка результатам научно-технологического вектора политики Ассоциации как ответа на препятствия в выстраивании цифровой экосистемы ЭС АСЕАН в условиях неблагоприятных для Ассоциации тенденций глобального развития научно-технологической и инновационной сферы. Согласно позиции автора, сотрудничество государств АСЕАН в сфере науки, технологий и инноваций, несмотря на длительную историю и диверсифицированную институциональную базу,

не смогло оказать существенного влияния на выстраивание цифровой экосистемы ЭС АСЕАН в силу отсутствия у Ассоциации развитых нецифровых и цифровых активов. В исследовании использованы общенаучные, частно-научные и дисциплинарные методы, интегрированные в междисциплинарный подход. Научная новизна статьи обусловлена ее исследовательским ракурсом, поскольку до настоящего времени анализа научно-технологической и инновационной политики АСЕАН применительно к цифровому изменению ЭС АСЕАН не проводили ни российские, ни зарубежные ученые. Актуальность и практическая значимость подготовленного исследования связаны со своевременностью осмысления малоизученных аспектов политики АСЕАН после завершения формирования Ассоциацией Сообщества АСЕАН 2025 и начала создания Сообщества АСЕАН 2045.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Экономическое сообщество АСЕАН, цифровая трансформация, цифровые и нецифровые инструменты, научно-технологическое и инновационное сотрудничество, политизация, фрагментация, неравенство.

Экономическое сообщество АСЕАН – одна из составляющих Сообщества АСЕАН, формирование которого было и остается приоритетным направлением интеграционных усилий Ассоциации. В последнее время заметное место в эволюции ЭС АСЕАН занимает цифровая повестка сотрудничества. Ассоциация реализует масштабные экономические проекты и инициативы в цифровой сфере, а также обеспечивает свои нецифровые диалоговые форматы цифровыми инструментами. Поддерживающим направлением такой политики было и остается ведомое усилиями Ассоциации научно-техно-

логическое и инновационное сотрудничество. Проследить его эволюцию и дать оценку достигнутым к настоящему времени результатам в контексте формирования цифровой экосистемы ЭС АСЕАН является важной практической и актуальной научной задачей.

Исследовательский вопрос настоящей статьи – почему политика Ассоциации в сфере науки, технологий и инноваций, проводимая уже долгое время, не оказала существенного влияния на состояние цифровых инструментов формирования ЭС АСЕАН? Отвечая на него, автор предлагает гипотезу о том, что, хотя это направление сотрудничества функционирует с 1970-х годов, отсутствие у Ассоциации развитых нецифровых, а с углублением цифровой трансформации и цифровых активов не позволяет диалогу стран АСЕАН в сфере науки, технологий и инноваций в полной мере проявить свой потенциал применительно к созданию и повышению эффективности цифровых инструментов формирования Экономического сообщества АСЕАН.

Эволюция цифрового измерения Экономического сообщества АСЕАН

Началом реализации проекта «Сообщество АСЕАН» (Сообщество АСЕАН) можно считать 1997 г., когда был принят документ «Перспективы АСЕАН 2020». Впоследствии АСЕАН дополняла содержательную часть своего проекта и переносила целевые даты его завершения. Результатом стали Сообщество АСЕАН 2015 и Сообщество АСЕАН 2025, а впоследствии АСЕАН объявила о продлении проекта до 2045 г. Не вдаваясь в подробности эволюции Экономического сообщества как составляющей Сообщества АСЕАН на различных этапах

его формирования и отсылая читателя напрямую к наиболее содержательным из подготовленных работ [The ASEAN..., 2016; Where Next..., 2025; Канаев, 2025b], остановимся на его цифровом измерении.

Определяющей чертой последнего можно считать переход от достаточно узких, нишевых направлений сотрудничества (главным образом по линии ИКТ и электронной торговли) к всеобъемлющему и многовекторному характеру. Основные принятые Ассоциацией документы свидетельствуют о ее нацеленности на создание в ЮВА комплексной цифровой экосистемы, охватывающей все аспекты человеческой деятельности и постоянно повышающей эффективность своих инструментов. В программном документе «Перспективы Сообщества АСЕАН 2045: конкурентоспособная, инновационная и динамично развивающаяся АСЕАН, ориентированная на потребности человека» Ассоциация заявляет о намерении создать «передовое и взаимосвязанное цифровое и технологическое Сообщество» (*a leading and connected Digital and Technological Community*)¹. Одним из инструментов достижения этой цели выступает Стратегический план АСЕАН по наращиванию взаимосвязей (*ASEAN Connectivity Strategic Plan*), где акцент ставится на развитии сотрудничества по широкому спектру направлений – от строительства инфраструктуры до гармонизации подходов к регулированию и поощрения

контактов между людьми². В настоящее время Ассоциация работает над Рамочным соглашением по сотрудничеству в сфере цифровой экономики. Этот документ представляет собой «дорожную карту» комплексного развития цифровых инструментов АСЕАН и руководство по их адаптации к ее текущей политике и перспективным планам³. Согласование положений этого документа и его подписание запланированы на 2026 г.

Ассоциация и ее страны-участницы активно развивают цифровое сотрудничество. В первом случае уместно отметить множество проектов и инициатив собственно в цифровой сфере, а также усилия Ассоциации по оснащению своих работающих форматов цифровыми инструментами [Канаев, 2025a]. Во втором – усилия корпоративного сектора государств АСЕАН по реализации коммерческих проектов в сфере медицины, образования, финансов, сельского хозяйства, ряде других отраслей, при том что многие примеры такого взаимодействия носят трансграничный характер. В целом с 2016 по 2025 г. совокупная стоимость проданных товаров в онлайн-формате в странах ЮВА выросла в 7,4 раза, а выручка – в 11,2 раза⁴. Это свидетельствует о растущей привлекательности цифрового пространства Юго-Восточной Азии с точки зрения экономической и коммерческой отдачи.

Отдавая должное элементам визионерства в политике Ассоциации и ее

1 ASEAN Community Vision 2045. «Resilient, innovative, dynamic, and people-centered ASEAN». Adopted by the 46th ASEAN Summit // The ASEAN Secretariat. – 2025. – May 26. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

2 ASEAN Connectivity Strategic Plan. Adopted by the 46th ASEAN Summit // The ASEAN Secretariat. – 2025. – May 26. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/09-ASEAN-Connectivity-Strategic-Plan_adopted.pdf (дата обращения: 21.01.2026).

3 Framework for Negotiating ASEAN Digital Economy Framework Agreement // The ASEAN Secretariat. – 2023. – September 3. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/Framework-for-Negotiating-DEFA_ENDORSED_23rd-AECC-for-uploading.pdf (дата обращения: 21.01.2026).

4 Chadha S. ASEAN's \$ 300 Billion Digital Economy Enters the AI Reality // Google in Asia. – 2025. – November 11. – URL: <https://blog.google/company-news/inside-google/around-the-globe/google-asia/sea-economy-2025/> (дата обращения: 25.02.2026).

готовности подкрепить свое целеполагание практикой конкретных дел, отметим, что реализация таких планов сопряжена с рядом сложностей.

Во-первых, у АСЕАН и входящих в нее стран отсутствует необходимая основа для достижения поставленных целей. Согласно Генеральному плану АСЕАН по развитию цифрового сотрудничества до 2030 г. (*ASEAN Digital Masterplan 2030*), направления усилий Ассоциации должны варьироваться от формирования бесшовной и инклюзивной цифровой инфраструктуры на региональном пространстве до поощрения развития человеческого потенциала, в том числе освоения навыков будущего⁵. В реальности этому препятствуют как недостаточная развитость инструментов Ассоциации для поощрения трансграничных обменов в цифровой сфере, так и ограниченные возможности создать такие инструменты в обозримом будущем [Канаев, 2025b].

С этой точки зрения показательны разрывы между странами АСЕАН в возможностях осуществлять такое взаимодействие на практике. Примерами служат международные рейтинги и индексы. В частности, Рейтинг цифровой конкурентоспособности стран мира 2025, издаваемый Швейцарским институтом развития менеджмента, демонстрирует значительные разрывы между государствами АСЕАН с точки зрения как общего состояния цифровых инструментов, так и формирующих его субиндексов⁶. Отметим и Индекс

готовности правительств к использованию ИИ 2025, в котором Сингапур и Мьянма набрали 76,4 и 18,4 балла соответственно (из возможных 100 баллов)⁷. Ожидать, что ассоциированные государства смогут сформировать хотя бы частично унифицированную цифровую среду для трансграничных экономических и коммерческих обменов, оснований объективно немного.

Во-вторых, Ассоциация не планирует радикально пересматривать специфику своей модели сотрудничества, которая традиционно выстраивалась на основе негативной интеграции. Последняя представляет собой устранение барьеров на пути развития хозяйственных связей без создания эффективных наднациональных механизмов сотрудничества. Отсюда – стагнация межгосударственного взаимодействия, уместным примером чего является реализация трансграничных инфраструктурных проектов, прежде всего Единой энергосистемы АСЕАН. Оснащение последней цифровыми инструментами стало для Ассоциации велением времени, однако далеко не все ее страны-участницы могут внести сопоставимый вклад в общее дело. Причиной служит прежде всего разрыв в уровнях развития их цифровой инфраструктуры. По состоянию на 2024 г. в Индонезии и Лаосе доступ к Интернету имели лишь 72,8% и 63,6% граждан соответственно⁸. Применительно к строительству Единой энергосистемы АСЕАН оче-

5 ASEAN Digital Masterplan 2030 // The ASEAN Secretariat. – 2026. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2026/01/ASEAN-Digital-Master-Plan-2030-final-2026.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).

6 IMD World Digital Competitiveness Ranking 2025. – Lausanne: Institute for Management Development, 2025. – URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 12.02.2026).

7 Government AI Readiness Index 2025 // Oxford Insights. – 2025. – P. 35. – URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/government-ai-readiness-index-2025/> (дата обращения: 12.02.2026).

8 Connectivity, ASEAN Member States 2024 // ASEAN Statistical Highlights 2025. – Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2025 – P. 7. – URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/11/ASH2025v251112.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

видно, что такой разрыв не лучшим образом сказывается на коллективных усилиях ее стран-участниц по широкомасштабному внедрению ИИ-инструментов прогнозов объемов выработки и потребления электроэнергии, управлению рисками посредством прогноза износа оборудования, оснащению городского хозяйства ИИ-инструментами в масштабах ЮВА, равно как выравниванию межстрановых и внутристрановых дисбалансов на пространстве ЮВА. Стимулировать корпоративный сектор своих стран-участниц ускоренно развивать такие инструменты Ассоциация не может в силу невысокой эффективности ее наднациональных структур принятия и воплощения в практику коллективных решений. Соответственно, полноценная реализация подобных проектов и инициатив, а следовательно, превращение Юго-Восточной Азии в унифицированное пространство ведения экономической и коммерческой деятельности с их помощью, становится не более чем благим пожеланием.

Еще одно проявление изъяна этой интеграционной модели связано со спецификой использования ИИ-инструментов. Осознавая необходимость развивать ИИ-повестку сотрудничества и адаптировать ИИ-инструменты к своим многосторонним форматам, Ассоциация преследует масштабные цели. Основной из них было и остается создание в Юго-Восточной Азии привлекательных условий для ведения экономической деятельности и осуществления коммерческих обменов, что в современных условиях невозможно сделать без продвинутых и диверсифицированных цифровых инструментов. Большое значение придается созданию эффекта мультипликатора, при наличии которого успешное внедрение ИИ-инструмен-

тов на одних направлениях будет служить источником развития других (например, прорывные ИИ-решения в производстве полупроводников положительно скажутся на электронном приборостроении), тем самым формируя комплексную ИИ-экосистему в регионе. Вместе с тем уже упомянутый акцент на добровольности выполнения необходимых мероприятий препятствует выработке Ассоциацией единой политики по формированию унифицированной системы цифрового сотрудничества в Юго-Восточной Азии.

Сотрудничество с партнерами по диалогу является важной частью цифровой интеграционной повестки АСЕАН. Наиболее показательным примером является *ASEAN NEXT* – комплекс мероприятий, объединяющих Саммит АСЕАН – Соединённое Королевство по искусственному интеллекту, Конференцию АСЕАН – Китай по искусственному интеллекту и иные. Отметим и проводимую раз в три года Неделю науки, технологий и инноваций АСЕАН, в повестку которой инкорпорированы мероприятия Ассоциации совместно с внерегиональными партнерами и где демонстрируются последние достижения, в том числе в области ИИ.

Ассоциация опубликовала несколько документов, задающих параметры ее политики в отношении искусственного интеллекта. Ими стали Руководящие принципы АСЕАН по управлению и этике ИИ (2024), Руководящие принципы АСЕАН по управлению и этике ИИ, относящиеся к генеративному искусственному интеллекту (2025) и «Дорожная карта» АСЕАН по ответственному использованию ИИ на 2025–2030 гг. (2025). Внедрение в практику ИИ-инструментов и осуществление технологических трансферов предполагается на добровольной,

а не на обязательной основе⁹, что подрывает синхронизированные действия стран Ассоциации.

Отдельное направление, на котором АСЕАН сталкивается с ограничениями, связано с созданием эффективных механизмов цифрового регулирования деятельности трансграничных стартапов в Юго-Восточной Азии. Осознавая важность их развития, АСЕАН приняла множество документов, прямо и косвенно поддерживающих такие практики [Канаев, 2025a]. Вместе с тем полноценная трансграничная деятельность стартапов затруднена различными подходами государств Ассоциации к передаче данных. Индонезия и Вьетнам придерживаются консервативного подхода (хранение и обработка данных должны осуществляться в пределах их государственных границ, трансграничная передача данных возможна после получения специальных разрешений контролирующих органов), а позиция Сингапура гораздо более либеральна (трансграничная передача данных разрешена, если эта процедура не идет вразрез с сингапурским Законом о защите персональных данных). Это обстоятельство сковывает возможности корпоративного сектора государств Ассоциации, в том числе стартапов, расширять свою деятельность на другие страны.

Принятие в ряды АСЕАН Восточного Тимора с высокой долей вероятности негативно скажется на реализации ее многосторонних цифровых проектов и инициатив. Хотя обеспечить Восточный Тимор цифровой инфраструктурой, учитывая его небольшие размеры, Ассоциации не составит труда (сейчас

это делают ее внерегиональные партнеры), страна едва ли сможет стать полноценным участником сотрудничества АСЕАН в цифровой сфере. Причиной служат ключевые характеристики цифрового развития Восточного Тимора, а именно неразвитость инструментов цифрового сопровождения деятельности его государственных служб и корпоративного сектора, отсутствие устойчивых навыков трансграничного цифрового сотрудничества, недостаточные компетенции специалистов в области кибербезопасности. Особо отметим неготовность Восточного Тимора развивать инструменты искусственного интеллекта на уровне как целеполагания, так и использования в повседневной экономической и коммерческой практике.

Каждый из этих факторов в отдельности, не говоря об их совокупности, затрудняет полноценное подключение Демократической Республики Восточный Тимор к АСЕАН-центричным форматам цифрового сотрудничества. Однако едва ли стоит ожидать, что Ассоциация пойдет на изменение своих принципов применительно к Восточному Тимору, хотя бы в силу особенностей его возникновения и развития как независимого государства.

Такая ситуация тем более неблагоприятна для перспективных планов Ассоциации, что ей придется интегрировать Восточный Тимор в свои цифровые многосторонние форматы на фоне нерешенности схожих проблем в других ее странах-участниках. Как итог, АСЕАН будет вынуждена тянуть двойную нагрузку, поскольку стоящие перед ней вызовы в сфере цифро-

9 ASEAN Guide on AI Governance and Ethics. – Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2024. – P. 59. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 02.02.2026); Expanded ASEAN Guide on AI Governance and Ethics – Generative AI. – Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2025. – P. 39. – URL: <https://www.accenture.com/content/dam/accenture/final/accenture-com/document-3/> (дата обращения: 02.02.2026); ASEAN Responsible AI Roadmap 2025–2030. – Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2025. – P. 44. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2025/02/ASEAN-Responsible-AI-Roadmap-Final.docx.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).

вого сотрудничества с высокой долей вероятности будут накладываться друг на друга с негативным мультиплицирующим эффектом.

В целом формирование цифровой экосистемы Экономического сообщества АСЕАН идет непросто. Основная причина связана с традиционно гипертрофированным акцентом стран Ассоциации на защите своего суверенитета во всех его проявлениях, а также разрывами в уровнях развития цифровых инструментов входящих в нее стран. Дополнительным препятствием стало принятие Восточного Тимора в ряды Ассоциации, снизившее ее готовность развивать цифровые проекты и инициативы. Сохранение этой тенденции как минимум в краткосрочной перспективе будет усиливать неспособность АСЕАН эффективно формировать цифровые инструменты Экономического сообщества. Пытаясь купировать негативный сценарий, Ассоциация уделяет большое внимание развитию научно-технологического и инновационного сотрудничества, учитывая как глобальные тренды, так и собственные возможности.

Глобальные тенденции научно-технологического и инновационного сотрудничества сквозь призму интересов и политики АСЕАН

Предваряя рассмотрение глобальных процессов научно-технологического и инновационного сотрудничества и их влияние на Ассоциацию, отметим, что научно-технологическая и инновационная сферы при внешней схожести не идентичны друг другу. Если первая включает фундаментальные и при-

кладные исследования, а также экспериментальные разработки, проводимые преимущественно профильными институтами, то вторая представляет собой их воплощение в практику, в том числе посредством коммерциализации и улучшения производственных процессов, чем занимается в основном корпоративный сектор¹⁰. Хотя в настоящее время тематика науки, технологий и инноваций является мейнстримом дискуссий представителей научного сообщества и профессионалов-практиков, осветить все их направления едва ли возможно, учитывая скорость и масштабность этих процессов. Суммируя их содержание применительно к интересам и политике АСЕАН, выделим ряд моментов.

Во-первых, для Ассоциации большое значение имеет нарастающая политизированность сферы науки, технологий и инноваций и, как следствие, ее прогрессирующая фрагментация. Примеры включают активизацию сотрудничества внутри различных диалоговых форматов, рост трансграничных инвестиций в ИКТ-сектор во взаимодействии между дружественными (и, соответственно, их сокращение в диалоге между недружественными) странами, наращивание внутренних инвестиций государств, находящихся под международным давлением, в собственное технологическое развитие. Меняются модели международных технологических партнерств в сторону роста замкнутости и самообеспеченности диалоговых форматов («технологическая крепость»), избирательности («прагматичное партнерство») и диверсификации («альтернативные альянсы») сотрудничества. В целом просматривается тенденция к фрагментации

10 United Nations. Commission on Science and Technology for Development. – 2024. – April 15–19. – URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.16/2024/3> (дата обращения: 04.02.2026).

глобальной технологической архитектуры, отражением чего стало обособление инструментов создания высокотехнологичных продуктов и сокращение масштабов взаимодействия между центрами технологического притяжения. При этом значимость геополитических факторов формирования таких центров имеет тенденцию к усилению [Сизова, 2026]. Для АСЕАН это означает растущую необходимость повышения собственной цифровой конкурентоспособности. Речь идет не столько об отдельных решениях, сколько о создании и постоянном повышении эффективности комплексной региональной цифровой экосистемы, определять эволюцию которой в идеале должна Ассоциация.

В современных условиях на пути реализации такой задачи, и без того крайне непростой, возникают дополнительные сложности. Согласно данным Международного комитета по защите кабелей (*International Cable Protection Committee*), посредством последних осуществляется порядка 99% международного трафика данных [Koshino, 2024]. Это обстоятельство не остается без внимания глобальных игроков, в результате чего США и Китай стремятся повысить свое участие в прокладывании кабелей через воды Юго-Восточной Азии. Это ведет к конфликтам, примером чего служит проект *SeaMeWe-6* (система оптоволоконных кабелей для высокоскоростной связи). Первоначально его должна была развивать китайская компания *HMN Tech*, однако в конечном итоге право

на его реализацию перешло к американской компании *SubCom* в результате давления со стороны правительства США¹¹. Перед АСЕАН такая ситуация ставит принципиальный вопрос: будет ли роль Ассоциации и ее стран-участниц сведена лишь к предоставлению глобальным игрокам пространства для прокладки подводных кабелей через ЮВА или же асеановцы смогут конвертировать свое географическое преимущество в весомый политический актив? Ожидать последнего на данный момент нет веских оснований.

Во-вторых, глобальное сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций происходит в условиях цифрового неравенства. Показательным примером служит доступ к интернет-связи. По состоянию на октябрь 2025 г. Интернет был доступен лишь 73,2% населения планеты¹², а сети 5G – только 55%. При этом 84% граждан, имеющих доступ к связи 5-го поколения, проживают в странах с высоким уровнем дохода¹³. Для АСЕАН и входящих в нее стран это означает различную готовность внерегиональных партнеров к сотрудничеству в цифровой сфере. В частности, затруднены перспективы реализации совместных цифровых проектов и инициатив между АСЕАН и, к примеру, форматом «БРИКС плюс», поскольку в Эфиопии 79% (! – Е. К.) населения, согласно данным ЮНЕСКО, в мае 2025 г. не имели доступа к интернет-связи¹⁴.

В-третьих, меняется характер правового обеспечения инновационного

11 Clark R. US Hardball Drove Chinese Vendor from Huge Cable Project: Reports // Light Reading. – 2023. – March 27. – URL: <https://www.lightreading.com/cable-technology/us-hardball-drove-chinese-vendor-from-huge-cable-project-reports> (дата обращения: 04.02.2026).

12 Kumar N. 22 Internet Usage Statistics 2026 (Global Users) // Demandsage. – 2026. – January 14. – URL: <https://www.demandsage.com/internet-user-statistics/> (дата обращения: 05.02.2026).

13 Global Number of Internet Users Increases, but Disparities Deepen Key Digital Divides // ITU Press Release. – 2025. – November 17. – URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2025-11-17-Facts-and-Figures.aspx> (дата обращения: 05.02.2026).

14 Assessing Internet Development in Ethiopia // UNESCO Update. – 2025. – August 18. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/assessing-internet-development-ethiopia> (дата обращения: 05.02.2026).

сотрудничества (напомним, что инновации включают коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности). Одним из проявлений этого служит новый статус объектов авторских прав – их цифровая форма (без физических носителей) затрудняет правовое регулирование оборота произведений, представленных программным кодом. Причина – объекты авторских прав не могут бесспорно и однозначно квалифицироваться как товар, услуга или предоставление данных. При этом любой результат интеллектуальной деятельности увязывается с наличием доступа к нему цифровой инфраструктуры, и значимость последней имеет тенденцию к усилению [Новоселова, Полежаев, 2024]. Поскольку Юго-Восточная Азия находится между американской и китайской цифровыми экосистемами, будь то интернет-кабели или контент-платформы [Канаев, 2025b], это обстоятельство дает партнерам Ассоциации весомое преимущество в осуществлении коммерческой деятельности на региональном пространстве. При наличии технических возможностей ограничение доступа к объектам интеллектуальной собственности (предлог, как показывает практика, может быть любым) становится несложной технической задачей.

Наконец, в-четвертых, технологии обрели собственную акторность. Пытаясь осмыслить их влияние на международные процессы, исследователи ввели в научный оборот термин «актант», считая таковым неодушевленное лицо, способное влиять на события и процессы окружающего мира. Будучи «актантами», технологии расширяют ареал общественных беспорядков во время «цветных революций» (распространение вирусного контента), вносят изменения в характер военных действий (управление дронами), оказывают значительное, зачастую определяющее влияние на операции на глобальных финансовых

рынках (алгоритмические и высокочастотные транзакции). Обладая растущей акторностью, технологии не только повышают динамику международных процессов, но и в значительной степени определяют параметры их долгосрочной эволюции [Новые технологии..., 2024, с. 29–32]. Применительно к политике и перспективным планам АСЕАН это означает дополнительный рост неопределенности в силу влияния на них значительно большего, нежели раньше, количества разноплановых факторов. Прогнозировать появление и характер эволюции последних Ассоциация и входящие в нее страны не могут.

Фиксируя, что рассмотренные выше глобальные тенденции развития научно-технологического и инновационного сотрудничества являются источником обеспокоенности Ассоциации и входящих в нее стран, отметим, что АСЕАН не только осознает степень серьезности проблемы, но и предпринимает контрмеры для снижения ее остроты. К числу таких контрмер относятся усилия Ассоциации по развитию научно-технологического и инновационного вектора ее политики.

Научно-технологическое и инновационное сотрудничество АСЕАН: последствия для цифровой экосистемы Экономического сообщества

Научно-технологическое и инновационное сотрудничество государств АСЕАН началось в 1970-е годы. Его отправной точкой может служить проведение в режиме *ad hoc* первой встречи Комитета по науке и технологиям в апреле 1970 г., переименованного в следующем году в Постоянный комитет АСЕАН по сотрудничеству в области науки и технологий. Однако впоследствии Ассоциация сконцентри-

рвала внимание на иных приоритетах своей политики, ключевым из которых стало урегулирование камбоджийской проблемы (1979–1991). Как итог, научно-технологическое и инновационное сотрудничество было поставлено на паузу. Дополнительными причинами последней стали пробуксовки и попятные движения в реализации АСЕАН своих многосторонних экономических проектов и инициатив 1970–1980-х годов (формирование зоны преференциальной торговли и совместное строительство промышленных объектов), а также перенос внимания стран асеановской «первой пятерки» на сотрудничество в ведомой Японией «стае летящих гусей». Учитывая эти моменты, между созданием формата «Заседание министров АСЕАН по вопросам науки, технологий и инноваций и Комитета АСЕАН по вопросам науки, технологий и инноваций» (он был сформирован на базе Постоянного комитета АСЕАН по сотрудничеству в области науки и технологий) в 1978 г., с одной стороны, и подкомитетов, занимающихся проработкой технических аспектов сотрудничества (их формирование началось в 1989 г.), – с другой, прошло более 10 лет. Тогда же был принят План действий АСЕАН по развитию науки и технологий, систематически обновлявшийся в последующие годы, и учрежден Травовый фонд АСЕАН по развитию науки и технологий, несколько позже переименованный в Фонд АСЕАН по поддержке научных исследований.

На первый взгляд, урегулирование камбоджийской проблемы и нацеленность Ассоциации на расширение состава своих участников в 1990-е годы должны были придать импульс научно-технологическому и инновацион-

ному вектору ее политики. Тем более что АСЕАН приступила к реализации крупных экономических (Зона свободной торговли АСЕАН – АФТА) и политических (Региональный форум АСЕАН – АРФ) проектов и инициатив. Однако Ассоциация не смогла интегрировать в последние свою научно-технологическую и инновационную повестку, поскольку у нее не было собственных активов, которые стали бы объектами приложения такого сотрудничества. Хрестоматийный пример – реализация целей АФТА шла на основе поощрения трансграничных обменов в рамках не глобальных цепочек стоимости (ГЦС), созданных предприятиями стран АСЕАН, а инициативы «взаимодополнения брендов» (*Brand to Brand Complementation*), которую развивали японские автопроизводители для облегчения трансграничного перетока промежуточных товаров и услуг [Ishikawa, 2021; Канаев, 2025b]. Отмечая, что асеановцы были вынуждены полагаться на ресурсы внешних игроков, подчеркнем, что для чего-то большего у Ассоциации в то время не было ни сопоставимых активов, ни навыков их создания.

Тем не менее Ассоциация продолжала наращивать усилия по развитию своей научно-технологической и инновационной политики. Совершенствовалась ее институциональная база, шла реализация проектов и инициатив совместно с внерегиональными партнерами [Irawan, 2017]. В 2004 г. был создан Виртуальный институт АСЕАН по развитию науки и технологий, целью деятельности которого стало главным образом проведение образовательных мероприятий в странах Ассоциации с использованием ИКТ-инструментов¹⁵. В 2010 г. АСЕАН запустила так называе-

15 – Ministerial Declaration on the Establishment and Cooperation of the ASEAN Virtual Institute of Science and Technology (AVIST) // The ASEAN Secretariat. – 2004. – November 27. – URL: <https://asean.org/ministerial-declaration-on-the-establishment-and-operation-of-the-asean-virtual-institute-of-science-and-technology-avist/> (дата обращения: 07.02.2026).

мую Инициативу Краби (*Krabi Initiative*). Она нацелена на поощрение сотрудничества государств азиатского юго-востока по ряду направлений, одним из которых стало развитие цифровой экономики, новых медиа и социальных сетей¹⁶. Регулярно обновляются Планы действий по развитию этого направления сотрудничества. В последнем из них – Плане действий АСЕАН по развитию науки, технологий и инноваций на 2026–2035 гг. – представлены целеполагание Ассоциации с учетом меняющихся международных реалий и практические направления, меры и инструменты его воплощения в практику¹⁷.

Отдавая должное этим усилиям Ассоциации, приходится признать, что сколь-либо заметного прогресса на этом направлении ее политики достигнуто не было. Хотя в 2016–2023 гг. средний показатель вклада добавленной стоимости со стороны среднетехнологичных и высокотехнологичных производств в общую добавленную стоимость в странах АСЕАН возрос с 38 до 41,6%, сократились как средний показатель их расходов на НИОКР (правда, в пределах статистической погрешности) с 1,007 до 1,005% ВВП соответственно, так и количество исследователей (от общего количества занятых) на миллион жителей (с 1010

до 990 соответственно)¹⁸. Значительны разрывы между странами АСЕАН по такому критерию, как внутренние затраты на исследования и разработки (в процентах от ВВП)¹⁹. Это отражается на позициях ассоциированных государств в международных рейтингах и индексах. В частности, в Индексе глобальных инноваций 2025, выпускаемом Всемирной организацией интеллектуальной собственности (представлены все государства АСЕАН, за исключением Восточного Тимора), Сингапур и Мьянма заняли 5-е и 122-е места соответственно²⁰. Еще более показателен Глобальный индекс знаний 2025, издаваемый Программой развития ООН: Сингапур расположился на 2-й позиции, набрав 64,6 балла из 100, а Восточный Тимор – на 141-й с 21,1 балла соответственно²¹. Это определяет не только восприятие отдельных стран ЮВА крупными вне-региональными компаниями, но и степень привлекательности Юго-Восточной Азии как единого пространства ведения экономической и коммерческой деятельности.

Причины сложившейся ситуации носят комплексный характер, обусловленный спецификой интеграционной модели АСЕАН. Остановимся на наиболее важных моментах.

16 Krabi Initiative 2010: Science, Technology and Innovation (STI) for a Competitive, Sustainable and Inclusive ASEAN // The ASEAN Secretariat, [n.d.]. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/documents/Krabi-101217.pdf> (дата обращения: 07.02.2026).

17 ASEAN Plan of Action on Science, Technology and Innovation (APASTI) 2026–2035. – Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2025. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/07/ASEAN_APASTI_F06_PDF_Singles.pdf (дата обращения: 07.02.2026).

18 Goal 9. Industry, Innovation and Infrastructure // ASEAN SDG Indicators Progress Report 2025. – Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2025. – P. 70–71. – URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/10/ASEAN-SDG-Report-2025.v3.pdf> (дата обращения: 08.02.2026).

19 GERD as a Percentage of GDP // UNESCO, [n. d.]. – URL: https://databrowser.uis.unesco.org/view#indicatorPaths=UIS-SDG9Monitoring%3A0%3AEXPGRP.TOT&geoMode=countries&geoUnits=&browsePath=SCIENCE_TECHNOLOGY_INNOVATION%2FUIS-SDG-9Monitoring%2F9.5%2F9.5.1&timeMode=range&view=table&chartMode=multiple&tableIndicatorId=EXPGRP.TOT&chartIndicatorId=EXPGRP.TOT&chartHighlightSeries=&chartHighlightEnabled=true (дата обращения: 10.02.2026).

20 IMD World Digital Competitiveness Ranking 2025. – Lausanne: Institute for Management Development, 2025. – URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 10.02.2026).

21 Global Knowledge Index Report 2025 // UNPD and MBRF. – 2025. – P. 12–15. – URL: https://www.unpd.org/sites/g/files/zskgke326/files/2026-02/59082-gki2025_report_en_long-web_compressed_compressed-compressed_1.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

Основная причина кроется в уже упомянутом отсутствии у Ассоциации глобальных цепочек стоимости, выстраиваемых исключительно предприятиями ее стран-участниц. Поскольку наработки Ассоциации в области стимулирования трансграничного сотрудничества по линии науки, технологий и инноваций можно приложить к ресурсам преимущественно внешних игроков, а не к ее собственным, предприятия стран АСЕАН не могут создавать и трансформировать по своему усмотрению цифровые экосистемы производственно-технологических сетей, в которых они участвуют.

Это подтверждается характером патентной активности на пространстве ЮВА. Ассоциация приступила к развитию этого направления своей политики в 1995 г., когда ее страны-участницы подписали Рамочное соглашение АСЕАН о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности. За этим последовали попытки Ассоциации создать единую патентную систему и сформировать институты сотрудничества. Помимо разработки и регулярного обновления Планов действий в области прав интеллектуальной собственности были учреждены Академия АСЕАН по интеллектуальной собственности, Информационный портал АСЕАН по интеллектуальной собственности и другие структуры. Однако достигнутые результаты носят двойственный характер. На долю иностранных правообладателей приходится порядка 90% выданных патентов на изобретения в странах АСЕАН (хотя применительно к количеству выданных патентов на промышленные дизайны и полезные модели в странах АСЕАН ситуация иная) [Энтин, Вадов, 2025]. Заметен и внутриасиановский переко́с в патентной активности,

поскольку на совокупную долю Сингапура, Малайзии, Индонезии и Вьетнама приходится более 95% патентов, поданных от стран АСЕАН [Cameron, Bratanova, Pham, 2024, p. 12]. Но главное – Ассоциация не смогла создать собственную единую патентную систему в силу как различий в национальных патентных системах ее стран-участниц, так и уже упомянутого отсутствия инструментов стимулирования трансграничного промышленного сотрудничества. Это не лучшим образом сказывается на цифровых аспектах экономической интеграционной политики АСЕАН, поскольку патентная активность в возрастающей степени охватывает сферу ИКТ.

Во-вторых, рассмотренная ранее инфраструктурно-технологическая фрагментация цифрового пространства ЮВА играет негативную роль и здесь. Частным примером, иллюстрирующим общую картину, служат существенные разрывы в скорости передачи данных по интернет-связи для стационарного соединения в странах АСЕАН: в Сингапуре – 407,05 мегабит в секунду, в Мьянме – 28,47 мегабит в секунду²². Это обстоятельство серьезно осложняет субрегиональное трансграничное промышленное сотрудничество (в которое на постоянной основе должны внедряться эффективные цифровые инструменты), подрывая усилия Ассоциации развивать повестку научно-технологической и инновационной кооперации между своими участниками, поскольку узкая база для приложения таких усилий не способствует их успешности.

В-третьих, уже упомянутая негативная интеграция препятствует адаптации результатов научно-технологического и инновационного сотрудничества АСЕАН к ее политике в цифровой сфере. Поскольку отсут-

22 Internet Speeds by Country 2026 // World Population Review, [n. d.]. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/internet-speeds-by-country> (дата обращения: 21.02.2026).

ствует эффективный механизм финансирования научного сотрудничества, даже несмотря на деятельность Фонда АСЕАН по поддержке научных исследований, страны Ассоциации нацелены на интеграцию в проекты и инициативы внешних партнеров, прежде всего США с их глобальными цифровыми возможностями, а также с Китая в формате Цифрового шелкового пути. Такое, на первый взгляд, разумное, хеджирование рисков зачастую приводит к малоприятным последствиям для стран АСЕАН и Ассоциации как международного актора. Показательным примером служит Малайзия, объявившая, что в ее национальной ИИ-экосистеме задействованы элементы китайской большой языковой модели *DeepSeek*, и несколько позже подписавшая с США Соглашение о взаимной торговле. В последнем указано на недопустимость сотрудничества «со страной, ставящей под угрозу ключевые интересы США», нарушение чего сделает невозможным выполнение малайзийско-американских договоренностей по снижению тарифов [Fong, 2026]. Как такая амбивалентность отразится на дальнейшем сотрудничестве не только Малайзии, но и АСЕАН с США – вопрос открытый.

В целом применительно к формированию цифровой экосистемы Экономического сообщества АСЕАН сотрудничество ее стран-участниц в области науки, технологий и инноваций едва ли можно считать успешным. Безусловно, Ассоциация создала развитую инфраструктуру такого диалога, отладив работу его институциональных форматов и приняв множество документов с элементами преемственности по ряду направлений. Однако этот вектор сотрудничества 11 стран сталкивается с теми же проблемами, что и остальные направления политики АСЕАН, а именно отсутствием развитых и диверсифицированных нецифровых

и цифровых трансграничных обменов, наличие которых служило бы базой для внедрения в практику результатов мероприятий по линии науки, технологий и инноваций. С учетом растущей значимости цифровых инструментов как обязательного элемента любой формы трансграничного сотрудничества это обстоятельство снижает эффективность усилий Ассоциации по увязке ее научно-технологической политики с формированием цифровой экосистемы Экономического сообщества АСЕАН.

Выводы

Рассмотрение вклада научно-технологического и инновационного сотрудничества в формирование цифровой составляющей Экономического сообщества АСЕАН позволяет вынести ряд обобщающих оценок.

На примере влияния этого направления диалога между странами Ассоциации на развитие цифровых инструментов формирования Экономического сообщества АСЕАН просматривается истощенность потенциала интеграционной модели Ассоциации, основанной на ее принципах сотрудничества. Менять или хотя бы частично пересматривать последние Ассоциация не готова. Однако реалии глобальной цифровой трансформации с акцентом на важность скорости принятия коллективных решений и их оперативного внедрения в практику с высокой долей вероятности окончательно сделают такую модальность сотрудничества нерелевантной задачам, стоящим перед АСЕАН и ее странами-участницами.

Характер глобальных тенденций сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций свидетельствует, что серьезность проблем, с которыми Ассоциация сталкивается, будет нарастать. Хотя эти процессы развивают-

ся в не самом благоприятном для АСЕАН направлении, их контролировать и тем более целенаправленно формировать она не может даже на пространстве Юго-Восточной Азии. Собственный же опыт Ассоциации, с одной стороны, не отвечает существу задач, с которыми она сталкивается, а с другой – демонстрирует ограниченный потенциал к обновлению. Развивая диалог между своими странами-участницами и с внешними партнерами в сфере науки, технологий и инноваций, АСЕАН движется по пути активизации «вектора сверху» своей политики – подписания многочисленных меморандумов и деклараций, создания институтов сотрудничества и проведения различных официальных мероприятий. Это можно было бы приветствовать, если бы не слабость «вектора снизу», выраженная в неразвитости ГЦС и иных инструментов трансграничного сотрудничества, включая ее нормативную базу. Цифровая трансформация создает сильный эффект мультипликатора, усугубляя этот изъян асеановской интеграционной модели и обуславливая ее сползание к имитационному, а не нацеленному на достижение практических результатов характеру своей деятельности.

Таким образом, отсутствие в арсенале Ассоциации эффективных нецифровых и цифровых инструментов стимулирования трансграничных хозяйственных и коммерческих связей обусловило невысокую эффективность диалога между ее участниками в сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций применительно к формированию цифровой экосистемы Экономического сообщества АСЕАН. Сама по себе активизация научно-технологического и инновационного вектора политики Ассоциации, несмотря на его длительную историю и диверсифицированную институцио-

нальную базу, оказалась неспособна устранить отмеченные выше препятствия и придать развитию цифровых инструментов Экономического сообщества АСЕАН ощутимый импульс. Такой промежуточный результат подталкивает к сдержанным ожиданиям относительно эффективности этого направления политики Ассоциации как фактора эволюции цифрового измерения Экономического сообщества АСЕАН в обозримом будущем.

Список литературы

Канаев Е.А. Искусственный интеллект в деятельности вьетнамских стартапов как инструмент цифровой поддержки экономической интеграции АСЕАН // Вьетнамские исследования. – 2025а. – № 4. – С. 47–59. – DOI: 10.54631/VIS.2025.94-690533.

Канаев Е.А. Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025b. – Т. 18, № 1. – С. 18–34. – DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02.

Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Отношения доступа к объектам авторских прав, выраженных в цифровой среде // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9. – С. 98–106. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.098-106.

Новые технологии в мировой политике / под ред. М.М. Лебедевой, Е.С. Зиновьевой. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2025. – 259 с.

Сизова Д.А. Международное технологическое партнерство в условиях геополитической напряженности // Вопросы инновационной экономики. – 2026. – № 1. – С. 27–44. – DOI: 10.18334/vines.16.1.124799.

Энтин М.Л., Вадов А.А. Методы гибкой интеграции Ассоциации государств Юго-

Восточной Азии при формировании правового регулирования развития науки, технологий и инноваций // Московский журнал международного права. – 2025. – № 1. – С. 49–68. – DOI: 10.24833/0869-0049-2025-1-49-68.

Cameron A., Bratanova A., Pham T.H. Foresight for the ASEAN Plan of Action on Science, Technology and Innovation (APASTI) 2026–2035: Actions and Priorities. CSIPO, December 2024. – 72 p. – URL: https://astnet.asean.org/wp-content/uploads/2025/03/Foresight_ASEAN-APASTI_Final_2024.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

Fong K. What Is Shaping Artificial Intelligence (AI) Governance Policies in Southeast Asia? // ISEAS Perspective. – 2026. – N 13. – URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2025-13-what-is-shaping-artificial-intelligence-ai-governance-policies-in-southeast-asia-by-kristina-fong/> (дата обращения: 10.02.2026).

Irawan B. An Analysis of the ASEAN Cooperation in Science and Technology // CIBM ASEAN Research Institute. – 2017. – Vol. 1, paper 25. – P. 1–13. – URL: https://www.cariasean.org/AEC_

[Blueprint_2025_Analysis/AEC_Volume1_Paper25.pdf">Blueprint_2025_Analysis/AEC_Volume1_Paper25.pdf](#) (дата обращения: 07.02.2026).

Ishikawa K. The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration // Journal of Contemporary East Asian Studies. – 2021. – Vol. 10, N 1. – P. 24–41. – DOI: 10.1080/24761028.2021.1891702.

Koshino Y. The Changing Submarine Cables Landscape // European Union Institute for Security Studies. – 2024. – October 30. – URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/changing-submarine-cables-landscape#:~:text=The%20rapid%20development%20of%20digital,or%20at%20moments%20of%20crisis> (дата обращения: 04.02.2026).

The ASEAN Economic Community. A Conceptual Approach / Ed. by J. Pelkmans. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2016. – 231 p.

Where Next? Priorities for the ASEAN Economic Community Post-2025 / Ed. by A. Rillo, B. Shepherd. – [S. l.] : Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2025. – 494 p. – URL: <https://www.eria.org/uploads/Where-Next--AEC-Post-2025.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).

Digital Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.03

The Digital Ecosystem of the ASEAN Economic Community: Assessing the Outcomes of Science, Technology and Innovation Cooperation

Evgeny A. KANAEV

Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Center for Asia-Pacific Studies
Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS)
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: kanaev@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-7988-4210

CITATION: Kanaev E.A. (2026). The Digital Ecosystem of the ASEAN Economic Community: Assessing the Outcomes of Science, Technology and Innovation Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 43–59 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.03

Received: 21.03.2026.

Revised: 31.05.2026.

ABSTRACT. *The article analyzes the degree of influence exerted by cooperation led by the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the science, technology and innovation field on shaping the digital tools of establishing its main economic integration project, namely, the ASEAN Economic Community (AEC). Salient features of the AEC digital tools are revealed, obstacles to their usage and upgrade are scrutinized, major global trends in cooperation in the science, technology and innovation field from the perspective of their impact on ASEAN's prospective plans are explored and summarized. The evolution of ASEAN's policy in the science, technology and innovation field as its response to obstacles in creating the AEC digital ecosystem amidst the trends of global science, technology and innovation development that are unfavorable for the association is traced, and its*

main results are assessed. From the author's perspective, ASEAN-led cooperation in the science, technology and innovation field, despite its long history and diversified institutional foundation, has been unable to exert considerable influence upon creating the AEC digital ecosystem due to lack of advanced non-digital and digital tools at ASEAN's disposal. The research applies general, specialized, and disciplinary scientific methods integrated into an interdisciplinary approach. The academic novelty of the article is premised on its research focus, since so far neither Russian, nor foreign scholars have explored ASEAN's science, technology, and innovation policy from the perspective of the AEC digital dimension. The relevance and the practical significance of the paper stem from the urgency of conceptualizing under-researched aspects of ASEAN's policy after the association finalized the establish-

ment of the ASEAN Community 2025 and announced the ASEAN Community 2045.

KEYWORDS: *Southeast Asia, ASEAN, ASEAN Economic Community, fragmentation, digital transformation, digital and non-digital tools, science, technology and innovation cooperation, politicization, fragmentation, inequality.*

References

- Cameron A., Bratanova A., Pham T.H. (2024). *Foresight for the ASEAN Plan of Action on Science, Technology and Innovation (APASTI) 2026–2035: Actions and Priorities*. CSIPO, December. 72 pp. Available at: https://astnet.asean.org/wp-content/uploads/2025/03/Foresight_ASEAN-APASTI_Final_2024.pdf, accessed 10.02.2026.
- Entin M.L., Vadov A.A. (2025). Flexible Integration Methods of Association of Southeast Asian Nations in the Formation of Legal Framework on the Science, Technology and Innovation. *Moscow Journal of International Law*. No. 1, pp. 49–68 (in Russian). DOI: 10.24833/0869-0049-2025-1-49-68.
- Fong K. (2026). What Is Shaping Artificial Intelligence (AI) Governance Policies in Southeast Asia? *ISEAS Perspective*. No. 13. Available at: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2025-13-what-is-shaping-artificial-intelligence-ai-governance-policies-in-southeast-asia-by-kristina-fong/>, accessed 10.02.2026.
- Irawan B. (2017). An Analysis of the ASEAN Cooperation in Science and Technology. *CIBM ASEAN Research Institute*. Vol. 1, paper 25, pp. 1–13. Available at: https://www.cariasean.org/AEC_Blueprint_2025_Analysis/AEC_Volume1_Paper25.pdf, accessed 07.02.2026.
- Ischikawa K. (2021). The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration. *Journal of Contemporary East Asian Studies*. Vol. 10, no. 1, pp. 24–41. DOI: 10.1080/24761028.2021.1891702.
- Kanaev E.A. (2025a). Artificial Intelligence in the Activities of Vietnamese Startups as a Tool for Digital Support of the ASEAN-Led Economic Integration. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. Vol. 9, no. 4, pp. 47–59 (in Russian). DOI: 10.54631/VS.2025.94-690533.
- Kanaev E.A. (2025b). Artificial Intelligence and Emerging Vulnerabilities in the ASEAN Economic Community 2025. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 18, no. 1, pp. 18–34 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02.
- Koshino Y. (2024). The Changing Submarine Cables Landscape. *European Union Institute for Security Studies*. October 30. Available at: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/changing-submarine-cables-landscape#:~:text=The%20rapid%20development%20of%20digital,or%20at%20moments%20of%20crisis>, accessed 04.02.2026.
- Noviye tekhnologii... (2025). Lebedeva M.M., Zinov'eva E.S. (eds.). *New Technologies in World Politics*. Moscow: Izdatel'stvo "Aspect Press", 259 pp. (in Russian).
- Novoselova L.A., Polezhaev O.A. (2024). Access Relations to Copyright Objects Expressed in the Digital Environment. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no 9, pp. 98–106 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.098-106.
- Sizova D.A. (2026). International Technological Partnerships amid Geopolitical Tensions. *Russian Journal of Innovation Economics*. Vol. 16, no. 1, pp. 27–40 (in Russian). DOI: 10.18334/vinec.16.1.124799.
- The ASEAN... (2016). Pelkmans J. (ed.). *The ASEAN Economic Community. A Conceptual Approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 231 pp.
- Where Next... (2025). Rillo A., Shepherd B. (eds.). *Where Next? Priorities for the ASEAN Economic Community Post-2025*. S. I.: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 494 pp. Available at: <https://www.eria.org/uploads/Where-Next-AEC-Post-2025.pdf>, accessed 11.02.2026.

УДК 323+336.74:004.738.5(1*NG)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.04

Политический анализ внедрения цифровой валюты центрального банка в Нигерии

Павел Андреевич КОРОЛЕВ

кандидат политических наук, доцент кафедры истории государства и права

Тульский государственный университет

проспект Ленина, д. 92, г. Тула, Российская Федерация, 300012

E-mail: legatx@mail.ru

ORCID: 0009-0001-9878-4514

ЦИТИРОВАНИЕ: Королев П.А. Политический анализ внедрения цифровой валюты центрального банка в Нигерии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 60–72.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.04

Статья поступила в редакцию 12.03.2026.

Исправленный текст представлен 17.05.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка политического анализа внедрения цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ) в Нигерии. В имеющейся научной литературе акцент делается на финансово-экономических аспектах внедрения цифровой найры. Однако безуспешность данного проекта нигерийского руководства обусловлена рядом просчетов при принятии политического решения о его начале. Цель работы – проанализировать политические аспекты внедрения цифровой найры в Нигерии для разработки рекомендаций по оптимизации внедрения ЦВЦБ в национальной экономике. Научная новизна исследования состоит в новом взгляде на ЦВЦБ как на инструмент политического контроля, а не решения финансово-экономических проблем. Кроме того, на основе политического ана-

лиза нигерийского прецедента даются рекомендации по внедрению ЦВЦБ, актуальные для многих государств мира, находящихся на этапе разработки и тестирования собственных цифровых валют. Им еще только предстоит начать внедрение своих ЦВЦБ. Методология представленного исследования смешанная: собранная статистическая информация (Всемирный банк, Global Innovation Index и т.д.) подвергается качественному анализу на основе положений теорий денег Г.Ф. Кнаппа, реактивного психологического сопротивления Дж. Брема, когнитивного диссонанса Л. Фестингера, мобилизации ресурсов С. Тарроу и т.д. Затем формулируются выводы по нигерийскому прецеденту внедрения ЦВЦБ, а на их основе – рекомендации по внедрению цифровых валют центральных банков. Практическая

значимость исследования состоит в разработке рекомендаций государственным органам власти, которым предстоит внедрение ЦВЦБ: по оценке ресурсной базы проекта, по подготовке общества к инновациям, по выбору средств осуществления проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровая найра, Нигерия, государственный суверенитет, политический контроль, цифровые валюты центральных банков, ЦВЦБ, финансовый контроль, функционирование политической системы, денежная эмиссия.*

С 2010-х годов в мире ускоряется движение к новым форматам функционирования политических систем. В рамках данного движения разрабатываются и внедряются системы социального кредита, элементы базового безусловного дохода и цифровые валюты центральных банков. Иногда инновации оказываются в той или иной мере успешными, а иногда безуспешными, как это имело место в случае с внедрением цифровой найры в Нигерии в 2021 г.

Этот амбициозный проект позиционировался нигерийским руководством как финансово-экономический прорыв: первое африканское государство не просто внедряло собственную ЦВЦБ, но и провозгласило курс на полное замещение наличной формы денег безналичными деньгами [Горбачева, 2023, с. 43]. В случае успеха внедрения цифровой найры в самом населенном африканском государстве можно было бы утверждать о начале новой цифровой эпохи в государственной монетарной политике, однако реальность не оправдала ожиданий нигерийского руководства.

Цель работы – проанализировать политические аспекты внедрения ЦВЦБ в Нигерии для разработки реко-

мендаций по оптимизации внедрения цифровых валют центральных банков.

Методология представленного исследования смешанная: собранная статистическая информация (Всемирный банк, *Global Innovation Index* и т.д.) подвергается качественному анализу с привлечением положений ряда научных теорий и идей. Безуспешному внедрению цифровой найры предшествовала длительная девальвация, снизившая легитимность власти в Нигерии (теория денег Г.Ф. Кнаппа). Попытка нигерийских властей заставить граждан перейти на цифровую найру привела к политическим протестам (теория реактивного психологического сопротивления Дж. Брема). Низкий уровень грамотности населения Нигерии в том числе способствовал срыву внедрения цифровой найры (теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера). Внедрение цифровой валюты центрального банка должно быть обеспечено достаточным количеством ресурсов и государственным суверенитетом для исполнения политического решения, чего в случае с цифровой найрой не наблюдалось (теория мобилизации ресурсов С. Тарроу и идея неэквивалентного обмена К. Маркса). Целевые показатели внедрения цифровой найры оказались неадекватны реальности (теория политического реализма Г. Моргентау). Затем были сформулированы выводы по нигерийскому прецеденту внедрения ЦВЦБ, а на их основе – рекомендации по внедрению цифровых валют центральных банков: отказ от политического принуждения, обеспечение инфраструктурной, энергетической и технологической самодостаточности государства-эмитента, целенаправленное занижение целевых показателей, предварительная информационная кампания и обеспечение содействия со стороны банковского сектора.

Государственный проект внедрения цифровой найры: ожидания и результаты

Цифровая найра начала разрабатываться в Нигерии в 2017 г. Ее создание было поручено зарубежному разработчику *Bitt*. Основные задачи, которые ставились нигерийским правительством перед цифровой найрой, были следующие:

- «обеление» теневой экономики, в том числе вытеснение децентрализованных и неподконтрольных государству криптовалют с рынка трансграничных транзакций;

- обеспечение доступности финансовых услуг для широких масс населения¹.

В октябре 2021 г. в Нигерии была официально введена в обращение цифровая найра. За 2 года официального внедрения цифровой найры было создано около 13 млн электронных кошельков (при населении около 240 млн чел. речь идет о доле примерно в 5% пользователей), а объем транзакций достиг 22 млрд найр (48 млн долл.), при этом в обороте находилось менее 3,5 млрд найр (8 млн долл.)². 98,5% созданных кошельков оставались неактивными³, что говорит о реальном использовании нигерийцами лишь 130 тыс. кошельков. То есть реальный уровень внедрения цифровой найры спустя 2 года не превышал 0,5%.

Не помогли распространению цифровой найры разрешение ее использо-

вать без открытия банковского счета, осуществление социальных выплат с помощью цифровой найры и введение скидок в размере 5% для водителей и пассажиров мототакси. Нигерийцы не понимали разницы между цифровой найрой, которую продвигало правительство, и децентрализованными криптовалютами, с которыми правительство боролось с помощью запретов⁴. Не достигнув поставленных целей, политическое руководство Нигерии ужесточило режим выдачи наличных найр: в сутки на человека можно было снять сумму, не превышающую в эквиваленте 45 долл., а за неделю 225 долл. [Авдеев, 2023, с. 379], что привело к политическим протестам и беспорядкам в 2023 г.⁵, после чего проект по внедрению цифровой найры оказался фактически свернут.

Ситуация усугублялась низким уровнем доверия населения нигерийским властям, девальвирующим за 2015–2022 гг. найру в 6 раз, энергетическим кризисом, саботажем банковского сектора и высокой инфляцией⁶.

Представители политической и финансовой элиты Нигерии скептически оценили результаты внедрения цифровой найры. В 2024 г. центральный банк Нигерии признал, что цифровая найра не пользуется желаемым спросом у населения. Председатель венчурного фонда *Tekedia Capital* Н. Экекве считает, что цифровая найра не популярна у нигерийцев, так как не дает им реаль-

1 Salami I. eNaira: Nigeria's digital currency has had a slow start – what's holding it back // The Conversation. – 2023. – July 19. – URL: <https://theconversation.com/enaira-nigerias-digital-currency-has-had-a-slow-start-whats-holding-it-back-209470> (дата обращения: 09.03.2026).

2 Mshelia K. eNaira gets Boost by 4m Wallets – Emefiele // Central Bank of Nigeria Update. – 2023. – Vol. 5. № 3. – P. 9.

3 Ree J. Nigeria's eNaira, One Year After // International Monetary Fund. – 2023. – № 23/104. – P. 12.

4 Osae-Brown A., Fatunde M., Olurounbi R. Digital-Currency Plan Falters as Nigerians Defiant on Crypto // Bloomberg. – 2022. – October 25. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-25/shunned-digital-currency-looks-for-street-credibility-in-nigeria> (дата обращения: 09.03.2026).

5 Агапов В. Африканцы взбунтовались против цифровой валюты // Лента.ру. – 2023. – 7 марта. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/07/nigeriacoin/> (дата обращения: 09.03.2026).

6 Osae-Brown A., Fatunde M., Olurounbi R. Digital-Currency Plan Falters as Nigerians Defiant on Crypto // Bloomberg. – 2022. – October 25. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-25/shunned-digital-currency-looks-for-street-credibility-in-nigeria> (дата обращения: 09.03.2026).

ных преимуществ и не делает их богаче. Президент Ассоциации блокчейна Нигерии О. Ивуно отмечает, что Нигерия стала одним из пионеров внедрения ЦВЦБ, поэтому нигерийские власти столкнулись с уникальными трудностями, которые не знали, как решить⁷.

Несмотря на неудачу, нигерийское политическое руководство не отказалось от планов по дальнейшему внедрению ЦВЦБ и уверено в их успешном осуществлении. В 2025 г. глава Центрального банка Нигерии О. Кардосо объявил о перезагрузке проекта цифровой найры (*eNaira* 2.0): «...электронная найра (*eNaira*), наша цифровая валюта центрального банка, обладает значительным потенциалом роста»⁸. Власти Нигерии планируют провести всесторонний анализ функционирования цифровой найры с момента внедрения, чтобы определить и устранить причины ее неэффективности. По их мнению, улучшенная версия цифровой найры будет удобнее, безопаснее, автономнее, доступнее и выгоднее для всех участников финансового рынка, в том числе и за пределами Нигерии⁹.

Кризис политического доверия как фактор безуспешности внедрения ЦВЦБ в Нигерии

Политическое руководство Нигерии, внедряя цифровую найру, преследовало не только, а возможно, и не столько цель повышения доступности финансовых услуг для населения,

сколько стремилось усилить контроль за его финансовыми транзакциями. Нигерийская экономика долгое время пребывает в кризисном состоянии: финансовые учреждения в государстве слабо институционализированы, процветает коррупция и растет государственный долг [*Мадоджему*, 2015, р. 182]. В подобной ситуации государствам – экспортерам энергоресурсов, к числу которых относится Нигерия, выгодно девальвировать национальную валюту, чтобы проще рассчитываться по внутренним обязательствам. С 2015 по 2022 г. к моменту запуска ЦВЦБ обесценилась более чем вдвое по отношению к доллару США¹⁰. Население, в свою очередь, пытается сохранить накопления, выбирая более стабильные финансовые инструменты, такие как децентрализованные криптовалюты. К 2021 г. Нигерия занимала 6-е место в мире по объему транзакций с криптовалютами [*Шевченко, Поддубная*, 2023, с. 31]. В результате нигерийское политическое руководство столкнулось с еще большими проблемами в финансовой сфере: транзакции с криптовалютами сложнее отслеживать, а значит, с их помощью проще уходить от налогообложения и скрывать коррупционные и иные преступления [*Дудченко, Качур*, 2025, с. 73]. Из-за этого нигерийский государственный бюджет недополучал доходы и государственный долг рос еще сильнее, всё больше ограничивая экономический суверенитет государства и усиливая риски дефолта.

7 Кодолова В. Центробанк Нигерии: цифровая найра не пользуется спросом среди жителей страны // Bits.media. – 2024. – 30 июля. – URL: <https://bits.media/tsentrobank-nigerii-tsifrovaya-nayra-ne-polzuetsya-sprosom-sredi-zhiteley-strany/> (дата обращения: 09.03.2026).

8 How Nigerian Central Bank Seeks To Revive eNaira As Digital Currency Hits N18.32billion Transactions // dpi Africa. – 2025. – July 15. – URL: <https://dpi.africa/how-nigerian-central-bank-seeks-to-revive-enaira-as-digital-currency-hits-n18-32billion-transactions/> (дата обращения: 09.03.2026).

9 Experts Back CBN's Plan To Revive eNaira, Urge Better Implementation // Leadership News. – 2025. – URL: <https://leadership.ng/experts-back-cbns-plan-to-revive-enaira-urge-better-implementation/> (дата обращения: 09.03.2026).

10 Osaе-Brown A., Fatunde M., Olurounbi R. Digital-Currency Plan Falters as Nigerians Defiant on Crypto // Bloomberg. – 2022. – October 25. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-25/shunned-digital-currency-looks-for-street-credibility-in-nigeria> (дата обращения: 09.03.2026).

Внедрение цифровой найры должно было вывести население из «серой» зоны экономики в «белую», где конфиденциальность была бы потеряна, а государство могло бы отследить каждую транзакцию. Но реализовать эту государственную инициативу не позволил прежде всего кризис легитимности, обусловленный, в свою очередь, перманентным экономическим кризисом [Umaru, 2013, p. 246; *Ннаэмека, Онъине*, 2024, с. 57]. Теория экономического голосования утверждает, что регулярная девальвация может трактоваться населением как признак некомпетентности правительства и снижать уровень доверия к нему. Эта некомпетентность может восприниматься гражданами эготропно, то есть как причина снижения личного благосостояния, и социотропно, то есть как причина кризисного состояния всей национальной экономики [Холодильник *vs.* телевизор?..., 2017, с. 139–140]. Подтверждает данное предположение и государственная теория денег Г.Ф. Кнаппа. По мнению ученого, стоимость национальной валюты является индикатором авторитета государства на международной арене [Knaapp, 2023, с. 206–207]. Значит, население воспринимает девальвацию как падение авторитета государства.

Попытка нигерийского правительства ввести цифровую найру на фоне хронического экономического кризиса и кризиса легитимности государственной власти изначально была обречена на провал. Ситуация еще больше усугубилась, когда ожидаемые правительством результаты не были достигнуты в 2022 г. Тогда политическое руководство Нигерии решает подтолкнуть граждан к использованию ЦВЦБ, ограничив хождение наличной найры, чем провоцирует протестные выступления. Данный механизм достаточ-

но подробно описан в теории реактивного психологического сопротивления Дж. Брема. В соответствии с данной теорией у человека есть врожденное качество сопротивляться принуждению [Brehm, 1989, p. 72]: когда свобода индивида ограничивается внешним субъектом, у принуждаемого возникает негативное эмоциональное возбуждение (реактанс), толкающее его к восстановлению своей свободы. Реакция нигерийцев на ограничение их свободы наложила на их недоверие государственному руководству, что и вылилось в политический протест. В итоге проект внедрения цифровой найры был, по сути, свернут: распространенность среди населения ЦВЦБ Нигерии оказалась после 2023 г. на уровне 0,5%, а сама Нигерия в 2024 г. вышла на 2-е место в мире по распространенности децентрализованных криптовалют [Дудченко, Качур, 2025, с. 73].

Таким образом, кризис легитимности власти в Нигерии негативным образом сказался на процессе внедрения цифровой найры. Вместо предварительного повышения легитимности власти нигерийское правительство начало реализацию проекта в вакууме общественного доверия, усугубляя возникающие трудности запретами.

Дизайн политической кампании по внедрению цифровой найры: упущенные возможности

Политические амбиции нигерийского правительства существенно превышали не только его авторитет в обществе, но и реальную возможность быстрого внедрения цифровой найры в принципе. Озвученная цель – 100%-е вытеснение наличной найры¹¹ – оказалась не политической декларацией,

11 Osae-Brown A., Fatunde M., Olurounbi R. Op. cit.

а гарантией политического поражения правительства. Г. Моргенткау в работе «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» объясняет, почему неадекватно завышенные политические цели создают риски дискредитации власти в массовом сознании. Политика, как и общество в целом, живет по определенным законам. Попытка их нарушить гарантированно ведет к неудаче [Morgentau, 1961, р. 72]. Невозможно в обществе, где не только Интернет, но и электричество не всем доступно, отказаться полностью от наличной валюты, когда даже в наиболее развитых и компактных государствах мира она сохраняется.

Во-вторых, нигерийское руководство начало реализацию высокотехнологичного проекта по внедрению ЦВЦБ в обществе с низким уровнем финансовой грамотности. У 40 млн нигерийцев к 2021 г. и вовсе не было банковских счетов¹². Граждане не понимали разницы между децентрализованными криптовалютами, такими как биткоин, и централизованной ЦВЦБ Нигерии. Для них проводимая нигерийским правительством политика была противоречива: с одной стороны, банкам запрещалось вести операции с криптовалютами, с другой стороны, гражданам предлагали пользоваться цифровой найрой. С точки зрения теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера возникала ситуация логической несовместимости [Festinger, 1962, р. 28], которая разрешалась гражданами наиболее простым для них образом: либо игнорированием цифровой найры (гражданин оставался пользователем уже проверенной криптовалюты), либо формальным открытием счета ЦВЦБ, которым изначально не планировали пользоваться (гражданин формально

выполнял требование руководства, чтобы избежать негативных санкций).

В-третьих, нигерийское политическое руководство не добилося поддержки со стороны банковского сектора, чья позиция в деле распространения ЦВЦБ особенно важна. Коммерческие банки не были заинтересованы в распространении цифровой найры, так как она ограничивала их возможности в проведении банковских операций¹³. Если государство заинтересовано во внедрении своей ЦВЦБ, то ему полезно в качестве союзников привлечь к этому процессу коммерческие банки. Для этого следовало бы создать выгоды для коммерческих банков от реализации данного проекта: инфраструктурные, технологические, финансовые и т. д.

Резюмируя, отметим, что политическое руководство Нигерии приступило к внедрению цифровой найры не подготовившись, без союзников в финансовом секторе и не создав ситуации заведомого успеха.

Инфраструктурные барьеры на пути внедрения цифровой найры: последствия игнорирования при принятии политических решений

Хотя теоретически возможны офлайн-платежи с привлечением ЦВЦБ [Базалей, Еременко, 2024, с. 3], однако вообще обойтись без электричества при ее использовании нельзя: необходимо питать серверы центрального банка, аккумуляторы платежных терминалов и т. д. Политическое руководство Нигерии продемонстрировало необоснованный технооптимизм, декларируя полный отказ от наличных денег на фоне отставания по производству электроэнергии на душу населения

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

и доступа к электроэнергии (172-е место из 190 в рейтинге Всемирного банка в 2018 г.) [Заноскина, 2018, с. 58]. Иными словами, на момент принятия политического решения о внедрении ЦВЦБ правительство Нигерии не обеспечило элементарную доступность электричества для бизнеса и населения. С точки зрения теории мобилизации ресурсов С. Тарроу для обеспечения успешности социальных изменений необходимо обеспечить достаточность в том числе материальных ресурсов [Tarrow, 2011, р. 16], чего не было сделано нигерийским правительством. В результате желаемых им изменений достигнуто не было.

Даже если бы удалось внедрить цифровую найру преимущественно на базе офлайн-платежей, что технологически значительно сложнее, чем в случае с онлайн-платежами, то не ясно, на какой технологической и инфраструктурной базе это стало бы возможным: в 2018 г. Нигерия занимала 114-е место из 128 по уровню инновационного развития по рейтингу *Global Innovation Index*) [Заноскина, 2018, с. 58]. Неудивительно, что для разработки и внедрения собственной ЦВЦБ Нигерией был привлечен иностранный подрядчик¹⁴. Еще К. Маркс отмечал неэквивалентность обмена между высокоразвитыми и слаборазвитыми экономиками: «Более богатая страна эксплуатирует более бедную даже тогда, когда последняя выгадывает от обмена» [Маркс, 1964, с. 104–105]. В данном случае можно наблюдать теорию зависимости в действии: Нигерия, внедряя цифровую найру, призванную обеспечить национальный финансовый суверенитет государства-эмитента [Талдыкин, 2022, с. 116], всё равно остается зависимой

от зарубежного разработчика кода и инфраструктуры.

С другой стороны, использование децентрализованных криптовалют сталкивается с теми же проблемами, поэтому указанные инфраструктурные барьеры в полной мере препятствуют лишь отказу от наличной найры и свидетельствуют о цифровом разрыве: население мегаполисов (Абуджа, Лагос) чаще пользуется криптовалютами и реже сталкивается с отключением электричества, чем жители отдаленных районов страны [Приходько, Шеров-Игнатъев, 2024, с. 22–23].

Таким образом, технооптимизм нигерийского политического руководства накануне внедрения цифровой найры не был обоснован: технологическая и энергетическая инфраструктура для внедрения собственной ЦВЦБ в государстве отсутствовала, национальный финансовый суверенитет Нигерии сталкивался с рисками разработки программного обеспечения для цифровой найры подрядчиком-нерезидентом.

Выводы

Проект внедрения цифровой найры представлял собой, скорее, не способ решения множества финансово-экономических проблем Нигерии, а попытку правительства усилить политический контроль над финансовой жизнью граждан. ЦВЦБ может помочь в решении, например, проблем инфляции и стимулирования спроса, но лишь когда уже распространена в национальной экономике, а не на этапе внедрения: распространить ЦВЦБ в достаточном масштабе не получилось пока ни у одного государства. При этом рядом авторов цифровая найра называется

14 Salami I. eNaira: Nigeria's digital currency has had a slow start – what's holding it back // The Conversation. – 2023. – July. – URL: <https://theconversation.com/enaira-nigerias-digital-currency-has-had-a-slow-start-whats-holding-it-back-209470> (дата обращения: 09.03.2026).

активно используемой [Цифровые валюты ..., 2025, с. 250]. Сложно назвать активным использованием 0,5%-е распространение ЦВЦБ в нигерийской экономике. Такой результат стал закономерным, учитывая ошибки, допущенные нигерийским политическим руководством при принятии решения о внедрении собственной ЦВЦБ.

Во-первых, следует признать, что внедрение ЦВЦБ – это не инструмент решения финансовых проблем государства, а способ усиления его политического контроля над населением. Поэтому внедрять ЦВЦБ при наличии в экономике нерешенных хронических проблем малоэффективно: в лучшем случае государство столкнется с саботажем, а в худшем – с ростом «теневой экономики» или даже политическим протестом. Возможно повышение вероятности успешности внедрения ЦВЦБ совместно с другими новыми технологиями усиления политического контроля (система социального кредита, базовый безусловный доход) [Королев, 2024, с. 212–213], но на практике ни одно государство в мире это пока не осуществило и говорить о гарантированном успехе этого сценария еще сложно.

Во-вторых, ЦВЦБ не следует внедрять принудительно и тем более при низком уровне легитимности власти. В каждом конкретном случае дефицит легитимности власти уникален и бороться с ним нужно с помощью адаптированного комплекса решений: через борьбу с коррупцией, через развитие социальной политики, через демократизацию политической системы и т.п. Универсальные рекомендации здесь вряд ли возможны. Но точно можно утверждать, что принудительно навязывать ЦВЦБ не стоит, так как высока вероятность, что сработают механизмы реактивного психологического сопротивления в обществе. Если государство хочет внедрить собственную

цифровую валюту, то должно давать выбор гражданам: например, социальные выплаты начисляются ЦВЦБ, но без ограничений цифровые деньги обмениваются на безналичную или наличную форму. Общество постепенно будет привыкать, и ЦВЦБ будет постепенно распространяться, а резкого отторжения в социуме вплоть до политических протестов при этом не возникнет. Граждане будут знать, что они свободно могут поступить со своими деньгами так, как хотят, не опасаясь санкций со стороны государства.

В-третьих, при внедрении ЦВЦБ государству лучше занижить ожидаемые целевые показатели ее распространения, чем завысить. Недостижение целевых показателей будет свидетельствовать о некомпетентности государства и снижать уровень общественного доверия к нему. Фальсификация статистики остро ощущается обществом и ведет к тем же результатам, поэтому ее также лучше избегать. Превышение целевых показателей станет информационным поводом для указания на эффективность государственного управления, содействуя в конечном счете повышению легитимности власти.

В-четвертых, перед внедрением ЦВЦБ государству следует проводить массированную информационную кампанию. Так, например, функционал ЦВЦБ не сильно отличается от функционала безналичной формы денег: разница между ними неочевидна для обывателя. Поэтому акцент в информационной кампании следует делать на явном преимуществе ЦВЦБ перед другими формами денег: ЦВЦБ лучше защищены от краж, благодаря прямому шифрованию на уровне ЦБ, отсутствию посредников в транзакциях и т.д. Ни телефонные мошенники, ни банкротство банков, ни несчастные случаи с жильем не лишат граждан их средств. При этом не следует

вводить граждан в заблуждение: необходимо донести до общественности, что ЦВЦБ – это в первую очередь средство для ежедневных платежей, а не накопления капитала. Для принятия взвешенного решения граждане должны понимать, что такое ЦВЦБ, пользоваться ею или нет.

В-пятых, государству следует привлекать на свою сторону банковский сектор как союзника в продвижении ЦВЦБ. Для этого коммерческим банкам нужно компенсировать потери от сокращения банковских операций, которые возникнут при введении ЦВЦБ. Для коммерческих банков, которые будут помогать продвигать ЦВЦБ, можно ввести льготный налоговый режим или дать им возможности зарабатывать на обслуживании ЦВЦБ по аналогии с эквайрингом. Задача государства в данном случае – успешно внедрить собственную цифровую валюту. Когда эта задача будет достигнута, от услуг коммерческих банков можно будет отказаться. Тем более что для функционирования ЦВЦБ достаточно лишь центрального банка. Следует отметить, что эта рекомендация самая сложная в реализации, так как коммерческие банки понимают угрозу, исходящую для них от ЦВЦБ, и будут сопротивляться ее внедрению, вероятно, в любом случае.

В-шестых, прежде чем внедрять ЦВЦБ, государство должно убедиться, что оно способно обеспечить свой энергетический, технологический и инфраструктурный суверенитет. Привлечение сторонних разработчиков к созданию национальной ЦВЦБ создает риск обрушения всей конструкции, например, при введении санкций против государства. Перебои с Интернетом и электричеством создают неудобства для населения в использовании ЦВЦБ, что снизит уровень ее распространения в национальной экономике. Мо-

жет показаться, что эта рекомендация относится лишь к «странам третьего мира», но мировой опыт доказывает, что даже развитые государства могут сталкиваться с описываемыми трудностями. Если у государства нет энергетического, технологического и инфраструктурного суверенитета, то ЦВЦБ лучше вообще не вводить, так как это лишь создаст новые риски для государственного суверенитета.

Таким образом, нигерийский прецедент внедрения ЦВЦБ демонстрирует, что оно решает политические, а не финансово-экономические проблемы, должно опираться на заранее проведенную информационную кампанию, энергетический, технологический и инфраструктурный суверенитет, а также скромные целевые показатели. При этом государству следует попытаться привлечь на свою сторону коммерческие банки и отказаться от принуждения.

Список литературы

Авдеев С.В. Соотношение цифрового и безналичного рубля. Новая форма национальной валюты // Скиф. – 2023. – № 4 (80). – С. 376-381.

Базалей Т.Ю., Еременко И.В. Роль цифрового рубля в коммуникационных аспектах экономических санкций и торговых войн: перспективы экономического развития России в условиях санкционного давления // Вестник евразийской науки. – 2024. – № 5S. – С. 1–15.

Горбачева Т.А. Цифровые валюты центрального банка: зарубежный опыт // Мировая экономика и мировые финансы. – 2023. – № 4. – С. 41–47. – DOI: 10.24412/2949-6454-2023-0300.

Дудченко В.Д., Качур О.В. Практика налогообложения криптовалют в зарубежных странах // Теория и практика функционирования финансовой и денежно-кредитной системы России :

сборник статей международной научно-практической конференции (двадцатое заседание), Воронеж, 5 декабря 2024 года. – Воронеж : Истоки, 2025. – С. 72–81.

Заноскина Е.Н. Инвестиционная привлекательность и внешняя конкурентоспособность нигерийской экономики // Ученые записки Института Африки РАН. – 2018. – № 1. – С. 54–64. – DOI: 10.31132/2412-5717-2018-42-1-54-64.

Кнапп Г.Ф. Государственная теория денег. – Москва : Издательство Института Гайдара; Санкт-Петербург : Центр экономической культуры, 2023. – 392 с.

Королев П.А. «О дивный новый “1984”»: режимные аспекты цифровой (анти)утопии // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 204–218. – DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-204-218.

Мадоджему М. Сравнительный анализ государственного внешнего долга Нигерии // Экономика и социум. – 2015. – № 3–2 (16). – С. 181–184.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. – Москва : Госполитиздат, 1964. – 660 с.

Ннаэмека Ч.А., Онъине Э.О. Увеличение числа суицидов среди жителей Нигерии: факторы риска, профилактика, средства помощи // Consortium Psychiatricum. – 2024. – № 3. – С. 56–61. – DOI: 10.17816/CP15497.

Приходько Д.В., Шеров-Игнатьев В.Г. Цифровая экономика в Африке: состояние и проблемы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2024. – № 1. – С. 3–35. – DOI: 10.21638/spbu05.2024.101.

Талдыкин Н.С. Цифровые валюты центральных банков как отражение трендов развития мировой финансовой системы // Мировая экономика

и мировые финансы. – 2025. – № 4. – С. 109–118. – DOI: 10.65324/wewf012.

Холодильник vs. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г. / Щербак А.Н., Смирнова Д.О., Озернова Е.П., Лепешко Е.В., Купка А.П., Калинин А.Н. // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 3. – С. 137–155.

Цифровые валюты центральных банков / Мирошниченко О.С., Шуравин А.А., Черепанова К.М., Рочева У.И. // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности: Материалы VI Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 23–26 апреля 2025 года. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – С. 242–253.

Шевченко И.В., Поддубная М.Н. Практика использования криптовалют в современных условиях // Инновационная экономика. – 2023. – № 1. – С. 27–34.

Brehm J.W. Psychological Reactance: Theory and Applications // Advances in Consumer Research / Ed. by T.K. Srull. – Provo : Association for Consumer Research, 1989. – P. 72–75.

Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. – New York : Stanford University Press, 1962. – 291 p.

Morgentau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. – New York : Alfred A. Knopf, 1961. – 630 p.

Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. 3rd ed. – New York : Cambridge University Press, 2011. – 328 p.

Umaru I.G. A Forecast of the Dynamic Response of the Nigerian Economy to the 2007/2008 Global Financial Crisis // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2013. – № 9 (2). – С. 237–258.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.04

Central Bank Digital Currency Implementation in Nigeria: A Political Analysis

Pavel A. KOROLEV

PhD (Political Sciences), Associate Professor, Department of History of State and Law
Tula State University
Tula, Lenin Avenue, 92, Tula, Russian Federation, 300012
E-mail: legatx@mail.ru
ORCID: 0009-0001-9878-4514

CITATION: Korolev P.A. (2026). Central Bank Digital Currency Implementation in Nigeria: A Political Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 60–72 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.04

Received: 12.03.2026.

Revised: 17.05.2026.

ABSTRACT. This article attempts to politically analyze the implementation of CBDC in Nigeria. Existing academic literature focuses on the financial and economic aspects of introducing a digital naira. However, the failure of the Nigerian government to implement this project is due to several miscalculations in the political decision to initiate it. The purpose of this paper is to analyze the political aspects of introducing a digital naira in Nigeria in order to develop recommendations for optimizing CBDC implementation in the national economy. The scientific novelty of this study lies in its new perspective on CBDC as an instrument of political control, rather than a solution to financial and economic problems. Furthermore, drawing on a political analysis of the Nigerian precedent, the article offers recommendations for CBDC implementation that are relevant to many countries around the world that are currently developing and testing their own digital currencies. These countries have yet to begin implementing their CBDCs. The methodolo-

gy of this study is mixed: collected statistical data (World Bank, Global Innovation Index, etc.) are subjected to qualitative analysis based on the principles of monetary theories by G.F. Knapp, J. Brehm's reactance theory, L. Festinger's cognitive dissonance theory, S. Tarrow's resource mobilization theory, and others. Subsequently, conclusions are drawn from the Nigerian precedent of CBDC implementation, and on their basis, recommendations are formulated for the introduction of central bank digital currencies. The practical significance of this study lies in developing recommendations for government agencies facing CBDC implementation: assessing the project's resource base, preparing society for innovation, selecting the means of project implementation.

KEYWORDS: digital naira, Nigeria, state sovereignty, political control, central bank digital currencies, CBDC, financial control, functioning of the political system, money issuance.

References

- Avdeev S.V. (2023). The Ratio of the Digital and Non-cash Ruble. A New Form of National Currency. *Skif*. No. 4 (80), pp. 376–381 (in Russian).
- Bazaley T.Yu., Eremenko I.V. (2024). The Role of the Digital Ruble in the Communication Aspects of Economic Sanctions and Trade Wars: Prospects for Russia's Economic Development under Sanctions Pressure. *Bulletin of Eurasian Science*. No. 5S, pp. 1–15 (in Russian).
- Brehm J.W. (1989). Psychological Reactance: Theory and Applications. In: Srull T.K. (ed.). *Advances in Consumer Research*. Provo: Association for Consumer Research, pp. 72–75.
- Cifrovyye valjuty... (2025). Miroshnichenko O.S. et al. Digital Currencies of Central Banks. In: *Economic Security of the Country, Regions, and Organizations of Various Types of Activities: Proceedings of the VI All-Russian Forum on Economic Security in Tyumen, Tyumen, April 23–26, 2025*. Tyumen: Tyumen State University-Press, pp. 242–253 (in Russian).
- Dudchenko V.D., Kachur O.V. (2025). Practice of taxation of cryptocurrencies in foreign countries. In: *Theory and practice of functioning of the financial and monetary system of Russia: collection of articles of the international scientific and practical conference (twentieth meeting), Voronezh, December 5, 2024*. Voronezh: Istoki, pp. 72–81 (in Russian).
- Festinger L. (1962). *A Theory of Cognitive Dissonance*. New York: Stanford University Press, 291 pp.
- Gorbacheva T.A. (2023). Central Bank Digital Currencies: Foreign Experience. *Global Economy and Global Finance*. No. 4, pp. 41–47 (in Russian). DOI: 10.24412/2949-6454-2023-0300.
- Kholodil'nik vs. televizor?... (2017). Shcherbak A.N. et al. Refrigerator vs. TV? Economic Voting in the 2016 Russian State Duma Elections. *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 3, pp. 137–155 (in Russian).
- Knapp G.F. (2023). *State Theory of Money*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; Saint Petersburg: Center for Economic Culture, 392 pp. (in Russian).
- Korolev P.A. (2024). "Brave New 1984": Regime Aspects of Digital (Anti) Utopia. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations*. No. 3, pp. 204–218 (in Russian). DOI: 10.28995/2073-6339-2024-3-204-218.
- Madojemu M. (2015). Comparative Analysis of Nigeria's Public External Debt. *Economy and Society*. No. 3–2 (16), pp. 181–184 (in Russian).
- Marx K. (1964). Theories of Surplus Value (Volume IV of Capital). Part III. In: Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 26. Part III. Moscow: Gospolitizdat, 660 pp. (transl. into Russian).
- Morgentau H.J. (1961). *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 3rd ed. New York: Alfred A. Knopf, 630 pp.
- Nnaemeka C.A., Onyine E.O. (2024). Increase in the Number of Suicides Among Nigerians: Risk Factors, Prevention, and Assistance. *Consortium Psychiatricum*. No. 3, pp. 56–61 (in Russian). DOI: 10.17816/CP15497.
- Prikhodko D.V., Sherov-Ignatiev V.G. (2024). Digital economy in Africa: state and problems of development. *Bulletin of St. Petersburg University. Economics*. No. 1, pp. 3–35 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu05.2024.101.
- Shevchenko I.V., Poddubnaya M.N. (2023). Practice of using cryptocurrencies in modern conditions. *Innovative Economy*. No. 1, pp. 27–34 (in Russian).
- Taldykin N.S. (2025). Digital currencies of central banks as a reflection of trends in the development of the global financial system. *World Economy and World Finance*. No. 4, pp. 109–118 (in Russian). DOI: 10.65324/wewf012.

Tarrow S. (2011). *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd ed. New York: Cambridge University Press, 328 pp.

Zanoskina E.N. (2018). Investment attractiveness and external competitiveness of the Nigerian economy. *Scientific Notes of the Institute for Afri-*

can Studies of the Russian Academy of Sciences. No. 1, pp. 54–64 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2018-42-1-54-64.

Umaru I.G. (2013). A forecast of the dynamic response of the Nigerian economy to the 2007/2008 global financial crisis. *SEPTP*. No. 9 (2), pp. 237–258.

Особенности современного экономического развития

УДК 338.47:339(5-012)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.05

Трансформация конкурентного ландшафта Восточно-Азиатской портовой системы

Нелли Кимовна СЕМЕНОВА

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

ЦИТИРОВАНИЕ: Семенова Н.К. Трансформация конкурентного ландшафта Восточно-Азиатской портовой системы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 73–96.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.05

Статья поступила в редакцию 04.12.2025.

Исправленный текст представлен 11.03.2026.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу изменений конкурентного ландшафта Восточно-Азиатской портовой системы (ВАПС), на долю которой приходится более 40% мирового контейнерного грузооборота. Цель работы – выявление ключевых факторов трансформации региональной портовой иерархии в условиях глобальной экономической нестабильности, геополитической напряженности и технологической революции в логистике. В рамках исследования решаются задачи ретроспективного анализа эволюции расстановки сил в ВАПС, компаративной оценки логистической эффективности ключевых экономик региона на основе индекса LPI Всемирного банка (2007–2023), а также определения роли геоэкономических стратегий, цифровизации и интеграции в пере-

стройке межпортовой конкуренции. Структура работы включает анализ исторической динамики, современной дифференциации логистического развития, воздействия инициативы «Один пояс – один путь» и ответных стратегий региональных держав, а также влияния цифровых платформ и региональных торговых соглашений. Основные выводы свидетельствуют о смене парадигмы конкуренции: традиционное соперничество на основе тарифов и пропускной способности уступает место стратегической борьбе за интеграцию в глобальные цепочки поставок. Ключевым бенефициаром трансформации выступает Китай, чьи порты за счет инвестиционной экспансии и цифровизации консолидируют статус глобальных узлов, в то время как порты Японии и стран АСЕАН сталкиваются

с риском маргинализации, что закрепляет новую, более жесткую многоуровневую иерархию в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Восточно-Азиатская портовая система, конкуренция, стратегии, трансформация, интеграция.*

В условиях глобальной экономической нестабильности и трансформации международных торговых связей Восточно-Азиатская портовая система приобретает значение ключевого элемента мировой логистики. Доля региона в мировом контейнерном грузообороте – более 40%, а такие порты, как Шанхай, Сингапур и Пусан, десятилетиями удерживают лидирующие позиции в международных рейтингах. Однако в последние годы функционирование портовой инфраструктуры сталкивается с беспрецедентными вызовами, связанными с геополитической напряженностью, изменением глобальных цепочек поставок и технологической революцией в логистике.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления конкурентных стратегий портовых операторов в условиях нарастающей неопределенности. Торговые войны между США и Китаем, пандемия, ужесточение экологических стандартов и цифровая трансформация портовой инфраструктуры формируют принципиально новую среду, в которой прежние конкурентные преимущества утрачивают свою значимость.

Современные исследования конкурентного ландшафта ВАПС развиваются в рамках трех ключевых направлений: изучение геоэкономических стратегий [Парамонов, 2018] демонстрирует, как инвестиции Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ИПП) трансформируют региональную иерархию портов; анализ опе-

рационной эффективности [Research op..., 2025, p. 769–775; Исследование эволюции..., 2017, с. 108–114] выявляет взаимосвязь интеграции в логистические сети с конкурентными позициями портов; исследования методологического характера [Yu Hang, Gong Yu, Liu Jin, 2023, p. 720–744] раскрывают комплексную природу конкуренции через систематизацию ее детерминантов и применение сетевого анализа. Отечественные ученые [Семенова, 2023с; Вороненко, Смирнов, Холоша, 2024, с. 34–45] подчеркивают стратегическую перестройку портовых кластеров через цифровизацию и формирование новых логистических коридоров.

Степень исследованности темы свидетельствует о переходе от описания статичной конкуренции на основе единичных показателей к системному анализу ВАПС как динамичной, многоуровневой сети. Однако в отечественной библиографии сохраняется потребность в исследованиях, интегрирующих геополитический, технологический и операционный аспекты в единую модель, для адекватного отражения трансформации конкуренции в ВАПС при нарастающей нестабильности глобальной торговой системы. Сохраняется научная проблема, связанная с отсутствием концептуальной ясности относительно движущих сил трансформации портовой иерархии, что порождает исследовательский вопрос: конкурентоспособность портов ВАПС в эпоху турбулентности является следствием их собственной стратегии (технологической, инвестиционной) или же она жестко детерминирована внешней геополитической средой, оставляя портам лишь роль пассивных акцепторов?

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что в современной ВАПС происходит смена парадигмы: на смену «жесткой» детерминации гео-

графией и государственной политикой приходит «мягкая» детерминация, где успех порта определяется его способностью встроиться в транснациональные логистические сети. Порты превращаются из пассивных «заложников» в активных «акторов», чей стратегический выбор (в области цифровизации или интеграции в альянсы) опосредует влияние геополитики, но не отменяет его полностью.

Целью данной работы является верификация этой гипотезы через анализ исторической динамики, логистической эффективности и инвестиционных стратегий в регионе ВАПС.

Методологической базой исследования выступает ряд фундаментальных экономических концепций. Во-первых, теория общественных (и клубных) благ [Smith, 2025] позволяет рассматривать портовую инфраструктуру не только как пассивный актив, но и как инструмент создания конкурентных преимуществ, доступ к которому может быть как универсальным (национальный уровень), так и эксклюзивным (в рамках логистических альянсов). Во-вторых, рынок портовых услуг всё более тяготеет к модели монополистической конкуренции [Chamberlin, 1933; Rothschild, 1987, p. 34–54], где ключевую роль играют дифференциация сервиса, скорость обработки, цифровые платформы, глубина интеграции в смежные отрасли, а не ценовой фактор. В-третьих, концепция межотраслевых эффектов (мультипликатора) [Леонтьев, 1990] объясняет, почему борьба за статус порта-хаба выходит за рамки логистики и становится вопросом национальной конкурентоспособности. Теория региональной экономической интеграции [Hettne, Inotai, 1994; Hettne, 1996, p. 4–9] позволяет оценить, как снятие тарифных барьеров – в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – обна-

жает инфраструктурные «узкие места» и обостряет конкуренцию за перераспределение потоков добавленной стоимости. Концепция акторно-структурной проблемы [Wendt, 2025, p. 103–130] преодолевает односторонность структурного детерминизма и актороцентризма. Согласно ей акторы и структуры находятся в отношении взаимного конституирования: геополитика задает «коридор возможностей», но стратегический выбор порта определяет его траекторию и способен видоизменять сами структуры, снимая противоречие между внешней детерминацией и внутренней агентностью портов ВАПС.

Историческая эволюция и текущая расстановка сил

Исторически лидерство мировой портовой индустрии пережило переход от Западной Европы к Северной Америке, а затем к Восточной Азии, где ориентированная на экспорт политика индустриализации, проводимая Гонконгом, Тайванем и Республикой Корея, способствовала росту контейнерных перевозок в этих странах. С начала 1980-х годов Китай разрабатывал аналогичные стратегии, что через десятилетие привело к повышенному росту портовых показателей сначала в дельте Жемчужной реки, а затем в портовой системе дельты Янцзы и в районе Бохайского залива. До середины 1990-х годов быстрый рост внешней торговли между Японией и четырьмя новыми индустриальными странами первой волны, так называемыми азиатскими тиграми (Сингапуром, Гонконгом, Тайванем и Республикой Корея), стимулировал развитие региональной портовой отрасли, особенно быстрым был рост контейнерных перевозок. Тогда же мировая производственная база постепенно стала перемещаться в Китай, потеснивший «азиатских тигров»

и ставший главным двигателем быстрого роста мировых контейнерных перевозок, что также привело к дальнейшей концентрации мировых контейнерных перевозок в Восточной Азии.

В рейтинге контейнерных портов мира в 2002 г. порты Восточной Азии, а именно Гонконг, Сингапур, Пусан, Шанхай, Гаосюн и Шэньчжэнь, занимали первые 6 мест соответственно¹. Шестерка лучших портов в списке 2005 г. по-прежнему сохранила свой состав с рокировкой диспозиции. Гонконг в чемпионате контейнерных портов был заменен Сингапуром (1-е место – 27,79 млн TEU), быстрый рост портов Шанхая (3) и Шэньчжэня (4) повысил их рейтинг, а рейтинг Пусана (5) и Гаосюна (6) немного снизился. Среди 20 крупнейших контейнерных портов мира на Азию приходилось 14 мест², 7 из которых – китайские. В рейтинге того же года по грузообороту в первой десятке – 9 восточноазиатских портов: шесть китайских, один южнокорейский, два японских и порт Сингапура³. Конкуренция за стратегическое положение транзитного порта и международного логистического центра тогда велась между портами Сингапур (в Сингапуре), Гонконг и Шанхай в Китае, Пусан в Южной Корее, Гаосюн на Тайване, Кобэ и Йокогама в Японии⁴.

10 декабря 2005 г. – день особого значения для портов не только Восточной Азии, но и всей мировой портовой индустрии: официально открылся шанхайский глубоководный порт Ян-

шань⁵ (洋山港, *Yangshangang*), ставший ведущей силой портовой логистики в Восточной Азии и трансформировавший сложившуюся к тому времени транспортную схему морских перевозок в регионе. Тогда же внутренняя конкуренция между китайскими портами вступила в период оптимизационного сближения и объединения усилий. Китай начал формировать группы портов мирового уровня для повышения их конкурентоспособности: порт Нинбо и порт Чжоушань объединились для качественного прорыва к лидерству; порт Сучжоу объединился со своими подчиненными группами портов; в портах Даляне, Тяньцзине и Шаньдуне, Гонконге, Гуанчжоу, Шэньчжэне, портах Бохайского залива в Северном Китае также были приняты меры по укреплению «морской связи». Эта перестройка стала одним из решающих факторов становления портового лидерства Китая [Семенова, 2023с].

Еще одним фактором усиления китайских портов стало «бегство» ведущих судоходных компаний из одного из крупнейших в этот период южнокорейского порта Пусан (70% транзитных грузов маршрута КНР – Европа в 2006 г.), где в начале 2006 г. были открыты новые модернизированные терминалы при инвестиционной поддержке японской промышленной компании *DAISO*⁶ и швейцарской *Mediterranean Shipping Company (MSC)*⁷, второй по величине судоходной компании в мире. В августе того же года компания *Maersk*

1 Review of maritime transport // Report by the UNCTAD secretariat UNITED NATIONS. – New York and Geneva, 2005. – 134 p.

2 Ibid.

3 World port ranking – 2006 // Infoplease. – 2020. – August 5. – URL: <https://www.infoplease.com/business/trade/world-port-ranking-2006> (дата обращения: 29.11.2025).

4 Review of maritime transport // Report by the UNCTAD secretariat UNITED NATIONS. – New York and Geneva, 2005. – 134 p.

5 Китай построил самый большой в мире (порт). Каким образом *Shanghai Smart Terminal* достигает эффекта «пустого»? = 中国又建成一个全球最大! 上海智能码头如何做到「空无一人»? // Синьхуа. – 2017. – 10 декабря. – Кит. яз. – URL: http://www.xinhuanet.com/fortune/2017-12/10/c_1122086859.htm (дата обращения: 26.11.2025).

6 Daiso Industries Co., Ltd. // DAISO. – 2025. – URL: https://www.daiso-sangyo.co.jp/en/company/prof_hist (дата обращения: 28.11.2025).

7 Mediterranean Shipping Company // MSC. – 2025. – URL: <https://www.msc.com/> (дата обращения: 28.11.2025).

сократила объем реэкспортных грузов в порту Пусан на 49,4% в годовом исчислении, а швейцарская компания *MSC* построила специальный терминал в порту Нинбо (Китай) и перенесла туда свою реэкспортную базу, сократив при этом реэкспортные грузы в Пусане на 62,5% в годовом исчислении⁸, что оказало огромное влияние на общую производительность порта. Данный эпизод наглядно иллюстрирует переход от простой ценовой конкуренции к монополистической [*Chamberlin*, 1933; *Rothschild*, 1987, р. 34–54]: *MSC* строило на уникальных условиях порт Нинбо (инфраструктура), что подтверждает растущую роль неценовой дифференциации в выборе порта приписки.

Экономическое развитие в Восточной Азии сопровождалось сильным ростом контейнерных перевозок в портах и созданием крупного морского торгового коридора и его соединителей. Этот коридор структурирован вдоль морской оси Север – Юг, которая проходит от группы японских портов (Токио/Йокогама, Нагоя, Осака/Кобэ) до Сингапура, включая по пути основные ворота, такие как порт Пусан в Южной Корее, китайские порты на реке Янцзы и в дельте Жемчужной реки, а также порт Гаосюн (Тайвань, провинция Китая) [*Sea and Waterways...*, 2009] (рисунок 1).

По версии Всемирного совета судостроения⁹, основным континентом, где расположено большинство лучших контейнерных портов в настоящее время, является Восточная Азия. Среди 49 крупнейших контейнерных портов 33 находятся на побережье Восточно-азиатского моря, и половина из них

принадлежит Китаю. Восточноазиатский торговый рынок занимает лидирующие позиции¹⁰, несмотря на то, что Европа и Ближний Восток продолжают оставаться важнейшими торговыми путями с точки зрения географии и истории. По объему грузоперевозок каждый год через восточноазиатские контейнерные порты проходит свыше 35 млн единиц контейнеров, транспортирующих миллиарды тонн товаров¹¹.

Глобализация производства и потребления, появление глобальной транспортной сети, изменения в логистике, в межпортовых отношениях, взаимодействии между портами и внутренними районами привели к усилению конкуренции между портами [*Notteboom, Pallis, Rodrigue*, 2022], в основном за сделки, где терминалы выступают в качестве конкурирующих единиц; логистические, транспортные и промышленные предприятия конкурируют в качестве управляющих цепочками соответствующих сделок, а портовые власти и политики портов – в качестве соразработчиков. Грузоотправители, поставщики логистических услуг и судоходные линии выбирают цепочку, в которой порт является просто узлом. За последнее десятилетие наблюдались неоднократные закрытия морских узлов в Восточной Азии, пусть даже временные (эпидемические ограничения, санкции, технические перегрузки и т.п.), что имело важные экономические последствия в виде нарушения торговых потоков и даже прерывания некоторых цепочек поставок.

Современная ВАПС включает в себя 9 многопортовых шлюзовых регионов: 1 японский – Токкайдо, 7 китайских –

8 Се Ли = 谢黎. «Война» портов Восточной Азии в самом разгаре = 东亚港口 «战事» 正酣 // «Хуаньцю» Цзачжи (《环球》杂志). – 2006. – 14 ноября. – Кит. яз. – URL: <http://news.sina.com.cn/c/2006-11-14/174411512589.shtml> (дата обращения: 23.11.2025).

9 World Shipping Council // WSC. – 6/г. – URL: <https://www.worldshipping.org/> (дата обращения: 24.11.2025).

10 Review of Maritime Transport 2025 // United Nations publication. – New York and Geneva, 2025. – 172 p.

11 Список 49 крупнейших и загруженных контейнерных портов в 2025 г. = 2025年最大和最繁忙的49个集装箱港口名单 // Moverdb.com. – 2025. – Кит. яз. – URL: <https://moverdb.com/zh/top-49-container-ports/#1> (дата обращения: 23.11.2025).

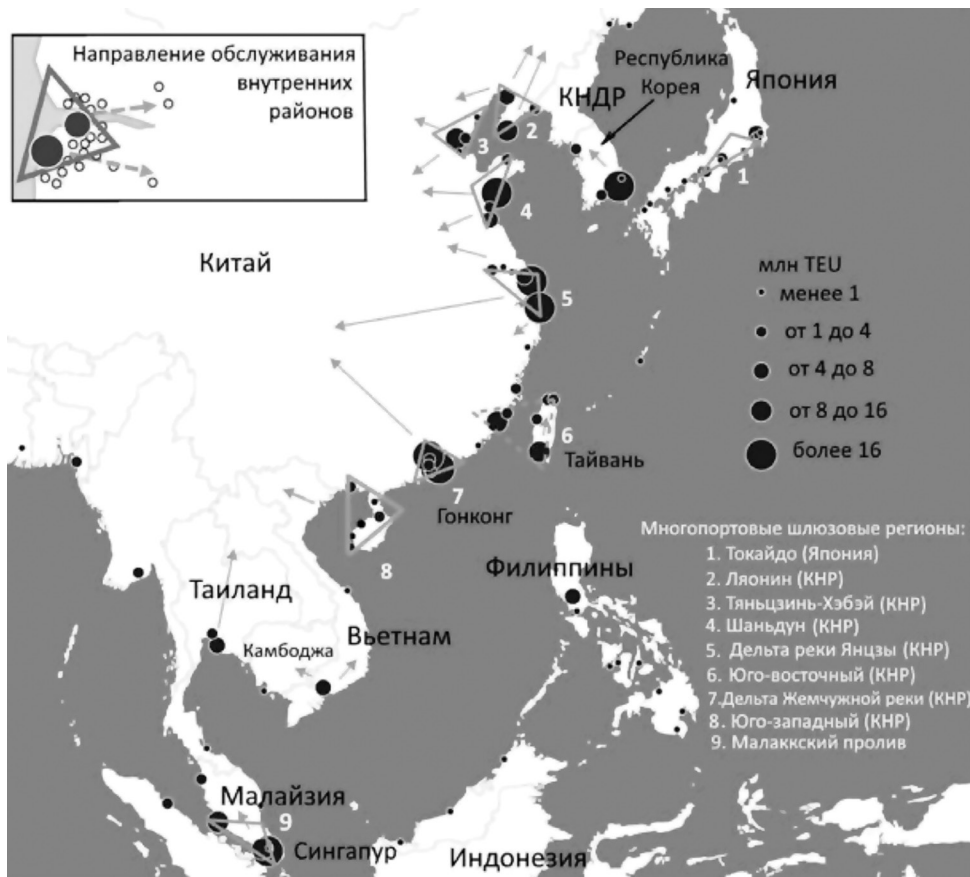

Рисунок 1. Многопортовые шлюзовые регионы Восточно-Азиатской портовой системы
Figure 1. Multi-Port Gateway Regions of the East Asian Port System

Составлено автором по: Планирование расположения национального прибрежного порта = 全国沿海港口布局规划 // Государственный комитет развития и реформ КНР = 中华人民共和国国家发展和改革委员会. – Кит. яз. – URL: <https://www.ndrc.gov.cn> (дата обращения: 23.11.2025); [Notteboom, Pallis, Rodrigue, 2022].

Ляонин, Тяньцзинь – Хэбэй, Шаньдун, дельта реки Янцзы, Юго-Восточный регион, дельта Жемчужной реки, Юго-западный и многопортовый шлюзовый регион Малаккского пролива под контролем Индонезии, Малайзии и Сингапура (см. рисунок 1). Область шлюза с несколькими портами, узловыми и фидерными относится к группе портов, находящихся поблизости, конкурирующих за одни и те же

вызовы порта и внутренние районы [Notteboom, Pallis, Rodrigue, 2022]. Типичные примеры включают дельту реки Янцзы и дельту Жемчужной реки в Китае.

Существование этих шлюзовых регионов, где порты конкурируют за одни и те же внутренние районы, является эмпирическим проявлением монополистической конкуренции [Chamberlin, 1933; Rothschild, 1987, p. 34–54] на суб-

региональном уровне, заставляя каждый порт искать собственную нишу специализации.

С конца XX в. Восточная Азия превратилась в глобальный центр морской логистики благодаря стремительной индустриализации Китая, Республики Кореи и Японии. Если в 1990-е годы ведущие позиции занимали японские порты (Иокогама, Кобе) и сингапурский хаб, то к 2020-м годам безусловное лидерство перешло к Китаю. Шанхайский порт начиная с 2010 г. неизменно удерживает 1-е место в мире по грузообороту, а Нинбо-Чжоушань, Шэньчжэнь и Гуанчжоу входят в топ-10. Однако монополизация грузопотоков китайскими портами не означает отсутствия конкуренции. Южная Корея, благодаря стратегическому расположению Пусана, остается ключевым транзитным узлом для грузов, следующих из Китая в Северную Америку и Европу. Япония, несмотря на относительное снижение доли в региональной логистике, сохраняет влияние за счет высокотехнологичных решений в портовой инфраструктуре. Сингапур, хотя и географически относится к Юго-Восточной Азии (ЮВА), остается критически важным перевалочным пунктом, конкурирующим с восточноазиатскими портами за транзитные потоки [Семенова, 2023с].

Портовая конкуренция стала сложным и многогранным понятием, характеристики которой зависят среди прочего от типа конкурирующих портов и группы грузов. Грузовые центры в первую очередь конкурируют за глубоководные межконтинентальные лайнеры, в которых задействованы крупные суда вместимостью до 24 тыс. TEU. Региональные порты стремятся к соединению как можно с большим количе-

ством близлежащих центров погрузки и имеют хорошие региональные связи с внутренними районами. Морские порты Восточной Азии, являясь частью системы, поддерживающей глобальные логистические и транспортные сети, взаимодействуют с другими узлами, соседними и зарубежными морскими портами, интермодальными терминалами и внутренними логистическими платформами.

Анализ логистической эффективности ВАПС: динамика, детерминанты и глобальные взаимосвязи

Важным индикатором способности стран обеспечивать бесперебойное движение товаров как внутри национальных границ, так и в рамках международных торговых потоков служит Индекс логистической эффективности (*Logistics Performance Index, LPI*)¹² Всемирного банка. С 2007 по 2023 г. страны ВАПС продемонстрировали разнонаправленную, но в целом положительную динамику по данному показателю, что позволяет говорить о постепенном укреплении их логистических систем. Однако темпы роста и глубина преобразований существенно различались в зависимости от уровня экономического развития, инвестиционной привлекательности, степени интеграции в глобальные цепочки поставок, а также внешнеполитических и макроэкономических факторов (таблица 1).

Анализ компонентов *LPI* (инфраструктура, таможня, отслеживание грузов) сквозь призму теории дифференциации продукта позволяет рассматривать этот индекс не просто как рейтинг, а как количественную меру

12 Logistics Performance Index, LPI // The World Bank. – [н. а.]. – URL: <https://lpi.worldbank.org/> (дата обращения: 27.11.2025).

Таблица 1. Динамика Индекса логистической эффективности (LPI), его компонентов и их рейтингов экономик ВАПС, 2007–2023 гг.^{13, 14}

Table 1. Dynamics of the Logistics Performance Index (LPI), its components and their rankings of the economies of the East Asian port system, 2007–2023

Экономика	Год	Общий индекс LPI		Таможня		Инфраструктура		Международные перевозки		Логистические услуги		Отслеживание грузов		Своевременность	
		О	Р	О	Р	О	Р	О	Р	О	Р	О	Р	О	Р
Сингапур	2023	4,30	1	4,20	1	4,60	1	4,00	2	4,40	1	4,30	1	4,40	1
	2007	4,19	1	3,90	3	4,27	2	4,04	2	4,21	2	4,25	1	4,53	1
Гонконг (САР КНР)	2023	4,00	↑7	3,80	12	4,00	14	4,00	2	4,00	11	4,10	10	4,20	3
	2007	4,00	8	3,84	7	4,06	9	3,78	7	3,99	9	4,06	8	4,33	7
Япония	2023	3,90	↓13	3,90	7	4,20	5	3,30	38	4,10	9	4,00	17	4,00	16
	2007	4,02	6	3,79	11	4,11	6	3,77	10	4,12	5	4,08	7	4,34	6
Тайвань (КНР)	2023	3,90	↑13	3,50	22	3,80	19	3,70	8	3,90	14	4,20	4	4,20	3
	2007	3,64	21	3,25	25	3,62	21	3,65	16	3,58	23	3,60	24	4,18	15
Республика Корея	2023	3,80	↑17	3,90	7	4,10	9	3,40	26	3,80	20	3,80	25	3,80	23
	2007	3,52	25	3,22	27	3,44	25	3,44	24	3,63	22	3,56	25	3,86	30
КНР	2023	3,70	↑19	3,30	31	4,00	14	3,60	14	3,80	20	3,70	30	3,80	23
	2007	3,32	30	2,99	35	3,20	30	3,31	28	3,40	27	3,37	31	3,68	36
Малайзия	2023	3,60	↑26	3,30	31	3,60	30	3,70	8	3,70	28	3,70	30	3,70	29
	2007	3,48	27	3,36	23	3,33	28	3,36	26	3,40	26	3,51	28	3,95	26
Таиланд	2023	3,50	↓34	3,30	31	3,70	25	3,50	22	3,50	38	3,50	46	3,60	34
	2007	3,31	31	3,03	32	3,16	31	3,24	32	3,31	29	3,25	36	3,91	28
Филиппины	2023	3,30	↑43	2,80	59	3,20	47	3,10	47	3,30	46	3,90	21	3,30	49
	2007	2,69	65	2,64	53	2,26	87	2,77	63	2,65	70	2,65	69	3,14	70
Вьетнам	2023	3,30	↑43	3,10	43	3,20	47	3,30	38	3,20	53	3,30	59	3,40	41
	2007	2,89	53	2,89	37	2,50	60	3,00	47	2,80	56	2,90	53	3,22	65
Индонезия	2023	3,00	↓61	2,80	59	2,90	59	3,00	57	2,90	65	3,30	59	3,00	65
	2007	3,01	43	2,73	44	2,83	45	3,05	44	2,90	50	3,30	33	3,28	58
Камбоджа	2023	2,40	↓115	2,20	110	2,10	126	2,30	121	2,40	110	2,70	110	2,80	80
	2007	2,50	81	2,19	104	2,30	81	2,47	95	2,47	82	2,53	81	3,05	74
КНДР	2007-2023	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Составлено автором по: Logistics Performance Index (LPI) // The World Bank. – 2023. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 22.11.2025).

Условные обозначения: н/д – данные по Северной Корее отсутствуют в официальных отчетах; «О» – показатель индекса; «Р» – место в рейтинге по LPI.

13 Пояснения к субиндексам: таможня – эффективность процедур очистки на границе; инфраструктура – качество транспортных и логистических объектов; международные перевозки – удобство организации международных грузоперевозок; логистические услуги – уровень профессионализма логистических услуг; простота отслеживания – возможность мониторинга грузов в реальном времени; своевременность – соблюдение сроков доставки грузов.

14 Все показатели даны по 5-балльной шкале (прим. авт.).

конкурентоспособности портов [Леонтьев, 1990] в условиях монополистической конкуренции [Rothschild, 1987, pp. 34–54]. Высокие оценки по субиндексам являются материализацией уникальных торговых предложений портов.

При проведении странового анализа наблюдается очевидная дифференциация логистического развития. Наиболее значительный прогресс наблюдается в Сингапуре, сохраняющем лидерство в регионе и в глобальном масштабе. Рост общего индекса *LPI* (4,19→4,30) обусловлен комплексным совершенствованием всех субкомпонентов, особенно инфраструктуры (4,27→4,60), таможенного администрирования (3,90→4,20) и логистических услуг (4,21→4,40). Это стало возможным благодаря последовательной цифровизации логистических процессов, в том числе внедрения блокчейн-технологий для отслеживания грузов, автоматизации таможенных процедур¹⁵, а также благодаря другим передовым цифровым решениям для интеллектуального судоходства (см. таблицу 1).

Гонконг (САР КНР)¹⁶ демонстрирует относительную стабильность в роли финансового и транспортного хаба Азии, хотя и с некоторым изменением конкурентного позиционирования [Semenova, 2024, p. 127–145]. Значение общего индекса *LPI* осталось на уровне 4,00 балла, глобальный рейтинг *LPI* повысился на одну ступень (8→7). Наиболее значительное улучшение наблюдается по компоненту «Международные перевозки», (3,78→4,00, рейтинг 7→2). Это свидетельствует об

эффективности мер по оптимизации логистических процедур и снижению административных барьеров¹⁷. Одновременно отмечается снижение позиций по ключевым для поддержания статуса международного хаба компонентам «Инфраструктура» (4,06→4,00, рейтинг 9→14) и «Логистические услуги» (3,99→4,00, рейтинг 9→11) (см. таблицу 1), что указывает на усиление конкурентного давления со стороны других региональных центров, прежде всего китайских портов, несмотря на сохраняющееся высокое качество логистической инфраструктуры и услуг Гонконга.

Тайвань (провинция КНР), напротив, демонстрирует более выраженную положительную динамику (*LPI* 3,64→3,90, рейтинг 21→13). Значительный прогресс достигнут в компонентах, характеризующих операционную эффективность и надежность логистической системы, «Своевременность доставки» (4,18→4,20, рейтинг 15→3), «Отслеживание грузов» (3,60→4,20, рейтинг 24→4) и «Международные перевозки» (3,65→3,70, рейтинг 16→8). Вместе с тем сохраняются относительные слабости в сфере таможенного администрирования (оценка 3,50 балла, 22-е место в мире), где, несмотря на прогресс, темпы улучшения отстают от общемировых (см. таблицу 1). Тайвань является важным перевалочным пунктом для азиатско-тихоокеанских маршрутов глобальной системы судоходства [Семенова, 2023d, с. 21–29].

Япония демонстрирует наиболее выраженную негативную динамику

15 Putting the partnership principle into practice: A look into Singapore Customs' collaboration with authorities and stakeholders // World Customs Organization. – 2024. – February 21. – URL: <https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-103/putting-the-partnership-principle-into-practice-a-look-into-singapore-customs-collaboration-with-authorities-and-stakeholders/> (дата обращения: 22.11.2025).

16 Специальный административный район КНР (прим. авт.).

17 Hong Kong Strengthens Logistics and Transport Strategy to Navigate Global Trade Shifts // International Centre for Trade Transparency & Monitoring. – 2025. – April 11. – URL: <https://icttm.org/hong-kong-strengthens-logistics-and-transport/> (дата обращения: 22.11.2025).

среди лидеров (*LPI* 4,02→3,90, рейтинг 6→13), что обусловлено стратегическим отставанием в ключевом для глобальных логистических цепочек компоненте «Международные перевозки», где оценка Японии существенно упала (3,77→3,30, рейтинг 10→38). Причиной служит комплекс структурных проблем: сохраняющаяся высокая степень регуляторных барьеров, фрагментированность и моральное устаревание портовой инфраструктуры на фоне недостаточных инвестиций в ее консолидацию и цифровизацию [Тимонина, 2023, с. 74–105]. В Японии на фоне развития мультимодальной транспортной инфраструктуры, включая высокоскоростные железные дороги и автоматизированные портовые системы, пока не удалось создать интегрированные логистические платформы (в отличие от Сингапура или Китая), обеспечивающие бесшовность трансграничных перевозок. При этом страна сохраняет сильные позиции в компонентах «Инфраструктура» (4,20 балла, 5-е место) и «Логистические услуги» (4,10 балла, 9-е место), что указывает на высокий технологический потенциал, который, однако, не компенсирует системных ограничений (см. таблицу 1). Снижение конкурентоспособности японских портов демонстрирует ограниченность модели, опирающейся исключительно на высокое качество инфраструктуры как публичного блага, без ее интеграции в глобальные логистические сети и создания «клубных» условий [Smith, 2025] для международных перевозчиков.

Республика Корея демонстрирует положительную динамику (*LPI* 3,52→3,80, рейтинг 25→17). Значительный прогресс достигнут в компонентах «Таможня» (3,22→3,90, 7-е место в мире) и «Инфраструктура» (3,44→4,10, 9-е место), значительный вклад внесли инвестиции в «умную» логистику¹⁸ (субиндекс логистических услуг 3,63→3,80), что является результатом целенаправленной политики по модернизации порта Пусан¹⁹ и упрощения таможенных процедур. Однако показатель «Международные перевозки» ухудшился (3,44→3,40, рейтинг 24→26) (см. таблицу 1), что указывает на сохраняющиеся операционные и регуляторные сложности. Более медленные по сравнению с китайскими конкурентами темпы цифровизации и развития смежных логистических услуг не позволяют Южной Корее в полной мере реализовать потенциал своего выгодного географического положения.

Наиболее впечатляющую положительную динамику демонстрирует Китай, который за полтора десятилетия совершил значительный рывок (*LPI* 3,32→3,70, рейтинг 30→19)²⁰ (см. таблицу 1). Китай подтвердил статус восходящего системного игрока, трансформирующего региональную конкурентную среду. Рост оценок КНР наблюдается по всем без исключения субиндексам, что свидетельствует о комплексном и целенаправленном развитии национальной логистической системы: «Инфраструктура» (3,20→4,00, рейтинг 30→14), «Международные перевозки» (3,31→3,60, рейтинг 28→14) и «Логистические услуги» (3,40→3,80, рейтинг

18 Vyas G. (2025). South Korea Logistics Software Market // Market Research Future. – July 1. – URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/south-korea-logistics-software-market/toc> (дата обращения: 02.12.2025).

19 Kosmajac S. (2024). Busan Port set for 'major' overhaul as part of South Korea's \$ 10 billion maritime strategy // Offshore Energy Magazine. – December 11. – URL: <https://www.offshore-energy.biz/busan-port-set-for-major-overhaul-as-part-of-multibillion-dollar-strategy/> (дата обращения: 02.12.2025).

20 Logistics Performance Index (LPI) // The World Bank. – 2023. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 22.11.2025).

27→20)²¹ (см. таблицу 1). Эти результаты являются прямым следствием беспрецедентных по масштабу инвестиций в портовые кластеры в рамках реализации ИПП [Семенова, 2023а, с. 135–148]. Строительство глубоководных терминалов, автоматизация грузопереработки и создание интегрированных логистических парков позволили существенно повысить технологический уровень портовой системы. Рост показателей отражает успешную интеграцию китайских портов в глобальные цепочки создания стоимости, где они трансформируются из точек перевалки в комплексные логистические центры, предлагающие услуги консолидации, складирования и управления цепочками поставок. Наиболее проблемным звеном, несмотря на заметное улучшение, остается компонент «Таможня» (2,99→3,30, 31-е место), что указывает на сохраняющиеся административные барьеры и необходимость дальнейшей цифровизации и оптимизации таможенных процедур для соответствия стандартам логистических лидеров.

Индекс *LPI* Малайзии за указанный период отражает устойчивую положительную динамику (3,48→3,60, рейтинг 27→26). Выраженные конкурентные преимущества проявляются в сегментах «Международные перевозки» (3,36→3,70, 8-е место), «Логистические услуги» (3,40→3,70) и «Отслеживание грузов» (3,51→3,70). Эти результаты свидетельствуют об успешной интеграции малайзийских портов в глобальные логисти-

ческие цепочки, эффективной работе по оптимизации транзитных операций и развитию современных логистических компетенций²², а также цифровизации портовой деятельности. Стабильные показатели наблюдаются в компонентах «Инфраструктура» (3,60 балла) и «Таможенное администрирование» (3,30 балла), где сохраняется потенциал для дальнейшего улучшения (см. таблицу 1).

Значительный прогресс по *LPI* имеет Вьетнам (+10 позиций в рейтинге), обусловленный системным улучшением по всем компонентам индекса (см. таблицу 1), что свидетельствует о целенаправленных усилиях по интеграции в региональные логистические цепочки. Прогресс в сфере таможенного администрирования (2,89→3,10, рейтинг 37→43), «Отслеживание грузов» (2,90→3,30) и «Логистические услуги» (2,80→3,20) является прямым следствием реализации программ цифровизации таможенных процедур, упрощения административных барьеров, развития современных логистических услуг и внедрения технологий управления цепочками поставок^{23, 24}. Улучшение показателей инфраструктуры (2,50→3,20) и международных перевозок (3,00→3,30) обусловлено масштабными инвестициями в модернизацию портовой системы [Семенова, 2023б, с. 18–30]. При этом абсолютные значения показателей остаются умеренными, указывая на сохраняющийся разрыв с лидерами региона из-за инфраструктурных и институциональных ограничений.

21 Ibid.

22 Malaysia Logistics Market Outlook To 2030 Nexdigm // Market Research. – 2025. – URL: <https://www.nexdigm.com/market-research/report-store/malaysia-logistics-market-research-report/#:~:text=Size%2C%202025%2D2030,Market%20Overview,advancements%2C%20and%20burgeoning%20manufacturing%20sectors.> (дата обращения: 02.12.2025).

23 Морская портовая система Вьетнама модернизируется и привлекает иностранные инвестиции = 越南海港系统正在升级并吸引外资 // B&Company. – 2025. – 8 апреля. – Кит. яз. – URL: <https://b-company.jp/zh/vietnams-seaport-system-is-in-the-process-of-upgrading-and-attracting-foreign-investment/#:~:text=尽管越南海港系统取得,隶属于交通部管理。> (дата обращения: 02.12.2025).

24 Полное руководство по морским портам Вьетнама в 2025 году: стратегический выбор и оптимизация затрат = 2025年越南海港港口终极指南: 战略选择与成本优化全解析 // VICO Logistics. – 2025. – Кит. яз. – URL: <https://vico.com.hk/zh/resource/news/shipping-ports-in-vietnam> (дата обращения: 01.12.2025).

Анализ динамики *LPI* Филиппин за указанный период демонстрирует наиболее выраженный прогресс среди всех экономик региона (рейтинг *LPI* 65→43). Хотя абсолютные показатели на Филиппинах остаются умеренными (*LPI* 2,69→3,30), устойчивый рост, особенно в отслеживании грузов (2,65→3,90, рейтинг 69→21) и логистических услугах (2,65→3,30, рейтинг 70→46)²⁵ (см. таблицу 1), указывает на успешные усилия по интеграции в региональные и глобальные цепочки поставок. Общая траектория развития подтверждает эффективность реализуемых государственных программ модернизации логистической системы²⁶.

Анализ выявляет и проблемные зоны. Таиланд и Индонезия²⁷ демонстрируют снижение своих позиций в мировом рейтинге (34→31 и 61→43 соответственно), что указывает на сниженные темпы развития их логистических систем по сравнению с региональными конкурентами. Камбоджа (рейтинг *LPI* 115→81) остается в группе аутсайдеров с крайне низкими показателями, особенно в части инфраструктуры и таможенных процедур, что серьезно ограничивает ее транзитный потенциал и конкурентоспособность.

Компаративный анализ динамики субиндексов *LPI* за 2023 г. для стран ВАРС позволяет сделать ряд выводов о ключевых тенденциях в развитии региональной логистики. По большинству анализируемых показателей наблюдается явное лидерство группы развитых экономик, включающей Син-

гапур, Гонконг, Японию, Республику Корею, Тайвань и Китай. Их опережение особенно заметно в таких критически важных для современной торговли аспектах, как качество логистической инфраструктуры и способность осуществлять международные перевозки. Это свидетельствует о наличии технологически продвинутых портово-логистических комплексов в этих странах, глубоко интегрированных в глобальные цепочки поставок (рисунок 2а).

В то же время государства ЮВА, такие как Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Индонезия, Филиппины и Камбоджа, демонстрируют несколько более низкие результаты (рисунок 2б). Наиболее существенный разрыв наблюдается именно в качестве инфраструктуры, что указывает на наличие значительного потенциала для инвестиций в модернизацию портовых мощностей, складского хозяйства и наземных транспортных коридоров. При этом показатели, связанные с операционной эффективностью (своевременность доставки, возможность отслеживания грузов и пр.), находятся на более высоком уровне, что позволяет говорить об успешном освоении современных логистических технологий и управленческих практик даже в условиях менее развитой инфраструктурной базы.

На региональном уровне рост *LPI* в Восточной Азии отражает углубление экономической интеграции, особенно в рамках таких инициатив, как Всестороннее региональное экономическое партнерство²⁸ и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

25 Logistics Performance Index (LPI) // The World Bank. – 2023. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 22.11.2025).

26 Bautista J.J. (2024). Navigating PH's Investment Landscape: Where to Invest? // Department of Transportation. – May 27. – URL: <https://www.bsp.gov.ph/Pages/IRG/DOT%20Manila%20May.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

27 Haryoprato A. (2024). Why Indonesia is Losing the Global Trade War to Southeast Asia // Indonesian IBC Centers. – January 15. – URL: <https://cefd.ibc-institute.id/why-indonesia-is-losing-the-global-trade-war-to-southeast-asia/> (дата обращения: 02.12.2025).

28 Regional Comprehensive Economic Partnership // RCEP. – 2025. – URL: <https://rcepsec.org/> (дата обращения: 26.11.2025).

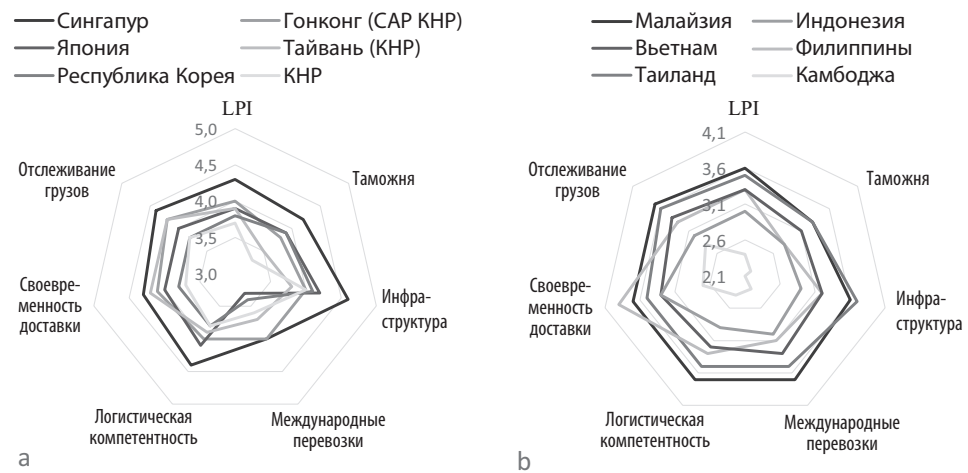

Рисунок 2. Индекс логистической эффективности ВАПС, 2023 г.

Figure 2. Logistics Performance Index of East Asian Port System States, 2023

Составлено автором по: Logistics Performance Index (LPI) // Worldbank. – 2023. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 22.11.2025).

Снижение тарифных барьеров и гармонизация таможенных процедур способствовали улучшению показателей международных перевозок и своевременности доставки [Ноздрев, 2025, с. 44–60].

На динамику *LPI* в ВАСП также повлияли внешние факторы. Торговая война между США и Китаем [Чжоу, 2025, с. 180–185] привела к переориентации грузопотоков через Вьетнам, Малайзию и Таиланд. Пандемия *COVID-19*, вызвавшая глобальные сбои в логистике, ускорила цифровую трансформацию в регионе, что особенно заметно в сфере отслеживания грузов. Островные споры в Южно-Китайском море и ситуация с Тайванем создают риски для морских перевозок, что может негативно сказаться на будущих значениях индекса.

Переориентация грузопотоков в ВАПС обусловлена и другими факторами (таблица 2), включающими развитие инфраструктуры во Вьетнаме, Малайзии и Таиланде, а также измене-

ния в моделях мировой торговли. Эти страны стратегически позиционируют себя так, чтобы извлечь выгоду из этих изменений, увеличивая свои портовые мощности, улучшая логистические сети и способствуя более тесным торговым связям с ключевыми партнерами, такими как Китай и Россия.

Глобальная роль логистики в укреплении позиций Восточной Азии как центра глобальной торговли подтверждается ростом *LPI* в странах региона. Сингапур, Гонконг и Шанхай остаются критически важными узлами международных цепочек поставок, в то время как КНР, благодаря ИПП, расширяет свое влияние на логистику Евразии и других регионов. Усиление протекционизма и фрагментация глобальной торговли создают вызовы для дальнейшего роста *LPI*. Динамика *LPI* в ВАПС отражает сложное взаимодействие глобальных и региональных факторов, включая технологические изменения, торговые конфликты и интеграционные процессы.

Таблица 2. Ключевые движущие силы и тенденции переориентации грузопотоков ВАПС

Table 2. Key driving forces and trends in the reorientation of cargo flows in the East Asian port system

Развитие инфраструктуры	Вьетнам: модернизация портовой системы с упором на глубоководные причалы в порту Лачхуен в Хайфоне с целью увеличения годового грузооборота до 1,25–1,5 млрд т к 2030 г.
	Малайзия: расширение портов и развитие внутренних портов, таких как внутренний порт Перлис, а также связанных с ним железнодорожных сетей, чтобы стать крупными «воротами» для региональной и международной торговли
	Таиланд: расширение порта Лаем Чабанг (этап 3) с целью увеличения пропускной способности контейнеров до 18 млн TEU к 2029 г. и развитие интегрированного железнодорожного узла
Изменение торговых моделей	Смещение экспорта из Китая в США, при этом экспорт стран АСЕАН в США превышает экспорт в Китай
	Вьетнам и Малайзия демонстрируют устойчивый рост экспорта, при этом в 2024 году Вьетнам опередит Малайзию
	Расширение торговли с Россией через прямые судоходные пути, такие как между Вьетнамом и Владивостоком
Региональная интеграция	Усилия по гармонизации таможенных процедур и совершенствованию правил трансграничных грузоперевозок в рамках АСЕАН
	Развитие единого рынка судоходства АСЕАН для дальнейшей либерализации услуг судоходства в регионе
Стратегическое партнерство	Малайзия: стремится усилить свою роль в глобальных цепочках создания стоимости, став «воротами» для китайских, тайских и внутренних грузов стран АСЕАН
	Вьетнам: использует свое местоположение и политику либерализации торговли для усиления своей роли как регионального логистического центра

Составлено автором по: FESCO to launch shipping line between Vietnam and Malaysia // Vietnam Investment Review. – 2024. – August 16. – URL: <https://vir.com.vn/fesco-to-launch-shipping-line-between-vietnam-and-malaysia-113666.html#:~:text=It%20is%20hoped%20that%20FIAS,line%20between%20Vietnam%20and%20Vladivostok> (дата обращения: 02.12.2025); Malaysia Eyes Trade Growth with China, Thailand via Rail and Port // ASEAN Briefing. – 2025. – May 7. – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/malaysia-eyes-trade-growth-with-china-thailand-via-rail-and-port/#:~:text=Malaysia's%20infrastructure%20moves%20come%20at,role%20in%20global%20value%20chains.&text=ASEAN%20Briefing%20is%20one%20of,content%20products%2C%20please%20click%20here> (дата обращения: 20.11.2025); Regional freight transport infrastructure and policy in Southeast Asia: An overview (Working Paper). – Paris : International Transport Forum, 2025. – 49 p.; Vietnam outpaces Malaysia and Thailand in 2024 export growth // Nikkei Asia. – 2025. – February 24. – URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade/Vietnam-outpaces-Malaysia-and-Thailand-in-2024-export-growth> (дата обращения: 23.11.2025); Optimize Your Supply Chain with DB Schenker Cross-Border Trucking in Southeast Asia // DB Schenker. – 2023. – August 16. – URL: <https://www.dbschenker.com/kh-en/insights/news-and-stories/press-releases/optimize-your-supply-chain-with-db-schenker-cross-border-trucking-in-southeast-asia-586282#:~:text=Car-go%20trucks%20restrictions,change%20conveyances%20when%20crossing%20borders> (дата обращения: 23.11.2025).

Геоэкономические стратегии как фактор трансформации иерархии в ВАПС

Воздействие геоэкономических стратегий на конкурентный ландшафт ВАПС носит системный характер, приводя не просто к усилению отдельных игроков, а к фундаментальной пере-

стройке региональной портовой иерархии. Ключевым драйвером этой трансформации выступает китайская ИПП, в рамках которой Морской шёлковый путь XXI в. целенаправленно формирует новую конфигурацию глобальных логистических потоков. Данная стратегия реализуется через масштабные инвестиции в портовую инфраструк-

туру как внутри страны, так и за рубежом [Семенова, 2023а, с. 135–148]. Внутренние инвестиции концентрируются на консолидации и модернизации крупнейших хабов, таких как Шанхай, Нинбо-Чжоушань и Шэньчжэнь, превращая их из национальных ворот в глобальные узлы, способные аккумулировать и перераспределять трансконтинентальные грузопотоки. Это объективно повышает пороговый уровень конкуренции для портов других стран региона, вынужденных теперь конкурировать не столько с отдельными китайскими портами, сколько с интегрированной и субсидируемой государством портовой системой Китая.

Инвестиционная стратегия Китая в рамках ИПП представляет собой попытку трансформировать портовую инфраструктуру из национального публичного блага в глобальное «клубное» благо [Smith, 2025], доступ к которому и правила пользования которым определяются растущим числом китайских игроков. Это меняет саму природу конкуренции.

Одновременно стратегия внешних инвестиций ИПП, осуществляемая через корпорации, такие как *China COSCO Shipping* (COSCO, 中国远洋海运集团有限公司) и *China Merchants Group* (CMG, 招商局集团), нацелена на приобретение стратегических активов вдоль ключевых морских маршрутов [Чэнь Пэйжань, Ван Чэньзинь, Лю Вэйдун, 2019, с. 973–987]. Приобретение контрольных пакетов акций или долгосрочная аренда ключевых мировых портов, таких как Пирей (Греция), Порт-Кланг (Малайзия) или Хайфа (Израиль) и другие, позволяют Китаю не только обеспечивать надежность своих цепочек поставок, но и активно влиять на маршру-

тизацию грузов. Это создает ситуацию, при которой традиционные конкуренты из числа портов Японии (Иокогама, Нагоя) или Южной Кореи (Пусан) сталкиваются с тем, что их транзитный потенциал может быть ослаблен в пользу портов, интегрированных в китайскую логистическую сеть. Порт Пусан, исторически являвшийся ключевым хабом Северо-Восточной Азии, теперь вынужден пересматривать свою стратегию в условиях, когда китайские порты предлагают прямые и эффективные связи с Европой через сухопутные и морские коридоры ИПП, минуя необходимость перевалки в корейском хабе²⁹. Ситуация с портом Пусан наглядно иллюстрирует классическую акторно-структурную проблему международных отношений [Franke, Roos, 2024; Тимофеев, 2010, с. 11–14]. С одной стороны, порт выступает как заложник структурных изменений (структура – китайская ИПП, перестраивающая глобальные логистические потоки). С другой стороны, он сохраняет свою акторность (способность к стратегическому действию), инвестируя в «умную» логистику и оптимизацию таможенных процедур (что отражено в росте *LPI*, см. таблицу 1). Если смотреть в терминах теории А. Вендта, здесь наблюдается не односторонняя детерминация, а процесс взаимного конституирования: структурный сдвиг вынуждает порт к поиску новой идентичности и стратегии, тогда как успешность этой стратегии будет влиять на будущую конфигурацию региональной портовой иерархии [Wendt, 2025, p. 103–130].

Ответные стратегии других региональных держав также оказывают существенное влияние на конкуренцию. В частности, японская инициатива

29 Чо Ки-Ван. Экспорт Южной Кореи и Китая переходит к конкуренции. Взаимодополняемость и синхронизация экспорта могут исчезнуть = 趙啟完. 韩中出口转为为竞争关系. 出口互补同步化或消失 // Hankyoreh Media Group. – 2023. – 2 февраля. – Кит. яз. – URL: <https://china.hani.co.kr/arti/economy/12207.html> (дата обращения: 29.11.2025).

«Партнерство для качественной инфраструктуры» (*Partnership for Quality Infrastructure*) [Katada, 2020]³⁰, а также индийские стратегии «Безопасность и развитие для всего региона» (*Security and Growth for All in the Region, SAGAR*) и «Индо-Тихоокеанская инициатива» (*Indo-Pacific Oceans Initiative, IPOI*) направлены на предложение альтернативных моделей финансирования и развития портовой инфраструктуры в странах ЮВА и Индийского океана. Это вносит элемент геоэкономического противоборства в портовую конкуренцию, когда выбор страны-реципиента в пользу того или иного инвестора определяет будущую интеграцию ее порта в соответствующую альянсированную логистическую сеть. Например, развитие порта Ченнаи (Индия) при поддержке Японии³¹ создает альтернативный узел, конкурирующий с китайскими проектами в Шри-Ланке (порт Хамбантота) и Бангладеш (порты Чаттограм и Монгла), тем самым фрагментируя региональное пространство на сферы влияния.

Геоэкономические стратегии и в первую очередь ИПП трансформируют саму природу конкуренции в ВАПС. Конкуренция смещается с микроуровня (тарифы, производительность терминалов) на макроуровень, где порт-победитель определяется способностью быть не просто точкой перевалки, а интегрированным элементом глобальной логистической сети, контролируемой крупной державой. Это приводит к перераспределению ролей. Китайские порты укрепляются в статусе доминирующих. Порты других стран либо занимают нишевые пози-

ции (специализация на определенных типах грузов, обслуживание фидерных маршрутов), либо, попав в орбиту одной из геоэкономических стратегий, становятся второстепенными узлами в новой политически детерминированной иерархии.

Цифровая трансформация как фактор конкуренции в портовой системе Восточной Азии: от операционной эффективности к контролю над данными

Современное развитие новых технологий добавляет новые межпортовые конкурентные компоненты. Цифровая трансформация становится еще одним фактором, кардинально меняющим природу конкуренции в ВАПС, способствуя формированию новой технологически детерминированной иерархии. В отличие от традиционных факторов, таких как географическое положение или глубина акватории, цифровизация создает качественно новые барьеры и источники конкурентного преимущества [Леонтьев, 1990], перераспределяя роли между портами региона.

Ключевым проявлением этой трансформации является реализация Китаем стратегии создания «Цифрового шелкового пути» [Сюй Фэн, Го Чаосянь, 2023, с. 41–47], в рамках которой происходит активное внедрение сквозных цифровых платформ, объединяющих логистические цепочки. Конкретными инструментами выступают разрабатываемые китайскими компаниями платформы на основе блокчейна для управ-

30 Partnership for Quality Infrastructure // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000117998.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

31 The Project on Improvement of Chennai Port Operation (Phase II) // Japan International Cooperation Agency. – 2018. – 78 p. – URL: https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12302287_01.pdf#:~:text=Chennai%20Port%20plays%20a%20strategic%20role%20in,a%20vital%20role%20for%20the%20Japanese%20companies. (дата обращения: 30.11.2025).

ления цепочками поставок [Чэнь Ивэнь, 2019, с. 86–90], обеспечивающие неизменяемость и прозрачность документации, а также системы искусственного интеллекта (ИИ) для прогнозирования грузопотоков и автономной оптимизации обработки судов в портах. Например, внедрение технологии «умного порта» в Шанхае³², включающей автоматизированные краны и систему управления на основе Интернета вещей (IoT), радикально повысило его пропускную способность и надежность, укрепляя позиции в качестве глобального хаба. Это создает для других портов региона, таких как Пусан или Кобе, эффект «догоняющего развития», вынуждая их совершать значительные капиталовложения в цифровую инфраструктуру лишь для сохранения текущих позиций, в то время как китайские хабы уже формируют технологический стандарт де-факто.

Помимо операционной эффективности, цифровая трансформация порождает новую форму конкуренции – за контроль над данными³³. Крупные китайские портовые операторы, аккумулируя массивы информации о грузопотоках, получают возможность предлагать клиентам не просто услуги перевалки, а комплексные логистические продукты, включая финансирование, страхование и предиктивную аналитику. Это позволяет им захватывать большую долю добавленной стоимости, трансформируясь из узлов перевалки в центры управления целыми цепочками создания стоимости. Для портов стран АСЕАН, кото-

рые зачастую не обладают ресурсами для создания сопоставимых цифровых экосистем, это означает риск маргинализации и закрепления за ними роли исключительно фидерных терминалов, обслуживающих китайские хабы. Их конкурентоспособность начинает определяться не тарифами, а способностью к бесшовной интеграции в цифровые платформы, контролируемые более крупными игроками.

Цифровая трансформация усугубляет расслоение внутри ВАПС, ведя к концентрации функций управления и максимальной добавленной стоимости в технологически продвинутых портах-хабах, прежде всего китайских. Порты, не прошедшие цифровую модернизацию, сталкиваются с риском снижения до статуса периферийных узлов с ограниченным влиянием на маршрутизацию грузов. В результате конкуренция смещается из плоскости операционных издержек в плоскость технологического лидерства и контроля над цифровыми экосистемами, что закрепляет новую, более жесткую иерархию в Восточно-Азиатской портовой системе. Здесь цифровизация выступает катализатором углубления монополистической конкуренции [Rothschild, 1987, р. 34–54]. Контроль над данными становится ключевым фактором дифференциации, а способность порта генерировать межотраслевые эффекты (предлагать финансы, страхование, аналитику) окончательно отделяет лидеров (технологических хабов) от аутсайдеров, закрепляя новую иерархию.

32 «Умный мозг» Шанхайской международной портовой группы повышает интеллектуальность портов = 上港集团智慧大脑助力港口智能化 // Комиссия по надзору и управлению государственными активами при Госсовете КНР = 国务院国有资产监督管理委员会. – 2024. – 8 апреля. – Кит. яз. – URL: <http://www.sasac.gov.cn/n2588025/n2588129/c30480732/content.html> (дата обращения: 26.11.2025).

33 Addagada T. Corporate Data Governance: The Cornerstone of Successful Digital Transformation // DATAVERSITY.net. – 2024. – December 26. – URL: <https://www.dataversity.net/corporate-data-governance-the-cornerstone-of-successful-digital-transformation/#:~:text=Digital%20transformation%20is%20no%20longer%20a%20luxury,customer%20experiences%2C%20and%20open%20new%20market%20opportunities.> (дата обращения: 26.11.2025).

С точки зрения акторно-структурной проблемы цифровая трансформация выступает ключевым инструментом акторности портов в условиях структурных ограничений. Внедрение цифровых платформ и ИИ позволяет не пассивно адаптироваться к геополитическим сдвигам, а активно формировать свою нишу, выступая медиатором, через который реализуется взаимное конституирование агентов и структур.

Интеграционные процессы в Восточной Азии: новая конкуренция портов за роль в логистических альянсах и цепочках создания стоимости

Углубление региональных интеграционных процессов оказывает комплексное влияние на трансформацию конкурентного ландшафта Восточно-Азиатской портовой системы, создавая одновременно условия как для кооперации, так и для обострения конкуренции. Ключевым фактором выступает вступление в силу ВРЭП, которое объединяет страны АСЕАН, Китай, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Формально направленное на снижение таможенных барьеров и унификацию правил торговли партнерство объективно интенсифицирует товарные потоки внутри региона, что повышает нагрузку на портовую инфраструктуру и обостряет конкуренцию за статус ключевых логистических хабов для обслуживания расширяющегося рынка [Акимов, 2024, с. 5–19].

В этих условиях порты начинают конкурировать еще и способностью интегрироваться в формирующиеся сквозные логистические коридоры и предлагать клиентам комплексные услуги в рамках единого экономического пространства. Китай, используя преимущества масштаба своей экономики

и опережающего развития портовой инфраструктуры, стремится консолидировать роль центрального узла в новой конфигурации. Крупнейшие китайские порты (Шанхай, Нинбо-Чжоушань и др.) усиливают свои позиции в качестве транзитных хабов первого порядка, через которые осуществляются консолидация и распределение грузов для всего региона. Это создает вызов для традиционных региональных лидеров, в частности для порта Сингапур, чья историческая роль общерегионального хаба ставится под вопрос в условиях большей открытости рынков и прямых связей между экономиками материковой Восточной Азии.

Одновременно интеграция стимулирует процессы специализации и формирования субрегиональных центров влияния. Порты стран АСЕАН, такие как Порт-Кланг (Малайзия) или Лаем Чабанг (Таиланд), в условиях действия ВРЭП получают импульс к развитию, но их конкурентоспособность всё в большей степени определяется способностью занять нишевые позиции в качестве специализированных хабов для определенных видов грузов или фидерного обслуживания, эффективно дополняя, а не оспаривая лидерство китайских гигантов. Влияние интеграции проявляется и в активизации инвестиционного сотрудничества. Страны, особенно Китай, инвестируют в порты не только для упрощения торговли, но и для усиления своего влияния как морских держав и преобразования глобальных торговых сетей [Identifying..., 2025]. Китай и Япония достигли существенного консенсуса по сотрудничеству на рынках третьих сторон. Сотрудничество между двумя странами всё еще имеет потенциал, способствуя взаимодополняемости сильных сторон и достижению взаимной выгоды [У Чонгбо, Ван Ди, 2020, с. 12].

Унификация правил облегчает трансграничные инвестиции портовых операторов, что ведет к переплетению капиталов и формированию транснациональных портовых альянсов. В результате конкуренция всё чаще происходит не между портами разных юрисдикций, а между глобальными логистическими сетями, контролируемыми крупными игроками, такими как китайская COSCO или датская *Maersk*, что приводит к перераспределению функций внутри этих сетей и закреплению за портами определенных ролей: глобального хаба, регионально-го распределительного центра или узла конечного обслуживания.

Интеграционные процессы, снижая формальные барьеры, качественно меняют природу портовой конкуренции в Восточной Азии, смещая ее фокус в плоскость борьбы за интеграцию в формирующиеся сквозные логистические цепочки и за определение специализации в рамках новой, более сложной и многоуровневой региональной иерархии.

Заключение

Проведенный анализ, опирающийся на концепцию общественных благ и монополистической конкуренции, подтвердил, что ключевым фактором трансформации конкурентного поля ВАПС является комплексное воздействие геоэкономических стратегий, цифровой трансформации и региональных интеграционных процессов, приводящее к фундаментальному перераспределению ролей в существующей портовой иерархии. Выявленная смена парадигмы конкуренции (от тарифов к интеграции в цепочки поставок) эмпирически подтверждает теоретический тезис о возрастающей роли неценовой дифференциации и превращении инфраструктуры в «клубное»

благо в условиях углубляющейся регионализации.

Агрессивная инвестиционная политика Китая в рамках ИПП, нацеленная на создание управляемой логистической сети от ЮВА до Европы, способствует возвышению китайских портов-хабов в статус глобальных узлов, одновременно подчиняя себе функции портов-спутников в соседних странах. Этот геоэкономический сдвиг усугубляется активной цифровизацией логистических платформ, где внедрение технологий блокчейна, ИИ и Интернета вещей китайскими операторами создает новую форму конкурентного преимущества (контроль над данными и стандартами), что закрепляет лидерство первых и создает технологический барьер для отстающих. Параллельно углубление региональных интеграционных процессов, таких как ВРЭП, формально снижая таможенные барьеры, на практике интенсифицирует конкуренцию за узловые функции в едином экономическом пространстве, вынуждая порты специализироваться и встраиваться в сложные мультимодальные цепочки.

В терминах акторно-структурной проблемы исследование выявило сложную диалектику внешней детерминации и внутренней агентности. Геополитические стратегии (структурный уровень) действительно задают макроконфигурацию портовой иерархии, формируя «коридор возможностей» для всех участников. Однако, вопреки упрощенному структурному детерминизму, порты сохраняют и наращивают свою акторность, а именно способность к стратегическому выбору, реализуемому через инвестиции в цифровизацию, оптимизацию процедур и интеграцию в транснациональные логистические альянсы. Структура (ИПП, ВРЭП) формирует правила игры, но акторный выбор портов определяет их конкретную

траекторию внутри этого коридора и в конечном счете влияет на воспроизводство или трансформацию самой структуры.

В результате традиционная конкуренция на основе тарифов и пропускной способности замещается стратегическим соперничеством за место в перестраивающейся архитектуре глобальных цепочек поставок, где успех определяется способностью порта интегрировать функции распределительного, производственного и цифрового хаба. Тем самым порты ВАПС выступают одновременно и заложниками геополитики, и акторами, чей стратегический выбор опосредует влияние структурных факторов и определяет их итоговую позицию в новой региональной иерархии. Эта позиция всё в большей степени зависит от стратегических решений и уровня технологической зрелости, нежели от чисто операционных показателей.

Список литературы

Акимов А.В. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: регулирование внешней торговли // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 5–19. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-5-19.

Вороненко А.К., Смирнов С.М., Холоша М.В. Интеграционные процессы в транспортной системе Северо-Восточной Азии: реалии и прогнозы // Тихоокеанская география. – 2024. – № 1. – С. 34–45. – DOI: 10.35735/26870509_2024_17_3.

Леонтьев В.В. Экономические эссе: Теории, исследования, факты и политика. – Москва : Политиздат. – 1990. – 414 с.

Ноздрев С.В. Глобальные цепочки создания стоимости в Азии на новом этапе международной конкуренции // Российский внешнеэкономический

вестник. – 2025. – № 2. – С. 44–60. – DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-44-60.

Парамонов О.Г. Внешнеполитический аспект транспортно-логистических процессов в Восточной Азии // Международная аналитика. – 2018. – № 4 (26). – С. 47–55.

Семенова Н.К. Заморские порты Китая: эволюция, география, инвестиционная структура // Восток (*Oriens*). – 2023a. – № 3. – С. 135–148. – DOI: 10.31857/S086919080025431-1.

Семенова Н.К. Морские порты Китая: современное состояние и перспективы. – Москва : ИВ РАН. – 2023с. – 472 с.

Семенова Н.К. Порты Вьетнама: становление нового лидера? // Вьетнамские исследования. – 2023b. – Т. 7, № 3. – С. 18–30. – DOI: 10.54631/V.S.2023.73-352575.

Семенова Н.К. Порты Тайваня – ключевая инфраструктура или интеграционный механизм воссоединения? // Азия и Африка сегодня. – 2023d. – № 3. – С. 21–29. – DOI: 10.31857/S032150750025001.

Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: реалии и прогнозы XXI века // Мировое и национальное хозяйство. – 2023. – № 1 (61). – С. 74–105.

Тимофеев О.А. Государство как актор в современной науке о международных отношениях // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 48. – С. 11–14.

Чжоу Ц. Торговая война между США и Китаем: экономические последствия и риски для мировой стабильности // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 9 (127). – С. 180–185. – DOI: 10.24412/2411-0450-2025-9-180-185.

Chamberlin E.H. The Theory of Monopolistic Competition. – Cambridge : Harvard University Press, 1933. – 213 p.

Franke U., Roos U. Actor-Structure Problem in Public Policy // *Encyclopedia of Public Policy* / Ed. by M. van Gerwen, C. Rothmayr Allison, K. Schubert. – Cham: Springer, 2024. – DOI: 10.1007/978-3-030-90434-0_109-1.

Hettne B., Inotai A. The New Regionalism Implications for Global development and International Security. – Helsinki : WIDER, 1994. – 92 p. – DOI: 10.22004/AG.ECON.295305.

Hettne B. Globalization, the New Regionalism and East Asia // *Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar '96 Shonan Session*. – Tokyo : UNU, 1996. – 55 p. – P. 4–19.

Identifying and explaining the distribution of Chinese-Affiliated Ports around the world: A case control design / Spencer M.D., Christiansen E., Pires S.F., Tsai C.-H., Gondhali U., Petrossian G. // *Ocean & Coastal Management*. – 2025. – N 269. – Article 107819. – DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2025.107819.

Katada S.N. Japan's New Regional Reality: Geoeconomic Strategy in the Asia-Pacific. – New York : Columbia University Press, 2020. – Xvi, 319 p. – DOI: 10.7312/kata19072.

Notteboom T., Pallis A., Rodrigue J.-P. Port Economics, Management and Policy. – New York : Routledge, 2022. – 690 p.

Research on Performance Evaluation of Chinese Ports in the «Belt and Road» Region / Quan Dai, Fulati Y., Yuhao Ge, Yulin Cao // *Proceedings of the 2025 10th International Conference on Financial Innovation and Economic Development (ICFIED 2025)*. – Dordrecht : Atlantis Press, 2025. – P. 769–775. – DOI: 10.2991/978-94-6463-702-1_78.

Rothschild R. The Theory of Monopolistic Competition: E.H. Chamberlin's Influence on Industrial Organisation Theory over Sixty Years // *Journal of Economic Studies*. – 1987. – Vol. 14, N 1. – P. 34–54. – DOI: 10.1108/eb002641.

Seas and Waterways of the World. Encyclopedia of History, Uses, and Issues / Ed. by Zumerchik J., Danver S.L. – Santa Barbara, CA : ABC-CLIO, 2009. – 800 p.

Semenova N.K. Hong Kong port: the former and future leader of the port industry? *Eastern Analytics*. – 2024. – Vol. 14, N 1. – P. 127–145. – DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01-127-145.

Smith A. The Wealth of Nations. – New York : Simon & Brown, 2025. – 482 p.

Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory / Trans. Ahmed Qassem Hussein // *Siyasat Arabiya*. – 2025. – Vol. 13, N 72. – P. 103–130. – DOI: 10.31430/HORD8558.

Yu Hang, Gong Yu, Liu Jun (2023). A systematic literature review on port competitiveness // *International Journal of Logistics Research and Applications*. – Vol. 28, N 7. – P. 720–744. – DOI: 10.1080/13675567.2023.2187355.

Исследование эволюции системы контейнерных портов АСЕАН = 东盟集装箱港口体系的演变规律研究 / Нрыен Тхиен, Чжан Цзинь, Ли Гоци, Цуй И = Nguen Thiyeen, 张锦, 李国旗, 崔异 // *Human Geography = 人文地理*. – 2017. – Т. 32, № 4. – С. 108–114. – Кит. яз. – DOI: 10.13959/j.issn.1003-2398.2017.04.015.

Сюй Фэн, Го Чаосянь = 徐枫, 郭朝先. Десять лет достижений и перспективы цифрового Шёлкового пути = 数字丝绸之路建设十年成就与未来展望 // *Обзор развития Китая = 国发展观察*. – 2023. – № Z1. – С. 41–47. – Кит. яз.

У Чонгбо, Ван Ди = 吴崇伯, 王迪. Развитие морской экономики Филиппин и ее сотрудничество с Китаем и Японией = 菲律宾海洋经济发展及其与中日合作 // *Журнал Университета Шаньтоу: Гуманитарные и социальные науки = 汕头大学学报: 人文社会科学版*. – 2020. – Т. 36, № 2. – С. 12. – Кит. яз. – DOI: CNKI:SUN:RWST.0.2020-02-010.

Чэнь Ивэнь = 陈艺文 (2019). Разработка и внедрение системы управления цепочками поставок на основе

блокчейна = 基于区块链的供应链管理系统设计与实现 // Contemporary Computers = 现代计算机. – 2019. – № 3. – С. 86–90. – Кит. яз.

Чэнь Пэйжань, Ван Чэнцзинь, Лю Вэйдун = 陈沛然, 王成金, 刘卫东 (2019). Пространственная эволюция

модели инвестиций в зарубежные порты Китая и ее механизм = 基于区块链的供应链管理系统设计与实现 // Progress in Geography = 地理科学进展. – 2019. – Т. 38, № 7. – С. 973–987. – Кит. яз. – DOI: 10.18306/dlkxjz.2019.07.003.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.05

Transformation of the Competitive Landscape in the East Asian Port System

Nelli K. SEMENOVA

PhD (Political Sciences), Leading Researcher

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

CITATION: Semenova N.K. (2026). Transformation of the Competitive Landscape in the East Asian Port System. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 73–96 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.05

Received: 04.12.2025.

Revised: 11.03.2026.

ABSTRACT. *This article analyzes the fundamental changes in the competitive landscape of the East Asian Port System (EAPS), which handles over 40% of the global container cargo turnover. The study aims to identify the key factors driving the transformation of the regional port hierarchy amidst global economic instability, geopolitical tensions, and the technological revolution in logistics. The research undertakes a retrospective analysis of the evolving balance of power within the EAPS, a comparative assessment of the logistics efficiency of the region's key economies based on the World Bank's Logistics Performance Index*

(LPI) for 2007–2023, and an examination of the role of geo-economic strategies, digitalization, and integration processes in reshaping inter-port competition. The paper's structure encompasses an analysis of historical dynamics, contemporary differentiation in logistics development, the impact of the Belt and Road Initiative and the response strategies of regional powers, as well as the influence of digital platforms and regional trade agreements. The main findings indicate a paradigm shift in competition: traditional rivalry based on tariffs and capacity is giving way to a strategic struggle for integration into global supply chains. China

emerges as the primary beneficiary of this transformation, as its ports, through investment expansion and digitalization, consolidate their status as global hubs. Concurrently, ports in Japan and ASEAN countries face the risk of marginalization, thereby cementing a new, more rigid multi-tiered hierarchy in the region.

KEYWORDS: East Asian Port System (EAPS), competition, strategies, transformation, integration.

References

- Akimov A.V. (2024). Comprehensive Regional Economic Partnership: Regulation of Foreign Trade. *International Trade and Trade Policy*. Vol. 10, no. 1, pp. 5–19 (in Russian). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-5-19.
- Chamberlin E.H. (1933). *The Theory of Monopolistic Competition*. Cambridge: Harvard University Press, 213 pp.
- Chen Peiran, Wang Chengjin, Liu Weidong (2019). Spatial Evolution of China's Overseas Port Investment Pattern and Its Mechanism. *Progress in Geography*. Vol. 38, no. 7, pp. 973–987 (in Chinese). DOI: 10.18306/dlxjz.2019.07.003.
- Chen Yiwen (2019). Design and Implementation of a Blockchain-Based Supply Chain Management System. *Contemporary Computers*. No. 3, pp. 86–90 (in Chinese).
- Franke U., Roos U. (2024). Actor-Structure Problem in Public Policy. In: van Gerven M., Rothmayr Allison C., Schubert K. (eds). *Encyclopedia of Public Policy*. Cham: Springer. DOI:10.1007/978-3-030-90434-0_109-1.
- Hettne B., Inotai A. (1994). *The New Regionalism Implications for Global development and International Security*. Helsinki: WIDER. 92 pp. DOI: 10.22004/AG.ECON.295305.
- Hettne B. (1996). Globalization, the New Regionalism and East Asia. In: *Selected Papers Delivered at the United Nations University Global Seminar '96 Shonan Session*. Tokyo: UNU, pp. 4–19.
- Identifying... (2025). Spencer M.D., Christiansen E., Pires S.F., Tsai C.-H., Gondhali U., Petrossian G. Identifying and explaining the distribution of Chinese-Affiliated Ports around the world: A case control design. *Ocean & Coastal Management*. No. 269, article 107819. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2025.107819.
- Issledovaniye evolutsii... (2017). Nguen Thiye, Zhang Jin, Li Guoqi, Cui Yi. The Evolving Regularity of ASEAN Container Port System. *Human Geography*. Vol. 32, no. 4, pp. 108–114 (in Chinese). DOI: 10.13959/j.issn.1003-2398.2017.04.015.
- Katada S.N. (2020). *Japan's New Regional Reality: Geoeconomic Strategy in the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press, xvi + 321 pp. DOI: 10.7312/kata19072.
- Leontiev V.V. (1990). *Economic Essays: Theories, Research, Facts and Policy*. Moscow: Politizdat, 414 pp. (in Russian)
- Notteboom T., Pallis A., Rodrigue J.-P. (2022). *Port Economics, Management and Policy*. New York: Routledge. 690 pp.
- Nozdrev S.V. (2023). Global Value Chains in Asia at the New Stage of International Competition. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 2, pp. 44–60 (in Russian). DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-44-60.
- Paramonov O.G. (2018). Foreign policy aspect of transport and logistics processes in East Asia. *International Analytics*. No. 4 (26), pp. 47–55 (in Russian).
- Research on... (2025). Quan Dai, Fulati Y., Yuhao Ge, Yulin Cao. Research on Performance Evaluation of Chinese Ports in the «Belt and Road» Region. *Proceedings of the 2025 10th International Conference on Financial Innovation and Economic Development (ICFIED 2025)*. Dordrecht: Atlantis Press, pp. 769–775. DOI: 10.2991/978-94-6463-702-1_78.

Rothschild R. (1987). The Theory of Monopolistic Competition: E.H. Chamberlin's Influence on Industrial Organisation Theory over Sixty Years. *Journal of Economic Studies*. Vol. 14, no. 1, pp. 34–54. DOI: 10.1108/eb002641.

Sea and Waterways... (2009). Zumerchik J., Danver S.L. (eds.). *Seas and Waterways of the World. Encyclopedia of History, Uses, and Issues*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 800 pp.

Semenova N.K. (2023a). Overseas ports of China: evolution, geography, investment structure. *Vostok (Oriens)*. No. 3, pp. 135–148 (in Russian). DOI: 10.31857/S086919080025431-1.

Semenova N.K. (2023b). Ports of Vietnam: The Emergence of a New Leader? *Vietnam Studies*. Vol. 7, no. 3, pp. 18–30 (in Russian). DOI: 10.54631/VS.2023.73-352575.

Semenova N.K. (2023c). *Seaports of China: current state and development prospects*. Moscow: IOS RAS, 472 pp. (in Russian).

Semenova N.K. (2023d). Taiwan's ports: key infrastructure or an integration mechanism for reunification? *Asia and Africa Today*. No. 3, pp. 21–29 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750025001.

Semenova N.K. (2024). Hong Kong port: the former and future leader of the port industry? *Eastern Analytics*. Vol. 14, no. 1, pp. 127–145. DOI: 10.31696/2227-5568-2024-01-127-145.

Smith A. (2025). *The Wealth of Nations*. New York: Simon & Brown, 482 pp.

Timofeev O.A. (2010). The state as an actor in modern science of international relations. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*. No. 48, pp. 11–14 (in Russian).

Timonina I.L. (2023). Japan in Global Economy: Realities and Forecasts of the XXI Century. *World and National Economy*. No. 1 (61), pp. 74–105 (in Russian).

Voronenko A.K., Smirnov S.M., Kholosha M.V. (2024). Integration processes in the transport system of Northeast Asia: realities and forecasts. *Pacific Geography*. No. 1, pp. 34–45 (in Russian). DOI: 10.35735/26870509_2024_17_3.

Wendt A. (2025). The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. Trans. Ahmed Qassem Hussein. *Siyasat Arabiya*. Vol. 13, no. 72, pp. 103–130. DOI: 10.31430/HORD8558.

Wu Chongbo, Wang Di (2020). The development of the Philippine marine economy and its cooperation with China and Japan. *Journal of Shantou University: Humanities and Social Sciences Edition*. Vol. 36, no. 2, p. 12 (in Chinese). DOI: CNKI:SUN:RWST.0.2020-02-010.

Xu Feng, Guo Chaoxian (2023). Ten Years of Achievements and Future Prospects of the Digital Silk Road. *China Development Review*. No. Z1, pp. 41–47 (in Chinese).

Yu Hang, Gong Yu, Liu Jun (2023). A systematic literature review on port competitiveness. *International Journal of Logistics Research and Applications*. Vol. 28, no. 7, pp. 720–744. DOI: 10.1080/13675567.2023.2187355.

Zhou T. (2025). The US – China Trade War: Economic Consequences and Risks to Global Stability. *Economy and Business: Theory and Practice*. No. 9 (127), pp. 180–185. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-9-180-185 (in Russian).

УДК 339:338.49(1-925.2::1*RU)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.06

Институциональные и технико-экономические задачи развития электроэнергетики в странах Центральной Азии: роль Российской Федерации

Александра Александровна ПЕРМИНОВА

кандидат политических наук, руководитель Центра центральноазиатских исследований

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997;

доцент Департамента международных отношений

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 119017

E-mail: perminova@iccaras.ru

ORCID: 0000-0002-0187-7635

Никита Игоревич ИЛЛЕРИЦКИЙ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: ini@iccaras.ru

ORCID: 0000-0002-1944-861X

ЦИТИРОВАНИЕ: Перминова А.А., Иллерицкий Н.И. Институциональные и технико-экономические задачи развития электроэнергетики в странах Центральной Азии: роль Российской Федерации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 97–119. DOI: 10.31249/kgt/2026.01.06

Статья поступила в редакцию 18.02.2026.

Исправленный текст представлен 26.05.2026.

АННОТАЦИЯ. В рамках статьи проводится комплексный анализ структурных ограничений, препятствующих устойчивому развитию электроэнергетики государств Центральной Азии. Установлено, что ключевые барьеры

формируются под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов, среди которых особо выделяются фрагментация институциональной среды, водно-энергетическая асимметрия и значительный износ производ-

ственной и сетевой инфраструктуры. Проведенный анализ демонстрирует, что выявленные проблемы носят дуалистичный характер – они одновременно имеют институциональную и технико-экономическую природу. При этом возможности адекватного реагирования на обозначенные вызовы существенно ограничены дефицитом наднациональных, консенсусно-институциональных механизмов управления. Отсутствие эффективных форматов многостороннего взаимодействия между странами региона затрудняет выработку согласованных стратегий развития, синхронизацию инвестиционных программ и оптимизацию режимов работы трансграничных энергосистем. В данном контексте участие Российской Федерации анализируется не в рамках обобщенной геоэкономической парадигмы, а с акцентом на конкретные действующие и перспективные механизмы взаимодействия в энергетической сфере. Такой подход позволяет не только детализировать формы и масштабы российского участия в развитии региональной энергосистемы, но и обосновать его значимость как фактора снижения системных рисков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государства Центральной Азии, электроэнергетика, водно-энергетический комплекс, институты, энергетическое сотрудничество, Россия и Центральная Азия.

Электроэнергия является конечным и главным продуктом топливно-энергетического комплекса, и важность электроэнергетики с развитием экономики только растет. Высокополитизированный и активно продвигаемый усилиями глобальных институтов в 2010-х годах нарратив о повышении

энергоэффективности, энергосбережении и развитии возобновляемой электрогенерации любой ценой сегодня уже доказал свою несостоятельность. Потребление электроэнергии в мире растет даже вопреки замедлению темпов роста мировой экономики. Экономическое развитие во второй четверти XXI в. будет опираться на новую электрификацию – как по причине массового распространения личной электронной техники (от электромобилей до носимых устройств – всё требует регулярной подзарядки), так и в связи со взрывным ростом спроса на электроэнергию со стороны информационно-телекоммуникационной инфраструктуры: магистральных операторов стационарной связи, подвижной радиотелефонной связи в сетях пятого поколения и выше, а главное – центров обработки и хранения данных. Другим фактором становится пока не вполне изученное, но вполне явное изменение климата, помноженное на рост благосостояния населения многих стран мира: речь идет о значимом в глобальном масштабе росте энергозатрат на обогрев и кондиционирование (в том числе для тех же ЦОД)¹. Всё это делает электроэнергию фундаментом успешной экономики, а ее доступность, равно как доступность и допустимость использования, – неизбежным условием экономического роста для любой страны мира.

Для государств Центральной Азии вопросы надежности электроснабжения являются одними из наиболее важных в общем контексте ресурсобеспечения и развития инфраструктуры. Актуальность и острота проблем и вызовов, связанных с развитием электроэнергетического комплекса в регионе, только растет, что обусловлено несколь-

¹ Energy and AI. – Paris: IEA, 2025. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-and-ai>; Electricity Mid-Year Update 2025. – Paris: IEA, 2025. – URL: <https://www.iea.org/reports/electricity-mid-year-update-2025> (дата обращения 15.12.2025).

кими ключевыми тенденциями: экономическим ростом, ростом численности населения и, как результат, увеличением электроемкости их экономик, износом инфраструктуры в постсоветский период, а также стратегическими императивами, которые задаются лидерами и правительствами стран региона в настоящее время. Для Республики Казахстан, помимо продолжения общей индустриализации, это акцент на цифровизацию экономики с созданием крупных центров обработки данных², что потребует существенного усиления энергосистемы для Республики Узбекистан – консолидации экономического потенциала за счет развития инфраструктуры ради дальнейшего развития производственных мощностей, привлечения иностранных инвестиций и роста качества жизни³. Для Киргизской Республики и Республики Таджикистан стратегическим императивом является обеспечение надежности работы гидроэнергетики⁴, что тесно увязано с проблематикой водно-энергетического сотрудничества в регионе. Для Туркменистана остро стоит вопрос эффективной монетизации запасов природного газа, где экспортно ориентированная газовая электроэнергетика могла бы стать одним из векторов решения этой задачи.

Настоящее исследование опирается на сравнительно-институциональный

анализ, примененный к оценке трансформации электроэнергетических систем пяти стран Центральной Азии: Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана. В качестве основного метода используется декомпозиция ключевых характеристик электроэнергетики по странам с учетом их структуры, сезонной балансировки, институциональной среды и участия во внешних энергетических проектах. Методологически исследование сочетает анализ системных характеристик и институциональные сопоставления, позволяющие выделить общие региональные ограничения (фрагментация, сезонность, дефицит синхронизации) и потенциальные форматы сотрудничества как внутри региона, так и с вне-региональными акторами. Переход от страновых наблюдений к обобщенным выводам осуществляется через формализацию типов вызовов.

Эмпирическая база включает статистику национальных операторов (KEGOC, «Узбекэнерго», «Барки Точик» и др.), международные энергетические обзоры (опубликованные Международным энергетическим агентством (IEA), Исполнительным комитетом Электроэнергетического совета СНГ, *Energy Institute*), а также программные документы и официальные соглашения по проектам межгосударственного взаимодействия (ЕАЭС, КЭС ЦА, *CASA-1000*). Рассматриваются действующие

2 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». – 2026. – URL: <https://akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazakhstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 05.01.2026).

3 Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана. – 2025. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8834> (дата обращения: 06.01.2026).

4 Концепция развития ОАО «Электрические станции» на 2024–2035 гг. – 2024. – URL: <https://www.energo-es.kg/uploads/strategy.pdf>; Национальная энергетическая программа развития Кыргызской Республики до 2035 года, утвержденная Постановлением Кабинета министров Кыргызской Республики № 172 от 12 апреля 2024 года. – 2024. – URL: https://www.greenenergy.gov.kg/file/document/84postanovlenie_kabineta_ministrov_kr_ot_12_aprelya_2024_goda__172_ru8578_7386.doc; Программа развития электроэнергетического сектора на 2026–2030 годы и План мероприятий по реализации Программы развития электроэнергетического сектора на 2026–2030 годы, утверждены постановлением Правительства Республики Таджикистан от 26 ноября 2025 года № 648. – 2025. – URL: <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=171308> (дата обращения: 05.01.2026).

и потенциальные форматы участия Российской Федерации в решении данных вызовов на основе сопоставления возможностей ее проектной, институциональной и политико-экономической вовлеченности в проекты в регионе.

Проблематика трансформации электроэнергетических систем стран Центральной Азии в постсоветский период получила отражение в ряде исследований, в которых акцент делается на институциональной фрагментации, неравной обеспеченности ресурсами и ограниченности механизмов межгосударственной координации [Mehta, Rao, Terway, 2007; Еникеев, Инь, 2024; Джураев, Ниёзи, 2021]. При этом институциональные и политико-экономические ограничения кооперации, как правило, рассматриваются фрагментарно и без системного сопоставления.

В исследованиях последних лет подчеркивается смещение внешнего влияния в энергетическом секторе региона от России в сторону Китая, а также возрастание роли других внешних акторов, включая государства Персидского залива и международные финансовые институты [Petersen, 2024; Abduvaliev, Bustillo, Viju-Miljusevic, 2025]. Вместе с тем участие России в трансформации электроэнергетики Центральной Азии нередко описывается преимущественно в ретроспективной и обобщенной геоэкономической перспективе, без детального анализа конкретных институциональных механизмов и инструментов воздействия [Ян Юй, Лю И, Цзинь Фэнцзюнь, 2015]. Влияние Китая отмечается в том числе в рамках формата «Центральная Азия – Китай» [Вахрушин, Николаев, 2024] и очевидно обладает потенциалом для предваритель-

ного согласования решений и увязки энергетической повестки с инвестиционными и инфраструктурными проектами в регионе.

Современные оценки потенциала энергетического перехода в странах Центральной Азии указывают на выраженную неравномерность реформ, сохраняющуюся институциональную инерцию и высокую чувствительность электроэнергетических систем к климатическим, ценовым и политическим шокам⁵. Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) носит ограниченный и неравномерный характер: несмотря на зафиксированный природный и технологический потенциал региона [Laldjebaev, Isaev, Saukhimov, 2021], институциональные и инвестиционные барьеры по-прежнему существенно сдерживают его практическую реализацию. При этом российскими исследователями отмечаются высокие потенциальные возможности для развития топливно-энергетического комплекса региона в целом, осложненные актуальными геополитическими и геоэкономическими факторами [Халова, Иллерицкий, 2024].

Данная работа выявляет устойчивые структурные ограничения развития региональной электроэнергетики, связанные с фрагментацией институтов, водно-энергетической асимметрией в регионе и износом инфраструктуры, и показывает, что ключевые проблемы носят дуалистичный, институционально-технологический характер, причем возможности ответа на технико-экономические вызовы оказываются лимитированы нехваткой наднациональных, консенсусно-институциональных механизмов управления. В этом контексте участие Российской Федерации

5 Energy and AI. – Paris: IEA, 2025. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-and-ai>; Electricity Mid-Year Update 2025. – Paris: IEA, 2025. – URL: <https://www.iea.org/reports/electricity-mid-year-update-2025> (дата обращения 15.12.2025). См. также [Глазачев, 2022].

рассматривается не в обобщенной гео-экономической перспективе, а через призму действующих и потенциальных механизмов параллельной работы энергосистем, координации и балансировки, возможностей вовлечения в инвестиционные проекты в отрасли. Это позволяет оценить значение российского участия как фактора снижения системных рисков регионального электроэнергетического комплекса.

Анализ институциональной эволюции рынков электроэнергетики государств Центральной Азии

После распада СССР все пять республик унаследовали вертикально интегрированные энергосистемы. Однако траектории их дальнейшего реформирования и сложившиеся к сегодняшнему дню рыночные модели существенно различаются. Страны региона демонстрируют разные скорости и глубину рыночных преобразований: Казахстан и Узбекистан идут по пути внедрения рыночных моделей с элементами конкуренции, в то время как Киргизия, Таджикистан и Туркменистан сохраняют модели с преобладающим государственным регулированием, фокусируясь на реструктуризации, развитии генерации и инфраструктуры. Во всех странах, кроме Казахстана, электроэнергетика остается сферой с доминирующей ролью государства, а в Казахстане и на формирующемся рынке Узбекистана намечается разделение функций и появление различных типов участников (регулятор, системный оператор, отдельные генерирующие и сетевые компании) [Исаков, 2024]. В остальных государствах сохраняется высокая степень вертикальной интеграции под управлением одного министерства или госкорпорации, а тарифная политика во всех пяти странах остается областью активного государ-

ственного регулирования даже там, где внедряются рыночные элементы. Повышение тарифов для населения осуществляется поэтапно и зачастую в рамках специально вводимых социальных норм, что лишний раз подтверждает существенную социальную чувствительность вопроса. При этом наиболее дифференцированная и формализованная система утверждения тарифов действует в Казахстане, а самые низкие (сильно субсидируемые) тарифы, по всей видимости, сохраняются в Туркменистане, хотя в открытых источниках эти данные не публикуются (таблица 1). Таким образом, институциональное устройство и механизмы управления рынками электроэнергии и мощности в странах Центральной Азии сегодня остаются далеки от гармонизации, и это один из важных факторов, замедляющих внутрирегиональные интеграционные проекты и процессы в электроэнергетике.

Анализ технико-экономических характеристик электроэнергетических систем государств Центральной Азии

Республика Казахстан

Выработка электроэнергии в Казахстане осуществляется более чем на 230 электростанциях различной мощности и типов. Установленная мощность энергосистемы Казахстана выросла с 1991 г. более чем на 45%, но в структуре мощностей доминируют тепловые электростанции (ТЭС), которые используют преимущественно уголь в качестве топлива, доля гидроэлектростанций (ГЭС) и возобновляемых источников энергии составляет менее 20%. Использование угля для теплоэлектрогенерации в большинстве крупных городов вызывает тяжелые экологические последствия [Syidalieva, Turdumambetova, Syidalieva, 2024].

Таблица 1. Основные параметры модели рынка и регулирования электроэнергетики стран Центральной Азии

Table 1. Key parameters of the electricity market and regulatory models in Central Asian countries

Параметр / страна	Казахстан	Узбекистан	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан
1	2	3	4	5	6
Текущая модель рынка	Смешанная: производство и сбыт – конкурентные сегменты, передача и распределение регулируются государством. Оптовый рынок включает децентрализованный (двусторонние договоры), централизованный (биржевые торги) и балансирующий сегменты	Переход к либерализации. С 2023 г. создаются оптовый и розничный рынки на основе свободных механизмов ценообразования, произведена реформа по модели <i>unbundling</i> , но значимый государственный контроль сохраняется	Государственная монополия. Отрасль полностью регулируется правительством через государственные компании и институты	Государственная монополия. Для большинства предприятий действует государственное регулирование, но отдельные объекты регулируются особо	Государственная монополия. Все объекты электроэнергетики – государственная собственность
Государственные регуляторы и их роль	Министерство энергетики – главный регулятор отрасли, устанавливает тарифы и лицензирует деятельность. Подведомственные органы и институты выполняют более специализированные функции по системному оперированию, антимонопольному регулированию, аналитическому сопровождению, инвестиционному планированию и т. д.				
Ведущие компании	Государственные: акционерное общество <i>KEGOC</i> (системный оператор, передача электроэнергии). Частные: электростанции различных форм собственности, 18 региональных электросетевых компаний (РЭК)	Государственные: новые энергокомпании, созданные на базе реорганизованного по модели <i>unbundling</i> АО «Узбекэнерго»: АО «Тепловые электрические станции», АО «Национальные электрические сети Узбекистана» и АО «Региональные электрические сети» ⁶	Государственные: АО «НЭСК», ОАО «ЭС» доминируют в отрасли, частные компании практически отсутствуют	Государственная: «Барки Точик» (холдинговая компания, за исключением объектов в концессии)	Государственная: <i>Türkmenenergo</i> (госкорпорация, управляющая электроэнергетикой)

6 Указ Президента Республики Узбекистан от 1 февраля 2019 г. № УП-5646 «О мерах по коренному совершенствованию системы управления топливно-энергетической отраслью Республики Узбекистан».

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Механизмы тарифо-образования	Производство: тарифы не регулируются, формируются на основе спроса и предложения. Передача (КЕГОС): регулируются нормативно-правовой базой и Комитетом по регулированию естественных монополий Министерства национальной экономики, метод «затраты плюс» с добавлением нормы прибыли. Распределение (РЭК): метод «затраты плюс», но норма прибыли не покрывает затраты из-за высоких потерь в сетях. Сбыт: договорные условия между энергоснабжающими организациями и потребителями	С 2026 г. осуществляется внедрение методологии регулируемой базы активов (RAB) , при которой тариф рассчитывается с учетом стоимости регулируемых активов (сетей, оборудования и т. д.). Операционные расходы рассматриваются регулирующим органом в составе тарифных заявок предприятий	Тарифы полностью регулируются правительством. Для населения действует дифференциация по объему потребления (до 700 кВт·ч и свыше 700 кВт·ч)	Для большинства предприятий – тарифное регулирование с учетом производственных затрат, амортизации, других неучтенных затрат и дохода от инвестиций. Для Сантудинской ГЭС – 1, Сантудинской ГЭС – 2 и объектов в концессии – отдельные инвестиционные соглашения	Тарифы регулируются государством. Инвестиционная составляющая может включаться в тариф

Составлено авторами на основе законодательства стран региона об электроэнергетике⁷

В периоды пиковых нагрузок в Казахстане возникает дефицит электроэнергии – разницу покрывают поставки из России (энергосети работают в синхронном режиме). Синхронизация с российской единой энергетической системой (ЕЭС) важна для балансировки энергосистем Казахстана и Киргизии. Поставки электроэнергии

из Казахстана в другие страны Центральной Азии составляют 1,0–1,3 млн кВт·ч в год. Балансировка энергосистем координируется системными операторами, при этом энергосистемы Казахстана, Киргизии, Узбекистана и частично Таджикистана работают параллельно в составе Объединенной энергосистемы (ОЭС) Центральной

7 Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 588-III «Об электроэнергетике»; Закон Республики Узбекистан от 7 августа 2024 г. № ЗРУ-939 «Об электроэнергетике»; Закон Кыргызской Республики от 28 января 1997 г. № 8 «Об электроэнергетике»; Закон Республики Таджикистан от 29 ноября 2000 г. «Об энергетике»; Закон Туркменистана от 2014 г. №104-V «Об электроэнергетике».

Азии, а энергосистема Туркменистана изолирована от ОЭС и работает параллельно с энергосистемой Ирана. Кроме того, Казахстан поставляет электроэнергию в Киргизию, что позволяет сохранять объем воды на Токтогульской ГЭС⁸. Однако эти объемы потоков незначительны в общем объеме потребления страны.

Развитие электроэнергетики Казахстана сдерживают инфраструктурные проблемы: генерирующие и передающие мощности сильно изношены – они не обновлялись с советского периода. Действующих мощностей уже недостаточно для покрытия пиковых нагрузок, а после 2030 г. их будет критически не хватать для развития энергоемкой промышленности, урбанизации и цифровизации страны. В перспективе планируются переход с угля на природный газ (по мере газификации страны, особенно северо-восточных регионов) и масштабное наращивание ВИЭ при участии иностранных партнеров⁹. Однако перевод теплоэлектрогенерации на природный газ в условиях нарастающего газдефицита и увязки с общестрановыми программами газификации и развития газоснабжения происходит медленно [Шангарев, Иллерицкий, 2025]. Еще одна проблема – неравномерное распределение электроэнергии: большие расстояния, концентрация генерации в отдельных регионах и неравномерное покрытие электросетями осложняют управление снабжением и диспетчеризацию. И то и другое требует значительных ин-

вестиций в долгосрочные инфраструктурные проекты, в том числе в развитие атомной энергетики.

Исторически атомная энергетика Казахстана связана с реактором БН-350 в Актау (Мангистауская область), который работал с 1972 по 1999 г.: он вырабатывал электроэнергию и обеспечивал работу одного из крупнейших в мире комплексов по опреснению морской воды. Сейчас реактор выводят из эксплуатации. В 2025 г. в Казахстане приняли решение построить новую АЭС большой мощности в поселке Улькен Жамбылской области, на побережье озера Балхаш. По российскому проекту там возведут два энергоблока с реакторами ВВЭР-1200 мощностью по 1,2 ГВт каждый. Ведутся переговоры о строительстве еще как минимум одной АЭС, но зарубежный партнер по состоянию на середину 2026 г. не определен. АЭС позволит существенно увеличить мощность энергосистемы страны, диверсифицировать источники энергии, создать запас мощности для развития промышленности и городов, а также улучшить экологическую обстановку¹⁰.

Республика Узбекистан

Совокупная установленная мощность объектов электрогенерации в Республике Узбекистан составляет 24,4 ГВт. В стране действуют более 45 электростанций, функции системного оператора выполняет АО «Национальные электрические сети Узбекистана»¹¹. Среди электростанций

8 Сотрудничество энергосистем в рамках Объединенной энергосистемы Центральной Азии // Доклад КДЦ «Энергия». – Ташкент, апрель 2024. – URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CDC-presentation-Dr-Shamshiev-ESCC-2024-RUS.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

9 Прогнозный баланс электроэнергии и мощности ЕЭС РК на период с 2025 по 2031 годы // АО «KEGOC». – URL: <https://www.kegoc.kz/upload/iblock/e32/v6zpyjwpfgj8hjuov7b1bxpx4zi30z2.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

10 Казахстан и Россия начинают работы по строительству АЭС большой мощности // Росатом. – 2025. – 8 августа. – URL: <https://www.rosatom.ru/mainpage/kazakhstan-i-rossiya-nachinayut-raboty-po-stroitelstvu-aes-bolshoy-moshchnosti/> (дата обращения: 19.09.2025).

11 АО «Национальные электрические сети Узбекистана». – URL: <https://www.uzbekistonmet.uz/ru> (дата обращения: 20.09.2025).

доминируют ТЭС на газовом топливе, около 12% мощностей обеспечено гидроэнергетикой, постепенно растет доля возобновляемой энергетики. Важно отметить политику модернизации парка ТЭС, внедрение проектов солнечной генерации, развитие энергоэффективности и реформы рынка электроэнергии при сохранении доминирования природного газа как основного энергисточника¹². В электроэнергетическом секторе крупнейшими потребителями природного газа являются Сырдарьинская ТЭС (3 ГВт), Ново-Ангренская ТЭС (2,1 ГВт), Ташкентская ТЭС (1,8 ГВт) и Навоийская ТЭС (1,3 ГВт).

Энергосистема Узбекистана входит в параллельную зону ОЭС Центральной Азии, имеет высоковольтные интерконнекторы со всеми окружающими странами региона: Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Афганистаном, что делает ее важнейшим звеном в макрорегиональной энергосети. Узбекистан, как и Казахстан, принял стратегическое решение по строительству атомной электростанции в Джизакской области на основе 4 энергоблоков малой мощности с реакторами РИТМ-200Н мощностью по 55 МВт и 2 энергоблоков ВВЭР-1000 мощностью по 1000 МВт¹³. Строительство АЭС началось в октябре 2025 г. Кроме того, Узбекистан принял к реализации достаточно масштабную программу по развитию ВИЭ [Глазачев, 2022].

Киргизская Республика

Киргизия обладает значимыми мощностями в гидроэлектроэнергетике: объем установленных мощно-

стей ГЭС превышает 3,2 млн кВт, то есть более 80% всех мощностей страны. Географические условия страны крайне благоприятны для развития гидроэлектроэнергетики, крупнейшие ГЭС – станции Нарын-Сырдарьинского каскада: Токтогульская ГЭС, Курпсайская ГЭС, Таш-Кумырская ГЭС и Самалды-Шайская ГЭС. Они были построены в период нахождения Киргизии в составе СССР, в 1960–1980-х годах, и сегодня на них приходится до $\frac{3}{4}$ выработки электроэнергии в стране. Кроме того, действует более 15 гидроэлектростанций средней и малой мощности в различных регионах. Крупные ГЭС проходят программу модернизации, также ведется строительство Камбаратинской ГЭС мощностью 1860 тыс. кВт. Строительство Камбаратинской ГЭС – затянувшийся и сложный проект, который сталкивается не только с инженерно-техническими и экономическими вызовами, но и со значительными трудностями регулирования трансграничного водного режима и вмешательством внерегиональных игроков [Власов, Дмитриева, 2025]. Проблема баланса водно-энергетических интересов в регионе носит затяжной и трудноразрешимый характер и будет рассмотрена далее более подробно. Помимо ГЭС, в Киргизии функционируют 2 крупные тепловые электростанции (теплоэлектроцентрали): в г. Бишкек (820 тыс. кВт) и г. Ош (50 тыс. кВт).

В целом Киргизия сохраняет профицит по среднегодовым параметрам энергосистемы, однако системным риском является сезонная неравномерность выработки на ГЭС: в весенне-летний период формируется значительный

12 Uzbekistan – Electricity // IEA. – URL: <https://www.iea.org/countries/uzbekistan/electricity> (дата обращения: 20.09.2025).

13 Росатом и Агентство «Узатом» расширяют сотрудничество по развитию атомных мощностей в Узбекистане // Росатом, пресс-релиз. – 2025. – 20 июня. – URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-i-agentstvo-uzatom-rasshiryayut-sotrudnichestvo-po-razvitiyu-atomnykh-moshchnostey-v-uzbekis/> (дата обращения: 20.09.2025).

избыточный потенциал в гидроэлектростанции, а в осенне-зимнем периоде при снижении выработки на ГЭС возникают риски дефицита выработки, особенно опасные в условиях пиковых нагрузок и высокого уровня изношенности электросетей.

Республика Таджикистан

Аналогичные вызовы стоят и перед гидроэлектроэнергетикой Таджикистана, энергетическая система которого также почти на 90% опирается на мощности ГЭС – преимущественно ГЭС Вахшского каскада, в который входят 7 крупных ГЭС, большая часть из которых также была построена в 1960–1980-е годы. Крупнейшей гидроэлектростанцией каскада в настоящее время является Нурекская ГЭС установленной мощностью 3040 тыс. кВт, что делает ее крупнейшей ГЭС в Средней Азии. На ее долю приходится до 50% электрогенерации в Таджикистане.

В каскад также входит строящаяся (по советскому проекту) Рогунская ГЭС установленной мощностью 3780 тыс. кВт, которая является крупнейшим энергетическим проектом в регионе. Строительство станции было начато еще в 1970-е годы, но сопровождалось значительными инженерными сложностями, а после распада СССР было приостановлено и возобновлено только в 2010-х годах, причем до 2016 г. Узбекистан выступал против строительства [Джураев, Ниёзи, 2021]. Завершение строительства и выход станции на полную мощность может состояться в 2030-е годы, в таком случае Рогунская ГЭС создаст существенный профицит мощностей электрогенерации в регионе [Арифов, 2024]. При этом энергоси-

стема Таджикистана не имеет полной синхронизации с ОЭС ЦА (была выведена из кольца с 2009 г.) и до 2025 г. функционировала в автономном режиме. Работы по повторной интеграции в ОЭС ЦА ведутся – строятся новые линии на 500 кВ между Ново-Сырдарьинской ТЭС Узбекистана и подстанцией «Сугд» в Таджикистане, по состоянию на начало 2026 г. была обеспечена синхронизация отдельных зон с ОЭС Центральной Азии. Перетоки осуществляются через энергосистему Узбекистана, также есть связи с энергосистемой Афганистана, но мощность интерконнекторов существенно ограничена¹⁴.

Туркменистан

Совокупная установленная мощность генерирующих объектов в Туркменистане составляет почти 7000 тыс. кВт. Вся сетевая генерация в Туркменистане, за исключением одной небольшой солнечной станции, – это тепловые электростанции, использующие в качестве топлива природный газ. Функции системного оператора выполняет Государственная электроэнергетическая корпорация «Туркменэнерго» (*Türkmenenergo*) Министерства энергетики Туркменистана, в ее структуру входят 12 электростанций, крупнейшая из которых – Марыйская ГРЭС с парогазовыми установками общей мощностью почти 3000 тыс. кВт [Гараханова, Аллабердиева, 2024]. Туркменская энергосистема экспортирует электрическую энергию практически круглый год, но она работает в изолированном с ОЭС Центральной Азии режиме – поставки электроэнергии и мощности осуществляются выделенными генераторами, подключенными к сетям

14 Сотрудничество энергосистем в рамках Объединенной энергосистемы Центральной Азии // Доклад КДЦ «Энергия». – Ташкент, апрель 2024 г. – URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/CDC-presentation-Dr-Shamshiev-ESCC-2024-RUS.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

энергосистемы Узбекистана. При этом туркменская энергосистема работает в параллельном режиме с Ираном через высоковольтную линию на 500 кВ и возможностью экспорта электроэнергии через Иран в Афганистан. Тот факт, что крупная и обладающая избытком мощностей энергосистема Туркменистана работает в режиме «острова» с выделенными генераторами, существенно ограничивает возможности балансировки и перетоков электроэнергии в регионе. С технической точки зрения Туркменистану целесообразнее было бы перейти на параллельную работу с ОЭС Центральной Азии, а подключение к энергосистеме Ирана осуществить через вставку постоянного тока. Это позволило бы фактически восстановить центральноазиатский электроэнергетический район и широко использовать эффект часовых поясов и сезонности в балансировке и торговле электроэнергией и мощностью.

Данные об основных параметрах энергосистем государств Центральной Азии¹⁵ (установленная мощность, выработка, потребление, баланс, коэффициент использования установленной мощности (КИУМ), сальдо-перетоки¹⁶) консолидированы в таблице 2. Стоит отметить достаточно низкий КИУМ для большинства стран региона, что косвенно также свидетельствует о невозможности высоконагруженной эксплуатации мощностей, хотя причины для этого в различных странах различаются. В Казахстане и отчасти Узбекистане – это высокий уровень износа в мощностях тепловой генерации и, следовательно, низкая надежность агрегатов. Для Киргизии и Таджикистана критичными явля-

ются уязвимости выработки ГЭС к сезонным факторам и высокий уровень износа генераторов. В случае с Туркменистаном мощности генерации изношены в меньшей степени, а вот высокий уровень износа и, следовательно, потерь в электросетях характерен для всего региона (таблица 3).

Структура установленных мощностей в странах региона также существенно различается: как отмечалось, Казахстан опирается преимущественно на тепловую угольную генерацию, Туркменистан – на газовую. Киргизия и Таджикистан сильно зависят от выработки ГЭС, а Узбекистан стремится к более смешанной, сбалансированной модели за счет развития ВИЭ, но сохраняет опору на ТЭС, работающие на природном газе (рисунок 1).

Дискуссия о вызовах, рисках и недостатке институциональных сил в решении водно-энергетической проблемы

Как видно из таблицы 3, энергосистема Российской Федерации инфраструктурно связана с энергосистемой Республики Казахстан через трансграничные соединения, а через Казахстан – с другими странами Центральной Азии. Основы этих связей были сформированы в советский период, поддерживаются и развиваются в настоящее время, позволяют осуществлять балансировку энергосистем региона и формирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, поскольку часть этих энергосистем работают параллельно. Взаимодействие энергосистем и системных

¹⁵ Для Туркменистана данные за 2024 г., а также данные о сальдо-перетоках за 2020–2024 гг. носят оценочный характер (балансовым методом) в связи с недоступностью официальной статистики.

¹⁶ Для показателей сальдо-перетоков положительные значения – прием электроэнергии, отрицательные значения – выдача электроэнергии.

Таблица 2. Основные параметры электроэнергетики государств Центральной Азии в 2020–2024 гг.

Table 2. Key parameters of the electric power sectors of Central Asian states in 2020–2024

	2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6
Республика Казахстан					
Установленная мощность, МВт	23 622	23 957	24 500	24 642	25 313
Выработка электроэнергии, млрд кВт·ч	107,3	114,4	112,9	115,1	117,9
Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	108,1	113,9	112,8	112,8	120,0
Балансовая разница, всего, млрд кВт·ч	-0,8	0,5	0,1	2,3	-2,1
<i>КИУМ по установленной мощности</i>	<i>0,517</i>	<i>0,545</i>	<i>0,526</i>	<i>0,533</i>	<i>0,530</i>
Сальдо-переток с Россией, млн кВт·ч*	123,1	461,7	470,9	3 312,5	3 047,6
<i>от потребления электроэнергии, %</i>	0,1	0,4	0,4	2,9	2,5
Из России в Казахстан, млн кВт·ч	1240,6	1788,3	1929,9	4689,6	4562,5
в т.ч. импорт из России (коммерческий)	1240,6	1788,3	839,1	3101,0	2636,6
импорт из России (балансирующий)			1090,8	1588,5	1925,9
транзит из России в Киргизию через Казахстан	0,0	0,0	0,0	304,8	363,6
Из Казахстана в Россию, млн кВт·ч	-1117,5	-1326,6	-1459,0	-1377,1	-1514,9
в т.ч. экспорт в Россию (коммерческий)	-1117,5	-1326,6	-42,8	-47,9	-58,8
экспорт в Россию (балансирующий)			-1416,2	-1329,2	-1456,1
Сальдо-переток с Центральной Азией, млн кВт·ч	-864,1	-1 025,1	-392,2	-1372,8	-967,4
в т.ч. импорт из Центральной Азии (коммерческий)	314,9	299,4	304,4	68,2	279,5
экспорт в Центральную Азию (коммерческий)	-1166,8	-1318,7	-693,0	-1123,0	-1239,6
балансирующие поставки	-12,2	-5,8	-3,6	-13,1	-7,3
транзит из России в Киргизию через Казахстан	0,0	0,0	0,0	-304,8	-363,6
Киргизская Республика					
Установленная мощность, МВт	3863,0	3863,0	3863,0	3863,0	4182,0
Выработка электроэнергии, млрд кВт·ч	15,3	15,0	13,8	13,8	14,7
Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	15,1	15,5	15,7	16,8	18,2
Балансовая разница, всего, млрд кВт·ч	0,2	-0,5	-1,9	-3,0	-3,5
<i>КИУМ по установленной мощности</i>	<i>0,451</i>	<i>0,444</i>	<i>0,408</i>	<i>0,407</i>	<i>0,400</i>
Сальдо-переток электроэнергии, млн кВт·ч	53	1138	2256	3340	3686
в т.ч. импорт	353	1684	2806	3476	3842
экспорт	-300	-546	-550	-136	-156

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Республика Таджикистан					
Установленная мощность, МВт	6406	6406	6406	6492	6540
Выработка электроэнергии, млрд кВт·ч	19,6	20,4	21,2	21,7	22,2
Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	18,1	18,0	18,7	19,0	19,9
Балансовая разница, всего, млрд кВт·ч	1,5	2,4	2,5	2,7	2,3
<i>КИУМ по установленной мощности</i>	<i>0,348</i>	<i>0,364</i>	<i>0,378</i>	<i>0,382</i>	<i>0,386</i>
Сальдо-переток электроэнергии, млн кВт·ч	-1120	-2410	-2500	-2700	-2300
в т.ч. импорт	370	0	0	0	0
экспорт	-1490	-2410	-2500	-2700	-2300
Туркменистан					
Установленная мощность, МВт	5201	6512	6943	6943	6950
Выработка электроэнергии, млрд кВт·ч	25,8	28,4	32,6	33,8	34,0
Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	19,7	22,1	20,5	21,5	22,0
Балансовая разница, всего, млрд кВт·ч	6,1	6,3	12,1	12,3	12,0
<i>КИУМ по установленной мощности</i>	<i>0,565</i>	<i>0,498</i>	<i>0,536</i>	<i>0,556</i>	<i>0,557</i>
Сальдо-переток электроэнергии, млн кВт·ч	-6100	-6300	-12 100	-12 300	-12 000
в т.ч. экспорт	-6100	-6300	-12 100	-12 300	-12 000
Республика Узбекистан					
Установленная мощность, МВт	14 780	16 560	16 729	20 057	24 389
Выработка электроэнергии, млрд кВт·ч	66,4	70,3	74,3	78,0	81,5
Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	69,1	74,8	77,2	81,0	84,6
Балансовая разница, всего, млрд кВт·ч	-2,7	-4,5	-2,9	-3,0	-3,1
<i>КИУМ по установленной мощности</i>	<i>0,512</i>	<i>0,485</i>	<i>0,507</i>	<i>0,444</i>	<i>0,380</i>
Сальдо-переток электроэнергии, млн кВт·ч	2600	3500	2900	3000	0
в т.ч. импорт	5300	6200	5600	5000	0
экспорт	-2700	-2700	-2700	-2000	0

Составлено и рассчитано авторами по данным национальных системных операторов, а также [Электроэнергетика..., 2025], *El Statistical Review of World Energy 2025*. – 2025. – URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 19.12.2025).

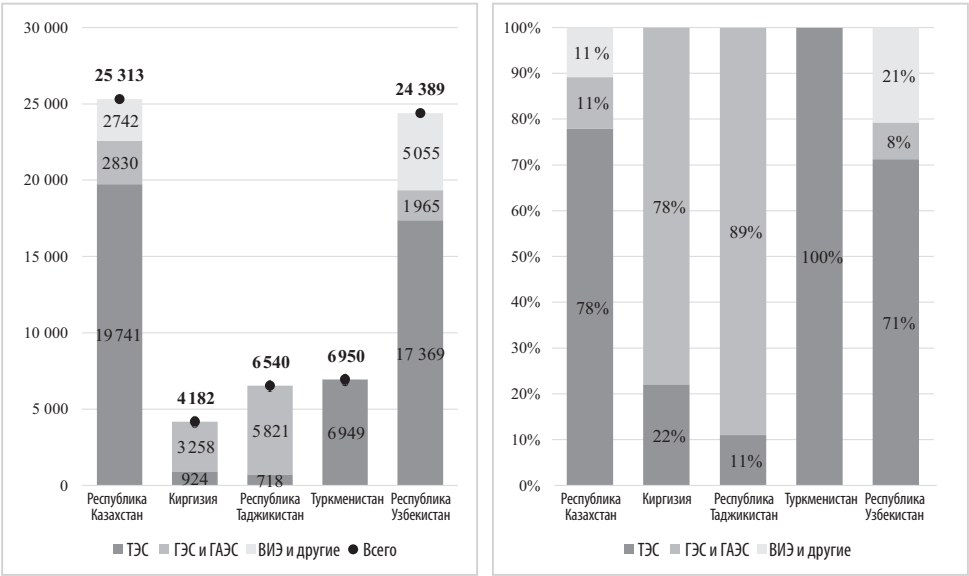

Рисунок 1. Структура установленных мощностей электрогенерации в государствах Центральной Азии на 2025 г., МВт и %

Figure 1. Structure of installed power generation capacities in Central Asian states as of 2025, MW and %

Составлено и рассчитано авторами по данным национальных системных операторов, а также [Электроэнергетика..., 2025], El Statistical Review of World Energy 2025. – 2025. – URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 19.12.2025).

Таблица 3. Сопоставление энергосистем государств Центральной Азии по ключевым критериям на начало 2026 г.

Table 3. Comparison of the power systems of Central Asian states based on key criteria as of early 2026

Критерии сравнения Страна		Республика Казахстан	Киргизская Республика	Республика Таджикистан	Туркменистан	Республика Узбекистан
1		2	3	4	5	6
Характер работы и внешняя связность энергосистемы	По отношению к ЕЭС РФ	параллельный режим	параллельный режим (через Казахстан)	–	–	–
	По отношению к ОЭС ЦА	параллельный режим	параллельный режим	частично в параллельном режиме	в режиме «островной» генерации через конвертеры	параллельный режим
	По отношению к другим системам	–	CASA-1000 через Афганистан в Пакистан (в стадии строительства)		параллельно с ЭС Ирана, через преобразователи с Афганистаном	через преобразователи с Афганистаном

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6
Уровень износа мощностей генерации	в среднем 56%, на трети мощностей – более 70%	для ГЭС 58%, для ТЭЦ – более 65%	в среднем 55%	менее 30%	в среднем 48%
Уровень износа мощностей передачи	в среднем 63%, в Западном Казахстане – более 80%	в среднем 70%	в среднем 70%	в среднем более 50% (оценочно)	в среднем 55%
Потери в сетях электропередачи (магистральные и распределительные, в целом)	около 15%	более 20%	более 20%	около 15%	около 15%
Соотношение располагаемой и установленной мощности	83%	95%	85%	более 90%	85%
Доля остаточного резерва располагаемых мощностей при пиковых нагрузках	пиковые нагрузки не покрываются собственной мощностью	около 15%, но только при отсутствии гидрологических ограничений для ГЭС	около 30%, но только при отсутствии гидрологических ограничений для ГЭС	около 35%	менее 10%
Чувствительность надежности системы к сезонности	высокая из-за нехватки мощностей	высокая из-за гидрологических ограничений в ОЗП		низкая	высокая из-за нехватки мощностей
Институциональная модель электроэнергетической отрасли	гибридная: системный оператор (KEGOC), ДР, ЦР, БР, РЭМ, РСВУ, тарифы «ограничены сверху» регулятором	системный оператор (НЭСК), тарифы устанавливаются регулятором	системный оператор (ОАХК «Барки Точик»), тарифы устанавливаются регулятором	системный оператор (Türkmenenergo), тарифы устанавливаются регулятором	системный оператор (НЭСУ), тарифы устанавливаются регулятором

Легенда: ■ удовлетворительно; ■ вызывает опасения; ■ высокие риски.

Составлено и рассчитано авторами по данным национальных системных операторов, а также [Электроэнергетика..., 2025], El Statistical Review of World Energy 2025. – 2025. – URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 19.12.2025).

операторов России и Казахстана регулируется межправительственными соглашениями¹⁷.

Важно помнить, что в период нахождения республик в составе СССР

водно-энергетический комплекс Среднеазиатского и Казахстанского экономических районов развивался в рамках единой системы территориально-экономического планирования. Она увя-

17 Казахстан и Центральная Азия – развитие международной диспетчеризации // Системный оператор Единой энергетической системы. – URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/international/dispatch/kazakhstan-and-central-asia/> (дата обращения: 19.09.2025).

зывала задачи гидро- и тепловой электроэнергетики, балансировки энергосистемы и ирригационного земледелия. Управление водно-энергетическим комплексом было централизованным (диспетчерский центр – в Ташкенте), включая параллельную работу энергосистем в замкнутом режиме. После распада СССР единство управления нарушилось: механизмы координации фрагментировались, а инфраструктура приходила в упадок или развивалась точечно. Многочисленные попытки стран региона институционализировать водно-энергетическое сотрудничество с 1990-х годов не дали значимых результатов из-за противоположных позиций участников¹⁸.

Наследником объединенного диспетчерского центра стал Координационный Электроэнергетический Совет Центральной Азии (КЭС ЦА), учрежденный в 2004 г. по инициативе Республики Казахстан. Его цель – координация работы энергосистем региона, в его состав входят руководители системных операторов региона, но он не является наднациональным органом. Россий-

ский системный оператор участвует в работе Совета в качестве наблюдателя, не являясь полноправным членом, чего достаточно для регулярного обмена актуальной информацией, влияющей на стабильность работы ЕЭС России и ОЭС Центральной Азии¹⁹. Намерения по восстановлению полноценной работы энергетического кольца с участием России озвучиваются, но пока не переходят в активную стадию реализации²⁰. Российские компании также участвуют в ряде проектов строительства и модернизации энергетических мощностей в странах региона, но это участие носит весьма лимитированный характер [Подковальников, Чудинова, 2024] и сталкивается с рядом сложностей²¹.

Ограниченное участие России и недостаточная степень институционализации данного формата не позволяют КЭС ЦА претендовать на механизм стратегического управления объединенной энергосистемой региона, и оно остается фрагментарным. Киргизия, Казахстан и Узбекистан готовятся к совместной реализации проекта Камбаратинской ГЭС-1²². Узбекистан

18 Следует отметить основные соглашения: «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» (Алматы, 1992 г.), «О совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона» (Кзыл-Орда, 1993 г.), «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья» (Бишкек, 1998–1999 гг.).

19 Системные операторы России и Центральной Азии координируют планы развития национальных энергосистем // Системный оператор Единой энергетической системы. – URL: <https://www.so-ups.ru/news/press-release/press-release-view/news/26611/> (дата обращения: 19.09.2025).

20 Центральная Азия намерена восстановить единое электрокольцо с Россией // Интернет-портал СНГ. – 2025. – 22 августа. – URL: <https://e-cis.info/news/566/129827/> (дата обращения: 23.05.2026).

21 Россия и Казахстан подписали меморандум о сотрудничестве между министерствами энергетики по строительству трех ТЭЦ в конце 2023 г., в апреле 2024 г. страны заключили межправительственное соглашение. Однако Казахстан в 2026 г. начал строить ТЭЦ в Семипалатинске (360 МВт), Усть-Каменогорске (360 МВт) и Кокчетаве (240 МВт) без участия России в связи со сложностями в предоставлении экспортного финансирования с Российской Стороны. Возобновление сотрудничества по этому направлению прорабатывается в связи с сохранением заинтересованности сторон и высокой комплементарностью именно российского генерирующего оборудования казахстанским сетям и климатическим условиям.

22 Министры энергетики Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана обсудили дальнейшие меры по подготовке проекта «Камбаратинская ГЭС-1» // Министерство энергетики Республики Казахстан. – 2025. – 27 сентября. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/1076359?lang=ru> (дата обращения: 12.02.2026). Важно учесть, что этот проект сложно назвать трехсторонним, серьезное влияние на него оказывают члены Комитета доноров проекта: Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Европейский союз, Европейский инвестиционный банк, Агентство США по международному развитию, Министерство иностранных дел и международного развития Великобритании, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд ОПЕК.

и Таджикистан ведут совместную работу по строительству Яванской и Фандарьинской гидроэлектростанций. С Туркменистаном Ташкент достиг договоренности об использовании воды из Амударьи. В 2025 г. Таджикистан и Киргизия, спустя годы конфликтов в приграничье, создали совместную комиссию для решения водных вопросов. При этом работой единственного общерегионального диалога по водным вопросам – Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) стран Центральной Азии – Казахстан, например, недоволен, поскольку достигнутые там договоренности системно не соблюдаются²³. Интересы разных стран по-прежнему различны: государства в верховьях рек (Таджикистан, Киргизия) стремятся максимизировать выработку электроэнергии и поддерживать уровень воды в водохранилищах, в то время как страны среднего и нижнего течений (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) заинтересованы в оптимальных режимах водосброса для сельского хозяйства и водопотребления, а также в надежности электроснабжения. Сегодня в Центральной Азии нет актора, способного обеспечить заключение и выполнение общеобязательных соглашений и централизованно управлять водно-энергетическим комплексом.

В связи с вышеперечисленным можно выделить 6 ключевых и комплексных друг другу вызовов в рамках водно-энергетической проблематики. Эти риски трансформируются в 4 си-

стемно-значимых риска с потенциально тяжелыми последствиями на различных временных горизонтах (таблица 4). Кроме того, ряд реализуемых в настоящее время проектов, в частности строительство Рогунской ГЭС, экспортного электроэнергетического коридора CASA-1000 в направлении Пакистана и некоторых других, еще сильнее изменят водно-энергетический баланс в регионе²⁴.

Заключения и выводы

Проведенный анализ показывает, что ключевые ограничения устойчивости электроэнергетических систем Центральной Азии носят наднациональный характер и обусловлены разрывом между высокой связностью энергосистем и отсутствием эффективных механизмов межгосударственного управления. Структурные уязвимости, прежде всего зависимость от водно-энергетического фактора, воспроизводятся вне зависимости от национальных моделей электроэнергетики и не устраняются простым наращиванием генерации. Несмотря на наличие разветвленной институциональной среды – от отраслевых и водохозяйственных механизмов до межправительственных и финансовых форматов, ни один из действующих институтов не обеспечивает комплексного решения накопившихся проблем. Дополнительным ограничением остаются различия в структуре и регулировании национальных рынков электроэнергии.

23 Казахстан призвал к справедливому распределению воды в Центральной Азии // Inbusiness.kz. – 2025. – 14 августа. – URL: <https://www.inbusiness.kz/ru/last/kazakhstan-prizval-k-spravedlivomu-raspredeleniyu-vodnyh-resursov-v-centralnoj-azii> (дата обращения: 12.02.2026).

24 Проект CASA-1000 (Central Asia – South Asia Electricity Transmission and Trade Project) – международная инициатива по созданию инфраструктуры для экспорта 1300 МВт гидроэлектроэнергии из Киргизии и Таджикистана в Пакистан и Афганистан. Включает линии электропередачи (HVAC и HVDC) общей протяженностью свыше 1300 км; стоимость превышает 1,2 млрд долл. США, финансируют Всемирный банк, Исламский банк развития, ЕИБ и ЕБРР. Строительство в Киргизии и Таджикистане планируют завершить в 2026 г., ввод всей системы – к 2027-му, однако реализация в Афганистане приостановлена после августа 2021 г. Проект призван обеспечить доходы экспортерам и сократить дефицит энергии у импортеров, а также стимулировать региональную интеграцию, но сопряжен с вызовами (безопасность транзита, согласование тарифов и др.).

Таблица 4. Матрица вызовов и рисков развития водно-энергетического комплекса Центральной Азии

Table 4. Matrix of challenges and risks for the development of the Central Asian water-energy complex

Вызовы	Риски	Тип риска и горизонт воздействия	Последствия
Рост потребности в электроэнергии в результате экономического развития и демографических процессов в регионе	исчерпание текущих возможностей инфраструктуры водно-энергетического комплекса	системный, среднесрочный	тяжелые: торможение экономического развития, обострение социальной проблематики
Отсутствие многостороннего институционального формата, эффективно обеспечивающего решение водно-энергетической проблематики	дальнейшая деградация инфраструктуры водно-энергетического комплекса региона	системный, краткосрочный	тяжелые: усугубление энергетического кризиса, продовольственный и водный кризис
Недоинвестированность водно-энергетического комплекса, износ инфраструктуры, нехватка мощностей в генерации и передаче электроэнергии			
Процессы изменения климата и изменение режимов таяния ледников	сокращение водно-энергетического потенциала региона	экзогенный, неуправляемый, долгосрочный	
Склонность стран региона к краткосрочным и двусторонним решениям по водно-энергетической проблематике	усиление конфликтного потенциала региона	системный, среднесрочный	тяжелые: обострение прежних и развитие новых конфликтов в регионе, вплоть до военных
Исключенность Афганистана из региональных диалогов по водно-энергетической проблематике ²⁵			

Составлено авторами.

Водно-энергетические вопросы целесообразно решать через существующие межгосударственные механизмы, включая двусторонние форматы и МКВК, постепенно усиливая их в части распределения ответственности и увязки водных режимов с параметрами работы энергосистем. Однако передача им функций оперативного

или стратегического управления электроэнергетикой в текущих условиях представляется малореалистичной. Многосторонние площадки, в том числе Шанхайская организация сотрудничества, могут служить инструментом политической координации и поддержки совместных инициатив, но не способны заменить специализирован-

25 В настоящее время Афганистан, входящий в бассейн Амударьи, потребляет небольшое количество воды и располагает ограниченными гидротехническими потребностями. Однако эта ситуация будет меняться по мере реализации новых ирригационных проектов в стране, вследствие чего исключение Афганистана из регионального диалога по вопросам водной и энергетической безопасности в долгосрочной перспективе может привести к обострению конфликтного потенциала в регионе.

ные отраслевые механизмы. При этом именно Россия располагает наиболее релевантными инженерно-технологическими и управленческими компетенциями в данной сфере.

Наиболее предметной формой российского участия остается параллельная работа с энергосистемой Казахстана, через которую поддерживается устойчивость части центральноазиатского энергообъединения. Перспективными направлениями сотрудничества могут стать модернизация магистральных сетей, развитие межгосударственной торговли электроэнергией, координация межсезонной балансировки ГЭС, а также использование атомной и возобновляемой генерации при модернизации теплового парка. Главным ограничением остаются риски защиты российских инвестиций и возврата инфраструктурных кредитов в текущих геополитических условиях. В связи с этим инвестиционная составляющая трансграничных проектов может опираться прежде всего на механизмы региональных банков развития, включая систему Евразийского банка развития.

Таким образом, оптимальной стратегией представляется последовательное укрепление действующих наднациональных институтов при четком разграничении их компетенций. Такой подход позволяет сохранить управляемость, снизить институциональные издержки и избежать создания формально интеграционных, но неработоспособных конструкций. В среднесрочной перспективе устойчивость электроэнергетики Центральной Азии будет зависеть от способности государств региона сформировать действенную рамку координации в сфере водно-энергетической безопасности. Участие России в этой системе представляется целесообразным как с точки зрения технологической и нормативной совместимости, так и с позиции

обеспечения системной устойчивости региона. В противном случае структурные уязвимости центральноазиатских энергосистем будут сохраняться и усиливаться, повышая риски масштабного водно-энергетического кризиса в перспективе ближайших десятилетий.

Список литературы

Арифов Х.О. Рогунская ГЭС – новые перспективные возможности // Экономика Таджикистана. – 2024. – № 4. – С. 42–47.

Вахрушин И.В., Николаев Н.А. Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 135–152. – DOI: 10.31249/kg/2024.02.07.

Власов Е.Е., Дмитриева М.О. Водно-энергетические проекты США и Евросоюза в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 80–90. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90.

Гараханова Г.А., Аллабердиева О. Электроэнергетика Туркменистана как экономическая сила страны // Современные исследования как фактор роста и развития : Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 15 октября 2024 года. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2024. – С. 12–16.

Глазачев В.М. Проекты развития возобновляемой энергетики в странах Центрально-Азиатского региона // Окружающая среда и энергетическое развитие. – 2022. № 4(16). – С. 71–83. – DOI: 10.24412/2658-6703-2022-4-71-83.

Джураев Д.К., Ниёзи (Чоршанбиев) С.Р. Анализ стратегии развития

электроэнергетики Республики Таджикистан // Политехнический вестник. Сер. Инженерные исследования. – 2021. – № 3(55). – С. 14–18.

Еникеев Ш.М., Чжаосин Инь. Динамика энергетической политики России и Китая в Центральной Азии // Евразийские исследования. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 17–36. – DOI: 10.48647/ISSA.2024.68.24.003.

Исаков Д. Реформы государственного регулирования электроэнергетики в Узбекистане: зарубежный опыт и вызовы на пути к либерализации // Энергетическая политика. – 2024. – № 11(202). – С. 82–91. – DOI: 10.46920/2409-5516_2024_11202.82.

Подковальников С., Чудинова Л. Электроэнергетическое партнерство России и стран Центральной Азии // Энергетическая политика. – 2024. – № 4(195). – С. 78–97. – DOI: 10.46920/2409-5516_2024_4195_78.

Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Экономический, энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии как фактор геополитического противостояния в условиях меняющегося миропорядка // Евразийские исследования. – 2024. – № 1. – С. 67–77. – DOI: 10.24412/cl-37229-2024-1-67-77.

Шангараев Й.Р., Иллерицкий Н.И. Трансформация роли Казахстана на евразийском рынке газа // Евразийские исследования. – 2025. – № 3. – С. 64–78. – DOI: 10.48647/ISSA.2025.22.92.007.

Электроэнергетика государств – участников СНГ за 2014–2024 гг. Информационный сборник. – Москва : Исполнительный комитет Электроэнергетического совета СНГ (ИК ЭС СНГ), 2025. – 256 с.

Abduvaliev M., Bustillo R., Viju-Miljusevic C. External Forces in Central Asia: Shaping the Regional Balance // Canadian Journal of European and Russian Studies. – 2025. – Vol. 18, N 1. – P. 4–29.

Laldjebaev M., Isaev R., Saukhimov A. Renewable energy in Central Asia: An overview of potentials, deployment, outlook, and barriers // Energy Reports. – 2021. – Vol. 7. – P. 3125–3136.

Mehta A.S., Rao H.S., Terway A. Power Sector Reform in Central Asia: Observations on the Diverse Experiences of Some Formerly Soviet Republics and Mongolia // Journal of Cleaner Production. – 2007. – Vol. 15, N 2. – P. 218–234. – DOI: 10.1016/j.jclepro.2005.12.013.

Petersen L. Die Golfstaaten, China und Zentralasiens grüner Energiesektor: Interaktionen, geopolitische Dynamiken und Implikationen für EU und Deutschland // SWP-Aktuell. – 2024. – N A63. – 8 p. – Нем. яз. – DOI: 10.18449/2024A63.

Syidalieva N.J., Turdumambetova D.K., Syidalieva K.N. Energy without coal: green challenges and opportunities for Central Asia (Kyrgyzstan and Kazakhstan) // Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn. – 2024. – N 1(117). – P. 299–304. – DOI: 10.58649/1694-8033-2024-1(117)-299-304.

Ян Юй, Лю И, Цзинь Фэнцзюнь = 杨宇, 刘毅, 金凤君. Исследование моделей энергетического сотрудничества Китая с Центральной Азией и Россией с точки зрения энергогеополитики = 能源地缘政治视角下中国与中亚-俄罗斯国际能源合作模式 // Географические исследования = 地理研究. – 2015. – Т. 34, № 2. – С. 213–224. – Кит. яз. – DOI: 10.11821/dlyj201502002.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.06

Institutional, Technical and Economic Challenges of Electric Power Development in Central Asian Countries: The Role of the Russian Federation

Alexandra A. PERMINOVA

PhD (Political Sciences), Head of the Center for Central Asian Studies
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997;
Associated Professor of the School of International Affairs
National Research University Higher School of Economics
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 119017
E-mail: perminova@iccaras.ru
ORCID: 0000-0002-0187-7635

Nikita I. Illeritsky

PhD (Econ.), Leading Researcher of the Center for Central Asian Studies
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: ini@iccaras.ru
ORCID: 0000-0002-1944-861X

CITATION: Perminova A.A., Illeritsky N.I. (2026). Institutional, Technical and Economic Challenges of Electric Power Development in Central Asian Countries: The Role of the Russian Federation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 97–119 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.06

Received: 18.02.2026.

Revised: 26.05.2026.

ABSTRACT. *The article provides a comprehensive analysis of the structural constraints that hinder the sustainable development of the Central Asian electric power industry. Key barriers stem from a combination of interrelated factors, among which are fragmentation of the institutional environment, water and energy asymmetry, and significant wear and tear of production and network infrastructure. The analysis demonstrates that the identified problems*

are of a dualistic nature – they simultaneously have an institutional and technical-economic dimensions. At the same time, the possibilities of an adequate response to these challenges are significantly limited by the lack of supranational, consensus-based institutional management mechanisms. The lack of effective formats for multilateral cooperation between the countries of the region makes it difficult to develop coordinated development strategies, synchronize invest-

ment programs and optimize the modes of operation of cross-border energy systems. In this context, the participation of the Russian Federation is analyzed not within the framework of a generalized geo-economic paradigm, but with an emphasis on specific existing and promising mechanisms of interaction in the energy sector. This approach makes it possible not only to detail the forms and extent of Russian participation in the development of the regional energy system, but also to substantiate its importance as a factor in reducing systemic risks.

KEYWORDS: Central Asian countries, electric power industry, water and energy complex, institutions, energy cooperation, Russia and Central Asia.

References

- Abduvaliev M., Bustillo R., Viju-Milju-sevic C. (2025). External Forces in Central Asia: Shaping the Regional Balance. *Canadian Journal of European and Russian Studies*. Vol. 18, no. 1, pp. 4–29.
- Arifov H.O. (2024). Rogun HPP – new promising opportunities. *The Economy of Tajikistan*. No. 4, pp. 42–47 (in Russian).
- Djuraev D.K., Niesi (Chorshanbiev) S.R. (2021). Analysis of the development strategy of the electric power industry of the Republic of Tajikistan. *Polytechnic Bulletin. Series: Engineering Research*. No. 3(55), pp. 14–18 (in Russian).
- Elektroenergetika... (2025). *Electric Power Industry of the CIS Member States for 2014–2024. Information Collection*. Moscow: Executive Committee of the CIS Electric Power Council (EC ES CIS), 256 pp. (in Russian).
- Enikeev S.M., Zhaoxing Yin (2024). Dynamics of the energy policy of Russia and China in Central Asia. *Eurasian Studies*. Vol. 2, no. 2, pp. 17–36 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.68.24.003.
- Garakhanova G.A., Allaberdieva O. (2024). Electric power industry of Turkmenistan as an economic force of the country. In: *Modern Research as a Factor of Growth and Development*. Collection of Articles of the 9th International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, October 15, 2024. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, pp. 12–16 (in Russian).
- Glazachev V.M. (2022). Renewable energy development projects in the countries of the Central Asian region. *Environment and Energy Science*. No. 4(16), pp. 71–83 (in Russian). DOI: 10.24412/2658-6703-2022-4-71-83.
- Isakov D. (2024). Reforms of State Regulation in the Electric Power Industry of Uzbekistan: International Experience and Challenges on the Path to Liberalization. *Energy Policy*. No. 11(202), pp. 82–91 (in Russian). DOI: 10.46920/2409-5516_2024_11202.82.
- Khalova G.O., Illeritsky N.I. (2024). Economic, energy and natural resource potential of Central Asia as a factor of geopolitical confrontation in a changing world order. *Eurasian Studies*. No. 1, pp. 67–77 (in Russian). DOI: 10.24412/cl-37229-2024-1-67-77.
- Laldjebaev M., Isaev R., Saukhimov A. (2021). Renewable energy in Central Asia: An overview of potentials, deployment, outlook, and barriers. *Energy Reports*. Vol. 7, pp. 3125–3136.
- Mehta A.S., Rao H.S., Terway A. (2007). Power Sector Reform in Central Asia: Observations on the Diverse Experiences of Some Formerly Soviet Republics and Mongolia. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 15, no. 2, pp. 218–234. DOI: 10.1016/j.jclepro.2005.12.013.
- Petersen L. (2024). The Gulf States, China, and Central Asia's Green Energy Sector: Interactions, Geopolitical Dynamics, and Implications for the EU and Germany. *SWP-Aktuell*. No. A63, 8 pp. (in German). DOI: 10.18449/2024A63.
- Podkovalnikov S., Chudinova L. (2024). Electric Power Partnership between Russia

and Central Asian countries. *Energy Policy*. No. 4(195), pp. 78–97 (in Russian). DOI: 10.46920/2409-5516_2024_4195_78.

Shangaraev Y.R., Illeritsky N.I. (2025). Transformation of Kazakhstan's role in the Eurasian gas market. *Eurasian Studies*. No. 3, pp. 64–78 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.22.92.007.

Syidalieva N.J., Turdumambetova D.K., Syidalieva K.N. (2024). Energy without coal: green challenges and opportunities for Central Asia (Kyrgyzstan and Kazakhstan). *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn*. No. 1(117), pp. 299–304. DOI: 10.58649/1694-8033-2024-1(117)-299-304.

Vakhrushin I.V., Nikolaev N.A. (2024). The risks of institutionalization of the Central Asia–China format for solidarity

and political trust within the Shanghai Cooperation Organization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17, no. 2, pp. 135–152 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07.

Vlasov E.E., Dmitrieva M.O. (2025). Water and energy projects of the USA and the European Union in Central Asia. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 27, no. 1, pp. 80–90 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-80-90.

Yang Yu, Liu Yi, Jin Fengjun (2015). The Study of models of the energy cooperation between China and Central Asia and Russia from the point of view of Energoservice). *Geographical Research*. Vol. 34, no. 2, pp. 213–224 (in Chinese). DOI: 10.11821/dlyj201502002.

США: новые реалии

УДК 327:339(7/8::1*US:1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.07

Доктрина Монро 2.0 vs «Сообщество единой судьбы» в Латинской Америке

Алла Юрьевна БОРЗОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Факультета гуманитарных и социальных наук Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, г. Москва, Российская Федерация, 117198
E-mail: borzova-ayu@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-9886-7977

Ольга Виленовна ВОЛОСЮК

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 119017
E-mail: ovolosyuk@hse.ru
ORCID: 0000-0002-3115-6978

Илья Сергеевич КОЗЫЛОВ

преподаватель, аспирант Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 119017
E-mail: ikozylov@hse.ru
ORCID: 0009-0007-4513-2110

ЦИТИРОВАНИЕ: Борзова А.Ю., Волосюк О.В., Козылов И.С. Доктрина Монро 2.0 vs «Сообщество единой судьбы» в Латинской Америке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 120–143.
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.07

Статья поступила в редакцию 16.03.2026.
Исправленный текст представлен 04.06.2026.

АННОТАЦИЯ. Статья анализирует трансформацию геополитического ландшафта Латинской Америки в 2001–2026 гг. и эволюцию американо-китайской конкуренции в регионе. Цель исследования состоит в выявлении

того, как постепенное усиление КНР в торговле, инвестициях, инфраструктуре, энергетике, цифровых технологиях и институциональном диалоге изменило параметры традиционного влияния США в Западном

полушарии. На основе проблемно-хронологического анализа прослеживаются основные этапы китайского продвижения: от сырьевой и торговой связи начала 2000-х годов к инвестиционной, технологической и военно-политически чувствительной повестке середины 2020-х годов. Показано, что ослабление внимания США после 11 сентября 2001 г. открыло Китаю окно возможностей для закрепления в энергетике, цифровых технологиях, здравоохранении и взаимодействии со странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК). Особое внимание уделено стратегическому восприятию региона Пекином, отраженному в Белой книге 2025 г., и ответу Вашингтона в логике Доктрины Монро 2.0. Делается вывод, что к весне 2026 г. Латинская Америка превратилась в пространство геополитического разграничения, где США усилили военно-политическое давление, Китай сохранил преимущества в ряде экономических и технологических сегментов, а государства региона стали активнее использовать практики стратегического хеджирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Латинская Америка, Китай, США, Доктрина Монро 2.0, Белая книга КНР, Цифровой шелковый путь, CELAC, американо-китайская конкуренция, стратегическое хеджирование.*

После терактов 11 сентября 2001 г. фокус внимания и ключевые ресурсы США сместились на «войну с терроризмом», охватившую Ирак и Афганистан. Латинская Америка, десятилетиями находившаяся в авангарде интересов Вашингтона, оказалась на периферии его внешней политики. Пока Белый дом был поглощен ближневосточными

конфликтами и сдерживанием России, в регионе наступила эпоха бурных внутренних перемен. Воспользовавшись этой геополитической паузой, к власти во многих странах пришли левые лидеры (Уго Чавес в Венесуэле, Эво Моралес в Боливии и др.), взявшие курс на независимую от США повестку. Образовавшийся вакуум влияния позволил другим глобальным игрокам начать «тихую экспансию». Прежде всего это коснулось Китая, который до начала XXI в. оставался лишь второстепенным партнером для стран ЛАК, традиционно ориентированных на США и Европу.

Ситуация коренным образом изменилась после вступления КНР в ВТО в 2001 г. Еще в апреле того же года председатель КНР Цзян Цзэминь заявил: «XXI век станет веком, когда Китай и Латинская Америка будут рука об руку сотрудничать во всех сферах, и это будет век, в котором народы Китая и Латинской Америки построят лучшее будущее» [Волосюк, Кироза, 2025, с. 311]. Эта установка заложила фундамент для формирования прочных политических и культурных связей, подкрепленных колоссальным экономическим ростом. «Результатом, – точно и тонко подметил О. Стункель, – стало появление региона, который научился кивать в ответ на опасения США, одновременно с этим тихо обналачивая китайские чеки»¹. Сегодня Китай прочно закрепился в статусе второго торгового партнера Латинской Америки, а для Бразилии, Чили и Перу стал рынком № 1. Пока Вашингтон по инерции считал регион своим «задним двором», Пекин фактически выстроил там «парадные ворота», планомерно инвестируя миллиарды в реальный сектор.

Системный анализ отношений в треугольнике Китай – США – Ла-

1 Stuenkel O. Latin Americans Already Have a Serious Partner – and It's Not Trump // The New York Times. – 2026. – March 10. – URL: <https://www.nytimes.com/2026/03/10/opinion/trump-latin-america-china.html> (дата обращения: 01.06.2026).

тинская Америка представлен в трудах ведущих российских ученых, который настоящее исследование дополняет и развивает. Одним из первых глубоких исследований регионально-го измерения американо-китайского соперничества стала монография Я.В. Лексютинной, в которой автор еще на начальном этапе зафиксировала объективный характер напряженности между Вашингтоном и Пекином в Западном полушарии. Она указывает, что количественный рост китайского присутствия в начале XXI в. стал подрывать традиционную торгово-экономическую гегемонию США, вызывая «обеспокоенность Вашингтона относительно происходящих региональных изменений в расстановке внешних сил в пользу Китая» [Лексютинна, 2011, с. 153–154]. В.П. Сударев концептуализировал эти тренды, зафиксировав переход к «конфликтной многополярности» и начало разрушения монополии Вашингтона, когда конфликт сверхдержав выразался в вытеснении дипломатического влияния США через торгово-инвестиционную экспансию Пекина [Сударев, 2019, с. 55–93; Сударев, 2023, с. 102–124]. П.П. Яковлев развивает данный тезис, смещая фокус на «литиевую гонку» и технологии энергетического перехода. Согласно его концепции, с одной стороны, «паровой каток» китайской торгово-экономической экспансии остановить уже невозможно, а с другой – бывшее доминирование США в Латино-Карибской Америке «сокращается как шагреновая кожа» [Яковлев, 2019, с. 50–55; Яковлев, 2024, с. 320–321]. В свою очередь, доктринальные слабости американского курса подробно раскрывают Ю.В. Боровский и Б.Ф. Мартынов. Они подчеркивают потерю экономического веса и политического влияния США в этом «традиционном» для них регионе и утверждают, что в контексте общеглобального америка-

но-китайского противостояния борьба за влияние в ЛКА будет занимать далеко не последнее место [Боровский, Мартынов, 2023, с. 278]. Е.И. Сафронова рассматривает Латинскую Америку не как самостоятельный субъект, а как объект глобального планирования КНР. Она показывает, как Пекин камуфлировал экономические аппетиты риторикой солидарности «Юг – Юг», используя регион для обеспечения сырьевой безопасности и дипломатической изоляции Тайваня [Сафронова, 2018]. В последних исследованиях автор демонстрирует, что Китай уже активно переформирует Латинскую Америку под себя. Латинская Америка встраивается в «китайско-латиноамериканскую дугу» влияния через Цифровой и Зелёный шёлковые пути, Пекин привязывает латиноамериканские страны к своим технологическим стандартам и создает институциональный противовес США через форум Китай – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) [Сафронова, 2023]. В этой же оптике сотрудничество Китая и СЕЛАК рассматривают и другие исследователи [Волосюк, Козылов, 2026].

Накопленный в отечественной науке массив подходов позволяет констатировать: к настоящему времени латентное соперничество сверхдержав переросло в открытое столкновение двух глобальных мегапроектов. Сегодня эта борьба кристаллизовалась в жесткую дихотомию: американская стратегия неогегемонии «Доктрина Монро 2.0» прямо противостоит китайской инициативе «Сообщество единой судьбы». В связи с этим главная геополитическая дилемма заключается в том, способна ли Латинская Америка сохранить баланс сил и устоит ли американо-китайский треугольник в регионе в условиях наступившего системного раскола.

«Потерянное двадцатилетие» США: этапы и механизмы китайской экспансии в Латинской Америке (2001–2024)

Пока США инвестировали триллионы в затяжные войны на Ближнем Востоке, Китай планомерно вкладывал миллиарды в реальный сектор Латинской Америки, выстраивая сеть дорог, мостов и глубоководных портов. Эта «тихая экспансия» началась с «сырьевого медового месяца» 2001–2008 гг., когда вступление КНР в ВТО спровоцировало ажиотажный спрос на нефть, сою и медь. Обеспечив региону период сверхдоходов, Пекин грамотно конвертировал их в статус ключевого торгового партнера. После 2009 г. стратегия качественно изменилась: пока Вашингтон устранял последствия глобального финансового кризиса, Китай перешел от закупок сырья к масштабным прямым инвестициям. Создание институциональной базы в рамках форума «Китай – СЕЛАК» позволило запустить стратегические проекты – от транспортных артерий до мощнейших гидроэлектростанций. С 2018 г., после официального включения региона в инициативу «Один пояс – один путь», экспансия вышла на новый уровень. Сегодня Пекин сместил фокус на высокотехнологичную борьбу за «зеленый» суверенитет, устанавливая контроль над критическими узлами будущего: сетями 5G, космическими программами и ресурсами «литиевого треугольника» Аргентины, Боливии и Чили.

Углубление торгового партнерства. Рост товарооборота между Ки-

таем и странами Латинской Америки и Карибского бассейна за этот период демонстрировал высокую динамику: объем торговли увеличился с 14 млрд долл. в 2000 г. до 495 млрд долл. по итогам 2022 г., при этом среднегодовой прирост в 2001–2024 гг. составил 18,5% [Esclusa, 2026]. В 2024 г. показатель достиг рекордных 518,47 млрд долл. (рост на 1,1%)². На фоне торгового противостояния США и КНР произошла частичная переориентация китайского экспорта: при снижении поставок в США на 19,5% Китай нарастил экспорт в Африку на 26,5%, в страны АСЕАН – на 14%, а в страны Латинской Америки – на 5,9%³.

В 2005 г. КНР заключила первое соглашение о свободной торговле с Чили, расширенное в 2017 г., после чего аналогичные договоры были подписаны с Перу, Коста-Рикой, Эквадором и Никарагуа. С 2025 г. ведутся переговоры с Колумбией, Уругваем и актуализируются контакты с Эквадором. Данные соглашения направлены на углубление и диверсификацию двустороннего торгового взаимодействия [Прохоренко, 2024].

Для Чили, Перу, Бразилии, Эквадора и Парагвая Китай стал важнейшим торговым партнером. Протекционистские меры США и стремление закрепить свое влияние в Западном полушарии привели к геополитическому сдвигу в ЛАК и углублению экономического присутствия Китая в регионе. Введение пошлин на 22% бразильского экспорта в США привело к тому, что в 2025 г. торговый оборот Китая с Бразилией достиг исторического максимума в 171 млрд долл., показав рост

2 China and Latin America in 2025: Strategic Growth in Trade, Investment, and Culture // CW CPA. – 2025. – May 9. – URL: <https://cwhkcpa.com/china-and-latin-america-in-2025-strategic-growth-in-trade-investment-and-culture/> (дата обращения: 25.02.2026).

3 Кулагин В., Лакстыгал И. Китай закончил год торговых войн с Вашингтоном рекордным профицитом в \$ 1,2 трлн // Ведомости. – 2026. – 15 января. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/01/15/1169342-kitai-zakonchil-torgovih-vojn-s-vashingtonom-profitsitom> (дата обращения: 25.02.2026).

Таблица 1. Динамика торгового оборота стран Латинской Америки с КНР

Table 1. Dynamics of trade turnover between Latin American countries and China

Страна	2022 Доля торгового оборота с КНР, %	2024 Доля США в экспорте, %	2024 Экспорт КНР, млрд долл.	2024 Экспорт КНР, %	2024 Экспорт в Китай, млрд долл.	2024 Торговый баланс, млрд долл.
Мексика	11	81	106	2,95	15,1	- 90,9
Бразилия	25	12	71	1,98	71	24,9
Чили	32	15	20,2	0,56	37,9	17,7
Перу	28	13	15,9	0,44	24,2	8,3
Колумбия	16	30	15,8	0,44	2,49	- 13,3
Аргентина	16	8	11,4	0,32	5,95	- 5,45
Эквадор	20	20	6,68	0,19	7,56	0,88
Парагвай	18	4	5,57	0,16	0,959	- 4,62

Составлено авторами по данным: [ECLAC, 2025a], а также *China* // The Observatory of Economic Complexity. – URL: <https://oec.world/en/profile/country/chn> (дата обращения: 25.02.2026).

на 8,2%, что вдвое превысило товарооборот с США объемом в 83 млрд долл.⁴ При этом бразильский экспорт в КНР достиг 100 млрд долл., увеличившись за счет поставок сои, железной руды и нефти. Основными товарами из КНР были автомобили, пестициды и удобрения.

Китайский экспорт в Перу в 2025 г. также вырос за счет поставок автомобилей, грузовиков и крупной строительной техники, а в импорте возросла доля медной руды, морепродуктов и золота, закупка которого за первое полугодие 2025 г. выросла в 4 раза. Колумбия оставалась пятым по объему торговым партнером КНР в Латинской Америке, а Китай для Колумбии – вторым. За первые 4 месяца 2025 г. их товарооборот достиг рекордных 6,72 млрд долл. (рост на 8,5%). Колумбия занимала 3-е место по объему поставок кофе

и свежесрезанных цветов в Китай. Товарооборот между Китаем и Чили за тот же период тоже достиг новых высот – почти 23 млрд долл. (прирост 5,4%). 16% импорта из Чили пришлось на вишню⁵.

Регион ЛАК воспринимался Китаем уже не только как ресурсная база, но и как перспективный рынок для китайских товаров широкого спектра. Это давало возможность китайским компаниям диверсифицировать экспорт, снижая зависимость от других рынков, а также рассматривать регион как сферу для вложения инвестиций [Dussel Peters, 2025].

В свое время китайские компании рассматривали Мексику как перспективную страну для инвестиций, что позволяло им обходить американские заградительные тарифы и проникать на рынок США [Яковлев, 2023, с. 101].

4 Brazil-China trade hits record in 2025, reaching \$ 171 billion // Global Times. – 2026. – January 14. – URL: <https://www.global-times.cn/page/202601/1353165.shtml> (дата обращения: 25.02.2026).

5 За первые 4 месяца 2025 г. товарооборот между Китаем и Колумбией достиг рекордных \$ 6,72 млрд // CGTN. – 2025. – May 14. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-14/1922661175026425857/index.html> (дата обращения: 25.02.2026).

Однако угрозы США ввести тарифы для Мексики и пересмотреть положения соглашения USMCA привели к тому, что экспорт из Поднебесной в эту страну снизился до 70 млрд долл.⁶ Мексика объявила о введении тарифов до 50% на китайский импорт и ввела ограничения на деятельность ряда китайских компаний⁷.

Инфраструктура. В рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь», к которой присоединилось более 20 стран региона, продвигались инфраструктурные проекты и телекоммуникационные решения (5G, оптоволоконные сети). Стоимость китайских проектов в ЛАК оценивалась в 286 млрд долл.⁸ Пекин финансировал строительство аэропортов, автомагистралей, портов, линий метро и железных дорог, фактически перестраивая логистику региона [ECLAC, 2025b].

Центральным элементом этой стратегии стал введенный в эксплуатацию в 2024 г. порт Чанкай в Перу. Доля китайской компании COSCO Shipping в проекте составила 60%, а общие инвестиции – 3,4 млрд долл.⁹ Чанкай стал внутрирегиональным центром консолидации грузов и открыл важный транстихоокеанский канал, связывающий Китай и Южную Америку в обход портов США и Мексики. Проект должен был принести Перу 4,5 млрд долл. дохода в год и снизить логистические расходы на 20%. Чтобы замкнуть цикл поставок минеральных ресурсов, компания China Power Construction запланировала строительство железной

дороги до Чанкая от шахт центральной части страны стоимостью 420 млн долл. А в 2023 г. Бразилия и КНР подписали соглашение о создании железнодорожного коридора до Чанкая протяженностью 4500 км через Бразилию, Боливию и Перу для улучшения транспортной доступности региона [Жуй Ван, Лукин, 2025, с. 70].

Энергетика и технологии. С 2000 по 2018 г. Китай инвестировал 73 млрд долл. в сырьевой сектор ЛАК: в строительство нефтеперерабатывающих заводов, добычу и переработку угля, меди, природного газа и урана. Компания Power China к 2022 г. реализовывала проекты в 11 странах региона. Пекин сосредоточился на инвестициях в производство лития в Аргентине, Боливии и Чили. На страны «литиевого треугольника» приходилась половина мировых запасов этого минерала, необходимого для электромобилей и аккумуляторов. Компании BYD и Tsingshan Holding Group завершили проекты по строительству заводов литиевых катодов в Чили (Антофагаста) на 523 млн долл.

С 2010 г. Пекин инвестировал в Бразилию около 66 млрд долл., укрепив роль в энергетике, инфраструктуре и агробизнесе. Китайские инвестиции в горнодобывающий сектор Бразилии были значительны и сосредоточены на добыче железа, меди и никеля. Крупнейшие китайские компании проводили исследования редкоземельных элементов и выходили на бразильский рынок через покупку рудников

6 – Soh S. New Mexican Tariffs Strike a Blow Against China // Foundation for Defense of Democracies. – 2025. – December 19. – URL: <https://www.fdd.org/analysis/2025/12/19/new-mexican-tariffs-strike-a-blow-against-china/> (дата обращения: 25.02.2026).

7 – China Warns Mexico Over Escalating Trade Fight as Tariff, Anti-Dumping Actions Mount // The China-Global South Project. – 2025. – October 6. – URL: <https://chinaglobalsouth.com/2025/10/06/china-mexico-trade-dispute-escalation/> (дата обращения: 25.02.2026).

8 – Зедано Р. Внешнеэкономическая стратегия Китая в Латинской Америке // Валдайский клуб. – 2026. – 27 февраля. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/strategiya-kitaya-latinskaya-amerika/?ysclid=mmrq7596eu817088462> (дата обращения: 01.06.2026).

9 – В Перу открыли построенный на китайские инвестиции мегапорт Чанкай // ТАСС. – 2024. – 15 ноября. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22407027> (дата обращения: 25.02.2026).

или создание совместных предприятий (например, с *Vale*). Китайские банки предоставляли кредиты в обмен на долгосрочные контракты, что обеспечивало стабильность поставок. Китай перешел от статуса покупателя к статусу владельца шахт, стремясь к контролю промежуточных процессов (переработки лития в карбонат или графита в аноды). Новым шагом стала локализация производства электромобилей *BYD* в штате Баия (инвестиции в размере 7,5 млрд юаней) с планом выпуска 150 000 машин в год. В 2025 г. китайский лидер на встрече Китай – СЕЛАК сообщил о выделении 9,18 млрд долл. на инвестиции в регион¹⁰.

Цифровой шёлковый путь. КНР активно занималась развитием «новой инфраструктуры», включая искусственный интеллект, возобновляемую энергию, умные города и технологии 5G от компаний *Huawei* и *ZTE*. Китайские компании оказывали содействие в создании цифрового правительства, цифровизации экономики, здравоохранения, финансовых услуг и электронной коммерции [Арсентьева, 2024]. Шесть из семи мобильных сетей 4G в Бразилии были построены *Huawei*, а в Мексике 55% сети 4G-LTE использовали ее технологии. В 2022 г. *Huawei* начала в Бразилии реализацию пилотного проекта 5G City, где уже более половины сетей 3G и 4G работали на китайском оборудовании. По данным *Huawei*, до 70% 4G-LTE-соединений в регионе обеспечивалось ее инфраструктурой. В 2022 г. объем продаж компании в этих странах составил 4,5 млрд долл. (рост на 9%). В Мексике китайское правительство поддержало развитие общенациональ-

ной сети через инвестиции в *Altán Redes*¹¹. Китай содействовал развитию электронной коммерции, и платформы *Temu*, *Shein* и *AliExpress* увеличили свои продажи в Латинской Америке в 2025 г. примерно на 47%.

Китайский Шёлковый путь здоровья в Латинской Америке. Китай в Пекинском коммюнике о сотрудничестве в области здравоохранения выдвинул предложение о Шёлковом пути здоровья (*HSR*) и подготовил план действий. Цели инициативы состояли в укреплении инфраструктуры, усилении международного сотрудничества в изучении болезней и продвижении китайской модели здравоохранения как альтернативы западной. В Латинской Америке наиболее значимыми проектами *HSR* стало строительство трех госпиталей в Эквадоре в 2013, 2015 и 2018 гг., однако пандемия коронавируса изменила ситуацию [Zeng Weiwei, Ding Mengli, Liu Hongsong, 2023]. Китай первым организовал «воздушный мост» по доставке материалов и врачей, а также оказал значительную гуманитарную помощь [Сафронова, 2021]. В 2020 г. КНР предоставила странам региона кредит на сумму 1 млрд долл. для приобретения вакцин. США за тот же период выделили всего 153 млн долл. для закупки средств индивидуальной защиты [Борзова, Борзов, Пивень, 2025, с. 620].

В 2021 г. КНР приступила к совместному производству и распространению вакцин: *Sinovac* в Бразилии и Чили, *Sinopharm* в Аргентине и Перу, *CanSino* и *Walvax* в Мексике. В 2022 г. компания *Sinovac* начала строительство предприятий в Чили и Колумбии, а также подписала соглашение о техническом

10 China offers Latin America and the Caribbean billions in bid to rival US influence // Reuters. – 2025. – May 13. – URL: <https://www.reuters.com/world/china-latin-america-trade-exceeded-500-billion-2024-2025-05-13/> (дата обращения: 25.02.2026).

11 Carrelli T. 5G auctions in Latin America do not veto Huawei as requested by Washington // Global Affairs, Universidad de Navarra. – 2024. – May 16. – URL: <https://en.unav.edu/web/global-affairs/las-subastas-de-5g-en-latinoamerica-no-vetan-a-huawei-como-pedia-washington> (дата обращения: 25.02.2026).

сотрудничестве с Эквадором. Китай начал строительство трех госпиталей в Чили и Перу, а также лаборатории *BGI Genomics* в Уругвае. В 2023 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между КНР и Бразилией (Китайской академией наук и *Fiocruz*) о создании центра исследований и профилактики инфекционных заболеваний. В Плане действий КНР и СЕЛАК была поставлена задача совместного производства вакцин, обмена передовыми практиками и цифровизации здравоохранения [Terui Villegas, González García, 2024].

За четверть века Китай успешно трансформировал свою роль в ЛАК из простого покупателя ресурсов в стратегического инвестора, технологического партнера и строителя ключевой инфраструктуры. Это позволило Пекину создать в регионе альтернативную систему влияния, основанную на цифровой и транспортной связности, значительно потеснив позиции США.

Взгляд «дракона»: Латинская Америка в стратегическом восприятии Пекина

Интерес Китая к Латинской Америке в первой четверти XXI в. определяется прежде всего прагматическим расчетом. Для Пекина этот регион давно перестал быть удаленным внешнеполитическим направлением и превратился в важный элемент глобальной стратегии уси-

ния КНР. Латинская Америка позволяет Китаю одновременно решать несколько долгосрочных задач: обеспечивать доступ к продовольствию, энергии и стратегическому сырью, ослаблять монополию США в Западном полушарии, сокращать пространство дипломатического признания Тайваня и закреплять собственные технологические стандарты на внешних рынках. Именно совмещение этих функций придает китайскому присутствию в регионе системный характер и делает его одним из чувствительных измерений современного американо-китайского геополитического и геоэкономического противостояния.

Прежде всего Китай заинтересован в Латинской Америке как в источнике обеспечения собственной внутренней устойчивости. Экономическая модель КНР, основанная на масштабном промышленном производстве, глубокой включенности в мировые цепочки поставок и растущем внутреннем потреблении, требует устойчивого доступа к продовольствию, энергоносителям и сырью. Китай исходит из неизменности базового ограничения 人多地少: пахотных земель немного, их качество неравномерно, а внутренний спрос остается огромным. В энергетическом отношении ресурсная база страны описывается формулой 富煤、贫油、少气, что при высокой импортной зависимости по нефти и газу превращает внешние каналы снабжения в вопрос стратегической устойчивости¹². В этом смысле

12 Мнение Канцелярии Государственного совета КНР о предотвращении «незернового» использования пахотных земель и стабилизации производства зерна = 国务院办公厅关于防止耕地「非粮化」稳定粮食生产的意见 // Госсовет КНР = 中国政府网. – 2020. – 17 ноября. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-11/17/content_5562053.htm (дата обращения: 15.03.2026); Чжан Цзяньхуа: высококачественное развитие новой энергетики как надежная гарантия высокого уровня энергетической безопасности = 章建华: 以高质量新能源发展有力保障高水平能源安全 // Государственное управление по делам энергетики = 国家能源局. – 2024. – 15 августа. – Кит. яз. – URL: https://www.nea.gov.cn/2024-08/15/c_1310784478.htm (дата обращения: 15.03.2026); Си Цзиньпин председательствовал на втором заседании Центральной комиссии по финансово-экономическим вопросам и подчеркнул необходимость реально усилить охрану пахотных земель, всесторонне повысить их качество и поступательно расширять пространство сельскохозяйственного производства = 习近平主持召开中央财经委员会第二次会议强调: 切实加强耕地保护 全力提升耕地质量 稳步拓展农业生产空间 // Госсовет КНР: сообщение информгентства «Синьхуа» = 中国政府网. 来源: 新华社. – 2023. – 20 июля. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202307/content_6893293.htm (дата обращения: 15.03.2026).

Латинская Америка имеет для Пекина почти уникальное значение, что подтверждается и Белыми книгами, и совместными планами, и заявлениями высшего руководства КНР¹³. Регион поставляет Китаю сою, мясо, нефть, газ, железную руду, медь и другие ресурсы, необходимые для поддержания производственного роста и экспортной конкурентоспособности. В последние годы особую роль приобрел литий на фоне энергетического перехода, развития аккумуляторных технологий и борьбы за контроль над производственными цепочками в сфере электромобилей и накопителей энергии¹⁴. Доступ к латиноамериканским ресурсам означает для Пекина укрепление стратегической автономии и создание материальной основы долгосрочной устойчивости китайской экономики.

Второе измерение китайского интереса связано с формированием альтернативного полюса влияния в Западном полушарии. Пекин рассматривает Латинскую Америку как пространство, где можно постепенно разрушать американскую монополию и закреплять собственное присутствие в регионе, традиционно воспринимавшемся США как зона их политического, экономического и стратегического преобладания. Расширяя торговлю, инвестиции, кре-

дитование и инфраструктурное участие, Китай создает здесь параллельную архитектуру зависимости, основанную на доступе к китайскому рынку, финансированию и технологическим решениям¹⁵. Такая модель привлекательна для многих латиноамериканских элит, поскольку не сопровождается требованиями демократизации, политической либерализации и институциональной перестройки по западным образцам. Тем самым Китай предлагает странам региона формат партнерства, сочетающий экономическую выгоду с политической необременительностью¹⁶. Дополнительное значение имеет и то, что государства Латинской Америки становятся дипломатическим ресурсом Пекина на международных площадках¹⁷. Их поддержка в ООН, ВТО и других институтах усиливает китайские позиции по вопросам мирового порядка, суверенитета, невмешательства и реформы глобального управления. Особую роль играет взаимодействие с СЕЛАК, позволяющее КНР выстраивать отношения с регионом в обход США и Канады и тем самым институционально закреплять свое влияние.

Третьим важным мотивом китайской активности выступает тайваньский вопрос. Латинская Америка и Карибский бассейн долгое время со-

13 Основная речь Си Цзиньпина на церемонии открытия IV министерской встречи Форума Китай – CELAC 习近平在中拉论坛第四届部长级会议开幕式的主旨讲话 (全文) // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2025. – 13 мая. – Кит. яз. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202505/t20250513_11621852.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

14 Хэ Шунжун. Литиевые ресурсы Латинской Америки и возможности и вызовы китайских инвестиций = 贺双荣. 拉美的锂资源及中国投资面临的机遇和挑战 // Zhuanlan.zhihu.com = 知乎专栏. – 2023. – 1 августа. – Кит. яз. – URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/647330978> (дата обращения: 15.03.2026); Углубление и практическое продвижение строительства китайско-латиноамериканского сообщества единой судьбы = 中拉命运共同体建设走深走实 // Департамент коммерции провинции Гуандун = 广东省商务厅. – 2024. – 29 августа. – Кит. яз. – URL: https://com.gd.gov.cn/zcqqgfwpt/zcqzx/content/post_4485279.html (дата обращения: 15.03.2026).

15 Совместное строительство «Пояса и пути» как песнь общей судьбы Китая и Латинской Америки = 共建「一带一路」奏响中拉命运与共之歌 // Госсовет КНР: сообщение «Жэньминь Жибао» = 中国政府网. 来源: 人民日报海外版. – 2024. – 14 ноября. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6986897.htm (дата обращения: 15.03.2026).

16 Политический документ КНР в отношении Латинской Америки и Карибского бассейна = 中国对拉丁美洲和加勒比政策文件 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2025. – 10 декабря. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202512/t20251210_11770005.shtml (дата обращения: 13.03.2026).

17 Симпатии к Китаю в Латинской Америке вновь растут: что Китай сделал правильно? = 拉美对华好感再上升, 中国做对了什么? // Институт Латинской Америки КАОН = 中国社会科学院拉丁美洲研究所. – 2025. – 17 июля. – Кит. яз. – URL: http://ilas.cssn.cn/xschengguo/qtchengguo/202512/t20251208_5954634.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

храняли особую значимость для внешней политики Пекина как один из последних оплотов дипломатического признания Тайваня¹⁸. В условиях, когда принцип «одного Китая» рассматривается КНР как фундамент международной легитимности китайского государства, борьба за сокращение числа партнеров Тайбэя становится частью более широкой стратегии внешнеполитического укрепления Пекина¹⁹. Поэтому экономическое проникновение Китая в Латинскую Америку тесно связано с дипломатическим давлением: торговля, инвестиции, инфраструктурные проекты и финансовая поддержка используются как инструменты переориентации государств региона с Тайваня на КНР²⁰. Панама, Сальвадор и Гондурас стали наиболее показательными примерами такой логики: экономическое взаимодействие сопровождалось политическим результатом в виде разрыва отношений с Тайбэем и признания Пекина²¹.

Эти шаги одновременно усиливают международные позиции КНР и сокращают внешнеполитическое пространство Тайваня, что делает Латинскую Америку одним из важнейших театров борьбы за международную легитимность.

Наконец, регион играет для Китая роль технологического плацдарма. Речь идет о задаче более масштабной, чем простое расширение экспорта оборудования и услуг. Китай стремится закрепить в Латинской Америке собственные технологические стандарты, инфраструктурные протоколы и цифровые решения, создавая долгосрочную зависимость целых сегментов регионального развития от китайских экосистем²². Китайские компании активно продвигают в странах Латинской Америки сети 5G, телекоммуникационное оборудование, технологии «умного города», системы видеонаблюдения, распознавания лиц и цифрового управле-

18 Diplomatic Allies // Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). – URL: <https://en.mofa.gov.tw/AlliesIndex.aspx?n=1294&sms=1007> (дата обращения: 15.03.2026); «Разрыв дипотношений» с Панамой усугубил трудности внешних связей администрации Цай = 巴拿马断交事件加剧蔡当局对外关系困境 // Сеть исследований по теме «Китай – Латинская Америка» = 中国拉丁美洲研究网. – 2017. – 31 июля. – Кит. яз. – URL: https://ilas.cssn.cn/xslt/glmjy/201707/t20170731_3596272.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

19 Политический документ КНР в отношении Латинской Америки и Карибского бассейна = 中国对拉丁美洲和加勒比政策文件 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2025. – 10 декабря. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202512/t20251210_11770005.shtml (дата обращения: 13.03.2026).

20 Цуй Шоуцзюнь: почему Никарагуа именно сейчас отказалась от Тайваня и восстановила отношения с материковым Китаем? = 崔守军: 尼加拉瓜为何此时抛弃台湾, 与大陆复交? // Гуанча = 观察者网. – 2021. – 11 декабря. – Кит. яз. – URL: https://www.guancha.cn/cuishoujun/2021_12_11_618070.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

21 Об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Панама = 中华人民共和国和巴拿马共和国建交 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2017. – 13 июня. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/bmz_679954/1206_680080/xgxw_680086/201706/t20170613_9356428.shtml (дата обращения: 15.03.2026); Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Эль-Сальвадор об установлении дипломатических отношений = 中华人民共和国和萨尔瓦多共和国关于建立外交关系的联合公报 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2018. – 21 августа. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/201808/t20180821_7947852.shtml (дата обращения: 15.03.2026); Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Гондурас об установлении дипломатических отношений = 中华人民共和国和洪都拉斯共和国关于建立外交关系的联合公报 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2023. – 26 марта. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202303/t20230326_11049275.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

22 Чжао Минхао. Анализ политики сдерживания США в отношении инициативы «Один пояс, один путь» в условиях соперничества великих держав = 赵明昊. 大国竞争背景下美国对一带一路的制衡态势论析 // Гуанча = 观察者网. – 2019. – 18 октября. – Кит. яз. – URL: https://www.guancha.cn/ZhaoMinghao/2019_10_18_521828.shtml (дата обращения: 15.03.2026); Динамика рынка: цифровая экономика Бразилии как новый «голубой океан» для китайских компаний = 《市场动态》巴西数字经济: 中国企业的新蓝海 // Новости Tencent. Цит. журнала китайской внешней торговли = 腾讯新闻. 来源: 中国对外贸易杂志. – 2025. – 10 июня. – Кит. яз. – URL: https://news.qq.com/rain/a/20250610A06HT500?suid=&media_id= (дата обращения: 15.03.2026).

ния городской средой²³. В результате китайское присутствие охватывает уже не только товарный обмен и финансирование отдельных проектов, но и саму инфраструктурную ткань будущего развития региона. Государство, встроившее китайские технологии в транспорт, безопасность, связь и управление данными, оказывается связанным с КНР на годы вперед технически, институционально и политически. Именно поэтому китайская технологическая экспансия вызывает столь болезненную реакцию Вашингтона²⁴. Если торговлю сырьем и кредитование еще можно вписать в рамки обычной геозкономики, то распространение китайских цифровых стандартов означает борьбу за правила, форматы контроля и архитектуру будущей связанности целого макро-региона. В этом контексте Латинская Америка становится для Китая одновременно рынком, лабораторией и опорной площадкой внешнего технологического расширения.

Таким образом, китайский прагматизм в Латинской Америке имеет многослойную, но внутренне цельную структуру. К концу 2025 г. присутствие КНР в регионе уже невозможно было свести к торговле и инвестициям в узком смысле слова. Речь шла о формировании системы влияния, затрагивающей материальные основы развития, внешнеполитическую ориентацию, дипломатическую лояльность и ин-

фраструктурно-технологическое будущее региона. Именно эта системность подготовила почву для последующего столкновения стратегий китайской Белой книги и американской Доктрины Донро, в рамках которого Латинская Америка окончательно превратилась в один из центральных узлов глобальной конкуренции между Пекином и Вашингтоном.

Мягкая сила и силовой протекционизм: геополитическая конкуренция Белой книги КНР и Доктрины Донро

За последние два десятилетия геополитический ландшафт Латинской Америки радикально изменился: на смену инерции «заднего двора» США пришла глубокая экономическая зависимость региона от Пекина. Однако ситуация начала стремительно трансформироваться с возвращением в Белый дом Дональда Трампа. Уже в инаугурационной речи 20 января 2025 г. он провозгласил возврат к принципам доктрины Монро, заявив о намерении восстановить контроль над Панамским каналом и нейтрализовать китайское влияние в полушарии. Эти установки были официально закреплены 2 декабря 2025 г. в президентском послании, подтвердившем жизнеспособность доктрины²⁵, и детализированы в представленной спустя

23 ИИ в Латинской Америке: следующий «голубой океан» или появление цифрового колониализма? = AI在拉美: 下一片「蓝海」, 还是会出现数字殖民主义? // Китайский институт международных исследований = 中国国际问题研究院. – 2024. – 9 июля. – Кит. яз. – URL: https://www.ciiis.org.cn/yjcg/sspl/202407/t20240709_9304.html (дата обращения: 15.03.2026); Garrison C. 'Safe like China': In Argentina, ZTE finds eager buyer for surveillance tech // Reuters. – 2019. – July 5. – URL: <https://www.reuters.com/article/technology/safe-like-china-in-argentina-zte-finds-eager-buyer-for-surveillance-tech-idUSKCN1U00ZF/> (дата обращения: 15.03.2026).

24 US plans 5G protection conference after spying concerns from Costa Rica // Reuters. – 2023. – December 15. – URL: <https://www.reuters.com/technology/cybersecurity/us-plans-5g-protection-conference-after-spying-concerns-costa-rica-2023-12-15/> (дата обращения: 15.03.2026).

25 America 250: Presidential Message on the Anniversary of the Monroe Doctrine // The White House. – 2025. – December 2. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/12/america-250-presidential-message-on-the-anniversary-of-the-monroe-doctrine/> (дата обращения: 01.06.2026).

два дня Стратегии национальной безопасности (NSS 2025)²⁶.

Центральным элементом обновленного курса стала «поправка Трампа»²⁷, провозглашающая Западное полушарие зоной исключительных интересов и главным внешнеполитическим приоритетом США²⁸. Документ прямо декларирует право Вашингтона жестко ограничивать военное и экономическое присутствие «внеполусферных держав», прежде всего Китая, России и Ирана. В рамках стратегии «Америка прежде всего» легитимизируется прямое вмешательство в дела латиноамериканских государств для борьбы с наркотрафиком, нелегальной миграцией и обеспечения беспрепятственного доступа к стратегическим ресурсам. Фактически это знаменует переход от политики партнерства к жесткому неоимпериализму, где США официально возвращают себе роль «регионального полицейского», готового применять силу для вытеснения конкурентов и установления полного контроля над критически важными узлами континента.

Реакция Пекина на «поправку Трампа» оказалась ожидаемо резкой и сосредоточилась на идеологическом противостоянии. Китай официально отверг новую Стратегию национальной безопасности США, охарактеризовав ее как проявление «менталитета холодной войны» и «логики гегемо-

нии». Эксперты Института изучения идей Си Цзиньпина подчеркивали, что попытка возродить доктрину Монро пропитана колониализмом и грубо попирает стремление латиноамериканских народов к независимости и равенству. По мнению Китайской Стороны, этот внешнеполитический поворот администрации Трампа идет вразрез с требованиями времени и принципами демократизации международных отношений²⁹.

Наиболее демонстративным ответом на вызов Вашингтона стала публикация 10 декабря 2025 г. третьей Белой книги «Политика Китая в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна». Выход документа практически совпал с обнародованием американской стратегии, что лишь подчеркнуло остроту геополитического клинча. Белая книга представила детальную «дорожную карту» развития отношений в «новую эпоху», охватывающую более 40 областей сотрудничества. В основу обновленной концепции «Сообщества единой судьбы» легли пять ключевых программ – от солидарности и развития до безопасности и гуманитарных связей. При неизменном политическом фундаменте в виде принципа «одного Китая» приоритетами Пекина в регионе стали прямые инвестиции, финансы, цифровые технологии и совместная климатическая повестка³⁰.

26 National Security Strategy of the United States of America. November 2025 // The White House. – 2025. – December 4. – P. 1–29. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.06.2026).

27 «Поправка Трампа» не уникальна: еще 6 декабря 1904 г. президент Теодор Рузвельт представил свою «поправку» к доктрине Монро. Она возлагала на США обязанность предотвращать кризисы в странах Карибского бассейна, став идеологическим обоснованием политики «большой дубинки». Иногда исследователи неточно называют этот вид документа «следствие» [От миропорядка... 2005, с. 47].

28 National Security Strategy... P. 15.

29 Влияние «поправки Трампа» на китайско-латиноамериканские отношения и меры реагирования = «特朗普推论»对中美关系的影响及应对之策 // China Diplomacy = 中国外交网. – 2025. – 19 декабря. – Кит. яз. – URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/gdi/2025-12/19/content_118241858.shtml (дата обращения: 16.03.2026).

30 China's Third Policy Paper on Latin America and the Caribbean: Expanding Influence and Ambitions // Center for Strategic and International Studies. – 2025. – December 18. – URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-third-policy-paper-latin-america-and-caribbean-expanding-influence-and-ambitions#:~:text=China's%202025%20policy%20paper%20does,behest%20of%20the%20United%20States> (дата обращения: 01.06.2026).

Сравнение стратегий 2008, 2016 и 2025 гг. наглядно демонстрирует эволюцию подходов Пекина – от осторожного экономического интереса к открытым амбициям глобального лидерства. Если первый документ носил декларативный характер, а версия 2016 г. фокусировалась на финансовых механизмах, то стратегия 2025 г. представляет собой конкретный план по системному укреплению влияния в регионе [Roncal Vattuone, 2022; Ellis, 2025].

Существенно изменились приоритеты в сфере безопасности и инфраструктуры. В отличие от предыдущих этапов, сосредоточенных на торговле ресурсами и энергетике, в 2025 г. Китай впервые открыто включил в повестку военное сотрудничество и взаимодействие в сфере правопорядка, включая обучение полиции. Параллельно с этим акцент сместился с традиционного строительства дорог и портов на «новую инфраструктуру»: искусственный интеллект, квантовые вычисления и освоение космоса. Предлагаемая Латинской Америке альтернативные технологические стандарты, Пекин вступает в прямую конкуренцию с американскими цифровыми решениями.

Документ 2025 г. полностью интегрирован в концептуальную рамку «новой эпохи» Си Цзиньпина и опирается на четыре глобальные инициативы: по развитию, безопасности, цивилизации и искусственному интеллекту. Пекин позиционирует себя уже не просто партнером, а лидером Глобального Юга, предлагая модель развития без политических условий в противовес западному подходу. Трансформация затро-

нула и финансовую модель: на смену гигантским кредитам 2016 г. пришло прагматичное «умное» финансирование – точечные проекты с быстрым социальным эффектом и расширение использования юаня для снижения зависимости региона от доллара.

Таким образом, если документ 2008 г. был «приглашением к знакомству», а 2016-го – «планом строительства», то стратегия 2025 г. стала заявкой на тотальное присутствие Китая во всех сферах жизни континента. Сама терминология подтверждает этот сдвиг: на смену «сотрудничеству» и «взаимной выгоде» пришли «безопасность» и «цифровая трансформация»³¹.

В последующих публичных заявлениях китайские официальные лица сохранили эту «миролюбивую риторику». На пресс-конференции 5 января 2026 г., состоявшейся сразу после захвата Николаса Мадуро силами США, пресс-секретарь МИД КНР Линь Цзянь подчеркнул, что Китай останется надежным партнером стран Латинской Америки и Карибского бассейна независимо от перемен в международной обстановке. Пекин вновь подтвердил верность принципу невмешательства во внутренние дела и уважение к суверенному выбору народов региона, отказавшись проводить разделительные линии по идеологическому признаку³².

Разница в подходах двух сверхдержав очевидна: если США провозгласили использование «жесткой силы», чтобы принудить регион к однозначному выбору в пользу Вашингтона, то Китай сделал ставку на «мягкую и умную силу». Интегрируясь в критическую

31 China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // China Daily. – 2008. – November 6. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2008-11/06/content_7179488.htm (дата обращения: 01.06.2026); Full text of China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // Xinhua. – 2016. – November 24. – URL: https://www.xinhuanet.com/english/china/2016-11/24/c_135855286.htm (дата обращения: 01.06.2026).

32 Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian's Regular Press Conference on January 5, 2026 // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of South Africa. – 2026. – January 5. – URL: https://za.china-embassy.gov.cn/eng/fyrth/202601/t20260105_11806736.htm (дата обращения: 01.06.2026).

инфраструктуру, создавая финансовую зависимость и формируя лояльность местных элит через технологии и образовательные программы, Пекин выстроил систему глубокого и неявного влияния. В результате страны Латинской Америки оказались в сложном положении «активного неприсоединения», пытаясь извлекать выгоду из обеих стратегий, но одновременно рискуя первыми попасть под удар в случае прямого столкновения глобальных игроков.

Архитектура регионального раскола: «Малые, но прекрасные» vs «Щит Америк»

В настоящее время Пекин решительно переходит к реализации обновленной модели инициативы «Один пояс – один путь», основанной на стратегии «Малые, но прекрасные» (*Small and Beautiful*). Эта концепция, провозглашенная Си Цзиньпином в 2021 г., пришла на смену периоду строительной «гигантомании», зачастую оборачивавшейся для партнеров долговыми ямами, а для кредитора – репутационными потерями³³. Принятый в марте 2026 г. 15-й пятилетний план КНР окончательно закрепил приоритет высоких технологий и экологии над масштабным капитальным строительством³⁴.

Фокус сместился с «бетонных мостов» на создание невидимых, но прочных технологических связей. Ключевым инструментом влияния стал Цифровой шёлковый путь, в рамках которого Пекин инвестирует в критическую инфраструктуру будущего – от внедрения финтех-платформ с поддержкой цифрового юаня до интеграции навигационной системы *BeiDou*. Это позволяет Китаю формировать в регионе автономную технологическую экосистему и собственные логистические цепочки для *e-commerce*. В сфере энергетики ставка сделана на малую генерацию с быстрой окупаемостью, что подтверждают запущенные в 2026 г. ветроэнергетические комплексы корпорации CGN в Бразилии³⁵. Одновременно с этим в Чили акцент сместился на среднемасштабную добычу критического сырья, в частности редкоземельных металлов из ионных глин (проект *Aclara Resources*). Подобные инициативы необходимы Китаю для замыкания цепочек производства «зеленого» транспорта, из которых США в последний год активно пытаются вытеснить китайский капитал³⁶.

Параллельно с этим в начале 2026 г. китайские автогиганты *BYD* и *SAIC Motor* перешли от прямого экспорта к глубокой локализации производства электробусов и легковых автомобилей

33 «Small and Beautiful» Projects // International Development Cooperation: China's Practice. – 2025. – February. – Fifth Issue. – P. 1–10. – URL: <http://en.cidca.gov.cn/pdf/InternationalDevelopmentCooperationChinasPracticeSmallandBeautifulProjects.pdf> (дата обращения: 01.06.2026).

34 China approves 2026–2030 blueprint, maps out high-quality path toward modernization // The State Council of the People's Republic of China. – 2026. – March 13. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202603/13/content_WS69b36c11c6d00ca5f9a09d96.html#:~:text=The%20outline%20of%20the%2015th,%2C%20green%20transition%2C%20and%20security (дата обращения: 01.06.2026).

35 Libório H. CGN inicia obras de megaprojeto bilionário de energia solar, eólica e armazenamento no Piauí com investimento chinês para fomentar a transição energética // CPG Click Petróleo e Gás. – 2025. – 20 de novembro. – Иск. яз. – URL: https://click-petroleoegas.com.br/cgn-inicia-obras-de-megaprojeto-bilionario-de-energia-solar-eolica-e-armazenamento-no-piaui-com-investimento-chines-bilionario-para-fomentar-a-transicao-energetica-hl1402/#utm_id=recomendacao_de_artigo&utm_medium=recomendacao&utm_source=artigo (дата обращения: 01.06.2026).

36 Aclara busca financiación estadounidense para sus proyectos de tierras raras // Energiminas. – 2025. – 22 de julio. – Иск. яз. – URL: <https://energiminas.com/2025/07/22/aclara-busca-financiacion-estadounidense-para-sus-proyectos-de-tierras-raras/> (дата обращения: 01.06.2026).

в Бразилии и Колумбии. Этот процесс сопровождается бурным ростом спроса на облачные сервисы и ИИ-инфраструктуру, реализуемую в партнерстве с корпорацией *Oracle*, что на практике воплощает цифровую экспансию КНР³⁷. Инвестиции в горнодобывающий сектор стали более точечными и стратегическими. Китайская *Zijin Mining* укрепила позиции в медных проектах Эквадора, обеспечивая сырьевую базу для электромобильной промышленности, а на ключевых литиевых месторождениях Аргентины, таких как *Cauchari-Olaroz*, зафиксировано плановое расширение мощностей при определяющей роли китайского капитала³⁸.

Такая трансформация позволяет Пекину эффективно диверсифицировать риски: локальные неудачи малых проектов не наносят критического удара по бюджету КНР, в отличие от дефолтов по многомиллиардным кредитам прошлого. «Прошивая» экономики Латинской Америки своими технологическими кодами и стандартами, Китай превращает их в стратегических союзников. В итоге Пекин получает рычаги влияния, которые обходятся дешевле, работают эффективнее и обеспечивают геополитическую лояльность реги-

она при минимальных политических издержках.

Однако эта «тихая» технологическая экспансия Китая столкнулась с жестким противодействием Вашингтона, чья политика в Латинской Америке к 2026 г. приобрела отчетливо силовой характер. США стремятся вытеснить КНР из стратегических секторов, используя тактику финансового давления: так, операторам связи в Бразилии и Колумбии предложена поддержка при условии отказа от оборудования *Huawei*³⁹. Одновременно с этим инициатива «Партнерство по безопасности минералов» призвана замкнуть цепочки поставок лития и меди на американский рынок в обход перерабатывающих мощностей Китая. Ключевым этапом этой стратегии стала Министерская конференция по критическому сырью, прошедшая в Вашингтоне 4 февраля 2026 г. По ее итогам к американскому проекту формально подключились Аргентина, Эквадор, Парагвай и Перу⁴⁰. Как отметил президент Бразильской ассоциации экспортеров Жозе Аугусту де Кастро, страны региона проявляют крайнюю осторожность в официальных заявлениях, осознавая, что критически важные минералы стали главной точкой геополитического столкнове-

37 BYD plans new Brazil bus factory as output scales from 2,000 to up to 7,000 units annually // Sustainable Bus. – 2025. – December 19. – URL: <https://www.sustainable-bus.com/news/byd-factory-bus-brazil/> (дата обращения: 01.06.2026); Flores K. Mengjie (Kyle) Zhao, CEO de SAIC Motor Sudamérica: «Este año esperamos alcanzar cerca de un 3% del mercado en América Latina» // DF SUD. – 2026. – 27 de enero. – Исп. яз. – URL: <https://dfsud.com/america/mengjie-kyle-zhao-ceo-de-saic-motor-sudamerica-este-ano-esperamos> (дата обращения: 01.06.2026); Alves M. BYD Brazil Increases Sales Target for 2026, Eyes 10% Market Share // Electric Vehicles. – 2026. – March 9. – URL: <https://electric-vehicles.com/byd/byd-brazil-increases-sales-target-for-2026-eyes-10-market-share/> (дата обращения: 01.06.2026).

38 Vera M. El portafolio minero de China: La potencia asiática dispone de casi 50 activos en Latinoamérica e El Caribe // La Tercera. – 2026. – 13 de marzo. – Исп. яз. – URL: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/el-portafolio-minero-de-china-la-potencia-asiatica-dispone-de-casi-50-activos-en-latinoamerica-y-el-caribe/> (дата обращения: 01.06.2026).

39 США начали борьбу с *Huawei* еще в начале 2020-х годов. Администрация США пыталась надавить на Болсонару еще во время первого президентского срока Трампа с целью запретить китайскому телекоммуникационному гиганту участие в развертывании сетей 5G в Бразилии. Stuenkel O. Latin Americans Already Have a Serious Partner – and It's Not Trump // The New York Times. – 2026. – March 10. – URL: <https://www.nytimes.com/2026/03/10/opinion/trump-latin-america-china.html> (дата обращения: 01.06.2026).

40 2026 Critical Minerals Ministerial // U.S. Department of State. – 2026. – February 4. – URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/2026-critical-minerals-ministerial#:~:text=today%2c%20the%20united%20states%20signed,and%20expand%20access%20to%20financing> (дата обращения: 01.06.2026).

ния⁴¹. При этом, блокируя китайские инициативы, США зачастую не предлагают равноценной инфраструктурной замены, которую страны региона могли бы использовать незамедлительно.

Практическим воплощением новой силовой стратегии стала военная операция в Венесуэле 3 января 2026 г., завершившаяся задержанием Николаса Мадуро. Успех этой акции лег в основу последующей риторики Белого дома: Дональд Трамп перешел к концептуальному оформлению курса, публично используя термин «Доктрина Донро». Эта обновленная интерпретация знаменует возвращение к политике интервенционизма, при которой США провозглашают исключительное право на силовое «наведение порядка» в полушарии.

Логическим продолжением курса стал саммит «Щит Америк», организованный администрацией Трампа 7 марта 2026 г. в Майами. Несмотря на заявленный фокус на борьбе с наркокартелями и нелегальной миграцией, истинной целью встречи стало возведение военно-политического барьера против экономического влияния Китая. Однако состав участников обнажил глубокий раскол на континенте: в Майами собрались лидеры лишь 13 государств преимущественно правого толка, включая Аргентину, Сальвадор и Эквадор, что сделало проект не общерегиональным, а узкокоалиционным. Отсутствие крупнейших экономик – Бразилии, Мексики и Колумбии – подчеркнуло их нежелание признавать

право Вашингтона на прямое вмешательство. Итогом встречи стала прокламация об учреждении Межамериканской коалиции по борьбе с картелями. Документ официально оформил новый военно-политический альянс, закрепив готовность США применять «летальную военную мощь»⁴². Таким образом, «Щит Америк» зафиксировал стремление Вашингтона к абсолютному превосходству в регионе и жесткому вытеснению любого иностранного присутствия.

Острое противостояние Вашингтона и Пекина спровоцировало глубокий раскол в Латинской Америке, вынудив крупнейшие экономики региона выбирать принципиально разные стратегии выживания. В наиболее уязвимом положении оказалась Мексика, столкнувшаяся с прямым давлением Белого дома и угрозой введения 25%-го тарифа на весь экспорт. Под давлением США Мехико был вынужден пойти на серьезные уступки: правительство заблокировало строительство завода китайского автогиганта BYD и с 1 января 2026 г. установило заградительные пошлины в размере 50% для автопроизводителей, не имеющих локальных мощностей [Hart, Beams, 2026]. Одновременно с этим были введены тарифы (от 5 до 50%) на более чем тысячу наименований китайских товаров⁴³, а в феврале 2026 г. официально приостановлено расширение стратегического порта Энсенาดา, планировавшееся при участии госкомпаний КНР⁴⁴. В обмен на эти

41 Países latinoamericanos evalúan alianza de EE. UU. en minerales críticos // BNamericas. – 2026. – 5 de febrero. – Исп. яз. – URL: <https://www.bnamericas.com/es/analisis/paises-latinoamericanos-evaluan-alianza-de-ee-uu-para-minerales-criticos> (дата обращения: 01.06.2026).

42 The United States to Host the Shield of the Americas Summit // U.S. Department of State. – 2026. – March 6. – URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/03/the-united-states-to-host-the-shield-of-the-americas-summit#:~:text=on%20march%207%2c%202026%2c%20secretary,cooperation%20shield%20of%20the%20americas> (дата обращения: 01.06.2026).

43 López F. México impone aranceles de hasta el 50% a productos asiáticos desde 2026: incluye a China // BBCL. – 2025. – 29 de diciembre. – Исп. яз. – URL: <https://www.biobiochile.cl/noticias/economia/actualidad-economica/2025/12/29/mexico-impone-aranceles-de-hasta-el-50-a-productos-asiaticos-desde-2026-incluye-a-china.shtml> (дата обращения: 01.06.2026).

44 Sheinbaum descarta ampliación del puerto en Ensenada // Esquina 32. – 2026. – 2 de febrero. – Исп. яз. – URL: <https://esquina32.info/2026/02/sheinbaum-descarta-ampliacion-del-puerto-en-ensenada/> (дата обращения: 01.06.2026).

шаги администрация Д. Трампа временно заморозила введение карательных пошлин.

По мнению О. Стункеля, для Мексики «цена неповиновения оказывается попросту непомерной»⁴⁵. Хотя в марте 2026 г. на форуме «Китай – Мексика» стороны обсуждали потенциал цифровых инноваций в рамках 15-й пятилетки КНР⁴⁶, реальное сотрудничество фактически перешло в стадию «стратегического выжидания».

Бразилия под руководством Лулы да Силвы взяла курс на проведение независимой внешней политики, утверждая статус лидера Глобального Юга и формируя противовес влиянию Вашингтона. В ответ на давление США Бразилия сделала ставку на углубление технологического союза с Пекином. Ключевым подтверждением этого выбора стало предоставление китайской корпорации *State Grid* лицензии на возведение важнейшей энергетической магистрали⁴⁷. Проект с объемом инвестиций около 21 млрд реалов (3,9 млрд долл.) предполагает строительство преобразовательной подстанции в Силвани и окончательную интеграцию китайских технологий в национальную энергосистему к 2030 г.⁴⁸

Параллельно с энергетикой Бразилия планомерно выстраивает промышленную автономию в связке с КНР. Осенью 2025 г. автогигант *Great Wall*

Motors открыл завод в Ирасемаполисе, а в марте 2026 г. представил проект нового автомобильного кластера в Аракрусе. Это предприятие обеспечит глубокую локализацию производства – от выпуска компонентов до финальной сборки, что позволит производить до 200 тыс. автомобилей в год⁴⁹. Таким образом, через партнерство с восточными инвесторами Бразилия закрепляет за собой статус суверенного производственного хаба, ориентированного на собственные интересы в обход давления со стороны США.

Геополитическим вызовом для администрации Д. Трампа стала позиция Аргентины. После ужесточения условий помощи со стороны Международного валютного фонда в рамках Доктрины Монро, требовавшей полного разрыва технологических связей с КНР, правительство Х. Милея столкнулось с угрозой системного кризиса. В ответ на это Буэнос-Айрес еще в апреле 2025 г. договорился с Пекином о продлении действия валютного свопа на сумму 5 млрд долл. на год⁵⁰. Использование китайской ликвидности позволило стране выполнить обязательства перед международными кредиторами, не истощая при этом критически малые долларовые резервы.

Аргентина остается ключевым звеном «литиевого треугольника», где китайские корпорации *Ganfeng* и *Zijin*

45 Stuenkel O. Latin Americans Already Have a Serious Partner – and It's Not Trump // The New York Times. – 2026. – March 10. – URL: <https://www.nytimes.com/2026/03/10/opinion/trump-latin-america-china.html> (дата обращения: 01.06.2026).

46 Foro China-México destaca oportunidades para desarrollo verde y cooperación de alta calidad // Xinhua. – 2026. – 13 de marzo. – Исп. яз. – URL: <https://spanish.xinhuanet.com/20260313/f60af50e001f476ba4e5da6b0cf023a5/c.html> (дата обращения: 01.06.2026).

47 State Grid obtém licença ambiental para construir linha de transmissão de 1.500 km no Brasil // Xinhua. – 2025. – 13 de agosto. – Исп. яз. – URL: <https://portuguese.news.cn/20250813/0790087d92b144449bd70b54245f2f5c/c.html> (дата обращения: 01.06.2026).

48 Там же.

49 Carvalho C. China vai instalar fábrica de R\$ 10 bilhões no Brasil para construir 200 mil automóveis por ano // Diário do Comércio. – 2026. – 7 de marzo. – Исп. яз. – URL: <https://diariodocomercio.com.br/mix/china-vai-instalar-fabrica-de-r-10-bilhoes-no-brasil-para-construir-200-mil-automoveis-por-ano/> (дата обращения: 01.06.2026).

50 Аргентина договорилась с Китаем о продлении действия валютного свопа на год // Financial One. – 2025. – April 11. – URL: <https://fomag.ru/news-streem/argentina-dogovorilas-s-kitaem-o-prodlenii-deystviya-valyutnogo-svopa-na-god/> (дата обращения: 01.06.2026).

уже контролируют основные месторождения. В феврале 2026 г. стороны расширили стратегическое партнерство: Пекин гарантировал долгосрочные инвестиции в инфраструктуру северных провинций Сальта и Жужуй в обмен на стабильные поставки лития до 2035 г.⁵¹ Данное соглашение создало прямой барьер для американских инициатив по формированию альтернативных цепочек поставок критического сырья, из которых Вашингтон в последний год пытается планомерно вытеснить китайский капитал⁵².

Особую напряженность в отношениях Аргентины с США вызвал вопрос функционирования китайской станции глубокого космического наблюдения в провинции Неукен. В докладе Специального комитета Палаты представителей США от 27 февраля 2026 г. Пекин был обвинен в использовании космической инфраструктуры в Латинской Америке в военных целях «для продвижения своих интересов и подрыва влияния США в космосе»⁵³. Несмотря на сближение Х. Милей с Вашингтоном, Аргентинская Сторона отклонила требования о проведении инспекции объекта, сославшись на его технические характеристики и результаты проверки 2024 г., не выявившей признаков использова-

ния его в военных целях. По мнению экспертов, данные обвинения продиктованы только «логикой глобального стратегического соперничества», в то время как станция действует строго в рамках национального законодательства⁵⁴.

В качестве компенсации в марте 2026 г. Х. Милей подтвердил закупку американских истребителей F-16, окончательно отказавшись от предложений КНР в оборонной сфере⁵⁵. Следствием этого стало исключение Аргентины из списка стран, требующих «повышенного внимания» (*Priority Watch List*), что на фоне подписанного в феврале 2026 г. Соглашения о взаимной торговле и инвестициях свидетельствует о смягчении позиции США⁵⁶. Таким образом, администрация Х. Милей реализует модель «вынужденного прагматизма», сочетая политическую лояльность Вашингтону с углублением экономических связей с Китаем для стабилизации национальной экономики.

Заключение

В 2026 г. китайская стратегия «Сообщество единой судьбы» вступила в фазу прямого столкновения с американской Доктриной Монро 2.0. Тогда как администрация Д. Трампа делает

51 China Ganfeng pide adhesión al RIGI en Argentina para proyecto de litio PPG, de US\$ 3.000 millones // BNAmericas. – 2026. – 2 de marzo. – Исп. яз. – URL: <https://www.bnamericas.com/es/noticias/china-ganfeng-pide-adhesion-al-rigi-en-argentina-para-proyecto-de-litio-ppg-de-us3000mn> (дата обращения: 01.06.2026).

52 Chile y Argentina ante la oportunidad estratégica de las tierras raras // BNAmericas. – 2026. – 12 de febrero. – Исп. яз. – URL: <https://www.bnamericas.com/es/reportajes/chile-y-argentina-ante-la-oportunidad-estrategica-de-las-tierras-raras> (дата обращения: 01.06.2026).

53 Gonzalez Gava M. El Congreso de EE.UU. acusa a China de usar infraestructura espacial en Argentina con fines militares // ReporteAsia. – 2026. – 27 de febrero. – Исп. яз. – URL: <https://reporteasia.com/destacado/2026/02/27/congreso-ee-uu-acusa-china-usar-infraestructura-espacial-argentina-fines-militares/> (дата обращения: 01.06.2026); Base espacial china en Neuquén: nuevo informe del Congreso de Estados Unidos advierte por posible uso civil-militar // Río Negro. – 2026. – 28 de febrero. – Исп. яз. – URL: <https://www.rionegro.com.ar/politica/base-espacial-china-en-neuquen-nuevo-informe-del-congreso-de-estados-unidos-advierde-por-posible-uso-civil-militar-4485497/> (дата обращения: 01.06.2026).

54 Calalesina A. Base espacial china en Patagonia: contradicen el informe de EEUU sobre la supuesta utilización militar // El Extremo Sur. – 2026. – 4 de marzo. – Исп. яз. – URL: <https://www.elextremosur.com/nota/57420-base-espacial-china-en-patagonia-contradicen-el-informe-de-eeuu-sobre-la-supuesta-utilizacion-militar/> (дата обращения: 01.06.2026).

55 Argentina's F-16 deal signals a strategic pivot toward Washington // Argentina Reports. – 2026. – January 23. – URL: <https://www.argentinareports.com/argentinas-f-16-deal-signals-a-strategic-pivot-toward-washington/4166/> (дата обращения: 01.06.2026).

56 U.S. – Argentina Agreement on Reciprocal Trade and Investment // U.S. Embassy in Argentina. – 2026. – February 5. – URL: <https://ar.usembassy.gov/u-s-argentina-agreement-on-reciprocal-trade-and-investment/> (дата обращения: 01.06.2026).

ставку на «жесткую силу», военную координацию и физическое ограничение внешнего присутствия в регионе, Пекин реализует модель «цифрового внедрения». Пока США выстраивают оборонный периметр в рамках обновленной Доктрины Монро, Китай планомерно интегрирует Латинскую Америку в свою технологическую экосистему, инвестируя в энергетику, добычу ресурсов и транспорт – сектора, которые западный капитал относит к категории высокорискованных.

Данное противостояние ставит регион перед выбором между американским военно-политическим протекционизмом и китайским технологическим прагматизмом. События начала 2026 г. подтверждают утрату Вашингтоном монопольного влияния: регион расколот на сторонников американских гарантий безопасности и тех, кто рассматривает китайские инвестиции как инструмент сохранения экономического суверенитета. В сложившихся условиях даже проамериканские лидеры прибегают к «стратегическому хеджированию», стремясь сохранить автономию в вопросах сотрудничества с КНР.

К весне 2026 г. Латинская Америка трансформировалась в систему строгого геополитического разграничения. Если Центральная Америка, за исключением Никарагуа, перешла под военно-политический контроль США, то Южная Америка де-факто стала зоной приоритетного экономического влияния Китая, чей прагматичный подход зачастую оказывается эффективнее силового давления Вашингтона.

Блок прямого влияния США консолидировался вокруг государств, выбравших технологический разрыв с КНР в обмен на гарантии безопасности и торговые преференции. Панама, Эквадор, Коста-Рика и Доминиканская Республика сформировали «северный технологический барьер», отказавшись

от китайской цифровой инфраструктуры, в то время как Парагвай сохранил статус идеологического союзника Вашингтона через поддержку Тайваня. Прокитайский вектор возглавила Бразилия, закрепившая за собой роль регионального финансового хаба для расчетов в юанях. В данную группу также интегрировано Перу, чей мегапорт Чанкай обеспечил Пекину стратегический выход к Тихому океану. Никарагуа и Венесуэла окончательно закрепили статус политических сторонников Китая, опираясь на его системы безопасности и кредитные линии.

Группу «вынужденного маневрирования» составили Мексика, Чили и Колумбия, ограничивающие сотрудничество с КНР под угрозой американских санкций. Наиболее специфическую модель демонстрирует Аргентина, сочетающая закупки вооружений у США с использованием китайских валютных свопов для стабилизации экономики.

Будущее региона будет зависеть от способности Вашингтона предложить реальную экономическую альтернативу китайским инвестиционным проектам. Однако текущая динамика свидетельствует о том, что экономическая гравитация Пекина в Южной Америке пока преобладает над политическим давлением США. В этих условиях Латинская Америка вступает в период затяжной нестабильности и «гибридного присутствия», где государства вынуждены постоянно маневрировать между интересами сверхдержав, стремясь избежать рисков глобального противостояния.

Список литературы

Арсентьева И.И. Цифровой Шёлковый путь КНР: вызовы и возможности для региона Латинской Америки и Карибского бассейна // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. –

2024. – Т. 24, № 1. – С. 51–64. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64.

Борзова А.Ю., Борзов А.Р., Пивень Е.А. Роль международного сотрудничества в реализации ЦУР-3 в Латинской Америке на примере ЕС и КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 610–623. – DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-610-623.

Боровский Ю.В., Мартынов Б.Ф. Две Америки в современных международных отношениях (1991–2023 гг.). – Москва : Аспект Пресс, 2023. – 376 с.

Волосюк О.В., Кирога Кремелья К. Китай и страны Глобального Юга: экономическое сотрудничество Уругвая и Китая в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 309–321. – DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321.

Волосюк О.В., Козылов И.С. Партнерство Глобального Юга во имя устойчивого развития: сотрудничество Китая и СЕЛАК по вопросам продовольственной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 46–61. – DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-46-61.

Жуй Ван, Лукин А.Л. Китайско-пеуанское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: международно-политический аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2025. – Т. 31, № 4. – С. 63–73. – DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-63-73.

Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2011. – 230 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. – Москва : ИМЭМО РАН, 2005. – 200 с.

Прохоренко И.Л. Двусторонние соглашения о свободной торговле в Латинской Америке в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2024. – № 4. – С. 19–29. – DOI: 10.20542/afij-2024-4-19-29.

Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). – Москва : ИД «ФОРУМ», 2018. – 336 с.

Сафронова Е.И. Китайско-латиноамериканская «дуга» в условиях сдвига мирового порядка // Латинская Америка. – 2023. – № 12. – С. 18–33. – DOI: 10.31857/S0044748X0028573-9.

Сафронова Е.И. Китайско-латиноамериканские отношения в контексте пандемии COVID-19 // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – Т. 26, № 26. – С. 179–199. – DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-179-199.

Сударев В.П. Латиноамериканская политика США: новые повороты в первой четверти XXI века / под ред. Л.С. Окуневой. – Москва : МГИМО-Университет, 2023. – 170 с.

Сударев В.П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – Европейский союз. – Москва : МГИМО-Университет, 2019. – 134 с.

Яковлев П.П. Латинская Америка в геостратегическом треугольнике США – ЕС – КНР // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 4. – С. 310–329. – DOI: 10.31249/ape/2024.04.17.

Яковлев П.П. Модель “nearshoring” – концепция новой экономики Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 2. – С. 93–103. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-93-103.

Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международ-

ные отношения. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 47–58. – DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58.

Dussel Peters E. Latin America and the Caribbean-China socioeconomic relations: new triangular relationships and the Mexican case in 2025 // *China International Strategy Review*. – 2025. – Vol. 7. – P. 273–301. – DOI: 10.1007/s42533-025-00194-9.

ECLAC. International Trade Outlook for Latin America and the Caribbean, 2025: International Trade in a New Era of Weaponized Interdependence. Executive Summary. – Santiago de Chile : ECLAC, 2025a. – 21 p. – UN symbol: LC/PUB.2025/22. – URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/528c5fe7-11fb-4664-a394-8a21732fc0f5/content> (дата обращения: 15.03.2026).

ECLAC. Relations Between Latin America and the Caribbean and China: Areas of Opportunity for More Productive, Inclusive and Sustainable Development. – Santiago de Chile : ECLAC, 2025b. – 63 p. – UN symbol: LC/TS.2025/16. – URL: <https://www.cepal.org/en/publications/81531-relations-between-latin-america-and-caribbean-and-china-areas-opportunity-more> (дата обращения: 15.03.2026).

Ellis R.E. China's 2025 White Paper on Latin America Sets the Stage for Renewed Competition with the US // *The Diplomat*. – 2025. – December 16. – URL: <https://thediplomat.com/2025/12/chinas-2025-white-paper-on-latin-america-sets-the-stage-for-renewed-competition-with-the-us/> (дата обращения: 15.03.2026).

Esclusa A.P. China tightening its grip on Latin America // *Geopolitical Intelligence Services*. – 2026. – February 5. – URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/china-latin-america-2/> (дата обращения: 15.03.2026).

Hart D.M., Beams M. What Canadian and Mexican EV Imports from China Mean for the United States // *Council on Foreign Relations*. – 2026. – February 9. – URL: <https://www.cfr.org/articles/what-canadian-and-mexican-ev-imports-from-china-mean-for-the-united-states> (дата обращения: 15.03.2026).

Roncal Vattuone X. El Libro Blanco: La política de China hacia América Latina y el Caribe y su concreción en los Planes de Acción de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños // *Conjeturas Sociológicas*. – 2022. – Vol. 10, N 28. – P. 3–17. – Исп. яз. – URL: <https://revistas.ues.edu.sv/index.php/conjsociologicas/article/view/2339> (дата обращения: 15.03.2026).

Terui Villegas E.M.A., González García J. El Foro China – CELAC en la disputa por la hegemonía económica global entre Estados Unidos y China, en América Latina y el Caribe // *México y la Cuenca del Pacífico*. – 2024. – Vol. 13, N 39. – P. 9–37. – Исп. яз. – DOI: 10.32870/мысп.v13i39.894.

Zeng Weiwei, Ding Mengli, Liu Hongsong. China's Health Silk Road Construction During the COVID-19 Pandemic // *Global Public Health*. – 2023. – Vol. 18, no. 1. – DOI: 10.1080/17441692.2023.2185799.

USA: New Realities

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.07

Monroe Doctrine 2.0 vs “Community of Shared Future” in Latin America

Alla Yu. BORZOVA

Dr. Sc. (History), Professor at Department of Theory and History of International Relations of the Faculty of Humanities and Social Sciences
 RUDN University named after Patrice Lumumba
 Miklukho-Maklaya Street, 10/2, Moscow, Russian Federation, 117198
 E-mail: borzova-ayu@rudn.ru
 ORCID: 0000-0002-9886-7977

Olga V. VOLOSUYUK

Dr. Sc. (History), Professor, Academic Supervisor of the School of Regional Studies of the Faculty of World Economy and International Affairs
 National Research University Higher School of Economics
 Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 119017
 E-mail: ovolosiuk@hse.ru
 ORCID: 0000-0002-3115-6978

Ilya S. KOZYLOV

Lecturer, PhD Student at the School of Regional Studies of the Faculty of World Economy and International Affairs
 National Research University Higher School of Economics
 Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 119017
 E-mail: ikozylov@hse.ru
 ORCID: 0009-0007-4513-2110

CITATION: Borzova A.Yu., Volosyuk O.V., Kozylov I.S. (2026). Monroe Doctrine 2.0 vs “Community of Shared Future” in Latin America. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 120–143 (in Russian).
 DOI: 10.31249/kgt/2026.01.07

Received: 16.03.2026.

Revised: 04.06.2026.

ABSTRACT. *This article analyzes the transformation of Latin America's geopolitical landscape between 2001 and 2026 and the evolution of U.S. – China competition in the region. The study seeks to determine how China's gradual expansion in trade, investment, infrastructure, energy, digital technologies, and institutional dialogue has changed*

the parameters of traditional U.S. influence in the Western Hemisphere. Using a problem-chronological approach, the article traces the main stages of China's advance, from the commodity and trade linkage of the early 2000s to the investment, technological, and security-sensitive agenda of the mid-2020s. It argues that the decline of U.S. attention

after 9/11 created a window of opportunity for China to consolidate its position in energy, digital technologies, healthcare, and institutional engagement with Latin American and Caribbean states. Particular attention is paid to Beijing's strategic perception of the region, as reflected in the PRC's 2025 White Paper, and to Washington's response within the logic of Monroe Doctrine 2.0. The article concludes that by spring 2026 Latin America had become a space of geopolitical demarcation, where the United States intensified military-political pressure, China retained advantages in several economic and technological sectors, and regional states increasingly relied on strategic hedging.

KEYWORDS: Latin America, China, United States, Monroe Doctrine 2.0, PRC White Paper, Digital Silk Road, CELAC, U.S. – China competition, strategic hedging.

References

- Asentyeva I.I. (2024). China's Digital Silk Road: Challenges and Opportunities for Latin America and the Caribbean. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 24, no. 1, pp. 51–64 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64.
- Borovsky Yu.V., Martynov B.F. (2023). *Two Americas in Contemporary International Relations (1991–2023)*. Moscow: Aspekt Press Publ., 376 pp. (in Russian).
- Borzova A.Yu., Borzov A.R., Piven E.A. (2025). The Role of International Cooperation in the Implementation of SDG 3 in Latin America: The Cases of the EU and China. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 25, no. 4, pp. 610–623 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-610-623.
- Dussel Peters E. (2025). Latin America and the Caribbean–China Socioeconomic Relations: New Triangular Relationships and the Mexican Case in 2025. *China International Strategy Review*. Vol. 7, pp. 273–301. DOI: 10.1007/s42533-025-00194-9.
- ECLAC (2025a). *International Trade Outlook for Latin America and the Caribbean, 2025: International Trade in a New Era of Weaponized Interdependence. Executive Summary*. Santiago de Chile: ECLAC, 21 pp. UN symbol: LC/PUB.2025/22. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/528c5fe7-11fb-4664-a394-8a21732fc0f5/content>, accessed 15.03.2026.
- ECLAC (2025b). *Relations Between Latin America and the Caribbean and China: Areas of Opportunity for More Productive, Inclusive and Sustainable Development*. Santiago de Chile: ECLAC, 63 pp. UN symbol: LC/TS.2025/16. Available at: <https://www.cepal.org/en/publications/81531-relations-between-latin-america-and-caribbean-and-china-areas-opportunity-more>, accessed 15.03.2026.
- Ellis R.E. (2025). China's 2025 White Paper on Latin America Sets the Stage for Renewed Competition with the US. *The Diplomat*. December 16. Available at: <https://thediplomat.com/2025/12/chinas-2025-white-paper-on-latin-america-sets-the-stage-for-renewed-competition-with-the-us/>, accessed 15.03.2026.
- Esclusa A.P. (2026). China Tightening Its Grip on Latin America. *Geopolitical Intelligence Services*. February 5. Available at: <https://www.gisreportsonline.com/r/china-latin-america-2/>, accessed 15.03.2026.
- Hart D.M., Beams M. (2026). What Canadian and Mexican EV Imports from China Mean for the United States. *Council on Foreign Relations*. February 9. Available at: <https://www.cfr.org/articles/what-canadian-and-mexican-ev-imports-from-china-mean-for-the-united-states>, accessed 15.03.2026.
- Leksytina Ya.V. (2011). *USA and China: Lines of Rivalry and Contradictions*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 230 pp. (in Russian).

Ot miroporyadka... (2005). Voi-tolovskii F.G., Gudev P.A., Solov'ev E.G. (eds.). *From the World Order of Empires to the Imperial World Order*. Moscow: IMEMO, 200 pp. (in Russian).

Prokhorenko I.L. (2024). Bilateral Free Trade Agreements in Latin America in the Context of China's Struggle for Global Leadership. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No. 4, pp. 19–29 (in Russian). DOI: 10.20542/afij-2024-4-19-29.

Roncal Vattuone X. (2022). The White Paper: China's Policy Toward Latin America and the Caribbean and Its Implementation in the Action Plans of the Community of Latin American and Caribbean States. *Conjeturas Sociológicas*. Vol. 10, no. 28, pp. 3–17 (in Spanish). Available at: <https://revistas.ues.edu.sv/index.php/conjsociologicas/article/view/2339>, accessed 15.03.2026.

Safronova E.I. (2018). *China and the Developing World: Concepts and Current Practice of Relations (on the Example of Africa and Latin America)*. Moscow: FORUM Publ., 336 pp. (in Russian).

Safronova E.I. (2021). China – Latin American Relations in the Context of the COVID-19 Pandemic. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Vol. 26, no. 26, pp. 179–199 (in Russian). DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-179-199.

Safronova E.I. (2023). China – Latin American "Arc" in the Conditions of a Shift in the World Order. *Latinskaya Amerika*. No. 12, pp. 18–33 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0028573-9.

Sudarev V.P. (2019). *Latin America in the Geopolitical Triangle of the USA, China and the European Union*. Moscow: MGIMO-University Publ., 134 pp. (in Russian).

Sudarev V.P. (2023). *Latin American Policy of the USA: New Turns in the First Quarter of the 21st Century*. Okuneva L.S. (ed.). Moscow: MGIMO-University Publ., 170 pp. (in Russian).

Terui Villegas E.M.A., González García J. (2024). The China-CELAC Forum

in the struggle for global economic hegemony between the United States and China in Latin America and the Caribbean. *México y la Cuenca del Pacífico*. Vol. 13, no. 39, pp. 9–37. DOI: 10.32870/mycp.v13i39.894.

Volosyuk O.V., Kozylov I.S. (2026). The Global South Partnership for Sustainable Development: China – CELAC Cooperation on Food Security. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 26, no. 1, pp. 46–61 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-46-61.

Volosyuk O.V., Quiroga Cremella C. (2025). China and the Countries of the Global South: Economic Cooperation between Uruguay and China at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*, Vol. 25, no. 2, pp. 309–321 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321.

Wang Rui, Lukin A.L. (2025). China – Peru Cooperation within the Belt and Road Initiative: The International Political Aspect. *Transbaikai State University Journal*. Vol. 31, no. 4, pp. 63–73 (in Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-4-63-73.

Yakovlev P.P. (2019). US and PRC in Latin America: Contours of Competition. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 19, no. 1, pp. 47–58 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58.

Yakovlev P.P. (2023). The "Nearshoring" Model as a Concept of the New Economy of Latin America. *World Economy and International Relations*. Vol. 67, no. 2, pp. 93–103 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-93-103.

Yakovlev P.P. (2024). Latin America in the Geostrategic Triangle of the USA – EU – PRC. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 310–329 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.04.17.

Zeng Weiwei, Ding Mengli, Liu Hong-song (2023). China's Health Silk Road Construction During the COVID-19 Pandemic. *Global Public Health*. Vol. 18, no. 1. DOI: 10.1080/17441692.2023.2185799.

УДК 339.9(5::1*US:1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.08

Инвестиционная фрагментация в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США: сравнительный анализ позиций США и Китая (2009–2023)

Марина Петровна КУКЛА

кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры корееведения
Восточного института
Дальневосточный федеральный университет
п. Аякс, д. 10, о. Русский, г. Владивосток, Российская Федерация, 690000
E-mail: kukla.mp@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-6245-7565

ЦИТИРОВАНИЕ: Кукла М.П. Инвестиционная фрагментация в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США: сравнительный анализ позиций США и Китая (2009–2023) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 144–158.
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.08

Статья поступила в редакцию 15.12.2025.
Исправленный текст представлен 18.04.2026.

АННОТАЦИЯ. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются важным источником экономического роста и трансфера технологий, поэтому в условиях геополитической напряженности они всё чаще становятся объектом конфронтации или инструментом усиления влияния на международной арене. В таких условиях геополитическая конкуренция способствует фрагментации ПИИ, которая выражается в ряде взаимосвязанных тенденций: сокращении числа внешнеэкономических партнеров, изменении стратегий крупнейших инвесторов, переносе производственных мощностей в дружественные юрисдикции и др. В статье исследуется один из аспектов инвестиционной фрагментации – изменения в инвестиционной

позиции США и Китая в 2009–2023 гг. в регионе, обозначенном в Индо-Тихоокеанской стратегии США как зона стратегической конкуренции с Китаем. Региональный инвестиционный ландшафт в рассматриваемом контуре представляется неоднородным: в нём присутствуют как государства с доминированием американских инвестиций, так и страны с преобладанием китайского капитала. В 2009–2023 гг. Китай существенно нарастил глобальные инвестиционные позиции, однако в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) его присутствие не обеспечивает доминирования. В 2018–2024 гг. усилилось перераспределение потоков: США укрепляют позиции в Индии, Сингапуре, Республике Корея, Таиланде, тогда

как Китай преобладает в Камбодже, Лаосе, Вьетнаме. При этом ни США, ни Китай не обладают подавляющим инвестиционным превосходством в рассматриваемом регионе, а их совокупное присутствие во многих странах остается ниже среднемирового уровня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *геополитическая фрагментация, инвестиционная фрагментация, прямые иностранные инвестиции, инвестиционная позиция, США, Китай, Национальная стратегия безопасности США, Индо-Тихоокеанский регион.*

Тема геополитической (геоэкономической) фрагментации стала одной из ключевых в современных дебатах о трансформации глобального порядка [Хейфец, 2024; Цветкова, 2024; IMF, 2023; Тап, 2024]. Хотя сама по себе фрагментация не является новым явлением – впервые она проявилась в годы холодной войны, – современный ее этап характеризуется более сложной структурой и многоуровневым воздействием на глобальные и региональные процессы. Отправной точкой новой геополитической фрагментации стало обострение торгового конфликта между США и Китаем в 2018 г. После пандемии COVID-19 эта тенденция значительно ускорилась: геополитическая напряженность привела к негативным ожиданиям относительно роста торговых барьеров, ужесточения контроля над иностранными инвестициями и роста репутационных рисков. В результате усиление неопределенности, рост затрат и повышение рисков для международного бизнеса привели к сокращению или переориентации торговых потоков и прямых иностранных инвестиций [Новая реальность..., 2023, с. 7–8]. Фрагментация проявляется в разных формах в торговле, инвестициях, технологиях, валютно-финансовой сфере [Кузнецов, 2025; Хейфец, 2024].

Особого внимания в этом контексте заслуживает фрагментация прямых иностранных инвестиций. Этот процесс развивается на фоне общего замедления международных инвестиционных потоков и, как ожидается, будет иметь негативные последствия для глобальной экономики [IMF, 2023, р. 91; UNCTAD, 2024, р. iv–v]. Его значимость обусловлена ключевой ролью прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в обеспечении трансферта технологий. Эта функция инвестиций приобретает особую остроту в условиях обостренной конкуренции государств за контроль над критическими сегментами высоких технологий, которые становятся «инструментом влияния в формирующейся полицентричной системе международных отношений» [Международная политэкономия..., 2023, с. 18]. Таким образом, трансформация инвестиционных потоков определяет новые контуры геоэкономической взаимозависимости и способна оказать долгосрочное влияние на перераспределение экономической и политической мощи как на региональном, так и на глобальном уровне. Тесная связь фрагментации с феноменом регионализации [Хейфец, 2024, с. 12] всё чаще рассматривается в качестве одного из ключевых направлений глобальных трансформаций [Воскресенский, 2021, с. 21]. Определение контуров этих трансформаций определить пока достаточно сложно.

Связанной с оценками фрагментации методологической проблемой является попытка оценить асимметрию в русле силы взаимозависимости, которая часто применяется к оценке экономических взаимоотношений стран – попытка оценить количество стран мира, где влияние США больше, чем влияние КНР, всё еще релевантно задачам оценки мирополитической ситуации [Конкуренция..., 2024, с. 48–52].

В настоящем исследовании предпринята попытка оценить процессы фраг-

ментации на макрорегиональном уровне в контексте стратегического соперничества двух глобальных инвесторов – США и Китая. В качестве географической рамки исследования выбран круг стран, обозначенных в Индо-Тихоокеанской стратегии США исходя из предположения, что наблюдаемые изменения могут рассматриваться как результат политики Вашингтона, направленной на формировании устойчивых связей в регионе¹. Новизна подхода, предложенного автором, обеспечивается следующими обстоятельствами. Во-первых, инвестиционные позиции США и Китая анализируются в динамике за два временных интервала – 2009–2023 гг. и 2018–2023 гг., что позволяет сопоставить долгосрочные и среднесрочные тренды. Во-вторых, ключевым аналитическим фокусом выступает асимметрия, понимаемая как различие темпов роста и географической концентрации прямых зарубежных инвестиций США и КНР. В-третьих, фрагментация рассматривается как следствие институционально оформленных стратегий, направленных на перестроение региональных границ и пространственной структуры взаимозависимостей. Использование совокупности этих подходов позволяет приблизиться к решению одной из ключевых методологических задач – определению границ региона как продукта конкурирующих стратегий и выявлению пространственно-временной логики инвестиционной фрагментации.

Современные подходы к оценке фрагментации ПИИ

Понятие «инвестиционная фрагментация» или «фрагментация прямых иностранных инвестиций» объединяет различные формы структурных изме-

нений в глобальных и региональных инвестиционных потоках. Ключевым проявлением фрагментации является трансформация географии международных инвестиций [Хейфец, 2024, с. 65–67; Tan, 2024, р. 54], которая в совокупности снижает диверсификацию внешнеэкономических связей и повышает уязвимость к макроэкономическим шокам. Однако последствий инвестиционной фрагментации намного больше: разрыв инвестиционных связей двух крупнейших экономик мира – США и Китая [IMF, 2023, р. 102], снижение потоков китайских инвестиций в США и Европу, а также уменьшение американской и европейской долей во входящих инвестициях в Китае [Кузнецов, 2025, с. 10], опережающий рост прямых зарубежных инвестиций в дружественные юрисдикции (френдшоринг, ниашоринг) [Цветкова, 2024; Guo, 2024; Tan, 2024; Pavlinec, 2023], рост зависимости инвестиционных решений транснациональных корпораций от политических факторов, повышение интереса к возврату инвестиций в страны происхождения капитала (решорингу), снижение числа экономических партнеров [IMF, 2023, р. 92].

Ключевым измерением фрагментации выступает региональный уровень, на котором наиболее отчетливо проявляются ее основные механизмы. В азиатском контуре основным направлением ее, как представляется, является поведение крупнейших инвесторов – США и стран Западной Европы, которые сокращают объемы вложений в Китай и одновременно усиливают свое присутствие в странах Юго-Восточной Азии, включая перенос в этот регион производственных мощностей из Китая [Tan, 2024, р. 69; Shulze, Xin, 2025, р. 4]. Инвестиции в Китай

¹ Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. – 2022. – February. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.-S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

сокращаются быстрее, чем в среднем по всему миру, особенно в стратегических секторах страны [IMF, 2023, р. 95]. К выводу инвестиций из Китая присоединились южнокорейские, японские, а также и сами китайские компании, стремящиеся минимизировать последствия торгового конфликта между США и Китаем [Цветкова, 2023, с. 34–35; Guo, 2024].

Дать количественную оценку инвестиционной фрагментации весьма сложно. Во-первых, агрегированные данные, описывающие иностранные инвестиции во всех странах мира, крайне неравномерны, поступают из разных источников, использующих разную методологию [Экономическое развитие..., 2024, с. 208]. Во-вторых, эти данные, даже взятые из статистики ведомств разных стран, не позволяют оценить тенденции к сокращению новых проектов [IMF, 2023, р. 94].

Вопрос о последствиях инвестиционной фрагментации остается дискуссионным. С одной стороны, считается, что значение инвестиционной фрагментации в принципе не стоит переоценивать, так как она имеет ограниченный характер, не приведет к существенным изменениям в международной экономике либо о таких сдвигах говорить еще рано [Хейфец, 2024, с. 68]. К примеру, исследование Дж. Тан, построенное на данных до 2021 г., показывает, что фрагментация ПИИ не является широко распространенным явлением, а ограничивается отдельными отраслями, имеющими стратегическое значение [Тан, 2024, р. 55].

С другой стороны, сопровождающие фрагментацию процессы приводят к регионализации международных потоков капитала – росту объемов инвестирования внутри отдельных регионов [Локтионов, 2025, с. 9–12]. Эти тенденции также стимулируют, «формируя более плотную сеть экономиче-

ских взаимосвязей», функциональный трансрегионализм, но «одновременно повышающий зависимость государств от устойчивости макрорегиональных цепочек» [Воскресенский, 2021, с. 21].

Таким образом, геополитика становится ключевым фактором формирования новых сегментов, что приводит к перераспределению и локализации капитала внутри соответствующих ей региональных блоков. При этом определение контуров этих блоков с позиций геополитического анализа – это критически важная, но крайне непростая исследовательская проблема [Хейфец, 2024, с. 28–29].

Индо-Тихоокеанский регион как региональный проект США

В современной научной литературе Индо-Тихоокеанский регион характеризуется высокой степенью концептуальной неопределенности [Володин, 2025]. Вместе с тем эта неопределенность делает его удобной аналитической рамкой для настоящего исследования. В исследованиях ИТР интерпретируется как региональный проект [Песцов, 2025, с. 19] или политически мотивированная конструкция – как составная часть региональной стратегии США, нацеленная главным образом на противодействие Китаю и его сдерживание [Песцов, 2022, с. 67]. При этом подчеркивается, что ИТР во многом не обладает характеристиками «естественного» экономического региона и лишен устойчивой институциональной и экономической базы [Песцов, 2025, с. 71]. Концептуальная неопределенность ИТР приобретает аналитическую ценность, поскольку позволяет использовать его как рамку для изучения фрагментации. Это дает возможность интерпретировать распределение и динамику прямых иностранных инвестиций не толь-

ко как экономический процесс, но и как элемент переразметки регионального пространства под воздействием стратегий ключевых акторов.

В практической плоскости формирование ИТР связано с изменением баланса сил в Азии. В начале 2000-х годов на фоне усиления Китая США оказались перед необходимостью найти новые ресурсы для сохранения регионального лидерства и сдерживания Китая [Конкуренция..., с. 200].

Китай, в свою очередь, усиливает свое региональное присутствие как через инициативу «Один пояс – один путь», так и с помощью различных форматов внешнеэкономической дипломатии: АТЭС, ВРЭП, соглашение с АСЕАН [Федоровский, 2024, с. 6]. В результате конкуренция Китая и США за региональные рынки, прежде всего высокотехнологичные, становится одним из ключевых трендов современной геоэкономики [Рамич, Пискунов, Китаев, 2022].

США отвечают на эти вызовы сочетанием военно-политических и экономических инструментов. Помимо традиционного военного присутствия, они стремятся восстановить влияние в сфере экономической интеграции через инициативы, подобные Индо-Тихоокеанской экономической структуре [Конкуренция..., с. 201; Лексютина, 2025]. Это свидетельствует о постепенном переходе от исключительно военно-стратегического понимания ИТР к более комплексной модели, включающей экономическое измерение.

Дополнительным фактором формирования региональной стратегии США выступает реакция на инициа-

тиву «Один пояс – один путь». В Вашингтоне всё более отчетливо фиксируется восприятие этой инициативы как долгосрочного вызова американскому экономическому лидерству и позициям бизнеса в глобальных цепочках создания стоимости [Лексютина, с. 9]. В ответ политика США включает элементы экономического сдерживания, направленные на поддержку американских компаний за рубежом и снижение политических рисков их участия в зарубежных инвестиционных проектах [Лексютина, с. 14–16].

В этом контексте Индо-Тихоокеанская стратегия США фиксирует необходимость повышения устойчивости цепочек поставок и стимулирования инвестиций в инфраструктуру, соответствующую высоким стандартам прозрачности и надежности². Таким образом, инвестиционная политика становится важным инструментом реализации региональной стратегии.

Стратегия национальной безопасности США, опубликованная администрацией Д. Трампа в ноябре 2025 г., подтверждает сохранение курса на усиление конкуренции с Китаем. Иностранным инвестициям в этом процессе отводится далеко не последняя роль. В документе подчеркивается, что экономическая безопасность является основой национальной безопасности и включает контроль над критическими цепочками поставок, доступ к стратегическим ресурсам, реиндустриализацию и укрепление позиций в сфере энергетики и финансов³. Особое внимание уделяется необходимости перестройки экономических отношений с Китаем и усилению роли инвестиций

2 Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. – 2022. – February. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-IndoPacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

3 National Security Strategy of the United States of America // The White House. – 2025. – November. – P. 13–14. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).

союзников как инструменту укрепления экономической мощи США⁴.

В рамках данного исследования в роли объекта выступают страны, включенные администрацией США в Индо-Тихоокеанскую стратегию 2022 г. Предметом анализа является динамика инвестиционных позиций США и Китая в этих странах. К числу рассматриваемых государств относятся страны АСЕАН, Индия, Австралия, Республика Корея, Япония, а также островные государства Тихого океана⁵.

Таким образом, рассматриваемый макрорегион представляет собой пространство активной инвестиционной конкуренции, где экономические потоки тесно связаны с геополитическими стратегиями США и Китая, в рамках которых инвестиционные потоки призваны способствовать борьбе за геополитическое влияние.

Изменение глобальных инвестиционных позиций США и Китая в 2009–2024 гг.

В качестве отправной точки для дальнейших расчетов была дана оценка положению США и Китая как глобальных инвесторов. Для этого был проведен сравнительный анализ динамики накопленных ПЗИ этих стран за 2009–2024 гг., доступных в базе данных ЮНКТАД (*UNCTADstat*). В качестве точки отсчета был принят 2009 г. – год глобального финансового кризиса, после которого тенденции к деглобализации стали более отчетливыми, а Китай начал заметно наращивать свою позицию как инвестор глобального уровня.

Расчеты показали, что в рассмотренный период произошел качественный скачок в инвестиционной позиции Китая, который превратился в инве-

Таблица 1. Накопленные ПЗИ США и Китая в мире в 2009–2024 гг.
Table 1. Outward FDI Stock of the World, United States and China, 2009–2024

Показатель	Китай	США	Весь мир
Накопленные ПЗИ в 2009 г., млн долл.	245 755,00	4 322 122,00	19 723 277,00
Накопленные ПЗИ в 2024 г., млн долл.	3 118 180,00	9 757 678,00	43 594 995,00
Абсолютный прирост, млн долл.	2 872 425,00	5 435 556,00	23 871 718,00
Абсолютный прирост, % к 2009 г.	1168,90	125,80	121,00
Среднегодовой темп прироста, %	18,40	5,60	5,60
Доля страны в мировых ПЗИ (накопленных) в 2009 г., %	1,25	21,91	100,00
Доля страны в мировых ПЗИ (накопленных) в 2024 г., %	7,15	22,38	100,00
Вклад в мировой абсолютный прирост ПЗИ, %	12,03	22,77	100,00

Составлено и рассчитано по данным: Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual Last updated 01 Sept. 2025 // UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения: 30.11.2025).

4 – Op. cit. P. 20–21.
5 – Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. – 2022. – February. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-IndoPacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

стора мирового уровня. Среднегодовой прирост инвестиций КНР составил 18,4%, что более чем втрое превышает аналогичные показатели США (5,6%), которые росли в точном соответствии со среднемировыми. Кроме того, обращает на себя внимание то, что Китай последовательно наращивал инвестиционную позицию на протяжении всего рассматриваемого периода, тогда как данные по США и глобальной экономике включали отдельные периоды спада – в 2015, 2018 и 2022 гг.

Отметим также, что за рассмотренный 16-летний период доля США в накопленных мировых ПЗИ практически не изменилась (с 21,91% выросла до 22,38%), тогда как Китай продемонстрировал кратный рост – его доля в аналогичный период выросла с 1,25 до 7,15%. В совокупности США и Китай сформировали около 35% общего прироста мировой инвестиционной позиции, что подтверждает их структурообразующее значение для мировой экономики и статус основных центров накопления международного капитала.

Для дальнейшего анализа региональных аспектов инвестиционной позиции эти промежуточные выводы имеют принципиальное значение: возрастающая конкуренция двух центров экономического влияния создает предпосылки для формирования региональной поляризации именно в странах Индо-Тихоокеанского региона, который стал ареной противоборства США и Китая.

Оценка инвестиционной позиции США и Китая в странах Индо-Тихоокеанского региона

По определенной на основе Индо-Тихоокеанской стратегии США 2022 г. совокупности стран были рассчитаны изменения инвестиционных позиций США и Китая. Из расчетов

были исключены островные государства Тихого океана ввиду их незначительной роли в мировой экономике и ограниченного участия в процессах производственной интеграции. В ходе расчетов использовались данные базы Международного валютного фонда «Прямые иностранные инвестиции по странам-партнерам», охватывающие период с 2009 по 2023 г. В качестве временных рамок расчетов взяты два интервала – с 2009 по 2024 г. и с 2018 по 2024 г. Если первый интервал демонстрирует тенденции, сложившиеся после глобального финансового кризиса и активизации глобальной стратегии Китая, то второй набор данных показывает, изменился ли тренд в инвестиционной позиции после обострения конфликта Китая и США. Результаты расчетов представлены в таблицах 2–4.

Полученные данные свидетельствуют о неравномерности инвестиционных позиций США и Китая в регионе.

Во-первых, с учетом более скромной роли Китая как глобального инвестора можно было ожидать его более значимого присутствия в географически близких азиатских странах. Однако это предположение не подтвердилось: доля Китая в странах ИТР в среднем намного ниже, чем средняя по всему миру (7,5%), за редким исключением – Камбоджи (где Китай контролирует 32,17% инвестиций в 2023 г.) и Лаоса (60% инвестиций в 2018 г.). Что касается США, то и их доля в рассматриваемых странах не является подавляющей и ниже среднемирового показателя за 2024 г. (22,38%), кроме Японии (27,3% в 2023 г.) и Сингапура (24,07%), где присутствие США ощущается гораздо сильнее.

Во-вторых, наблюдается ощутимый рост доли Китая в ПИИ в странах Юго-Восточной Азии за период с 2009 по 2023 г. – в Камбодже (+8,3 п. п.), Таиланде (+4,9 п. п.), Индонезии (+3,6 п. п.) и Вьетнаме (+3,4 п. п.).

Таблица 2. Доля США и Китая в ПИИ в странах Индо-Тихоокеанского региона в 2009, 2018, 2023 гг., % от общего объема накопленных инвестиций

Table 2. Share of the United States and China in FDI in Indo-Pacific Countries in 2009, 2018, and 2023, % of Total Stock of Investments

Инвестор	США			Китай		
Реципиент	2009	2018	2023	2009	2018	2023
Австралия	20,04	22,05	17,80	1,85	4,29	3,95
Бруней	н/д	0,03	0,03	н/д	1,92	1,25
Восточный Тимор	н/д	н/д	н/д	н/д	22,83	14,84
Вьетнам	4,39	4,42	2,97	н/д	7,28	10,66
Камбоджа	3,24	2,13	1,95	23,86	29,19	32,17
Индия	16,83*	18,29	16,71	0,09*	0,20	0,23
Индонезия	7,92	11,09	8,39	3,17	2,77	6,78
Лаос	н/д	н/д	н/д	56,65	60,32	н/д
Малайзия	11,51	5,83	10,40	0,25	2,75	3,79
Республика Корея	20,60	15,05	16,32	0,81	3,87	3,38
Сингапур	11,40	15,94	24,07	4,29	3,48	3,66
Таиланд	9,65	6,66	6,52	0,52	3,06	5,41
Филиппины	17,24	9,25	13,76	0,03	0,22	0,02
Япония	37,50	23,08	27,30	0,10	0,82	1,16

* Данные ПЗИ Индии за 2010 г.
Рассчитано автором по данным: Inward Direct investment, Net (liabilities less assets), All financial instruments, All entities // International Monetary Fund. Direct Investment Positions by Counterpart Economy. – URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:DIP> (дата обращения: 02.12.2025).

В-третьих, происходит усиление присутствия США как инвестора в более короткий временной интервал – с 2018 по 2023 г. Доля США выросла в Сингапуре (+8,13 п. п.), на Филиппинах (+4,57 п. п.) и в Малайзии (+4,51 п. п.). Это может свидетельствовать об укреплении позиций США, произошедшем с момента активной фазы торгового конфликта с Китаем.

В таблице 3 представлены расчеты абсолютного прироста ПЗИ США и Китая в рассматриваемых странах за 2009–2023 гг., среднегодовой темп роста в 2009–2023 гг. и 2018–2023 гг.

В результатах расчетов среднегодовых темпов роста обращают на себя

внимание следующие динамические тенденции.

В долгосрочной перспективе (14-летний период, в 2009–2023 гг.) позиции Китая, как и ожидалось, существенно укрепились в большинстве стран региона. Об этом свидетельствует среднегодовой прирост китайских инвестиций, достигший двузначных значений в большинстве рассмотренных случаев. За тот же период позиции США росли в гораздо меньших темпах. Это сокращение, вероятно, было обусловлено стратегическим перераспределением портфелей американских инвесторов.

Анализ более короткого, но политически насыщенного периода (2018–2023)

Таблица 3. Расчетные показатели изменения инвестиционной позиции США и Китая в странах Индо-Тихоокеанского региона в 2009–2023 гг. и 2018–2023 гг.

Table 3. Calculated Indicators of Changes in the U.S. and Chinese Investment Position in Indo-Pacific Countries, 2009–2023, 2018–2023

Инвестор Реципиент	США			Китай		
	Абсолютный прирост ПЗИ в 2009–2023 гг., млн долл.	Средне-годовой темп прироста в 2009–2023 гг., %	Средне-годовой темп прироста в 2018–2023 гг., %	Абсолютный прирост ПЗИ в 2009–2023 гг., млн долл.	Средне-годовой темп прироста в 2009–2023 гг., %	Средне-годовой темп прироста в 2018–2023 гг., %
Австралия	55 630,70	3,40	-1,50	23 727,00	10,10	1,20
Вьетнам	н/д	н/д	5,50	н/д	н/д	23,30
Индонезия	15 871,15	7,50	-0,40	16 349,53	12,50	25,90
Индия*	85 955,97	10,50	7,80	1503,96	16,50	12,60
Камбоджа	791,00	13,30	13,80	14 454,80	18,90	18,10
Малайзия	11 888,21	5,70	18,40	7435,14	27,50	12,40
Республика Корея	18 969,20	4,10	6,20	8121,60	16,80	1,70
Сингапур	525 908,16	18,30	21,40	69 161,22	11,70	13,00
Таиланд	10 106,43	4,80	4,60	16 407,58	25,80	17,70
Филиппины	3688,52	5,00	15,00	2,00	2,00	-28,70
Япония	-14 043,00	-1,50	5,30	2 388,10	19,80	9,0 0

Рассчитано автором по данным: Inward Direct investment, Net (liabilities less assets), All financial instruments, All entities // International Monetary Fund. Direct Investment Positions by Counterpart Economy. – URL: <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:DIP> (дата обращения: 02.12.2025).

* Данные ПИИ в Индии – с 2010 по 2023 г.

** Бруней, Лаос, Мьянма, Вьетнам и Восточный Тимор исключены из расчетов ввиду отсутствия однородных данных инвестиционной позиции США и Китая в рассматриваемый период и низкой доли этих стран в региональной экономике.

показывает, что основные структурные сдвиги в инвестиционном ландшафте региона пришлось именно на эти годы. Стала отчетливо проявляться консолидация сфер влияния. С одной стороны, произошло усиление позиций США в ключевых странах-союзниках и финансовых центрах: в Сингапуре, на Филиппинах, в Малайзии и Японии. С другой стороны, наблюдается консолидация сферы влияния Китая в континентальной части ЮВА: Камбодже, Лаосе, Вьетнаме, Индонезии. Примечательным исключением является Австралия – единственная крупная экономика

в выборке, где позиции обеих держав одновременно сократились.

Наконец, был рассчитан индекс инвестиционного доминирования (ИИД) – синтетический показатель, предложенный автором для сравнительного анализа влияния прямых иностранных инвестиций США и КНР в странах-реципиентах. Он показывает, во сколько раз накопленные ПИИ из США превышают ПИИ из КНР в каждом году.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о неоднородности инвестиционного присутствия США в регионе. В 2023 г. их позиции носят подавляющий ха-

Таблица 4. Индекс инвестиционного доминирования* США в странах ИТР, %
Table 4. Index of U.S. Investment Dominance in the Indo-Pacific Region, %

Страны	2009	2013	2018	2023
Австралия	10,80	6,52	5,14	4,51
Вьетнам	н/д	н/д	0,608	0,28
Индонезия	2,50	3,16	4,00	1,24
Индия	190,10	96,52	89,67	72,00
Камбоджа	0,14	0,08	0,07	0,06
Малайзия	45,47	35,97	2,12	2,75
Республика Корея	25,50	12,87	3,89	4,83
Сингапур	2,65	4,35	4,58	6,58
Таиланд	18,72	4,00	2,17	1,20
Филиппины	597,02	31,40	42,48	904,49
Япония	381,80	91,02	28,07	23,61

Индекс инвестиционного доминирования США рассчитан по формуле:
 $ИИД_{i,t} = ПИИ_США_{i,t} / ПИИ_КНР_{i,t}$, где: $ПИИ_США_{i,t}$ – величина накопленных прямых иностранных инвестиций из США в страну i на конец периода t ; $ПИИ_КНР_{i,t}$ – величина накопленных прямых иностранных инвестиций из Китая в страну i на конец периода t .

раκτηр в таких странах, как Сингапур, Япония, Индия и Филиппины. В то же время во Вьетнаме и Камбодже по объему накопленных инвестиций лидирует Китай. Незначительное снижение его показателя в этих странах может указывать на обострение конкуренции за местные рынки и ресурсы. Отдельного внимания заслуживает существенное ослабление позиций США в период с 2013 по 2018 г. в Республике Корея, Малайзии и Таиланде.

Выводы

Индо-Тихоокеанский регион формируется как динамическое пространство, структурируемое конкурирующими стратегиями и инвестиционными потоками США и Китая. В этих условиях фрагментация проявляется в конкурирующих инвестиционных контурах, где экономические связи определяются не только рыночными, но и политическими факторами. При этом, несмо-

тря на статус обеих стран как ведущих глобальных инвесторов, в Индо-Тихоокеанском регионе их позиции не являются доминирующими и не достигают характерного для них среднемирового уровня концентрации.

Фрагментация в рассматриваемом регионе носит неоднородный характер: ни США, ни Китай не демонстрируют устойчивого доминирования в региональном инвестиционном пространстве, что обусловлено различиями в темпах роста и географии вложений. При росте глобальных позиций Китая в 2009–2023 гг. его региональное присутствие остается селективным, тогда как в 2018–2023 гг. усиливаются позиции США в ряде стран. Существенным элементом асимметрии выступает «второй слой» инвестиционного контура – расширение вложений союзников США, прежде всего Японии и Республики Корея [Guo, 2024, p. 53; Shulze, Xin, 2025, p. 4], что усиливает совокупное присутствие проамериканского сегмента в регионе.

Анализ границ фрагментации показывает, что внутри ИТР формируются устойчивые зоны преобладания: в одних странах доминируют инвестиции США, в других – Китая. Таким образом, фрагментация приобретает мозаичный характер и реализуется через дифференцированную включенность государств в конкурирующие инвестиционные контуры.

В связи с этим можно выделить три базовых режима включенности в инвестиционные контуры: балансирование между центрами притяжения (Таиланд, Индонезия, Малайзия), доминирование США (Индия, Сингапур, Филиппины, Япония) и доминирование Китая (Камбоджа, Лаос, Вьетнам). При этом данные режимы не являются строго замкнутыми, а допускают внутреннюю дифференциацию, особенно в рамках «китайского» контура. Такие страны, как Лаос и Вьетнам, сохраняют устойчивую включенность в китайский блок, включая и другие сценарии, которые учитывают геополитические и экономические факторы [Goeconomic Fragmentation..., 2023, p. 49, 67, 68].

Инвестиционная фрагментация в Индо-Тихоокеанском регионе носит неоднородный и асимметричный характер и не приводит к устойчивому доминированию ни США, ни Китая. В 2018–2023 гг. наблюдается усиление позиций США, тогда как инвестиционное присутствие Китая остается селективным. Устойчивые зоны доминирования указывают на наличие внутренних границ фрагментации в рамках рассматриваемого регионального контура.

Список литературы

Володин А.Г. Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика,

право. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 50–71. – DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04.

Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 5–20. – DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России : монография / под ред. Д.А. Дегтерева. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 300 с.

Кузнецов А.В. Влияние деглобализации на фрагментацию мировой экономики // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.24412/2949-6454-2025-0115.

Лексютина Я.В. США: в поисках ответа на китайскую инициативу «Пояс и путь» // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – № 11(659). – С. 7–24. – DOI: 10.31857/S2686673024110011.

Локтионов В.И. Фрагментация глобального социального капитала // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 7. – С. 5–14. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14.

Международная политэкономия ИКТ-индустрии / Григорьевский В.В., Дегтерев Д.А., Пискунов Д.А., Прохоренко И.Л. // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 3. – С. 5–19. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19.

Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общ. ред. В.В. Михеева ; отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва : ИМЭМО РАН, 2023. – 155 с. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2023/Mikheev-Monograph2023.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).

Песцов С.К. Индо-Тихоокеанский регион: геополитика *versus* геоэкономика // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2022. –

Т. 38. – С. 65–81. – DOI 10.24412/2658-5960-2022-38-65-81.

Песцов С.К. Индо-Тихоокеанский *versus* Азиатско-Тихоокеанский: дискуссия о перспективах азиатского регионализма // Россия и АТР. – 2025. – № 2(128). – С. 8–26. – DOI: 10.24412/1026-8804-2025-2-8-26.

Рамич М.С., Пискунов Д.А., Китаев И.В. Сетевой анализ технологической конкуренции США и КНР в Юго-Восточной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 131–151. – DOI: 10.31249/kgt/2022.06.07.

Федоровский А.Н. Индо-Тихоокеанский регион между вызовами конфронтации и возможностями взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 10. – С. 5–16. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-10-5-16.

Хейфец Б.А. Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства? – Москва : Институт экономики РАН, 2024. – 110 с.

Цветкова Н.Н. Фрагментация мировой экономики и афро-азиатские страны // Восток (*Oriens*). – 2024. – № 5. – С. 44–57. – DOI: 10.31696/S086919080032076-0.

Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии в условиях глобальных вызовов / отв. ред. Д.А. Изотов. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 390 с.

Goeconomic Fragmentation and Commodity Markets / J.A. Alvarez, M. Benatiya Andaloussi, C. Maggi, A. Sollaci, M. Stuermer, P. Topalova // IMF

Working Papers. – 2023. – N 201. – DOI: 10.5089/9798400252426.001.

Guo S. Observations and Thoughts on the Transformation of Supply Chains in East Asia and Their Reconstruction // Japan Spotlight. – 2024. – September/October. – P. 52–55. – URL: https://www.jef.or.jp/journal/pdf/257th_PEAPP.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

IMF. World Economic Outlook. A Rocky Recovery. – Washington, DC : International Monetary Fund, April 2023. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023> (дата обращения: 21.08.2025).

Pavlínek P. Geopolitical Decoupling in Global Production Networks // Economic Geography. – 2023. – Vol. 100, N 2. – P. 138–169. – DOI: 10.1080/00130095.2023.2281175.

Schulze T., Xin W. Demystifying Trade Patterns in a Fragmenting World // IMF Working Papers. – 2025. – N 129. – DOI: 10.5089/9798229011679.001.

Tan J. How Widespread Is FDI Fragmentation? // IMF Working Papers. – 2024. – N 179. – DOI: 10.5089/9798400281211.001.

UNCTAD. World Investment Report 2024. Investment Facilitation and Digital Government. – Geneva : United Nations, 2024. – Xvi, 165 p. – URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения: 21.10.2025).

UNCTAD. World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy. – Geneva : United Nations, 2025. – Xii, 262 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 21.10.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.08

Investment Fragmentation in the Context of the U.S. Indo-Pacific Strategy: A Comparative Analysis of U.S. and China's Positions (2009–2023)

Marina P. KUKLA

PhD (Econ.), Professor at the Department of Korean Studies, Institute of Asian Studies
Far Eastern Federal University
Ajax Bay, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922
E-mail: kukla.mp@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-6245-7565

CITATION: Kukla M.P. (2026). Investment Fragmentation in the Context of the U.S. Indo-Pacific Strategy: A Comparative Analysis of U.S. and China's Positions (2009–2023). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 144–158 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.08

Received: 15.12.2025.

Revised: 18.04.2026.

ABSTRACT. Foreign direct investment (FDI) is an important source of economic growth and technology transfer; however, amid rising geopolitical tensions, it is increasingly becoming both an object of confrontation and an instrument of influence in international relations. Under these conditions, geopolitical competition contributes to the fragmentation of FDI, manifested in several interrelated trends, including a reduction in the number of external economic partners, shifts in the strategies of major investors, and the relocation of production facilities to friendly jurisdictions. This article examines one dimension of investment fragmentation – the dynamics of U. S. and Chinese outward FDI in 2009–2023 in the region defined by the U.S. Indo-Pacific Strategy as a zone of strategic competition with China. The analysis reveals a heterogeneous regional investment landscape, encompassing both countries dominated by U. S. investment

and those where Chinese capital prevails. While China significantly strengthened its global investment position in 2009–2023, its presence in the Indo-Pacific region does not translate into dominance. In 2018–2024, a redistribution of investment flows became more pronounced: the United States strengthened its positions in India, Singapore, the Republic of Korea, and Thailand, whereas China prevailed in Cambodia, Laos, and Vietnam. At the same time, neither the United States nor China holds overwhelming investment dominance in the region, and their combined presence in many countries remains below the global average.

KEYWORDS: geopolitical fragmentation, investment fragmentation, foreign direct investment, investment position, the United States, China, National Security Strategy of the US, Indo-Pacific region.

References

- Ekonomicheskoye razvitiye... (2024). Izotov D.A. (ed.). *Economic Development of North-East Asian Countries in the Context of Global Challenges*. Khabarovsk: ECRIN FEB RAS, 390 pp. (in Russian).
- Fedorovsky A.N. (2024). The Indo-Pacific Region Between the Challenges of Confrontation and Opportunities for Interaction. *World Economy and International Relations*. Vol. 68, no. 10, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-10-5-16.
- Geoeconomic Fragmentation... (2023). Alvarez J.A. et al. *Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets* (2023). *IMF Working Papers*, no. 201, pp. 1–45. DOI: 10.5089/9798400252426.001.
- Guo S. (2024). Observations & Thoughts on the Transformation of Supply Chains in East Asia & Their Reconstruction. *Japan Spotlight*. September/October, pp. 52–55. Available at: https://www.jef.or.jp/journal/pdf/257th_PEAPP.pdf, accessed 21.07.2025.
- IMF (2023). *World Economic Outlook. A Rocky Recovery*. Washington, DC: International Monetary Fund, April. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023>, accessed 21.10.2025.
- Kheyfets B.A. (2024). *Will Contemporary Geopolitical Fragmentation Become a Long-term Trend of New Regionalization of the Global Economic Space?* Moscow: IE RAS, 110 pp. (In Russian).
- Konkurentsia... (2024). Degterev D.A. (ed.). *Competition Between the United States and China: Opportunities for Russia*. Moscow: Aspect Press, 300 pp. (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2025). The Impact of Deglobalization on the Fragmentation of the World Economy. *World Economy and World Finance*. Vol. 4, no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.24412/2949-6454-2025-0115.
- Leksyutina Ya.V. (2024) The U.S. Response to China's Belt and Road Initiative. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 11(659), pp. 7–24 (in Russian). DOI: 10.31857/S2686673024110011.
- Loktionov V.I. (2025). Fragmentation of Global Social Capital. *World Economy and International Relations*. Vol. 69, no. 7, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-7-5-14.
- Mezhdunarodnaya politekonomiya... (2023). Grigoryevsky V.V. et al. *International Political Economy of ICT Industry*. *World Economy and International Relations* Vol. 67, no. 3, pp. 5–19 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19.
- Novaya Real'nost' (2023). Mikheev V.V., Lomanov A.V., Shvydko V.G. (eds.). *The New Reality of the Indo-Pacific Space*. Moscow: IMEMO, 155 pp. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2023/Mikheev-Monograph2023.pdf>, accessed: 05.12.2025.
- Pavlínek P. (2023). Geopolitical Decoupling in Global Production Networks. *Economic Geography*. Vol. 100, no. 2, pp. 138–169. DOI: 10.1080/00130095.2023.2281175.
- Pestsov S.K. (2022). Indo-Pacific: Geopolitics versus Geoeconomics. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS*. Vol. 38, pp. 65–81 (in Russian). DOI: 10.24412/2658-5960-2022-38-65-81.
- Pestsov S.K. (2025). Indo-Pacific versus Asia-Pacific: A Debate on the Prospects of Asian Regionalism. *Russia and the Asia-Pacific*. No. 2(128), pp. 8–26 (in Russian). DOI: 10.24412/1026-8804-2025-2-8-26.
- Ramich M.S., Piskunov D.A., Kitaev I.V. (2022). Technological Rivalry between the US and China in Southeast Asia: Network Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 6, pp. 131–151 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.06.07.

Schulze T., Xin W. (2025). Demystifying Trade Patterns in a Fragmenting World. *IMF Working Papers*. No. 129, pp. 1–38. DOI: 10.5089/9798229011679.001.

Tan J. (2024). How Widespread is FDI Fragmentation? *IMF Working Papers*. No. 179, pp. 1–42. DOI: 10.5089/9798400281211.001.

Tsvetkova N.N. (2024). Fragmentation of World Economy and Countries of Asia and Africa. *Vostok (Oriens)*. No. 5, pp. 44–57 (in Russian). DOI: 10.31696/S086919080032076-0.

Volodin A.G. (2025). South and South-east Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 18, no. 1, pp. 50–71 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04.

Voskressenski A.D. (2021). The New World Architectonics, Macroregional Transformations of Potentially Global Character and the Significance of Chinese Experience. *Comparative Politics*. No. 3, pp. 5–20 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024.

UNCTAD (2024). *World Investment Report 2024. Investment Facilitation and Digital Government*. Geneva: United Nations, xvi + 165 pp. Available at: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>, accessed 21.10.2025).

UNCTAD (2025). *World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy*. Geneva: United Nations, xii + 261 pp. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf, accessed 21.10.2025.

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 323.27:341.39(1*SD)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.09

Гражданская война в Судане: внутренняя динамика и роль внешних акторов

Александр Сергеевич ХОДУНОВ

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры современного Востока и Африки

Российский государственный гуманитарный университет

Миусская площадь, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 125047

E-mail: nalim13s@mail.ru

ORCID: 0009-0004-2854-0567

Тимур Радикович ХАЙРУЛЛИН

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001;

доцент кафедры востоковедения и африканистики

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, г. Москва, Российская Федерация, 117198;

старший преподаватель кафедры политологии

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ленинградский проспект, д. 49, г. Москва, Российская Федерация, 125993

E-mail: jumglaw16@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5418-2792

Андрей Витальевич КОРОТАЕВ

доктор исторических наук, доктор философии, профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000;

главный научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: akorotayev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3014-2037

ЦИТИРОВАНИЕ: Ходунов А.С., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Гражданская война в Судане: внутренняя динамика и роль внешних акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 159–178.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.09

Статья поступила в редакцию 22.12.2025.
Исправленный текст представлен 23.03.2026.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-78-00147).

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена гражданской войне в Судане, которая длится уже более двух лет и вызвала огромные жертвы и разрушения по всей стране. Разрушено и выведено из строя подавляющее большинство школ и больниц, что крайне негативно сказалось на развитии социальной сферы в стране. В значительной степени разрушены сельское хозяйство, промышленность и торговля. В Дарфуре, по некоторым данным, произошел геноцид в отношении некоторых неарабских этнических групп. Целью данной работы стало рассмотрение основных тенденций в гражданской войне в Судане с особым акцентом на применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), внесших важный вклад в начало острого перелома в пользу правительственных войск. Кроме того, поставлена задача рассмотреть роль различных внешних игроков, активно участвующих в гражданской войне в Судане и поддерживающих различные стороны конфликта. Так, повстанцам из Сил быстрого реагирования (СБР) оказывают поддержку ОАЭ, а суданская правительственная армия до самого последнего времени наиболее активно поддерживалась Саудовской Аравией, Ираном и Турцией. Данное исследование приобретает особую актуальность, учитывая усиливающуюся дестабилизацию всего Сахеля – региона, в котором располагается часть территории Судана, охваченная наиболее интенсивными боевыми действиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Судан, гражданская война, геноцид, Дарфур, армия, Силы быстрого реагирования, БПЛА, Иран, Саудовская Аравия.

Введение

В очередной региональный очаг нестабильности в настоящее время превратилась Республика Судан, где с весны 2023 г. началась разрушительная и кровопролитная гражданская война. Она стала одним из самых опасных вооруженных конфликтов за весь период независимости страны. Ее истоки восходят к свержению президента Омара аль-Башира в апреле 2019 г., после чего к власти пришел Переходный военный совет, лидерами которого стали генералы Абдель Фаттах аль-Бурхан (глава совета), представляющий военных Центрального Судана, и Мохаммед Хамдан Дагло (Дагало) по прозвищу Хамидти (его заместитель), представитель военных региона Дарфур. Между двумя генералами сразу началась вражда, которая становилась всё более открытой и в конце концов привела к гражданской войне. Обе группы (и группа офицеров вокруг А.Ф. аль-Бурхана, и группа офицеров вокруг М.Х. Дагло) вынашивали планы по быстрому и внезапному разгрому друг друга, но об этих планах стало известно заранее, так что обе силы подготовились к противостоянию. Начавшиеся 15 апреля 2023 г. вооруженные столкновения между их боевыми отрядами в центре Хартума вскоре вышли из-под контроля и стремительно распространились на всю страну [Серёгичев, 2024, с. 57–59].

Несмотря на относительно короткий промежуток времени, число убитых как среди военных, так и среди мирных жителей к декабрю 2025 г. могло достигнуть 400 тыс. чел.¹ Причем суданцы гибнут далеко не только от прямых убийств, но даже в еще большей степени от эпидемий и голода, который принял здесь катастрофические масштабы². Данный конфликт имеет свои характерные особенности. Во-первых, это противостояние двух довольно хорошо подготовленных с профессиональной точки зрения боевых формирований: регулярной армии во главе с А.Ф. аль-Бурханом и специального подразделения под названием «Силы быстрого реагирования» (или Силы быстрой поддержки – араб. *Кувва:т ад-да'м ас-сари:* ') во главе с М.Х. Дагалом. СБР были созданы в 2013 г. на базе иррегулярных ополчений (*джанджавид*), организованных суданским правительством в 2003 г. для борьбы с повстанцами в Дарфуре.

Во-вторых, имеет место острый внутриэтнический конфликт между этническими группами: арабами Центрального Судана, которым традиционно принадлежала основная доля власти в стране, и арабами-шоа (баггара) – преимущественно скотоводческими арабскими племенами, которые находились на периферии общественной и экономической жизни страны и были недовольны своим положением. Регулярную армию страны, воюющую на стороне правительства, формируют преимущественно дарфурские

и кордофанские арабы Центрального и Восточного Судана. В то же время бойцы СБР суданского происхождения состоят в основном из арабов-баггара (при этом многие баггара не поддерживают СБР). Ситуация усугубляется тем, что значительную долю боевиков СБР составляют наемники, пришедшие из других стран (но среди них особенно много именно арабов-баггара из других стран Сахеля, воюющих не только за деньги, но и ради поддержки своих суданских соплеменников). Бригадный генерал Набиль Абдулла, представитель Вооруженных сил Судана, заявил, что руководство СБР использует множество наемников для выполнения специальных задач, применяет артиллерийские операции, беспилотники, разведку и боевые действия на передовой. По данным Министерства иностранных дел Судана, в составе СБР воюют десятки тысяч наемников, получающих финансирование из-за рубежа. Большая часть их прибыла из Чада (в нем проживает большое число арабов-баггара), ЦАР и Нигера. Самолетами завозят наемников даже из Колумбии. Определенную часть наемников составляют жители Южного Судана, участвовавшие в местных боевых отрядах. Много среди них и несовершеннолетних – начиная с 10 лет³.

Наличие большого числа иностранных наемников, не испытывающих жалости к местному населению, во многом объясняет жестокость действий СБР на территории Судана. Нужно упомянуть, что в мае 2025 г. сведения

1 Townsend M. RSF massacres left Sudanese city 'a slaughterhouse', satellite images show // The Guardian. – 2025. – December 5. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/dec/05/rsf-massacres-sudanese-city-el-fasher-slaughterhouse-satellite-images> (дата обращения: 10.12.2025).

2 См., например: Khartoum: Destroyed buildings, cars covered in ash tell horrors of war in Sudan capital // The New Arab. – 2025. – June 8. – URL: <https://www.newarab.com/news/khartoum-extensive-destruction-tells-horror-war-sudan> (дата обращения: 06.11.2025).

3 Sakr T. Sudan Accuses RSF of Deploying Foreign Mercenaries, Including Colombians, in Escalating Conflict // DNE Africa. – 2025. – August 6. – URL: <https://africa.dailynewsegypt.com/sudan-accuses-rsf-of-deploying-foreign-mercenaries-including-colombians-in-escalating-conflict/> (дата обращения: 07.11.2025).

о преступлениях СБР на 142 страницах, собранные группой юристов из Лондона, включая описания убийств, пыток и массовых изнасилований, были переданы в отдел по расследованию военных преступлений Скотланд-Ярда. Ожидается, что после тщательного изучения материалы будут переданы дальше в Международный уголовный суд, который также собирает свидетельства о преступлениях СБР. Авторитетные британские юристы считают эти данные убедительными⁴. Также нужно учитывать, что для страны до сих пор характерны чрезвычайно высокие темпы демографического роста. Доля молодежи в численности взрослого населения Судана очень велика (особенно в Дарфуре)⁵. Это справедливо также и для соседнего Чада, откуда в Судан массово прибывают наемники. Так, по оценкам ООН, в 2023 г. в Судане молодежь 20–29 лет составляла 37% всего населения старше 20 лет. Причем эта доля даже немного выросла по сравнению с 2003 г., когда начался кровопролитный конфликт в Дарфуре (36,3%). Общая численность молодежи 20–29 лет за это 20-летие в стране выросла с 4,7 до 9 млн, то есть почти вдвое. Такой взрывной рост численности наиболее пассионарной части общества, разумеется, внес серьезный отрицательный вклад в политическую стабильность. В Чаде в 2023 г. доля молодежи того же возраста оказалась равна 38,8%; возможно, это один из самых высоких показателей в мире, а общая ее численность достигала 3,2 млн чел.⁶ Как было установлено на базе истории дестабилизации множества разви-

вающихся стран во второй половине XX – начале XXI в., опасный для политической стабильности уровень начинается, когда этот показатель превышает 30% [Гринин, Коротаев, 2012; Социально-демографический анализ..., 2012; Korotayev, Zinkina, 2024]. Очевидно, что и в Судане, и в Чаде доля молодежи во взрослом населении значительно превышает опасный уровень. Учитывая все эти обстоятельства, неудивительно, что гражданская война в Судане приняла особо ожесточенный характер.

Экономический коллапс и гуманитарная катастрофа

В стране еще до гражданской войны наблюдался высокий уровень бедности и недоедания, что придавало дополнительную взрывоопасность обстановке. Война нанесла серьезный ущерб экономике Судана и разрушила жизнь миллионов людей, которые в одночасье превратились в беженцев и перемещенных лиц. По последним данным, свои дома вынуждены были покинуть 13 млн суданцев: 8,9 млн перемещенных лиц и 3,7 млн беженцев. Но и те, кому обстановка позволяла оставаться в родных местах, столкнулись с серьезными бытовыми трудностями, вызванными войной. Множество врачей были убиты и ранены в результате военных налетов либо вынуждены покинуть медучреждения. Атакам вооруженных групп и разрушительным обстрелам подвержены также школы. В результате 90% школ и большинство университетов по всей стране закры-

4 Townsend M. Dossier of alleged Sudan war crimes handed to Metropolitan police // The Guardian. 2025. – May 5. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/may/05/dossier-of-alleged-sudan-war-crimes-rsf-committed-handed-to-metropolitan-police> (дата обращения: 16.11.2025).

5 Khan M. Youth Volunteer Rebuilding project (Darfur) // United Nations Global Marketplace. – 2012. – March 21. – URL: <https://www.ungm.org/Public/Notice/16930> (дата обращения: 17.07.2025).

6 Расчеты авторов на основе: UN Population Division. 2024. World Population Prospects // United Nations. – 2024. – July 11. – URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 17.07.2025).

лись, так что 18 млн (из 19 млн) детей школьного возраста нигде не учатся. Такая же участь постигла 70% больниц (нужно учесть, что еще до гражданской войны суданское здравоохранение, несмотря на ощутимый прогресс, страдало от острой нехватки врачей и низкого качества бесплатных медицинских услуг, а теперь война и вовсе привела к катастрофическому дефициту лекарств и медицинских принадлежностей [Hussein, Ahmed, 2025]). Многочисленные гуманитарные организации предупреждают, что Судан столкнулся с настоящей катастрофой в сфере здравоохранения и лишился возможности оказывать населению качественную медицинскую помощь, что резко усугубляется огромным количеством серьезных ранений, требующих срочной госпитализации и лечения не только военных, но и мирных жителей. Кроме того, граждане страдают из-за перебоев с поставками продовольствия и медикаментов, а также из-за приостановки многих гуманитарных проектов, что делает доставку помощи крайне сложной задачей⁷. Чистая питьевая вода во многих местах стала недоступной, что привело к взрывному росту инфекционных и паразитарных заболеваний. Такие ключевые сектора экономики, как сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, разрушены, а общий ущерб, нанесенный войной, приближается к 15 млрд долл. [Hussein, Ahmed, 2025].

Стоимость суданского фунта резко упала до беспрецедентно низкого уровня, что негативно сказалось на покупательной способности граждан и усугубило бедность. Рынки также

страдают от острого дефицита товаров первой необходимости, таких как продукты питания и топливо, в то время как цены на них резко выросли. ВВП страны, по оценке Африканского банка развития, упал в 2023 г. на 37,5% [Костелянец, 2024, с. 115].

В Судане вскоре после начала военных действий стали отмечаться катастрофические случаи массового голода. Так, по состоянию на август 2024 г. от голода пострадали более чем 500 тыс. чел.⁸ При этом ситуация стремительно ухудшается со временем. Уже к концу 2024 г., по предварительным оценкам, более 4 млн детей в возрасте до 5 лет страдали от острого недоедания, из них 730 тыс. – в особо тяжелой форме, что стремительно повысило уровень заболеваемости и детской смертности⁹.

Роль внешних игроков в гражданской войне в Судане

Продолжающаяся нестабильность сделала Судан уязвимым для вмешательства внешних игроков в его внутренние дела. Хотя влияние ближневосточных игроков не было чем-то новым в Судане, его политическая судьба никогда не зависела в значительной степени от конкуренции региональных держав, как это стало иметь место в эпоху после «арабской весны».

Если в последние годы многолетнего правления О. аль-Башира в Судане наблюдалось укрепление позиций Катара и Турции, то в результате проведенной в 2018–2019 гг. контратаки со стороны саудовско-эмиратского блока, приведшей к свержению режима аль-Башира, позиции катарско-турецкого альян-

7 Sudanese Analyst: Khartoum Caught Between Fire and Famine... Civil War Exacerbates Human and Economic Suffering // IMArabic. – 2024. – December 14. – URL: <https://en.imarabic.com/sudanese-analyst-khartoum-caught-between-fire-and-famine-civil-war-exacerbates-human-and-economic-suffering/> (дата обращения: 21.07.2025).

8 Goel A. Unprecedented: The Crisis for Children and Families in Sudan // World Vision. Report. – 2024. – August 19. – URL: <https://www.wvi.org/sites/default/files/2024-08/Sudan%20report%201.pdf> (дата обращения: 21.07.2025).

9 Ibid.

са значительно ослабили [Хайруллин, Коротаев, 2022]. В глубокую оборону перешел и Иран, с которым Судан разорвал отношения еще в январе 2016 г. из-за давления со стороны Саудовской Аравии на фоне обострения саудовско-иранских противоречий. Всё это привело к усилению позиций саудовско-эмиратского альянса, к которому присоединился Египет. В результате на время политического транзита (2019–2022) Судан попал под влияние «арабской тройки» – Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта. Учитывая текущую ситуацию, Турция и Катар предпочли занять выжидательную позицию, хотя и не теряли надежд на восстановление отношений, периодически оказывая финансовую помощь Хартуму.

Отметим, что отличительной особенностью так называемых альянсов (союзов или блоков), активно заявивших о себе в период событий «арабской весны», является прагматизм, который приводит к объединению в тактических целях очень разные по своей идеологии и стратегическим замыслам силы ради достижения определенной цели либо решения конкретных задач, а потому, как правило, они недолговечны.

Как только два партнера – Саудовская Аравия и ОАЭ – избавились от общих угроз в виде «ихванских», то есть близких к «Братьям-мусульманам» (организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации; данная организация запрещена также в Саудовской Аравии) исламистских сил, поддерживаемых режимом О. аль-Башира, катарско-турецкого альянса, а также Ирана, между ними стали возникать разногласия, которые впоследствии обрели характер соперничества. Это совпало с очередным

внутриполитическим кризисом в самом Судане.

Разногласия внутри саудовско-эмиратского блока, ярко проявившиеся в йеменском кризисе, стали проявляться в вопросах посткризисного политического будущего Судана [Коротаев, Хайруллин, Шелковников, 2025]. В частности, Эр-Рияд был не против включения бывших членов исламистской партии О. аль-Башира «Национальный конгресс» в будущие государственные институты, в то время как Абу-Даби выступал категорически против любых исламистских сил [Kabandula, Donelli, 2024]. Такого рода позиция ОАЭ во многом побудила их впоследствии поддержать СБР во главе с Хамидти, который был ярким противником исламистов в стране¹⁰. Помимо этого, ОАЭ и Хамидти связывало давнее знакомство со времен йеменской кампании 2015 г., а также последующее сотрудничество на основе экспорта суданского золота в Дубай [Donelli, Pericoli, 2025, р. 64; Денисова, Костелянец, 2022]. В свою очередь, Саудовская Аравия поддержала генерала аль-Бурхана, который после развертывания суданских сил в Йемене в 2015 г. укрепил связи с саудовцами. Египет, подозрительно относившийся в фигуре Хамидти, также поддержал аль-Бурхана, оказавшись на стороне Саудовской Аравии (от которой Египет крайне зависит в финансовом плане [Korotayev, Issaev, Shishkina, 2016]).

Важно, что расхождение позиций Эр-Рияда и Абу-Даби в гражданской войне в Судане привело к тому, что ситуативно Саудовская Аравия оказалась на одной стороне с Ираном. Объединение усилий по поддержке А.Ф. аль-Бурхана привело к тому, что Тегеран, по некоторым сведениям, поставил

10 Harris, Biden advisor objected to UAE arming Sudan's Rapid Support Forces: Report // Middle East Eye. – 2024. – September 23. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/harris-biden-advisor-objected-uae-arming-sudans-rapid-support-forces-report> (дата обращения: 30.07.2025).

для суданской армии беспилотники, а Эр-Рияд профинансировал их покупку¹¹. Нужно подчеркнуть, что такому временному объединению усилий, вне всякого сомнения, способствовало саудовско-иранское примирение, заключенное в марте 2023 г. Это, в свою очередь, привело к восстановлению дипломатических отношений между Суданом и Ираном в октябре 2023 г. С этого времени Иран возобновил военную поддержку суданской армии.

Подчеркнем еще раз, что современные альянсы часто носят ситуативный и прагматичный характер. Поэтому временное сближение Саудовской Аравии и Ирана в данном случае не кажется чем-то необычным (впрочем, авторам не удалось найти сведения, что столь тесное сотрудничество Эр-Рияда и Тегерана по оказанию помощи суданской армии продолжилось в дальнейшем, – скорее всего, оно являлось единичным, хотя и очень ярким и показательным, эпизодом). Действительно, саудовско-иранское примирение привело к реальной стабилизации ситуации в регионе, особенно в тех зонах, где саудовские и иранские прокси имели влияние. К примеру, в Йемене после саудовско-иранского примирения наступило перемирие, которое продолжало сохраняться даже после его формального окончания в октябре 2023 г., а закулисные переговоры между Саудовской Аравией и хуситами возобновились¹². Продолжающийся конфликт в Судане явно выбивался из общего тренда на стабилизацию ситуации в регионе. С другой

стороны, начавшаяся в конце февраля 2026 г. война между Ираном и американо-израильским альянсом, в ходе которой Иран оказался вынужденным наносить удары по территории Королевства, поставила продолжение нормализации ирано-саудовских отношений под самый серьезный вопрос.

Позиции А.Ф. аль-Бурхана также укрепились после активизации его давнего союзника – Турции. В декабре 2023 г. представители Переходного суверенного совета, подчиняющегося аль-Бурхану, способствовали отправке 7 тонн золота из Порт-Судана в Турцию в обмен на турецкую военную и политическую поддержку¹³. В свою очередь, ближайший союзник Турции Катар [Васильев, Хайруллин, Коротаев, 2019] всё больше стремится выступить посредником в деле урегулирования конфликта.

Наиболее деструктивной в данной ситуации является роль ОАЭ, которые активной поддержкой СБР способствуют продолжению конфликта в стране. Абу-Даби всячески опекает СБР: финансирует, снабжает современным оружием, а также лечит раненых боевиков у себя в больницах. По словам суданского правительства, прекращение ОАЭ финансовой поддержки СБР, вероятнее всего, привело бы к скорому окончанию конфликта¹⁴. Суданские эксперты, в свою очередь, утверждают, что столь ревностная поддержка СБР со стороны ОАЭ обусловлена большой заинтересованностью Эмиратов в контроле над суданской территорией и ресур-

11 Ibid.

12 Dadouch S., Hudson J., Parker C. Iran and Saudi Arabia set to restore ties after mediation by China // The Washington Post. – 2023. – March 10. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/10/saudi-iran-diplomatic-ties-restored/> (дата обращения: 26.09.2024).

13 The gold alliance between Sudan and Turkey: Political and Economic Exchange // IMArabic. – 2023. – December 28. – URL: <https://en.imarabic.com/the-gold-alliance-between-sudan-and-turkey-political-and-economic-exchange/> (дата обращения: 30.07.2025).

14 Kennedy N., Ebrahim N., Saifi Z., Schmitz A. Sudan accuses UAE of 'support and complicity' in genocide at World Court // CNN. – 2025. – April 10. – URL: <https://edition.cnn.com/2025/04/10/middleeast/uae-sudan-genocide-case-icj-hearing-intl> (дата обращения: 02.08.2025).

сами. Наряду с контрабандой золота, ОАЭ нуждаются в обеспечении продовольственной безопасности, в связи с чем стремятся к контролю над плодородными территориями при поддержке СБР, так как суданское правительство еще до конфликта отказалось заключить с Эмиратами договоры об аренде земель, которые они сочли крайне неравноправными и невыгодными для местных производителей¹⁵.

В ноябре 2024 г. группа экспертов ООН сообщила в своем докладе, что самолеты из аэропортов ОАЭ Рас-эль-Хайма и Эль-Айн с большой регулярностью прибывали в аэропорты Чада Нджамена и Ам-Джерес, возможно с целью поставок оружия для СБР; такие прилеты обычно сопровождалась ростом военной активности этой группировки (но в докладе это не утверждалось категорично, а только предполагалась такая возможность)¹⁶. Позднее ОАЭ опровергли эту информацию, заявив, что они действительно отправили помощь в Судан, но не оружие. После освобождения правительственными войсками города Вад-Медани, столицы штата Эль-Гезира, в январе 2025 г. в сети Интернет появились видео и фотографии, на которых показан склад боеприпасов и ракет из ОАЭ. На видео видно перемещение суданских военных по складу, заполненному большими ящиками; один из военных сообщает, что всё это оружие поставлено Эмиратами. До этого суданские источники говорили, что военная помощь ОАЭ для СБР позволила груп-

пировке «продолжать борьбу и вести ее без видимого конца». Агентство *Reuters* сообщило в декабре 2024 г., что десятки самолетов из ОАЭ приземлялись на взлетно-посадочной полосе в Чаде, которая использовалась для переправки оружия через границу в Судан. Таким образом, мы видим, что Чад стал еще одной страной, косвенно принимающей участие в гражданской войне в Судане. Кроме того, усиление позиций ОАЭ происходило при попустительстве США. По мнению экспертов, понимая деструктивную роль ОАЭ в конфликте, США не предприняли решительных шагов к деэскалации ситуации из-за отсутствия должного внимания со стороны администрации Дж. Байдена¹⁷.

В конце февраля 2025 г. лидеры СБР собрались в Кении (власти этой страны тесно связаны с ОАЭ) и объявили о создании параллельного «правительства мира и единства». С одной стороны, это означает риск возможного раскола страны на две части, особенно если «параллельное правительство» будет официально признано другими государствами. С другой – это выглядит как отчаянный шаг, призванный привлечь внимание мирового сообщества на фоне ослабления позиций СБР в южных штатах Судана. Об этом говорит тот факт, что после освобождения правительственными войсками штата Эль-Гезира боевые действия переместились в соседний штат Белый Нил. В этом штате кровопролитные акции боевиков СБР привели к убийствам 433 чел.¹⁸ Это

15 Khansa M. Five reasons why the UAE is fixated on Sudan // Peoples Dispatch. – 2025. – July 27. – URL: <https://peoplesdispatch.org/2025/07/27/five-reasons-why-the-uae-is-fixated-on-sudan/> (дата обращения: 02.08.2025).

16 Townsend M. Leaked UN experts report raises fresh concerns over UAE's role in Sudan war // The Guardian. – 2025. – April 14. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/apr/14/leaked-un-experts-report-raises-fresh-concerns-over-uaes-role-in-sudan-war> (дата обращения: 02.08.2025).

17 Быстров А.А. О значении установления суданской армией контроля над городом Вад-Мадани, столицей штата Аль-Джазира // Институт Ближнего Востока. – 2025. – 14 января. – URL: <https://www.iimes.ru/?p=115375> (дата обращения: 05.08.2025).

18 Uddin R. Sudan's RSF massacres 433 people as it forms parallel 'peace government' // Middle East Eye. – 2025. – February 18. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/rsf-massacres-people-it-forms-parallel-peace-government> (дата обращения: 05.08.2025).

вызвало необходимость скорейшего освобождения этих территорий от контроля СБР регулярной армией А.Ф. аль-Бурхана, пока она могла развивать успехи на поле боя. И действительно, армия успешно справилась с этой задачей и вскоре было объявлено, что после полного освобождения штатов Хартум и Эль-Гезира в мае 2025 г. регулярная армия в ходе ожесточенных боев очистила штат Белый Нил от СБР¹⁹.

В последнее время, начиная с марта 2026 г., после начала военных действий США и Израиля против Ирана и ответных иранских ударов по военным базам США и инфраструктурным объектам в арабских монархиях Персидского залива резко сократилась поддержка СБР со стороны Эмиратов. Из-за интенсивных иранских ударов боевые самолеты ОАЭ попросту не могут подняться в воздух и доставить своим союзникам топливо и боеприпасы, что отрицательно сказывается на их мобильности и огневой мощи²⁰. Но также, по очевидным причинам, больше невозможна и поддержка правительственных сил со стороны Ирана (хотя, конечно, именно удары Ирана по территории ОАЭ сделали невозможной поддержку эмиратскими властями главного врага суданского правительства и самого деструктивного участника конфликта). Но важно учесть, что СБР в гораздо большей степени зависят от ОАЭ, чем суданское правительство от Ирана, так как ему помогают многие другие силы. Так что прекращение поддержки со стороны единственного крупного спонсора, очевидно, в ближайшее время

приведет к ослаблению СБР и к очередным изменениям на фронтах гражданской войны в Судане.

Нужно также кратко рассмотреть роль в суданском конфликте мировых держав: России, США, Великобритании и Китая. Россия официально поддерживает законное правительство А.Ф. аль-Бурхана и правительственную армию, однако поддержка ограничивается преимущественно дипломатическими мерами. Россия также проявляет интерес к получению базы Военно-морского флота в Красном море, что связано с логистическим обеспечением Африканского корпуса Министерства обороны Российской Федерации. По некоторым сведениям, в ноябре 2025 г. военное правительство Судана предложило России создать военную базу в Порт-Судане в обмен на поставки передовых видов вооружения²¹. Однако до сих пор эту договоренность так и не удалось реализовать, в том числе потому, что данное решение должен окончательно одобрить парламент Судана, который в условиях войны не функционирует.

Что касается роли Великобритании, она занимает, скорее, деструктивную позицию, фактически поддерживая ОАЭ (что обусловлено тесными экономическими связями, длительным военным сотрудничеством и т.п.), и тем самым препятствует центральному правительству одержать победу. Более того, правительство Великобритании активно поставляет Эмиратам оружие, которое те передают отрядам СБР. По-

19 После освобождения штата Хартум... Суданские власти объявили об освобождении очередного штата от СБР = [Баад тахрир: аль-Хартум би-ль-кямиль... Ас-султат ас-судани таълян вилайя джадида халия мин ад-даъм ас-сари] // Аль-Йоум ас-саби. – 2025. – 21 мая. – Араб. яз. – URL: <https://www.youm7.com/story/2025/5/21/جديدة-ولاية-تعطن-السودانية-السلطات-بالكامل-الخرطوم-تحرير-جعد>. – 6994825 (дата обращения: 24.09.2025).

20 Мындарь О. Суданская армия начала крупное наступление на позиции Сил оперативной поддержки // Военное обозрение. – 2026. – 12 марта. – URL: <https://topwar.ru/279228-sudanskaja-armija-nachala-kрупное-nastuplenie-na-pozicii-sil-operativnoj-podderzhki.html> (дата обращения: 20.03.2026).

21 Кербелов Н. России предложили причалить к Африке // Коммерсантъ. – 2025. – 2 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8249855> (дата обращения: 20.03.2026).

ставки британских вооружений и боевой техники ОАЭ продолжились даже после того, как в марте 2025 г. о фактах передачи его СБР стало известно в Совете Безопасности ООН: только с апреля по июнь 2025 г. экспорт британского оружия в ОАЭ составил 225 млн долл.²² Россия на дипломатическом уровне старается противодействовать активности Британии и наложила вето на британскую резолюцию по Судану в ноябре 2024 г., сочтя ее инструментом давления на законное суданское правительство, которое, в свою очередь, приветствовало российскую поддержку²³. Что касается позиции США, то они при Дж. Байдене, скорее, проявляли пассивность и незаинтересованность в конфликте, отказываясь влиять на него каким-либо существенным образом и ограничиваясь общими фразами о недопустимости эскалации. Однако администрация Д. Трампа стала действовать куда более активно, склоняясь к поддержке центрального правительства. В феврале 2026 г. США выделили 200 млн долл. в качестве гуманитарной помощи Судану, а также призвали других доноров активно жертвовать для помощи этой стране²⁴. Китай, как и Россия, выражает поддержку официальным суданским властям и максимально заинтересована в снижении эскалационного

фона, негативно влияющего на экспорт китайских товаров на Африканский континент.

Сами суданские руководители возлагают большие надежды на помощь России в разрешении кризиса и будущем восстановлении страны. Миссии двух стран при ООН уже сегодня плодотворно сотрудничают; также между Россией и Суданом увеличивается экономическое взаимодействие²⁵. Россия еще до гражданской войны начала оказывать Судану масштабную гуманитарную помощь: например, 6 марта 2022 г. по распоряжению российского правительства в г. Порт-Судан было доставлено 20 тыс. тонн пшеницы²⁶. Такая помощь продолжается и в настоящее время: всего в 2025 г. Россия предоставила суданцам 1,7 млн тонн сельскохозяйственной продукции, из них 90% – пшеница²⁷.

Турция также активно оказывает гуманитарную помощь Судану. Так, в июле 2024 г. в эту страну было отправлено 2,4 тыс. тонн гуманитарного груза, который собрало Управление по борьбе со стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями при правительстве Турции²⁸. Активная финансовая и военно-техническая помощь является основой нынешнего влияния Турции, стремящейся к расширению экспорта военно-промышленной и гражданской

22 Mulla I. UK allowed arms exports to UAE after being told weapons given to RSF // Middle East Eye. – 2025. – November 24. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/uk-allowed-arms-exports-uae-after-being-told-weapons-given-rsf> (дата обращения: 20.03.2026).

23 Russia vetoes Sudan ceasefire resolution at UN, Khartoum welcomes decision // The New Arab. – 2024. – November 19. – URL: <https://www.newarab.com/news/russia-vetoes-sudan-ceasefire-resolution-un> (дата обращения: 20.03.2026).

24 Sudan Humanitarian Fund Call to Action Event // All Africa. – 2026. – February 05. – URL: <https://allafrica.com/stories/202602050533.html> (дата обращения: 20.03.2026).

25 Судан рассчитывает на поддержку России в восстановлении страны // РИА Новости. – 2025. – 21 ноября. – URL: <https://ria.ru/20251121/sudan-2056493973.html> (дата обращения: 10.12.2025).

26 О доставке российской гуманитарной помощи в Судан // Посольство Российской Федерации в Республике Судан. – 2022. – 6 марта. – URL: https://sudan.mid.ru/ru/embassy/press-centre/news/o_dostavke_rossiyskoy_gumanitarnoy_pomoshchi_v_sudan/ (дата обращения: 10.12.2025).

27 Statement by Deputy Permanent Representative Anna Evstigneeva at UNSC Briefing on Sudan // Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations. – 2026. – February 19. – URL: <https://russiaun.ru/en/news/19022026> (дата обращения: 20.03.2026).

28 МЕРСИН – Из турецкого порта Мерсин в Судан отбыло судно с гуманитарным грузом // Anadolu Ajansı. – 2024. – 16 июля. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/vg/видео-галерея/мерсин-из-турецкого-порта-мерсин-в-судан-отбыло-судно-с-гуманитарным-грузом#> (дата обращения: 24.08.2025).

продукции на Африканский континент. Немаловажным союзником Турции здесь выступает Катар, который стремится усилить свои позиции посредством мирной дипломатии и финансовых ресурсов.

Если говорить о целях региональных игроков, то Турция налаживает связи с Суданом в рамках общего курса по усилению своего влияния в мусульманских государствах Африки и доступа к их природным ресурсам. Иран стремится закрепи́ться в Красном море и разместить вертолетоносец у побережья Судана. Судан пока не дал на это согласия, но эксперты из Института глобальных угроз полагают, что суданские военные могут изменить свою позицию в дальнейшем и пойти на уступки иранцам²⁹.

Египет выступает за стабилизацию ситуации в Судане из-за угрозы безопасности на южной границе и наплыва беженцев. Саудовская Аравия также выступает за прекращение конфликта, но столкнулась с решительным отпором со стороны ОАЭ.

Беспилотники как фактор превосходства в военном противостоянии

Если на конец лета 2024 г. силы противоборствующих сторон продолжали оставаться примерно равными [Костелянец, 2024, с. 121], то к началу 2025 г. стал наблюдаться постепенный перелом в сторону ослабления позиций СБР. Такому сценарию способствовали такие факторы, как реконфигурация региональных сил в пользу аль-Бурхана, о которой мы упомянули выше, а также использование передовых технологий

в виде беспилотников, на которых необходимо остановиться подробнее.

Важнейшей частью переданного Ираном оружия являются беспилотники иранского производства, которые смогли переломить ход боевых действий. В 2024 г. именно иранские беспилотники сыграли ключевую роль в изгнании боевиков СБР из некоторых районов г. Омдурман штата Хартум и освобождении от них штаб-квартиры национальной вещательной компании Судана. Иранские БПЛА типа *Mohajer-6* могут не только проводить разведку, но и доставлять взрывчатку. По данным аналитиков из Института глобальных угроз и демократии, иранские беспилотники *Mohajer-6* сыграли решающую роль в успешном освобождении суданскими военными территорий, ранее контролируемых СБР, и их вытеснении из районов к западу от Хартума. Иранские беспилотники зарекомендовали себя как высокоэффективные в обнаружении целей, а подготовка операторов для управления ими проходит в короткие сроки. Также армия Судана использует иранскую разведку в своих наступательных операциях против СБР. По некоторым данным, Иран помог суданской армии нанять и обучить новых солдат из числа перемещенных лиц, прошедших подготовку в угандийских лагерях беженцев³⁰.

У суданских Вооруженных сил теперь так много беспилотников из Ирана, что им пришлось построить новый ангар в аэропорту Порт-Судана (временной столицы страны), чтобы их там разместить. Помимо *Mohajer-6*, Судану также поставлены иранские дроны *Ababil-3*³¹.

26 марта 2025 г. произошло событие, имеющее большое символическое значе-

29 Iran Qatar and Turkey: Ongoing Support Fueling the Civil War in Sudan // IMARabic. – 2024. – November 14. – URL: <https://en.imarabic.com/iran-qatar-and-turkey-ongoing-support-fueling-the-civil-war-in-sudan/> (дата обращения: 24.09.2025).

30 Быстров А.А. Иран стремится к усилению влияния в Судане за счет поставок оружия // Институт Ближнего Востока. – 2024. – 22 октября. – URL: <https://www.iimes.ru/?p=112953> (дата обращения: 05.08.2025).

31 Banks M. The ambition behind Iran's involvement in Sudan // EU Reporter. – 2025. – May 15. – URL: <https://www.eureporter.co/world/iran/2025/05/15/the-ambition-behind-irans-involvement-in-sudan/> (дата обращения: 05.08.2025).

ние – правительственные войска полностью восстановили контроль над Хартумом. К настоящему времени СБР удалось отбросить далеко от столичной агломерации, однако они по-прежнему контролируют почти весь регион Дарфур, Западный Кордофан и часть Северного Кордофана.

Значительную роль в продвижении суданской правительственной армии сыграли небезызвестные и довольно эффективные турецкие беспилотники «Байрактар» (они обладают большой продолжительностью полета и, подобно иранским беспилотникам, способны нести большие объемы взрывчатых веществ). С конца 2023 г. Турция поставила Вооруженным силам Судана БПЛА на сумму более 120 млн долл. Таким образом, суданская армия получила возможность использовать эффективные беспилотники как иранского, так и турецкого производства, что внесло важнейший вклад в перелом в ходе военных действий. Это признают и суданские военные власти. Один из их представителей отметил: «В начале войны мы потеряли множество военных баз и столкнулись с серьезными проблемами. С появлением беспилотников превосходство СБР сошло на нет. Теперь у нас есть поддержка с воздуха, сопоставимая с нашей силой на земле»³².

И действительно, если внимательно посмотреть на ход боевых действий, можно увидеть, что армия Судана использовала эти беспилотники для атак на колонны снабжения, артиллерийские подразделения и группы быстрого ре-

агирования СБР, нанеся по ним удары, например в штате Эль-Гезира, в том числе разрушив мост Бака в районе г. Вад-Медани. В конце 2024 г. беспилотники были использованы для поддержки наступления правительственной армии на провинцию Хартум, что привело к освобождению части столичного региона из-под контроля СБР. За пределами Хартума турецкие БПЛА ускорили продвижение армии на территории к северу от столицы и в сторону г. Эль-Обейд, столицы провинции Северный Кордофан и стратегического узла, соединяющего опорный пункт СБР в Дарфуре с их силами в Хартуме. Несмотря на удачное развитие ситуации для правительственных сил, нередко фиксируются жертвы среди мирного населения, особенно в густонаселенных городских районах. Ситуацию усугубляют и СБР, которые, используя беспилотники, зачастую направляют их против гражданских объектов, иногда тех, которые особо защищены международным гуманитарным правом, таких как больницы³³.

Вопиющей выглядит атака БПЛА 25 января 2025 г. на одну из последних действующих больниц в Эль-Фашире (крупнейший город штата Северный Дарфур), из-за которой погибли 67 чел. и десятки получили ранения³⁴. За атакой, предположительно, стоят СБР, которые к тому моменту уже длительное время (с апреля 2023 г.) осаждали город и были ответственны за атаку на главную городскую больницу в декабре 2024 г., повлекшую гибель 9 чел. и ранения 20³⁵.

32 Turkish Drones Help Sudan's Army Advance, but Cause Higher Civilian Deaths // Africa Defense Forum. – 2025. – March 25. – URL: <https://adf-magazine.com/2025/03/turkish-drones-help-sudan-army-advance-but-cause-higher-civilian-deaths/> (дата обращения: 05.08.2025).

33 Ibid.

34 War in Sudan: Drone strike on hospital kills 67 people // Le Monde. – 2025. – January 25. – URL: https://www.lemonde.fr/en/le-monde-africa/article/2025/01/25/war-in-sudan-drone-strike-on-hospital-kills-67-people_6737418_124.html (дата обращения: 05.08.2025).

35 RSF attacks main hospital in Sudan's al-Fashir, says health official // Reuters. – 2024. – December 14. – URL: <https://www.reuters.com/world/africa/rsf-attacks-main-hospital-sudan-al-fashir-says-health-official-2024-12-13/> (дата обращения: 05.08.2025).

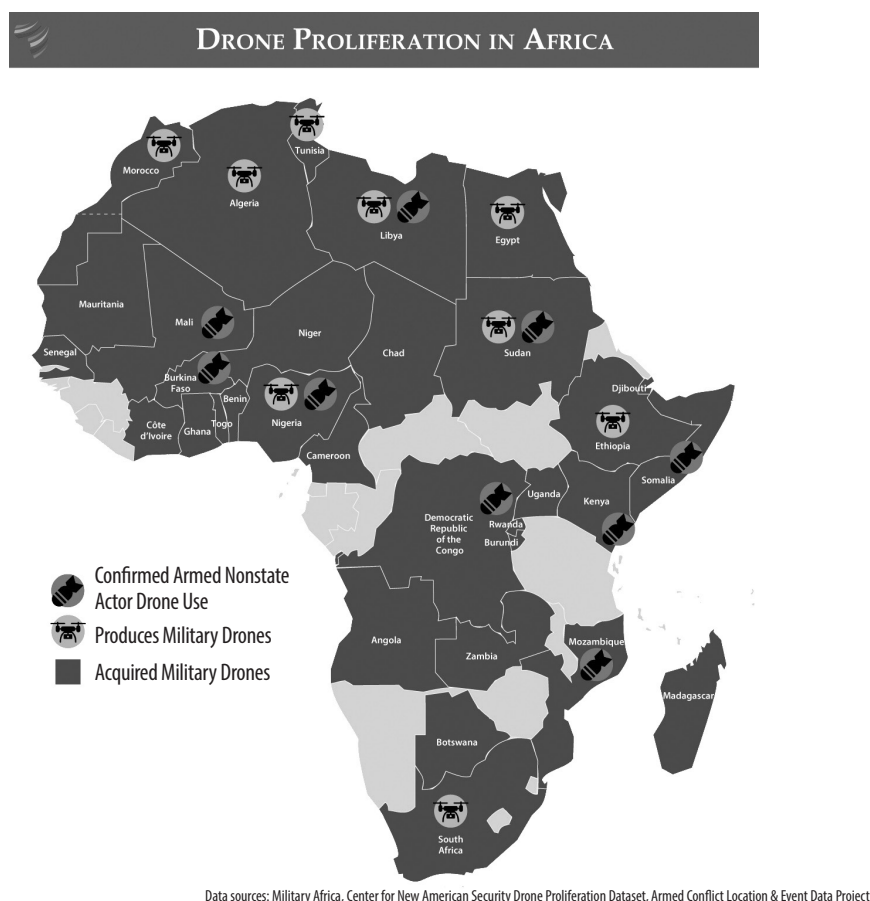

Рисунок 1. Распространенность использования беспилотников в африканских военных конфликтах

Figure 1. Prevalence of drone use in African military conflicts

Источник: Allen N. Military Drone Proliferation Marks Destabilizing Shift in Africa's Armed Conflicts // Africa Center for Strategic Studies. – 2025. – April 21. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/drone-proliferation-africa-destabilizing/> (дата обращения: 14.08.2025).

СБР получают от ОАЭ дроны китайского и сербского (оборонная компания «Югоимпорт») производства³⁶. Наличие у СБР беспилотников подтвердилось 31 июля 2024 г., когда на А.Ф. аль-Бурхана пытались совершить покушение с помощью двух БПЛА. С осени 2024 г. и особенно с марта 2025 г. их атаки ста-

ли массовыми, но оказались куда менее эффективными, чем у суданских Вооруженных сил. Власти Судана пока с ними справляются и успешно сбивают большинство дронов СБР.

В целом массовое использование беспилотников в гражданской войне в Судане неудивительно: они актив-

³⁶ Вполне возможно, что китайские и сербские военные предприятия не знают, каким образом ОАЭ используют произведенные ими беспилотники.

но применяются в различных театрах военных действий, включая африканские. Внутреннее производство БПЛА на континенте развито слабо (всего 9 наиболее крупных стран, включая Судан, могут сами производить беспилотники, покрывая лишь 12% африканского рынка). Поэтому за последние два десятилетия 31 африканская страна (почти 60% всех стран континента) закупили в общей сложности несколько тысяч дронов – прежде всего у Турции и Китая, но также у Израиля, США, Ирана и ОАЭ. Взрывной рост закупок БПЛА африканскими странами начался в 2020 г. Более того, из-за упрощения пользования дронами их в последнее время начали закупать вооруженные группировки, борющиеся с центральными правительствами (их уже приобрели такие группировки в 9 странах континента, включая Судан). БПЛА уже активно применяются на поле боя в 6 африканских странах, где идут гражданские войны; это оружие оказалось весьма эффективным, особенно учитывая, что у противника (вооруженной группировки или мятежной сепаратистской территории) обычно отсутствует ПВО и им нечем противостоять атакам мощных беспилотников. Всё это оборачивается резким (на порядок!) ростом числа погибших от применения дронов – с 135 чел. в 2015 г. до 1,2 тыс. чел. в 2024 г.³⁷

Таким образом, гражданская война в Судане вписалась в уже обозначенный тренд резкого роста значения дронов в африканских военных конфликтах. Судан даже вышел на 1-е место в Африке по количеству применения боевых БПЛА, чему способствовал его равнинный рельеф, удобный для их

использования. В 2024 г. 55% всех случаев их использования на континенте произошло именно там. Судан в основном полагается на импортные беспилотники, но он сам также производит дрон-камикадзе *Kamin-25*³⁸.

Развитие событий в Судане в последнее время

Несмотря на серьезные подвижки на театре боевых действий, наблюдавшиеся в первой половине 2025 г., конфликт продолжает оставаться напряженным, углубляя гуманитарный кризис в стране. Вытеснение боевиков СБР из центральной части Судана перевело бои на запад страны, в Дарфур и Северный Кордофан. В пустынных районах страны СБР удалось даже продвинуться и завоевать большой кусок пустыни на границе с Ливией и Египтом, а затем овладеть стратегическим районом Карб эль-Том и стратегически важной дорогой из Северного штата в штат Северный Дарфур. Пока прорыва в Дарфуре и Северном Кордофоне не наблюдается, но СБР уже не в состоянии распространить свое влияние на другие штаты, что говорит об определенном успехе регулярных войск. Непокойно также в Южном Кордофоне, где правительственным войскам противостоит Суданское народно-освободительное движение – Север, сотрудничающее с СБР.

Осенью 2025 г. на глазах всего мира произошла очередная трагедия суданского конфликта. 26 октября отряды СБР в ходе 3-дневного штурма захватили Эль-Фашир, который 19 месяцев находился в осаде. Город длительное время обороняли правительственные

37 Allen N. Military Drone Proliferation Marks Destabilizing Shift in Africa's Armed Conflicts // Africa Center for Strategic Studies. – 2025. – April 21. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/drone-proliferation-africa-destabilizing/> (дата обращения: 14.08.2025).

38 Allen N. Military Drone Proliferation Marks Destabilizing Shift in Africa's Armed Conflicts // Africa Center for Strategic Studies. – 2025. – April 21. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/drone-proliferation-africa-destabilizing/> (дата обращения: 14.08.2025).

войска вместе с местными формированиями. После падения Эль-Фашира сразу покинуть город успели далеко не все. Значительная часть оставшихся горожан погибла в результате массовой резни, которая, по оценкам экспертов ООН, приняла особо жестокий и варварский характер. По некоторым данным, как минимум 60 тыс. горожан были убиты боевиками СБР, в основном чернокожие африканцы (народы фур, масалит и загава). Те, кто остался в городе и пережил резню, теперь испытывают голод³⁹. Многие были подвергнуты пыткам и изнасилованы. Только в одном роддоме боевики СБР убили 460 пациентов и скрывавшихся там жителей⁴⁰.

В результате падения Эль-Фашира СБР стали контролировать фактически весь запад Судана, что угрожает долгосрочному распаду страны на 2 части, враждующие друг с другом. Тем более что продвижение правительственных войск в последние месяцы очевидно замедлилось и на других участках фронта, что представляет серьезный контраст с быстрыми и решительными победами зимой и весной 2025 г. Хотя отдельных тактических успехов осенью 2025 г. правительственным войскам всё-таки удается достичь: в ноябре 2025 г. им удалось выбить СБР с важных участков в провинции Северный Кордофан⁴¹.

Евросоюз 20 ноября 2025 г. ввел санкции против командующего СБР

Мохаммеда Хамдана Дагало, обвинив группировку в зверствах в Эль-Фашире⁴². Но представляется, что эти санкции введены слишком поздно и вряд ли уже серьезно изменят расклад сил в стране.

В первые месяцы 2026 г. вооруженный конфликт продолжает идти с еще большей интенсивностью. Главным театром военных действий стал исторический регион Кордофан, разделенный на 2 провинции: Северный и Южный Кордофан. При этом фактически продвижение правительственной армии остановилось. В войне обеими сторонами стали еще более массово использоваться беспилотники, что привело к увеличению жертв среди мирных жителей. В первые 2 месяца 2026 г. было задокументировано 198 ударов дронами, из них 52 привели к гибели мирных жителей – всего в этих инцидентах погибли 478 человек. Применение БПЛА в военных действиях усугубило гуманитарную катастрофу в Судане, сделав практически невозможной безопасную доставку гуманитарной помощи и оказание экстренной помощи в некоторых наиболее пострадавших районах. Так, тройной удар беспилотников Сил быстрого реагирования по детскому саду и больнице в провинции Южный Кордофан в декабре 2025 г. унес жизни 114 человек, в том числе 43 детей⁴³.

Однако, учитывая, что ОАЭ начиная с марта 2026 г. оказались в сложной

39 Townsend M. RSF massacres left Sudanese city 'a slaughterhouse', satellite images show // The Guardian. – 2025. – December 5. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/dec/05/rsf-massacres-sudanese-city-el-fasher-slaughterhouse-satellite-images> (дата обращения: 10.12.2025).

40 Sudan: UN experts appalled by reports of mass atrocities, unlawful killings and sexual violence in El Fasher // UN Human Rights Office. – 2025. – November 7. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/11/sudan-un-experts-appalled-reports-mass-atrocities-unlawful-killings-and> (дата обращения: 10.12.2025).

41 Суданская армия сообщила об успехах в боях против СБР в регионе Кордофан // Интерфакс. – 2025. – 19 ноября. – URL: <https://www.interfax.ru/world/1058828> (дата обращения: 10.12.2025).

42 Çetin Ş., Amoyeva U. EC ввел санкции против командующего СБР Судана Мохаммеда Хамдана Дагало // Anadolu Ajansı. – 2025. – 20 ноября. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/ес-ввел-санкции-против-командующего-сбр-судана-мохаммеда-хамдана-дагало/3749537> (дата обращения: 10.12.2025).

43 Elbagir Y. Sudan shows how the nature of war is changing – and it's a death trap for civilians // Sky News. – 2026. – March 12. – URL: <https://news.sky.com/story/sudan-shows-how-the-nature-of-war-is-changing-and-its-a-death-trap-for-civilians-13518316> (дата обращения: 18.03.2026).

ситуации и больше не могут активно поддерживать СБР, в случае если конфликт в Персидском заливе продлится еще несколько месяцев, возможны существенные изменения на суданском фронте в пользу правительственных сил. И действительно, определенные успехи армии начались уже в первых числах марта: так, 6 марта она освободила от СБР приграничный город Бара, уничтожив при этом 32 боевые машины противника и захватив себе 10, и тем самым обезопасила Эль-Обейд, крупнейший город региона Кордофан⁴⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская война в Судане, вероятно, стала одним из наиболее кровопролитных и разрушительных внутренних военных конфликтов в XXI в. Масштабность катастрофы также связана с большим количеством детских смертей в первую очередь из-за острой нехватки еды и медикаментов. Конфликт характеризуется особо серьезным ущербом для суданского здравоохранения и образования, и без того слабо развитых даже на фоне относительно небогатых стран Северной Африки. Война особенно тяжелым образом затронула столичную агломерацию Хартум, в которой сосредоточены основные экономические, медицинские и образовательные ресурсы страны. Все эти колоссальные жертвы и разрушения отбросили социально-экономическое развитие Судана на несколько десятилетий назад. Однако гражданская война в Судане получает совершенно недостаточно внимания в мировых СМИ, а пострадавшие от войны суданцы получают совершенно незначительную по сравнению с их реальны-

ми нуждами помощь от международных организаций.

В суданский конфликт сразу же вмешались множество внешних игроков, особенно ближневосточных. Важную роль в динамике и изменении хода конфликта сыграли БПЛА, которые поставлялись как суданской правительственной армии (со стороны Ирана при финансовой поддержке Саудовской Аравии, а также со стороны Турции), так и повстанцам из СБР (со стороны ОАЭ). Беспилотники, поставленные Ираном, оказались достаточно мощными и даже смогли переломить ход конфликта, особенно учитывая равнинную местность долины Нила, где они начали массово успешно применяться. С начала 2025 г., после перехода Центрального Судана под прочный контроль центрального правительства, стал наблюдаться осторожный перелом в гражданской войне в пользу регулярных сил аль-Бурхана.

Однако разногласия внутри саудовско-эмиратского блока привели к реконфигурации внешних сил на суданской политической арене. В итоге большинство региональных игроков в лице Саудовской Аравии, Ирана, Египта, Турции и Катара ситуативно выступили на стороне регулярной армии и А.Ф. аль-Бурхана. При этом данная коалиция является довольно разношерстной и риск распада такой конфигурации очень велик из-за различных интересов игроков (например, перспектива продолжения сотрудничества между Ираном и Саудовской Аравии на суданском треке представляется в настоящее время крайне маловероятной). В свою очередь, ОАЭ настойчиво продолжают поддерживать СБР, хотя после начала американско-израильской войны с Ираном поддержка

44 Sudanese army retakes Bara, secures el-Obeid in North Kordofan // Al-Jazeera. – 2026. – March 06. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2026/3/6/sudanese-army-retakes-bara-secures-el-obeid-in-north-kordofan> (дата обращения: 18.03.2026).

ослабла по техническим причинам, но нет сомнения, что она возобновится при благоприятных обстоятельствах. В связи с этим стабилизации ситуации может способствовать усиление поддержки аль-Бурхана, что приведет в победе над СБР, вероятнее всего, военным путем.

Список литературы

Васильев А., Хайруллин Т., Коротаев А. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // *Азия и Африка сегодня*. – 2019. – № 10. – С. 2–9; № 11. – С. 2–8. – DOI: 10.31857/s032150750006519-2.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жүглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. – Москва : ЛИБРОКОМ/URSS, 2012. – 480 с.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности // *Азия и Африка сегодня*. – 2022. – № 9. – С. 29–36. – DOI: 10.31857/S032150750021784-4.

Коротаев А.В., Хайруллин Т.Р., Шелковников А.И. Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты: тактическое или стратегическое партнерство? // *Восток (Oriens)*. – 2025. – № 1. – С. 195–207. – DOI: 10.31696/S086919080033723-2.

Костелянец С.В. От революции к войне: трудности суданского политического транзита // *История и современность*. – 2024. – № 3. – С. 113–124. – DOI: 10.30884/iis/2024.03.06.

Серёгичев С.Ю. «Война генералов» и ее влияние на общественно-политическую эволюцию современного Судана // Сборник материалов Международной научной конференции «Восток и Африка в трансформации современной реальности». Москва, РГГУ, 19 декабря 2023 г. /

сост. Н.А. Медушевский. – Москва : Издатель Воробьев А.В., 2024. – С. 57–60.

Социально-демографический анализ Арабской весны / Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3. Арабская весна 2011 г. / отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. – Москва : Либроком/URSS, 2012. – С. 28–76.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане // *Азия и Африка сегодня*. – 2022. – № 4. – С. 29–36. – DOI: 10.31857/S032150750019730-5.

Donelli F., Pericoli A. Foreign aid, identities and interests: Qatar and the UAE in Sudan // *The International Spectator*. – 2025. – Vol. 60, № 3. – P. 57–79. – DOI: 10.1080/03932729.2024.2416892.

Hussien H.H., Ahmed R.H. The humanitarian crisis in Sudan: Multifaceted impacts of armed conflict on health, education, and displacement // *Sociological Research and Innovation*. – 2025. – Vol. 3, N 1. – P. 76–99. – DOI: 10.32350/sri.31.04.

Kabandula A., Donelli F. Drivers of influence of Saudi Arabia and the United Arab Emirates in East Africa: Evidence from Sudan // *South African Journal of International Affairs*. – 2024. – Vol. 31, N 4. – P. 389–409. – DOI: 10.1080/10220461.2025.2457061.

Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis // *The Journal of North African Studies*. – 2016. – Vol. 21, N 3. – P. 341–356. – DOI: 10.1080/13629387.2015.1124238.

Korotayev A., Zinkina J. Forthcoming youth bulge in Egypt: possible sociopolitical implications // *The Journal of North African Studies*. – 2024. – Vol. 29, N 5. – P. 841–860. – DOI: 10.1080/13629387.2023.2247992.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.09

The Civil War in Sudan: Internal Dynamics and the Role of External Players

Alexander S. KHODUNOV

PhD (Political Sciences), Senior Lecturer, Department of Modern East and Africa
Russian State University for the Humanities
Miuskaya Square, 6, Moscow, Russian Federation, 125047
E-mail: nalim13s@mail.ru
ORCID: 0009-0004-2854-0567

Timur R. KHAYRULLIN

PhD (Political Sciences), Senior Researcher, Centre for Civilizational and Regional
Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001;
Senior Researcher, Department of Oriental and African Studies
RUDN University named after Patrice Lumumba
Miklukho-Maklai Street, 6, Moscow, Russian Federation, 117198;
Senior Lecturer
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii Avenue, 49, Moscow, Russian Federation, 125993
E-mail: jumglaw16@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5418-2792

Andrey V. KOROTAYEV

Dr. Sc. (History), Professor
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000;
Head Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: akorotayev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3014-2037

CITATION: Khodunov A.S., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2026). The Civil War in Sudan: Internal Dynamics and the Role of External Players. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 159–178 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2026.01.09

Received: 22.12.2025.

Revised: 23.03.2026.

ACKNOWLEDGMENT. This research was supported by the Russian Science Foundation (Project no. 25-78-00147).

ABSTRACT. *This article examines the civil war in Sudan, which has lasted for over two years and has caused enormous casualties and destruction throughout the country. The vast majority of schools and hospitals have been destroyed or put out of service, which has had a profoundly negative impact on social development in the country. Agriculture, industry, and trade have been significantly disrupted. In Darfur, genocide against non-Arab peoples has allegedly occurred. The aim of this paper is to examine the main trends in the Sudanese civil war, with a particular emphasis on the use of UAV, which have played a significant role in the initial, cautious shift in favor of government forces. Furthermore, the article also considers the role of various external actors actively involved in the Sudanese civil war and supporting different parties to the conflict. For example, the rebels of the Rapid Support Forces (RSF) are supported by the UAE, while the Sudanese government army is most actively supported by Saudi Arabia, Iran, and Turkey. This study is particularly relevant given the increasing destabilization of the entire Sahel region, which contains the part of Sudan where the most intense fighting is taking place.*

KEYWORDS: *Sudan, civil war, genocide, Darfur, army, Rapid Support Forces (RSF), UAV, Iran, Saudi Arabia.*

References

- Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2022). Sudan after Omar al-Bashir: Territory of Instability. *Asia and Africa Today*. No. 9, pp. 29–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750021784-4.
- Donelli F., Pericoli A. (2025). Foreign aid, identities and interests: Qatar and the UAE in Sudan. *The International Spectator*. Vol. 60, no. 3, pp. 57–79. DOI: 10.1080/03932729.2024.2416892.
- Grinin L.E., Korotayev A.V. (2012). *Cycles, Crises, and Traps of the Modern World System. A Study of Kondratieff, Juglar, and Secular Cycles, Global Crises, Malthusian and Post-Malthusian Traps*. Moscow: LIBROCOM/URSS, 480 pp. (in Russian).
- Hussien H.H., Ahmed R.H. (2025). The humanitarian crisis in Sudan: Multifaceted impacts of armed conflict on health, education, and displacement. *Sociological Research and Innovation*. Vol. 3, no. 1, pp. 76–99. DOI: 10.32350/sri.31.04.
- Kabandula A., Donelli F. (2024). Drivers of influence of Saudi Arabia and the United Arab Emirates in East Africa: Evidence from Sudan. *South African Journal of International Affairs*. Vol. 31, no. 4, pp. 389–409. DOI: 10.1080/10220461.2025.2457061.
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2022). The Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Blocs: The Struggle for Influence in Sudan. *Asia and Africa Today*. No. 4, pp. 29–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750019730-5.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. (2016). Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis. *The Journal of North African Studies*. Vol. 21, no. 3, pp. 341–356. DOI: 10.1080/13629387.2015.1124238.
- Korotayev A.V., Khayrullin T.R., Shelkovnikov A.I. (2025). Saudi Arabia and the United Arab Emirates: Tactical or Strategic Partnership? *Vostok (Oriens)*. No. 1, pp. 195–207 (in Russian). DOI: 10.31696/S086919080033723-2.
- Korotayev A., Zinkina J. (2024). Forthcoming youth bulge in Egypt: possible sociopolitical implications. *The Journal of North African Studies*. Vol. 29, no. 5, pp. 841–860. DOI: 10.1080/13629387.2023.2247992
- Kostelyanets S.V. (2024). From Revolution to War: The Difficulties of Sudan's Political Transition. *History and Modernity*. No. 3, pp. 113–124 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.03.06.
- Seregichev S.Yu. (2024). "The Generals' War" and its Impact on the Socio-Political Evolution of Contemporary Sudan. *Collection of Materials of the International Scientific Conference "East and Africa in the*

Transformation of Modern Reality”, Moscow, RSUH, December 19, 2023, comp. by N.A. Medushevsky. Moscow: Publisher Vorobyov A.V., pp. 57–60 (in Russian).

Sotsial’no-demographicheskii analiz... (2012). Korotayev A.V. et al. Social-demographic Analysis of the Arab Spring. In: Korotayev A.V., Zinkina J.V., Khodnunov A.S. (eds.). *The Arab Spring of 2011*.

Systemic Monitoring of Global and Regional Risks. Moscow: LIBROCOM/URSS, pp. 28–76 (in Russian).

Vasiliev A., Khayrullin T., Korotayev A. (2019). Qatari-Turkish Alliance Challenge for Regional Leadership. *Asia and Africa Today*. No. 10, pp. 2–9; no. 11, pp. 2–8 (in Russian). DOI: 10.31857/s032150750006519-2.

УДК 342.4:327(61)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

Отражение темы «Единство Магриба» в конституционных текстах государств региона

Евгения Николаевна ФУРСОВА

кандидат исторических наук, член экспертного совета

Научно-аналитический портал «Восточная трибуна»

Гусятников пер., д. 4, стр. 3, оф. 1, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: masr@mail.ru

ORCID: 0009-0009-3300-2380

ЦИТИРОВАНИЕ: Фурсова Е.Н. Отражение темы «Единство Магриба» в конституционных текстах государств региона // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 179–195. DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

Статья поступила в редакцию 07.01.2026.

Исправленный текст представлен 14.04.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется конституционное измерение идеи единства Магриба как ключ к пониманию современных вызовов региональной интеграции. Несмотря на декларативное стремление к единству, закрепленное в учредительном договоре Союза Арабского Магриба (САМ), его институциональное развитие находится в состоянии длительного застоя. Автор предлагает аналитический подход, фокусирующийся на эволюции конституций Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании как индикаторов идеологических и стратегических приоритетов государств. Сравнительный анализ выявляет неоднозначность восприятия общей идентичности. Концепция «Великого Магриба» предстает элементом политического дискурса, а не безусловной основой солидарности. Ее активное конституционное закрепление характерно для Алжира

и Марокко, что объясняется их соперничеством и внутренними факторами. В других странах региона она представлена сдержанно или отсутствует, что трактуется как дистанцирование от амбиций более сильных соседей. Итоговый вывод указывает, что эволюция конституционных формулировок отражает не только диверсификацию стратегий стран Магриба, но и фундаментальный идеологический разрыв между ними, а также преднамеренное дистанцирование национальных идентичностей. Подлинная региональная консолидация остается невозможной без преодоления как этих глубинных противоречий, так и ключевого системного барьера – конфликта вокруг Западной Сахары, предпосылок для разрешения которого пока не наблюдается. В обозримой перспективе взаимодействие, вероятно, будет развиваться в рамках прагматичного,

проблемно ориентированного формата, а не через реализацию масштабных наднациональных проектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *единство Магриба, региональная магрибская интеграция, концепция «Великого (арабского) Магриба», конституции государств Магриба, Союз Арабского Магриба.*

Идея региональной интеграции и солидарности на протяжении десятилетий занимает значимое место в политическом дискурсе государств Северной Африки. Тем не менее попытки реализации успешного интеграционного проекта в рамках региона остаются безуспешными. Так, реальная практическая деятельность институциональных структур Союза Арабского Магриба¹, учрежденного в 1989 г., фактически парализована, что обусловлено главным образом глубокими политическими противоречиями между его ключевыми участниками, усугубленными структурными особенностями их экономики.

В данном контексте актуальность и научный интерес настоящего исследования определяются тем, что отношение к концепции «магрибского единства» находит динамичное и противоречивое отражение в текстах конституций стран региона: Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании. В системе правовых актов любого государства Конституция занимает особое иерархическое положение, обладая не только высшей юридической силой, но и выполняя важную символическую функцию. Она

закрепляет исторические ориентиры, создает образ желаемого политического будущего и служит ценностно-мировоззренческой опорой для граждан. Вместе с тем Основной закон является прямым отражением текущей политической конъюнктуры, фиксируя доминирующие в определенный период идеологические установки и приоритеты государственной политики.

В этом контексте целесообразным видится изучение интерпретации темы регионального единства в конституционных текстах стран Северной Африки. Мы предлагаем проследить эволюцию отражения в них концепции «Великого Магриба»² как единого исторического и политического пространства, а также проанализировать историю зарождения и развития этой объединяющей идеи в новейшее время. На примере соответствующих правовых документов мы рассмотрим, как менялось отношение к концепции историко-цивилизационной целостности региона в зависимости от внутренней политической конъюнктуры и внешнеполитического вектора развития каждой страны.

Помимо решения эмпирической задачи исследования, мы исходим из того, что понимание расхождения между конституционно закрепленными идеалами, их эволюцией и политической реальностью позволит нам дать более взвешенную оценку перспективам развития региона как единого целого и потенциалу для будущего сотрудничества.

Пожалуй, первые проявления стремления к региональному союзу можно

1 Магриб (араб. *аль-магриб* – место, где заходит солнце; запад) означает западную часть арабского мира в противоположность Машрику (араб. *аль-машрик* – место, где восходит солнце; восток) – его восточной части. Средневековые арабские географы и историки называли Магрибом земли, расположенные в Северной Африке к западу от Аравийского полуострова и Египта. К Магрибу изначально относили земли современных Алжира, Туниса, Марокко и Ливии, которые в VII–VIII вв. были включены в состав централизованного арабо-мусульманского государства.

2 В новейшее время для обозначения региона Северной Африки – Магриба (арабского запада) в арабском языке существуют термины «аль-магриб аль-‘араби» (арабский Магриб) и «аль-магриб аль-кабир» (Большой, или Великий Магриб). В него входят Мавритания, Марокко (с Западной Сахарой), Алжир, Тунис и Ливия.

отнести к периоду борьбы за независимость. Тогда, в 1948 г., в Каире был учрежден Комитет по освобождению Магриба, куда вошли Марокко, Алжир и Тунис. Проект создания регионального объединения «Великий Арабский Магриб» был впервые публично озвучен королем Марокко Мухаммедом V и премьер-министром Туниса Хабибом Бургибой в 1956 г., сразу после получения двумя государствами независимости.

Важно отметить, что эта идея имела давние исторические корни и была основана на том, что в судьбах народов региона много схожего, что позволяет говорить о Магрибе как о субрегиональной общности³. При этом следует подчеркнуть, что изначально идея единства стран Магриба, обсуждавшаяся ими еще до обретения независимости, подразумевала объединение лишь трех народов Северной Африки, а именно Туниса, Алжира и Марокко. Об этом, в частности, писал в 1946 г. лидер партии «Дустур», будущий президент Туниса Х. Бургиба в письме лидеру Демократического союза алжирского манифеста Ф. Аббасу, а также заявлял в мае 1947 г. один из вождей национально-освободительной борьбы Марокко, руководитель Рифского восстания 1921–1926 гг. эмир Абд эль-Керим [Ковтунов, 1998, с. 7].

Ливия и Мавритания присоединились к этому процессу значительно позже – в 1960-х и 1970-х годах соответственно. Как справедливо отмечал известный российский востоковед Р.Г. Ланда, ни исторически, ни географически, ни по своим природным особенностям эти страны (Ливия и Мавритания) в собственно Магриб не входят. Они присоединились к нему относительно недавно по политическим и экономическим причинам, представляя со-

бой либо переход от Магриба к Египту (Ливия), либо к Тропической Африке (Мавритании) [Ланда, 1991, с. 4].

Этот тезис наглядно подтверждается тем, что упоминание о Великом Магрибе присутствует уже в самых первых текстах конституций Туниса (1959), Марокко (1962) и Алжира (1963), тогда как в формулировках базового нормативного акта Мавритании оно появилось только в редакции 1991 г. Что касается Ливии, то ни в одной из редакций конституционных документов этого государства Магриб как общее историческое пространство не упоминается вовсе.

Примечательно, что в первых версиях конституций североафриканских стран Марокко провозглашалось частью «Великого Магриба», Алжир – «Арабского Магриба», а Тунис – «Великого Арабского Магриба». Эти на первый взгляд терминологические нюансы могли бы считаться второстепенными, однако их неоднократная и целенаправленная корректировка в последующих редакциях основных законов позволяет рассматривать данные смысловые маркеры как своего рода политический индикатор. Он отражает сохраняющиеся глубинные идейно-политические расхождения между североафриканскими государствами в вопросах национальной идентичности, определении приоритетов региональной интеграции и выборе долгосрочных геополитических ориентиров.

Уже в самых первых редакциях конституций мы наблюдаем различие в акцентах. Так, например, выбранная Марокко формулировка «Великий Магриб», в отличие от акцента на арабской идентичности у соседей, очевидно, отражает его особый путь национального строительства, основанный на истори-

3 Речь идет прежде всего о социокультурной, географической и исторической общности народов Магриба, где Марокко, Алжир и Тунис образуют историческое ядро региона, которое иногда называют Центральным Магрибом.

ческой и географической преемственности. Как представляется, будучи единственной страной региона, не входившей в состав Османской империи, Марокко таким образом апеллировало к автохтонной государственности, восходящей к древним берберским царствам региона (Мавритания, Нумидия) и местным династиям (Альморавидам, Альмохадам, Маринидам). Концепция «Великого Магриба», трактуемого как пространство от ал-Андалуса до Западной Африки, невольно отсылает к имперскому наследию XI–XIII вв. В первые годы после обретения независимости она, вероятно, служила двум ключевым целям: внешней и внутренней. Внешняя заключалась в обосновании особой региональной роли, которая должна была реализовываться через «мягкое влияние» в неарабоязычной Африке. Об этом, в частности, говорится в преамбуле Основного закона в редакциях 1962, 1972, 1992 гг., где в качестве одной из целей государства указано «достижение африканского единства», и в Конституции 2011 г., согласно которой Королевство обязуется «укреплять отношения сотрудничества и солидарности с народами и странами Африки, особенно со странами Сахеля и Сахары». Внутренняя же цель состояла в консолидации нации на инклюзивной, надэтнической основе, что позволяло уравновесить берберский и арабский культурные компоненты и дистанцироваться от идеологии панарабизма, находившейся в тот период на пике своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Допустим также, что концепция «Великого Магриба» предполагала и геополитическую цель – утверждение лидерства Марокко в субрегионе, в том числе через продвижение своих экономических интересов в Сахаро-Сахельской зоне. Формулировка «Великий Магриб», символично охватывающая территории соседних Алжира и Туниса,

создавала историко-цивилизационный нарратив, в котором Марокко выступало в роли естественного политического и культурного ядра. Данная концепция, завуалированно постулировавшая региональные амбиции Королевства, предлагала тем самым альтернативную – монархическую – модель магрибской интеграции, которая конкурировала с проектами республиканских государств на севере континента.

В противовес этой парадигме первые версии конституций Туниса и Алжира включали идеологемы, подчеркивавшие их арабскую идентичность как ключевую («Великий Арабский Магриб» и «Арабский Магриб»). Главным образом это отражало идеологию панарабизма (особенно сильную в Алжире в 1960–1970-е годы), которая доминировала в региональной повестке в период деколонизации и служила легитимирующей основой для новых независимых республиканских режимов, противопоставлявших себя как колониальному прошлому, так и монархическому строю Марокко.

Анализируя дальнейшую эволюцию ключевых государственно-идеологических концепций в текстах основных законов государств Магриба, мы выделим периоды их сближения, обусловленные как прагматическими геополитическими и экономическими факторами, так и изменениями в раскладе сил в регионе. Так, наиболее ярким примером можно считать конец 1980-х – начало 1990-х годов, когда была предпринята попытка запуска проекта САМ.

Забегая вперед, отметим, что внешняя схожесть формулировок не отменяла глубоких различий в их трактовке и, скорее, выявляла новые линии идеологического размежевания, возникшие вследствие несовпадения представлений о собственной национальной идентичности и приоритетов региональной интеграции.

Так, в редакциях 1970 и 1972 гг. Конституции Марокко всё еще упоминается «Великий Магриб», тогда как в тексте 1992 г. он становится еще и «арабским». В статьях Основного закона 1996 г. термин «Великий Арабский Магриб» еще сохраняется, но уже в редакции 2011 г. (действует по н. в.) второе определение вновь пропадает.

В Конституции Алжира, принятой в 1976 г., упоминание о Магрибе исчезает вовсе. Однако возвращается в текст Основного закона 1989 г. в словах о том, что «Алжир... – неотъемлемая часть Великого Магриба». В таком виде эта фраза сохраняется до настоящего времени.

В случае с Тунисом практически во всех вариантах базового нормативного акта идеологема «Великий Арабский Магриб» оставалась неизменной.

Полагаем, что любая операция с данным концептом – его изменение, возвращение в текст или сохранение в устойчивой форме – неслучайна. Поскольку поправки в конституцию каждой страны Магриба вносились в разное время, они отражали текущие события и тенденции внешней и внутренней политики. Попробуем на конкретных примерах проследить, как менялись идеологические векторы развития ведущих государств региона, а также их политические и экономические приоритеты.

1992–2011 годы в Марокко были отмечены курсом на официальный национализм и арабизацию, что было связано с многочисленными внутренними и внешними угрозами. На эти вызовы монархия отвечала укреплением арабо-исламской идентичности в статусе основы легитимности. Подобными методами правящая династия Алауитов (1666 – н. в.) рассчитывала

усилить контроль над идеологическим пространством страны.

Она реагировала на тройной вызов: рост влияния исламистов, подъем берберского культурного движения (который получил международное измерение с созданием во Франции в 1995 г. Всемирного конгресса амазигов) и дестабилизирующие последствия гражданской войны в соседнем Алжире 1990-х годов.

Исламизм и движения политического ислама сформировались в странах Магриба в конце 1980-х – начале 1990-х годов в условиях социально-экономического кризиса. Заняв консервативную идеологическую нишу, активно продвигая образ Марокко как незыблемого арабо-мусульманского, шерифского королевства, монархия лишала исламистов монополии на «исламский проект» и ставила радикалов вне закона как врагов «истинного» государственного ислама. Эта риторика позволяла Махзену⁴ отводить обвинения в излишней прозападности, демонстрируя приверженность «коренным» ценностям. Таким образом, усиление идеи национализма с упором на арабизацию в 1992–2011 гг. было оборонительной и консолидирующей стратегией монархии, своего рода инструментом государственного строительства и контроля в переходный, нестабильный период. Соответственно, в редакции Конституции как 1992 г., так и 1996 г. появляется слово «арабский». Это указывало на принадлежность Марокко к арабской нации, приверженность идеям панарабизма, но главное – на стремление монархии сформировать государственную идентичность на основе исключительно арабо-мусульманских ценностей, дабы укрепить собственную легитимность

⁴ Данный термин широко используется в Марокко для обозначения государства или правительства. Здесь он употребляется для указания на институт королевской власти в целом.

на фоне внутренних вызовов и региональной нестабильности.

Еще одним таким вызовом, усилившим риторику арабизации, стало создание в 1995 г. во Франции Всемирного конгресса амазигов, которое придало «берберскому вопросу» трансграничный характер, что было воспринято официальным Рабатом как потенциальная угроза национальному суверенитету и возможный канал для внешнего вмешательства. В условиях сохранявшегося французского влияния в регионе берберский фактор объективно становился полем геополитического соперничества, что лишь подстегнуло политику арабизации, проводимую марокканской монархией [Silverstein, 2013].

Помимо этого, замена названия «Великий Магриб» определением «Великий Арабский Магриб» в Конституции 1992 г. было продиктовано стремлением к более широкой интеграции, как региональной, так и общеарабской. Мотивом послужило желание Рабата прервать длительный период изоляции на международной арене. Ее причиной стал главным образом конфликт в Западной Сахаре, из-за которого у Королевства обострились отношения не только с соседями, но даже с Африканским союзом и Лигой арабских государств. Дело в том, что в 1963 г. Марокко озвучило официальную позицию, объявив район неотъемлемой частью Королевства. Также в 1963 г. вспыхнул алжиро-марокканский пограничный конфликт, вошедший в историю как Песчаная война. Отметим, что оба противостояния имели не только политический, но и ресурсный аспект: спорные территории были богаты фосфатами и железной рудой [Lan, 2026; Miller, 2013]. В том же году Алжир инициировал сближение с Тунисом с целью помешать его возможному альянсу с Марокко и усилить изоляцию послед-

него, чему также способствовали дальнейшие события. К примеру, в 1975 г. Алжир с Ливией заключили оборонительный союз для противодействия Марокко на западносахарском направлении. Не последнюю роль в ослаблении геополитических позиций Марокко сыграла Организация африканского единства (ОАЕ, с 2009 г. – Африканский союз), практически с момента своего основания в 1963 г. выразившая солидарность с населением территории Западной Сахары. В 1984 г. Марокко пришлось выйти из ОАЕ в ответ на отказ исключить из организации принятую в 1982 г. Сахарскую Арабскую Демократическую Республику.

Можно сказать, что образование в 1989 г. Союза Арабского Магриба прежде всего ознаменовало для Марокко выход из многолетней региональной изоляции. При этом приоритетным направлением внешней политики всех стран-членов САМ было признано укрепление связей с арабскими государствами и межаарабскими объединениями. Нельзя не отметить, что позитивные изменения во взаимоотношениях магрибских соседей, наметившиеся в конце 1980-х годов, в определенной мере были результатом посреднических усилий арабских стран, а также воздействия устойчивой международной тенденции к мирному урегулированию региональных конфликтов [Подгорнова, 2016, с. 23].

Следует подчеркнуть, что на создание этого союза их подтолкнули всевозрастающие трудности внутриполитического (прежде всего социально-экономического) и внешнеполитического характера, устранить которые было возможно только совместными усилиями, сплотившись вокруг общих ценностей и целей, при этом арабская солидарность выступала духовно-культурным ориентиром [Зинин, 2017, с. 48].

Однако сами по себе социально-экономические трудности, подтолкнувшие страны региона к созданию САМ, не стали прочной основой для интеграции. Ключевая проблема заключалась в структурной несовместимости национальных экономик: исторически они сложились как конкурирующие, а не взаимодополняющие. Их экспорт ориентирован преимущественно на сырьевые товары и рынки Европейского союза, а не друг на друга. Как следствие, уровень внутрирегиональной торговли в Магрибе остается одним из самых низких в мире, не превышая 3–5% от общего товарооборота [Веселов, 2017]. В отсутствие естественных экономических стимулов для углубления сотрудничества интеграционный механизм оставался слабым, и политические разногласия лишь окончательно его заблокировали.

К 2011 г. многолетние протестные движения за культурные права берберов и признание официального статуса их языка привели к внесению существенных изменений в Основной закон. Конституция 2011 г. закрепила тамазигхт в качестве официального языка государства (наряду с арабским, который сохранил статус государственного), признала роль не только арабо-исламских, но и берберских (амазигских) и сахаро-хассанийских элементов в формировании национального единства, а также вернула первоначальную формулировку о принадлежности Королевства «Великому Магрибу». Таким образом, после «арабской весны» на фоне общей либерализации внутренней политики мы наблюдаем, с одной стороны, риторическое смягчение курса на арабизацию, с другой – символический разворот к марокканской, в том числе региональной, исторической идентичности, которая большей частью имеет берберские корни, что выразилось в конституционном

признании тамазигхта официальным языком, хотя и с отложенной имплементацией.

Что касается Алжира, то исчезновение упоминания о Магрибе в редакции Конституции 1976 г. и последующее его возвращение в 1989 г. также отражают внутреннюю эволюцию политической идентичности и внешнеполитических приоритетов этого государства.

Исследуемые нами смысловые маркеры в Основном законе Алжира, принятом в 1976 г., очевидно, стали отражением ситуации, когда зародившееся на рубеже 1950–1960-х годов сотрудничество между странами Магриба и стремление к единству постепенно (после победы алжирской национальной революции в 1962 г.) сменилось их соперничеством и тягой к региональному лидерству, усугубленными пограничными спорами.

Первым серьезным вооруженным столкновением стал алжиро-марокканский пограничный конфликт, случившийся всего месяц спустя после того, как 10 сентября 1963 г. была принята первая Конституция независимого Алжира. В 1975 г. начался затяжной кризис в Западной Сахаре, в который также были непосредственно вовлечены Марокко и Алжир. Таким образом, к 1976 г. отношения между двумя ведущими игроками на политической арене Магриба перешли в острую конфронтацию, чем, вполне вероятно, обусловлено исключение из текста Конституции Алжира в редакции 1976 г. упоминания о Магрибе как общем историческом пространстве. Во всяком случае, это лишний раз подтверждает, что вопрос о региональной интеграции в тот момент не стоял на повестке.

При президенте Хуари Бумедьене (фактически правил с 1965 по 1978 г.) международными и идеологическими ориентирами государства были курс на арабское единство, приверженность

социалистическим принципам и активное лидерство в Движении неприсоединения.

Конституция 1976 г. была принята в период максимального влияния прогрессистской, этатистской и антиимпериалистической идеологии. Таким образом, внешнеполитический фокус сместился на панарабизм и сотрудничество с другими революционными режимами, тогда как субрегиональная (магрибская) интеграция, вероятно, казалась алжирскому руководству слишком мелкой целью и грозила поставить страну в зависимость от Запада (учитывая прочную связь Королевства с США и ЕЭС). Кроме того, обострение конфликта вокруг Западной Сахары (после «Зеленого марша» 1975 г.) сделало идею «Великого Магриба» как зоны марокканского преимущественного влияния (легитимизируемого отсылками к непрерывной династийной имперской традиции) политически неприемлемой для Алжира. Упоминание термина «Магриб» могло восприниматься как уступка марокканской концепции. Напомним, что суть конфликта между соседями заключалась в том, что Алжир, будучи главным союзником и спонсором фронта ПОЛИСАРИО, последовательно выводил западносахарский вопрос на международную арену как проблему деколонизации и права народов на самоопределение. В случае с Марокко, напротив, речь идет о восстановлении исторической территориальной целостности, чьи корни уходят в имперское прошлое региона, прямой преемницей и хранительницей наследия которого позиционирует себя современная Алаутская монархия. С точки зрения Рабата, действия Алжира в западносахарском вопросе не отражали принципиальной позиции, а служили инструментом долгосрочной геополитической борьбы за доминирование в Магрибе. В этой

логике ресурсный потенциал Западной Сахары, о котором говорилось выше, выступал не объектом притязаний Алжира, а фактором усиления позиций Марокко, которое Алжир стремился сдерживать.

Ситуация меняется в 1989 г., когда в редакции алжирской Конституции, принятой 23 февраля, появляется фраза о том, что «Алжир <...> – неотъемлемая часть Великого Магриба». Возвращение идеологемы следует воспринимать как переход Алжира от доктринального панарабизма и социализма к прагматичному экономическому регионализму. К концу 1980-х годов экономический кризис и социальные протесты привели к отказу от жесткой социалистической доктрины, запустив процесс политической либерализации. В поисках новой, более прагматичной идеологической рамки государство обратилось к региональной повестке, что нашло прямое отражение в подписание в 1989 г. договора о создании Союза Арабского Магриба, куда вошли Алжир, Марокко, Тунис, Ливия и Мавритания. Возвращение в текст Конституции упоминания Магриба стало юридическим закреплением внешнеполитического разворота и демонстрацией приверженности региональному сотрудничеству. Этому также способствовало снижение накала конфликта с Марокко: к концу 1980-х годов прямые военные столкновения между государствами-соседями прекратились.

Вместе с тем, как представляется, на тот момент идея «Великого Магриба» была несколько деидеологизирована и переосмыслена в прагматичном ключе как экономически и политически необходимая для решения общих проблем (безопасность, миграция, торговля) в условиях глобализации, а не как культурно-исторический проект. Так, слово «неотъемлемая» подчеркивает не желаемую, а объективную,

историко-географическую принадлежность. Можно предположить также, что это противопоставляется марокканской трактовке лидерства. Признав себя частью Магриба, Алжир превращал эту концепцию из марокканского наследия в общий интеграционный проект.

Отказ от слова «арабский» можно связать с кризисом панарабизма, вызванным внутренними противоречиями 1970-х годов и практическим крахом проектов политического объединения [Barnett, 1998]. Среди примеров неудавшихся интеграционных союзов можно назвать Федерацию Арабских Республик (1972–1977) в составе Египта, Сирии и Ливии, а также Совет арабского сотрудничества (1989–1990), куда входили Египет, Ирак, Иордания и Йеменская Арабская Республика. Последний был создан как субрегиональный блок для государств, не вошедших в другие интеграционные структуры: Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ, учрежден в 1981 г.) и Союз Арабского Магриба (1989 г.). Само появление параллельных субрегиональных объединений свидетельствует о фрагментации арабского пространства: страны перешли от общеарабского единства к более узким блокам [Legrenzi, 2015]. К факторам, усилившим разногласия между арабскими странами, можно отнести также подписание Египтом мирного договора с Израилем в 1979 г. Кроме того, вооруженный конфликт между Ираном и Ираком, вспыхнувший в 1980 г., обнажил хрупкость стабильности и безопасности в регионе в целом [Ruan, 2009].

Главным же, на наш взгляд, триггером изменения курса стал глубокий внутривосточный и социально-экономический кризис, разразившийся в Алжире в октябре 1988 г. Этому кризису предшествовал комплекс внешних

и внутренних факторов. Во-первых, значительное снижение цен на нефть на мировом рынке в середине 1980-х годов существенно сократило алжирский бюджет, большую часть которого составляли доходы от экспорта энергоресурсов, и заставило власти ограничить социальные проекты, ранее успешно реализовавшиеся в рамках политики «социалистической ориентации». Во-вторых, в этот период пришелся пик «демографического бугра»: значительная часть населения – молодые люди до 30 лет – не имела достаточного количества рабочих мест, что провоцировало рост безработицы, снижение уровня жизни и, соответственно, социальные протесты [Lowi, 2009]. После жестоко подавленных массовых беспорядков, прокатившихся по стране, правительство осознало необходимость кардинальных реформ. Потому 23 февраля 1989 г. состоялся референдум, на котором была принята новая Конституция. Ее содержание указывало на то, что правительство избрало иной курс: в частности, отказалось от социалистической ориентации и начало переход к политическому плюрализму [Сапронова, 1999]. Важным внешним импульсом стал и отказ руководства СССР во второй половине 1980-х годов от прежнего курса: перестройка и последующая переориентация Москвы на Запад привели к свертыванию поддержки стран «социалистической ориентации», к числу которых принадлежал и Алжир [Ismael, 2004]. Так, в отличие от Конституции 1976 г., где Алжир определялся как «социалистическое государство», Основной закон 1989 г. исключил социалистическую доктрину из конституционных принципов, сохранив при этом неизменным официальное название страны – Алжирская Народная Демократическая Республика. Здесь важно отметить, что, поскольку арабский социализм был

глубоко интегрирован в арабский национализм и панарабскую идеологию, отказ от него фактически означал и отход от проекта создания объединенного арабского государства. Несмотря на то, что новая Конституция 1989 г. закрепляет за Алжиром статус «земли ислама» и «арабской страны» (так или иначе эти постулаты присутствуют во всех конституционных текстах региона), также вводится новое определение государства как «неотъемлемой части Великого Магриба», без намека на общеарабские идеалы.

Вероятно, не последнюю роль в этой идеологической трансформации сыграл и берберский фактор. Несмотря на то, что движение берберов за самоопределение и культурные права развернулось в полную силу, а впоследствии радикализировалось в Алжире в 1990-е годы, уже с 1980-х годов область Кабилии⁵ стала ареной протестных демонстраций, вызванных социально-экономической маргинализацией региона. Участники выступлений требовали прекратить политические репрессии, закрепить за берберским языком статус государственного, признать культуру и историю амазигов неотъемлемой частью алжирского национального наследия. Таким образом, формула «Великий Магриб» (без уточняющего определения «арабский») обладала большей гибкостью и лучше соответствовала задачам интеграции внутреннего берберского населения Алжира (кабилов, шауйя, мзабитов, туарегов и др.). Ее принятие запустило процесс пока еще символического признания и предоставления ограниченных культурных и языковых прав берберам, способствуя снижению напряженности в вопросах национальной идентичности.

В более широком контексте этот поворот к прагматичному регионализму в конце 1980-х годов был вызван не только внутривнутриполитическими кризисами, но и осознанием обеими странами общих экономических вызовов: падением цен на углеводороды в Алжире и угрозой экономике Марокко со стороны формирующегося единого европейского рынка [*Hernando de Larramendi, Thieux, 2021*]. Это создало основу для временного сближения, однако глубинное соперничество, в том числе за влияние в Африке (и особенно в Сахеле), сохранилось и впоследствии лишь усилилось по мере того как обе державы начали использовать экономические рычаги для продвижения своих позиций на континенте.

В рамках настоящего исследования эволюция идеологии «Великий Магриб» подробно прослежена на материале конституционных поправок двух ключевых государств региона – Марокко и Алжира, что обусловлено уникальной репрезентативностью материала, позволяющего провести детальный ретроспективный сравнительный анализ. Вместе с тем этот выбор методологически оправдан и с точки зрения геополитического веса двух стран, которые, по меткому определению марокканского экономиста и политика Фатхуллы Уал'алу, являются двумя полюсами Магриба, от взаимодействия которых в решающей степени зависят перспективы региональной интеграции [*Chitour, 1995, p. 570*].

Чтобы составить полную картину, обратимся к конституциям Туниса, Ливии и Мавритании и рассмотрим, как в них отражены концепции исторического единства и общего пространства. Подобное сравнение поможет выявить как тенденции, свойственные региону

5 Кабилия – преимущественно горный регион на севере Алжира, где проживает одна из крупнейших групп берберского (амазигского) народа, коренного населения Северной Африки – кабилов.

в целом, так и национальные особенности восприятия этой идеи.

Анализ конституционных текстов Туниса демонстрирует устойчивость формулировки о принадлежности к магрибскому ареалу: во всех редакциях Основного закона (1959, 1999, 2002, 2022 г.) неизменно присутствует положение о том, что Тунисская Республика является частью «Великого Арабского Магриба». Принципиальным исключением выступает Конституция 2014 г., где указанная дефиниция претерпевает смысловое сокращение: государство определяется как «часть Арабского Магриба». Здесь важно учитывать, что в тот исторический момент конституционный процесс в Тунисе протекал в контексте «арабской весны» – периода социально-политических потрясений, охвативших ряд государств Магриба и Ближнего Востока. Конституция 2014 г. явилась трудным компромиссом, к которому пришли ключевые политические силы переходного периода: правящая исламистская партия «Ан-Нахда», возглавлявшая правительственную коалицию, и блок светской оппозиции. Полагаем, что во время проведения конституционной реформы – когда тунисское общество сосредоточилось на переустройстве государственного управления, обеспечении гарантий представительства оппозиции, отстаивании исторических секулярных традиций и пр., – идеологемы, связанные с символами прошлого, были неуместны либо отошли на второй план. После революции 2011 г. новая Конституция была призвана стать прогрессивным законом, закладывающим основы современной демократии. Формула «Арабский Магриб» идеально соответствовала духу конституционного компромисса 2014 г. С одной стороны, она указывала на географическую принадлежность Туниса, а с другой – предлагала более гибкую, прагматич-

ную и инклюзивную модель региональной солидарности. Новая формулировка смещала акцент с реализации цивилизационного проекта на практическое сотрудничество с различными политическими силами.

Лучше всего о восприятии Тунисом идеи единого исторического пространства говорит прочно зафиксированное в Конституции определение «арабский». Даже с возвращением в редакцию 2022 г. формулы «Великий Арабский Магриб» (статья 7) преамбула последовательно выстраивает иерархию идентичностей: «Вдохновленные наследием нашей цивилизации <...>, базирующейся на основах нашей исламо-арабской идентичности <...>, стремясь укрепить нашу принадлежность к арабской и мусульманской нации <...>, стремясь укрепить единство Магриба в качестве шага по направлению к арабскому единству...».

Таким образом, принадлежность к «Великому Арабскому Магрибу», закрепленная в статье 7 Конституции 2022 г., предстает не изолированной целью, а связующим звеном в цепочке от национальной (региональной) идентичности к общеарабской и общеисламской общности. Преамбула, выполняющая роль идеологической декларации, помещает магрибское единство в более широкий контекст арабо-исламской солидарности.

В случае с Тунисом апелляция к определенной историко-культурной идентичности служит инструментом геополитического позиционирования, закрепляя его связь с арабоязычным миром и одновременно смещая акцент с локального (магрибского) на более широкий региональный уровень.

Особого внимания заслуживает также пример Ливии. Ее конституционную историю можно условно разделить на три этапа, отмеченные принципиальным разрывом преемственности. Приме-

чительно, что с формально-юридической точки зрения единственной Конституцией остается акт 1951 г., подписанный королем Идрисом ас-Сенуси после окончания периода британско-французского управления и образования независимого государства. С приходом к власти Муаммара Каддафи в 1969 г. эта Конституция была отменена, она уступила место идеологическим декларациям, а затем доктрине Зеленой книги. После свержения режима в 2011 г. процесс создания нового Основного закона зашел в тупик, так и не выйдя до сих пор за рамки подготовки переходного правового акта по причине затянувшегося политического кризиса.

Эта конституционная нестабильность, обусловленная историко-идеологическими разрывами, тем не менее рельефно выявляет ливийскую специфику: в отличие от соседей, так или иначе закрепивших принадлежность к Магрибу в своих основных законах, Ливия последовательно дистанцировалась от региональной идентичности в пользу панарабской. Даже географическая отсылка к Африке в Декларации 1969 г. («территория Ливии является частью Африки») не изменила этого вектора. Скорее, она обозначила более широкие – panaфриканские – амбиции нового режима. Политическая идентичность государства строилась не на региональном единстве, а на идее органичной связи с общеарабским пространством. Этот идеологический выбор в пользу панарабизма прослеживается на всех этапах: от Конституции 1951 г., провозгласившей Королевство «частью арабского мира», до Декларации 1969 г., где ливийский народ объявлялся «частью арабской нации», а его высшей целью указывалось достижение «полного арабского единства от Персидского залива до Атлантического океана».

Учитывая трагический опыт гражданского конфликта и реальные риски распада государственности, который

пережила Ливия, региональная (магрибская) повестка едва ли станет идейной основой и ее будущей конституции. Центральной парадигмой, по всей видимости, будет задача внутренней консолидации – утверждение национального единства и безусловной территориальной целостности как антитезы преодоленному кризису. Конституционный процесс будет вынужден сфокусироваться на объединении и воссоздании общего политического пространства, что оставляет вопросы региональной идентичности на периферии государственного строительства.

Положение Мавритании в контексте идеи «Великого Магриба» было особенно сложным. Сразу после обретения независимости в 1956 г. Марокко выдвинуло историко-этнические претензии на эту территорию, объявив ее своей южной провинцией. После провозглашения независимости Исламской Республики Мавритании в 1960 г. Рабат отказался ее признавать, препятствовал приему в ООН и заручился на первых порах поддержкой ряда арабских и африканских стран, включая Алжир. Однако к концу 1960-х годов, после легитимации Мавритании на международной арене и потери алжирской поддержки, Марокко было вынуждено пересмотреть свою позицию.

Установление дипломатических отношений между Марокко и Мавританией в 1970 г. ознаменовало конец долгого территориального спора. Этот опыт раннего конфликта и длительного непризнания со стороны потенциального регионального лидера внушил молодой республике крайнюю осторожность в отношении любых интеграционных проектов, инициированных Рабатом, включая идею «Великого Магриба». Вместо создания тесного союза мавританская политика была сосредото-

точена на защите суверенитета и поиске компромисса в определении своей национальной идентичности и внешнеполитического курса – между арабским Магрибом и западноафриканским пространством.

По этой причине конституционное закрепление идеологии «Великий Магриб», произошедшее в Мавритании относительно поздно, изначально отличалось взвешенностью и политической осторожностью. Основным закон 1991 г., в отличие от более ранних и однозначных формулировок соседних стран, помещает его в ряд других приоритетов. В преамбуле мавританский народ, определяя себя через множество идентичностей (мусульмане, африканцы, арабы), провозглашает стремление принадлежать сразу трем пространствам: Великому Магрибу, арабской нации и Африке. Таким образом, идея региональной магрибской интеграции уравнивается и даже отчасти растворяется в более широких – панарабизме и panaфриканизме, – что отражает осторожный внешнеполитический курс страны, сформированный ее непростой историей.

Заключение

Концепция «Великого Магриба», сформировавшаяся в период антиколониальной борьбы, имела глубокие исторические и социокультурные основания. Ее фундаментом стало осознание народами Северной Африки общности истории, языка, религии и колониальной судьбы. Стратегической целью было преодоление унаследованной от эпохи колониализма фрагментации для создания единого геополитического пространства, способного превратить регион из периферии арабского мира в независимый полюс влияния на мировой арене.

Однако эта амбициозная цель столкнулась с фундаментальными противо-

речиями. Ключевым препятствием стала разнородность политических систем и идеологических установок государств региона, а парализующим фактором – неразрешенный территориальный спор вокруг Западной Сахары. В результате проект интеграции был заблокирован, а регион сохранил фрагментированную структуру, основанную на принципах безусловного суверенитета.

Наше исследование показывает, что идея общего исторического пространства, отраженная в конституционных текстах, является не универсальной основой идентичности, а предметом политического выбора. Ее динамика наиболее явно прослеживается в Алжире и Марокко, чему способствует значительная берберская составляющая их населения, обеспечивающая внутренний отклик на идеологию «Великий Магриб». Данный фактор, наряду с соперничеством этих государств за лидерство в Магрибе и Сахаро-Сахельской зоне, в том числе за обладание ресурсами, объясняет сближение их конституционных формулировок в XX в. Напротив, в Тунисе, Ливии и Мавритании, где доля берберского населения невелика или замалчивается, концепция либо статично присутствует, либо сознательно не включается в текст основного закона. Государственные идеологии при этом ориентированы вовне, что можно рассматривать как своего рода оборонительную стратегию по отношению к историческим центрам региональной силы, чьи интеграционные проекты могут восприниматься как инструмент доминирования.

Таким образом, движение к подлинному региональному союзу наталкивается на фундаментальный идеологический и идентификационный разрыв, предпосылок для преодоления которого пока не наблюдается.

Выявленные закономерности позволяют представить наиболее вероятный

сценарий, описывающий будущую динамику региональных процессов. По всей видимости, в краткосрочной и среднесрочной перспективе интеграция в рамках Союза Арабского Магриба останется замороженной, а его институты – нефункциональными из-за продолжающейся конфронтации между Алжиром и Марокко, выступающими в качестве ключевых региональных акторов. Идея «магрибского единства» сохранится в политическом дискурсе и конституциях как дань общей истории, но без реального наполнения, тогда как фокус продолжит смещаться на двусторонние отношения и решение внутренних проблем.

В долгосрочной перспективе прорыв возможен лишь при кардинальном изменении условий, таком как разрешение конфликта в Западной Сахаре или появление новых элит, готовых поставить региональные выгоды выше националистических споров. Потенциал для сотрудничества может сохраняться на уровне гражданского общества и бизнеса, но без политической воли на высшем уровне он не выйдет за рамки локальных инициатив.

Следовательно, в обозримом будущем сотрудничество в Магрибе, вероятно, продолжит эволюционировать в рамках гибкой, разнотемпной и проблемно ориентированной модели, без реальной трансформации в амбициозный единый наднациональный проект.

Список литературы

Веселов А.Ю. О проблеме региональной интеграции в странах Магриба // Институт Ближнего Востока. – 2017. – 7 февраля. – URL: <https://www.iimes.ru/?p=32437> (дата обращения: 11.03.2026).

Зинин Ю.Н. Берберский фактор в Северной Африке: некоторые аспекты // Международная аналитика – 2017. – № 1. – С. 42–51. – DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-1-42-51.

Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба (80-е – середина 90-х годов). – Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998. – 194 с. – URL: http://book.iimes.su/wp-content/uploads/1998/r98reg_1.pdf (дата обращения: 07.01.2026).

Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. – Москва : Наука. ГРВЛ, 1991. – 163 с.

Новиков М.С., Новиков С.В. Колониальная политика Марокко и Мавритании в Западной Сахаре: геополитический и военный аспекты // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2019. – № 4. – С. 35–44.

Подгорнова Н.П. Страны Магриба в поисках оптимального пути развития : Сб. ст. – Москва : Институт Ближнего Востока, 2016. – 234 с. – URL: <http://book.iimes.su/wp-content/uploads/main/281Podgornova2016.pdf> (дата обращения: 07.01.2026).

Сапронова М.А. Политический и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; Институт востоковедения РАН, 1999. – 165 с.

Barnett M.N. Dialogues in Arab Politics: Negotiations in Regional Order. – New York : Columbia University Press, 1998. – 376 p.

Chitour Ch.-E. La politique et le nouvel ordre petrolier international. – Alger : Editions Dahlab, 1995. – 597 p. – Фр. яз.

Hernando de Larramendi M., Thieux L. La rivalidad Argelia-Marruecos en un escenario en transformación. Afkar ideas: Revista trimestral para el diálogo entre el Magreb, España y Europa. – 2022. – N 67. – P. 38–41. – Исп. яз.

Ismael T.Y. The Communist Movement in the Arab World. 1st ed. – London : Routledge, 2004. – 224 p. – DOI: 10.4324/9780203312315.

Lan Y. Discord between ‘Maghrebi brothers’: Morocco-Algeria interstate

and intrastate conflicts, 1962–1964 // The Journal of North African Studies. – 2026. – Vol. 31, N 3. – P. 498–527. – DOI: 10.1080/13629387.2025.2505875.

Legrenzi M. The GCC and the International Relations of the Gulf: Diplomacy, Security and Economic Coordination in a Changing Middle East. – London : I.B. Tauris, 2015. – 204 p.

Lowi M.R. Oil Wealth and the Poverty of Politics: Algeria Compared. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 248 p.

Miller S.G. A History of Modern Morocco. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 306 p.

Ryan C.R. Inter-Arab Alliances: Regime Security and Jordanian Foreign Policy. – Gainesville : University Press of Florida, 2009. – 264 p.

Silverstein P.A. The pitfalls of transnational consciousness: Amazigh activism as a scalar dilemma // The Journal of North African Studies. – 2013. – Vol. 18, N 5. – P. 768–778.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

The Reflection of the Theme of “Unity of the Maghrib” in the Constitutional Texts of the States of the Region

Evgenia N. FURSOVA

PhD (History)

Member of the Expert Council

Scientific and Analytical Portal “The Eastern Tribune”

Gusyatnikov Lane, 4, Building 3, Office 1, Moscow, Russian Federation, 101000

E-mail: masr@mail.ru

ORCID: 0009-0009-3300-2380

CITATION: Fursova E.N. (2026). The Reflection of the Theme of “Unity of the Maghrib” in the Constitutional Texts of the States of the Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 179–195 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

Received: 07.01.2026.

Revised: 14.04.2026.

ABSTRACT. *This article examines the constitutional dimension of the idea of “Maghreb unity” as a key to understanding contemporary challenges to regional integration. Despite the declarative commitment to unity enshrined in the founding treaty of the Arab Maghreb Union (1989),*

its institutional development has stagnated for a long time. The author proposes an analytical approach focusing on the evolution of the constitutions of Morocco, Algeria, Tunisia, Libya, and Mauritania as indicators of the ideological and strategic priorities of these states. A compar-

ative analysis reveals ambiguities in the perception of a common identity. The concept of the “Greater Maghreb” appears to be an element of political discourse rather than an unconditional basis for solidarity. Its active constitutional entrenchment is characteristic of Algeria and Morocco, which is explained by their rivalry and internal factors. In other countries of the region, its representation is restrained or absent, which is interpreted as a distancing from the ambitions of more powerful neighbors. The final conclusion indicates that the evolution of constitutional formulations reflects not only the diversification of Maghreb countries’ strategies, but also a fundamental ideological divide and a deliberate distancing of national identities. Genuine regional consolidation remains impossible without overcoming both these deep-seated contradictions and the key systemic barrier—the conflict over Western Sahara, for which there are currently no visible signs of resolution. In the foreseeable future, interaction will likely develop within a pragmatic, problem-oriented framework rather than through the implementation of large-scale supranational projects.

KEYWORDS: *Maghreb unity, regional Maghreb integration, the concept of the “Greater (Arab) Maghreb”, constitutions of the Maghreb states, Arab Maghreb Union (AMU).*

References

- Barnett M.N. (1998). *Dialogues in Arab Politics: Negotiations in Regional Order*. New York: Columbia University Press, 376 pp.
- Chitour Ch.-E. (1995). *Politics and the New International Oil Order*. Alger: Editions Dahlab, 597 pp. (in French).
- Hernando de Larramendi M., Thieux L. (2022). The Algeria-Morocco rivalry in a changing landscape. *Afkar ideas: Quarterly Journal for Dialogue Between the Maghreb, Spain, and Europe*. No. 67, pp. 38–41 (in Spanish).
- Ismael T.Y. (2004). *The Communist Movement in the Arab World*. 1st ed. London: Routledge, 224 pp. DOI: 10.4324/9780203312315.
- Kovtunov A.G. (1998). *Problems of Integration of the Maghreb Countries (80s – mid-90s)*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies, 194 pp. (in Russian). Available at: http://book.iimes.su/wp-content/uploads/1998/r98reg_1.pdf, accessed 07.01.2026.
- Lan Y. (2025). Discord between ‘Maghrebi brothers’: Morocco-Algeria interstate and intrastate conflicts, 1962–1964. *The Journal of North African Studies*. Vol. 31, no. 3, pp. 498–527. DOI: 10.1080/13629387.2025.2505875.
- Landa R.G. (1991). *From the Ruins of Carthage to the Peaks of Atlas*. Moscow: Nauka. GRVL, 163 pp. (in Russian).
- Legrenzi M. (2015). *The GCC and the International Relations of the Gulf: Diplomacy, Security and Economic Coordination in a Changing Middle East*. London: I.B. Tauris, 204 pp.
- Lowi M.R. (2009). *Oil Wealth and the Poverty of Politics: Algeria Compared*. Cambridge: Cambridge University Press, 248 pp.
- Miller S.G. (2013). *A History of Modern Morocco*. Cambridge: Cambridge University Press, 306 pp.
- Novikov M.S., Novikov S.V. (2019). Colonial policy of Morocco and Mauritania in Western Sahara: geopolitical and military aspects. *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. No. 4, pp. 35–44 (in Russian).
- Podgornova N.P. (2016). *The Maghreb Countries in Search of the Optimal Path of Development (Collection of Articles)*. Moscow: Institute of the Middle East (in Russian). Available at: <http://book.iimes.su/wp-content/uploads/main/281Podgornova2016.pdf>, accessed 07.01.2026.

Ryan C.R. (2009). *Inter-Arab Alliances: Regime Security and Jordanian Foreign Policy*. Gainesville: University Press of Florida, 264 pp.

Sapronova M.A. (1999). *Politics and the Constitutional Process in Algeria (1989–1999)*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 165 pp. (in Russian).

Silverstein P.A. (2013). The pitfalls of transnational consciousness: Amazigh activism as a scalar dilemma. *The Journal*

of North African Studies. Vol. 18, no. 5, pp. 768–778.

Veselov A.Yu. (2017). On the problem of regional integration in the Maghreb countries. *Institute of the Middle East* (in Russian), 7 February. Available at: <https://www.iimes.ru/?p=32437>, accessed 11.03.2026.

Zinin Yu. (2017). Berber Factor in North Africa: Common Features and Local Peculiarities. *Journal of International Analytics*. No. 1, pp. 42–51 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-1-42-51.

В национальном разрезе

УДК 327(1*CN::4)EC:323.396
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.11

Образ Европейского союза в восприятии политических элит и аналитических центров КНР

Анна Игоревна ЛУПАЛЬЦОВА

преподаватель кафедры интеграционных процессов
МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-7174-2234

ЦИТИРОВАНИЕ: Лупальцова А.И. Образ Европейского союза в восприятии политических элит и аналитических центров КНР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 196–215.
DOI: 10.31249/kgt/2026.01.11

Статья поступила в редакцию 11.12.2025.

Исправленный текст представлен 17.03.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется восприятие Европейского союза (ЕС) китайскими политическими элитами и экспертным сообществом, а также динамика его изменений в 2003–2023 гг. Методологическую основу составляет теория образов в интерпретации Р. Херрманна и М. Фишеркеллера. Цель исследования – проследить трансформацию образа ЕС в китайском дискурсе и определить, как эти изменения влияли на политику Китайской Народной Республики (КНР) в отношении Евросоюза. Особое внимание уделяется сравнению официального и экспертного дискурсов исходя из предпосылки, что аналитическое сообщество играет значимую роль в формировании внешнеполитических ориентаций Китая и точнее отражает содержатель-

ные сдвиги во внешнеполитическом курсе. Эмпирическую базу официального дискурса составляет качественный контент-анализ 56 источников: заявлений председателя КНР, премьера Госсовета, министра иностранных дел, главы миссии Китая при ЕС, а также стратегических документов. Анализ экспертного дискурса опирается на 101 программный документ 6 ведущих китайских аналитических центров. Помимо 5 классических идеал-типических образов «другого» («враг», «союзник», «вырожденец», «империя», «колония»), в исследовании используется дополнительная категория – «соперник», что позволяет точнее описать специфику китайско-европейских отношений. В заключении делается вывод, что первоначальный образ ЕС как «союзника» постепенно

уступил место образам «соперника» и «вырожденца», хотя отдельные элементы союзнической риторики сохраняются. Посредством системного сопоставления официального и экспертного дискурсов выявлены ключевые этапы и поворотные точки эволюции восприятия ЕС, демонстрирующие устойчивую связь между трансформацией образа и практической политической КНР в отношении Евросоюза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНР, ЕС, китайско-европейские отношения, восприятие, теория образов, дискурс, соперничество, контент-анализ.

Усложнение международной конъюнктуры последних лет, сопровождаемое ростом нестабильности и усилением неопределенности, представляет собой один из ключевых факторов формирования нового полицентричного мирового порядка. В этих условиях Китайская Народная Республика и Европейский союз выступают значимыми центрами силы, а динамика их взаимодействия оказывает заметное воздействие на широкий спектр международных процессов. Соответственно, отношения между ЕС и КНР остаются объектом устойчивого научного интереса. Настоящее исследование призвано внести вклад в данный академический дискурс посредством анализа эволюции восприятия Европейского союза китайской политической элитой и аналитическими центрами, а также выявления того, каким образом трансформация этих представлений коррелирует с развитием китайско-европейских отношений.

Изучение восприятия в международных отношениях представляет собой сложную и многогранную область, находящуюся в поле внимания иссле-

дователей уже не одно десятилетие. В научной литературе накоплено множество подходов к его концептуализации. Так, Роберт Джервис анализирует феномен ошибочного восприятия, способного формировать замкнутый цикл эскалации конфликтности вследствие неправильной интерпретации действий «другого» [Jervis, 1976]. Ричард Херрманн, опираясь на разработки Р. Аксельрода, А. Джорджа, О. Холсти, К. Боулдинга, Р. Коттэма и других исследователей, рассматривает роль стереотипов в формировании образов внешнеполитических акторов [Herrmann, 2013, p. 341–351].

На основе идей этих авторов Херрманн совместно с Майклом Фишеркеллером впоследствии разработал концепцию в рамках теории образов, в центре которой лежит стереотипизация «другого» по 5 ключевым идеал-типическим категориям: «враг», «союзник», «империя», «колония» и «вырожденец» [Herrmann, Fisher-keller, 1995]. Именно этот подход послужил методологической основой настоящего исследования. Кроме того, он был дополнен категорией «соперник», характеризующей восприятие «другого» как препятствия для достижения интересов актора (подробнее см. [Kaveshnikov, Lupaltsova, 2024, p. 63–64]).

Получившиеся идеал-типические образы, относящиеся к восприятию Европейского союза, представлены в следующем виде:

1. Образ «врага» – ЕС воспринимается как угроза: его возможности сопоставимы или превосходят китайские, его мотивация противоречит интересам КНР, а политическая система оценивается как иная и менее эффективная. Это наиболее негативный из типовых образов.

2. Образ «союзника» – ЕС рассматривается как партнер для сотрудни-

чества: его возможности сопоставимы с китайскими, мотивация созвучна интересам Китая, а институциональное устройство близко или аналогично китайскому. Данный образ носит позитивный характер.

3. Образ «соперника» – ЕС воспринимается как вызов: его возможности на уровне Китая, однако мотивация препятствует целям Пекина. При этом политическая система оценивается как отличная и менее эффективная. Этот образ носит преимущественно негативный оттенок, но менее враждебный, чем образ «врага».

4. Образ «вырожденца» – ЕС представляется как актер в упадке, а ввиду этого и как объект для возможной эксплуатации: его возможности значительно уступают китайским или находятся на одном уровне, мотивация и система принятия решений выглядят хаотичными. Образ в целом негативный.

5. Образ «колонии» – ЕС представляется податливым на внешнее влияние: его возможности слабы, мотивация эгоистична, а политическая система лишена внутренней согласованности. В зависимости от трактовки его мотивации (совпадает или нет с китайскими интересами) данный образ может быть как положительным, так и отрицательным.

6. Образ «империи» – ЕС представлен как эксплуататор с превосходящими возможностями и мотивацией, угрожающей интересам КНР, в том числе внутренним. При этом политическая система признается отличной, но эффективной.

На основе качественного контент-анализа высказываний китайских политических деятелей и экспертов, в которых отражалось восприятие как минимум одной из трех категорий анализа – возможностей, мотивации и политической культуры (лиц, прини-

мающих решения), – осуществлялось соотнесение выявленных характеристик с одним из 6 идеал-типических образов. Каждому тексту присваивалось от 0 до 3 баллов в зависимости от наличия релевантной информации по каждому из критериев, при этом методология допускала присутствие в одном тексте признаков, соответствующих нескольким образам. В таких случаях баллы распределялись между ними пропорционально.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2003 по 2023 г., что обусловлено динамикой двусторонних отношений между КНР и ЕС, включающей как их подъем, так и последующее осложнение. В связи с этим анализ трансформации восприятия Европейского союза Китаем в указанный период представляется значимым как для выявления устойчивых тенденций, так и для оценки потенциальных сценариев дальнейшего развития отношений. Кроме того, эволюция восприятия «другого» сопряжена не только с действиями «другого», но и с конструированием собственной внешнеполитической идентичности, так как восприятие «другого» одновременно отражает свои стратегические интересы и формирует представления о собственной роли в международной системе.

Цель данного исследования – комплексно проанализировать восприятие образа Европейского союза Китайской Стороной на двух уровнях: официально-политическом и экспертно-аналитическом (на базе материалов мозговых центров). Такой двухуровневый подход обеспечивает более многомерное рассмотрение проблемы и позволяет сформировать объективное представление о том, каким образом Европейский союз воспринимается в китайском политическом и интеллектуальном пространстве.

Анализ официального дискурса

В 2003–2023 гг. было собрано 53 заявления высокопоставленных китайских должностных лиц. С учетом 3 стратегических документов КНР, посвященных Европейскому союзу (2003, 2014 и 2018 гг.), в корпус анализа вошли 56 источников, включающих, помимо стратегий, официальные выступления, статьи и интервью.

Таблица 1. Описание массива данных

Table 1. Description of the database

Должность	Количество документов
Председатель КНР	4
Премьер Госсовета КНР	5
Министр иностранных дел КНР	4
Глава миссии КНР при ЕС	44

Составлено автором.

Следует отметить, что за ряд лет выявить публичные заявления в открытом доступе не удалось. Речь идет прежде всего о трех периодах: 2007–2009, 2011–2013 и 2021–2022 гг. Подобные лакуны могут объясняться как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими обстоятельствами. Так, 2007–2009 и 2021–2022 гг. характеризовались ухудшением динамики в отношениях между КНР и ЕС, в связи с чем Китайская Сторона, традиционно отличающаяся осторожностью в публичной риторике, вероятно, ограничивала количество официальных заявлений. Период 2011–2013 гг. связан с постепенной передачей власти от 4-го поколения руководителей КНР к 5-му во главе с Си Цзиньпином, что также сопровождалось

повышенной сдержанностью в международных заявлениях и могло привести к сокращению публичных высказываний китайских официальных лиц по тематике, затрагиваемой в исследовании.

Кроме того, по итогам предварительного анализа было принято решение исключить два идеал-типических образа – колонии и империи – ввиду их крайне низкой представленности в собранном корпусе источников. Их включение не позволило бы обеспечить достаточную аналитическую достоверность и, следовательно, не способствовало бы достижению исследовательской цели. Примененный методологический подход в рамках качественного контент-анализа обобщен в таблице 2.

Результаты исследования представлены на рисунке 1. Наиболее существенный рост числа официальных заявлений наблюдается в 2018 г., что обусловлено совокупностью взаимосвязанных факторов. Во-первых, в этот период была опубликована третья и на настоящий момент последняя Стратегия КНР в отношении ЕС, отличающаяся более жесткой риторикой и расширенным перечнем требований к Европейской Стороне (например, требование о невмешательстве во внутренние дела Гонконга и Макао). Во-вторых, Европейский союз ввел ряд ограничительных мер в отношении китайской стальной продукции, включая антидемпинговые пошлины на отдельные виды нержавеющей труб и кабелей¹, а также временные защитные меры на импорт стальных изделий², что коррелировало с аналогичными шагами, предпринятыми США. Поскольку в 2018 г. Китай занимал 4-ю позицию

1 Commission Implementing Regulation (EU) 2018/330 of 5 March 2018 imposing a definitive anti-dumping duty on imports of certain seamless pipes and tubes of stainless steel originating in the People's Republic of China following an expiry review pursuant to Article 11 (2) of Regulation (EU) 2016/1036 of the European Parliament and of the Council // European Union law. – 2018. – March 30. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_impl/2018/330/oj/eng?utm (дата обращения: 01.03.2026).

2 Commission implementing regulation (EU) 2018/1013 of 17 July 2018 imposing provisional safeguard measures with regard to imports of certain steel products // European Union law. – 2018. – July 18. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?from=ET&uri=CELEX%3A32018R1013&utm> (дата обращения: 01.03.2026).

Таблица 2. Параметры анализа и примеры

Table 2. Criteria of analysis and illustrative examples

Образ \ Параметр	Восприятие возможностей	Восприятие мотивации	Восприятие системы принятия решений (политической культуры)
1	2	3	4
«Враг»	Сопоставимые 1) Официальная риторика: 欧方应...停止利用个案干涉中国司法主权和内政 (ЕС необходимо прекратить использовать отдельные случаи для вмешательства в судебный суверенитет и внутренние дела КНР) ³ . 2) Аналитический дискурс: 欧[盟]滥用民主、人权等价值观议题干涉其内政早已极为 (ЕС использует права человека, демократию и другие ценности как предлог для вмешательства во внутренние дела) [Чжан, 2021]	Негативное	Сильно отличающаяся система, негативное восприятие Аналитический дискурс: 以法治国家典范自居的有些欧洲人却公然违背这些准则行事, 常以普世价值的代表自居, 对中国的内部事务说三道四, 甚至横加干涉 (Считая себя примером правового государства, некоторые европейские страны, тем не менее, нарушают этот принцип, воображая себя носителями общечеловеческих ценностей и делая безосновательные утверждения о внутренних делах Китая и даже вмешиваясь в них) [Мэй, 2018]
«Соперник»	Сопоставимые 1) Официальная риторика: 双方在人权等意识形态问题和经贸等发展问题上存在分歧与摩擦 (Между сторонами сохраняются разногласия и трения как по идеологическим вопросам, включая права человека, так и по вопросам развития, таким как торговля и экономика) ⁴ .	Вызывает беспокойство 1) Официальная риторика: 不能将经贸问题政治化, 否则只会使有关问题更难解决, 给双方经贸投资合作制造障碍 (Нельзя политизировать вопросы торговли и экономики, иначе это только усложнит их решение и создаст препятствия для торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между сторонами) ⁵ .	Отличная, вызывает беспокойство 1) Официальная риторика: 欧洲议会决议对香港广大民众要求维护和平法治的声音选择性失聪, 反而指责香港特区政府依法施政 (Резолюция Европейского парламента проявляет избирательную глухоту к голосам широкой общественности Гонконга, выступающей за сохранение мира и верховенства закона, и вместо этого обвиняет

3 Основной документ Китая в отношении ЕС: Углубление взаимовыгодного и бесприоритетного всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и ЕС = 中国对欧盟政策文件: 深化互利共赢的中欧全面战略合作伙伴关系 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2014. – 4 февраля. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201404/t20140402_327132.shtml (дата обращения: 01.02.2026).

4 Там же.

5 Посол Ян Яньи, глава миссии КНР в ЕС: Сотрудничество между Китаем и ЕС расширило сферу общих интересов = 中国驻欧盟使团团长杨燕怡大使: 中欧合作做大了共同利益的蛋糕 // Госсовет КНР = 中国政府网. – 2017. – 31 мая. – Кит. яз. – URL: www.gov.cn/xinwen/2017-05/31/content_5198326.htm (дата обращения: 01.02.2026).

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
	2) Аналитический дискурс: ЕС обладает уникальной силой единолично трансформировать глобальный рынок) [Лу, 2021]	2) Аналитический дискурс: «Министры ЕС активно создают дискурс противостояния между демократией и автократией, втягивая весь Китай, чтобы заставить его склониться к Западу» [Лю, 2023]	правительство специального административного района в законном осуществлении управления) ⁶ . 2) Аналитический дискурс: «В последние годы, особенно после того как новые лидеры пришли к власти в 2019 г., позиционирование ЕС в международных отношениях изменилось, политика в отношении Китая сосредоточилась по большей части на соперничестве и конфронтации» [Чжан, 2022]
«Союзник»	Сопоставимы/слабее 1) Официальная риторика: «ЕС поддерживает многогранную, активную и стабильную политику в отношении Китая, и Европейский союз придерживаются принципов многосторонности, активно продвигают демократизацию и правовое регулирование международных отношений, являясь важными силами в деле»	Позитивное 1) Официальная риторика: «Министры ЕС также уважают право Китая самостоятельно выбирать путь развития» ⁷ . 2) Аналитический дискурс: «Вне зависимости от того, является ли это сферой экономического восстановления,	Сопоставимая, позитивное 1) Официальная риторика: «Министры ЕС тепло поздравили с успешным проведением Международного форума по сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и путь»,

6 Посол Чжан Мин, глава миссии Китая в ЕС, опубликовал в СМИ ЕС статью под названием «Поддержание процветания и стабильности Гонконга требует соблюдения верховенства закона» = 驻欧盟使团团长张明大使在欧盟媒体发表署名文章《维护香港的繁荣稳定必须坚持法治原则》// Представительство КНР в ЕС. – 2019. – 26 июля. – Кит. яз. – URL: https://eu.china-mission.gov.cn/dswz2017001/20190726_8341131.htm (дата обращения: 15.02.2026).

7 Через открытость стремиться к развитию, через сотрудничество достигать взаимовыигрыша = 以开放谋发展，以合作促共赢 // Представительство КНР в ЕС. – 2018. – 1 декабря. – Кит. яз. – URL: https://eu.china-mission.gov.cn/dswz2017001/201812/t20181201_8341123.htm (дата обращения: 15.02.2026).

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
	поддержания мира и стабильности в мире)⁸. 2) Аналитический дискурс: 欧盟的格言是“多元一体”,中国人讲“和而不同”,二者的实质是一致的 (Девиз ЕС – «единство в многообразии», в то время как Китая – «сосуществование в гармонии, несмотря на разность мнений», и они оба одинаковые) [Чжу, 2019]	экологические вопросы или глобальные и региональные проблемы, которые влияют на европейскую безопасность и стабильность, ЕС надеется укрепить сотрудничество и координацию с Китаем) [Ван, 2021]	выразили готовность к дальнейшей координации инициативы «Пояс и путь» с Европейским инвестиционным планом и выразили уверенность, что реализация инициативы «Пояс и путь» откроет более широкие возможности для сотрудничества ЕС с Китаем)⁹. 2) Аналитический дискурс: 最近一段时间, 欧洲国家以及欧盟领导人释放了不少希望与中国保持合作的信号, 这无疑与欧洲的新形势新考虑有关 (В последнее время европейские государства и ЕС сигнализировали о надежде на сохранения сотрудничества с Китаем, что коррелирует с новой ситуацией и новой озабоченностью Европы) [Фэн, 2023]
«Выврожденец»	Сопоставимы/слабее 1) Официальная риторика: 欧盟频频炒作所谓中国钢铁过剩产能, 本质上是贸易保护主义 (Европейский союз неоднократно раздувает проблему так называемого избыточного производства стали в Китае, что по сути является проявлением торгового протекционизма)¹⁰. 2) Аналитический дискурс: <i>Perplexed by internal and external crises, or attempting</i>	Негативное 1) Официальная риторика: 不过, 部分欧洲人士的言论罔顾事实, 是非不分, 侵犯了中国主权, 干涉了中国内政, 也违背了基本的法治原则...针对这种公开明显的“双重标准”, 我们不禁要问, 他们居心何在 (Однако некоторые высказывания европейских представителей игнорируют факты, не различают правильное и неправильное,	Отличная и хаотичная 1) Официальная риторика: 一些欧洲朋友面对中国的快速发展产生了一些不适感, 在认识和处理对华关系时, 过度强调甚至畏惧中欧之间的良性竞争, 出现一些内顾保守的倾向, 影响了中国企业投资者的信心 (Некоторые европейские партнеры испытывают определенный дискомфорт перед быстрым развитием Китая. При выстраивании

8 Углублять отношения между Китаем и ЕС и укреплять всестороннее сотрудничество = 深化中欧关系、加强全面合作 // Госсовет КНР = 中国政府网. – 2004. – 9 декабря. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_63277.htm (дата обращения: 15.02.2026).

9 Открытость и сотрудничество являются ключевыми словами встречи лидеров Китая и ЕС = 开放、合作是中欧领导人会晤关键词 // Цифровая газета «Гуанмин» = 光明数字报. – 2017. – 6 июня. – Кит. яз. – URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2017-06/06/nw.D110000gmrb_20170606_2-10.htm (дата обращения: 15.02.2026).

10 Глава миссии Китая в ЕС: Саммит G20 в Ханчжоу имеет множество значений для ЕС = 中国驻欧盟使团团长: G20杭州峰会 对 欧盟 有 诸多 意义 // Международное радио Китая онлайн = 国际在线. – 2016. – 18 августа. – Кит. яз. – URL: <https://news.cri.cn/20160818/96d3c59b-7418-a8ad-e846-207bd6c115dd.html> (дата обращения: 25.02.20256).

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
	<i>to save face as a weakening union by being tough on China</i> ((ЕС) озадачен внутренними и внешними кризисами или пытается сохранить лицо слабеющего союза, проявляя жесткость по отношению к Китаю)¹¹	нарушают суверенитет Китая, вмешиваются во внутренние дела страны и противоречат базовым принципам верховенства закона<...>. В свете явного применения «двойных стандартов» невозможно не задаться вопросом о их истинных намерениях)¹². 2) Аналитический дискурс: <i>EU is experiencing a tough time and may seek to assert its authority by ramping up inspections and reviews, but the EU may have hit a dead end</i> (ЕС переживает трудные времена и, возможно, попытается утвердить свой авторитет путем усиления инспекций и проверок, но ЕС, возможно, зашел в тупик) [Cui, 2017]	отношений с Китаем они чрезмерно акцентируют внимание на конкуренции между Китаем и ЕС, порой воспринимая ее как угрозу, что проявляется в консервативных внутренних подходах и негативно сказывается на доверии к китайским компаниям и инвесторам)¹³. 2) Аналитический дискурс: <i>至于中欧投资协定, 稍微有战略思维的欧洲各国领导人都认为要推进, 但是不懂事的欧洲议会和成员国政客, 拿价值观说事, 冻结了批准进程, 短期看不到解冻可能</i> (Что касается Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, всего несколько стратегически думающих европейских лидеров понимают, что его нужно продвигать, однако невежественные политики из европейского парламента и государств-членов, используя ценности в качестве оправдания, заморозили процесс одобрения, и признаков размораживания в ближайшей перспективе не предвидится) [Ван, 2022]

Составлено автором.

11 Cui H. Shortsighted EU Sacrifices China Cooperation // Global Times. – 2016. – July 26. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/996694.shtml> (дата обращения: 01.03.2026).

12 Посол Чжан Мин, глава миссии Китая в ЕС, опубликовал в СМИ ЕС статью под названием «Поддержание процветания и стабильности Гонконга требует соблюдения верховенства закона» = 驻欧盟使团团长张明大使在欧盟媒体发表署名文章《维护香港的繁荣稳定必须坚持法治原则》// Представительство КНР в ЕС. – 2019. – 26 июля. – Кит. яз. – URL: https://eu.china-mission.gov.cn/dswz2017001/201907/t20190726_8341131.htm (дата обращения: 01.03.2026).

13 В новую эпоху укрепим уверенность и достигнем новых достижений = 在新时代坚定信心, 创造成果 // Mission of the People's Republic of China to the European Union. – 2019. – 10 сентября. – Кит. яз. – URL: https://eu.china-mission.gov.cn/dswz2017001/201909/t20190910_8341133.htm.

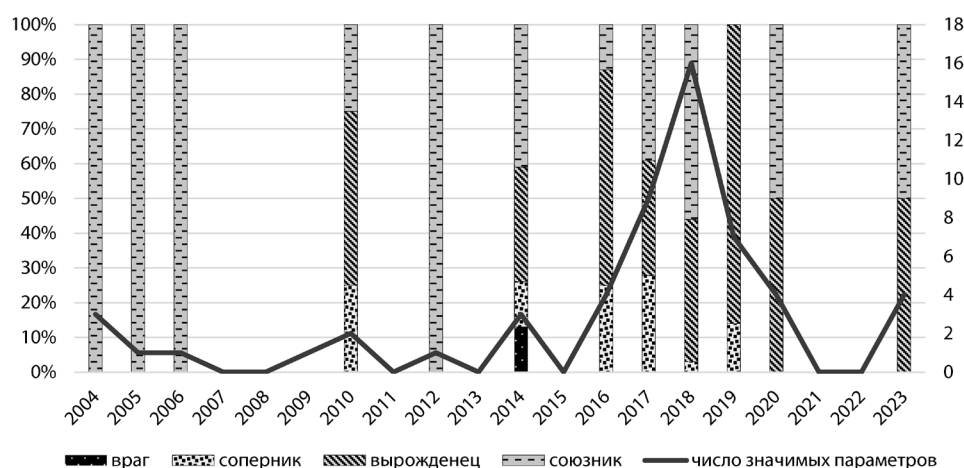

Рисунок 1. Эволюция образа ЕС в китайском официальном дискурсе

Figure 1. Evolution of the image of EU in Chinese official discourse

Составлено автором.

среди поставщиков стальной продукции на рынок ЕС¹⁴, данные решения были восприняты Пекином как чувствительные. Это отразилось в официальном дискурсе Китайской Стороны, в котором усилились критика «торгового протекционизма» и акцент на необходимости соблюдения принципов свободной торговли и равных условий участия в международных рынках.

Таким образом, эволюция образа Европейского союза в восприятии китайской политической элиты может быть условно разделена на следующие этапы:

1. ЕС как «союзник» (2003–2006) – период преимущественно позитивного восприятия, связанного с активизацией двустороннего политического диалога и институционализацией всеобъемлющего стратегического партнерства.

2. Усиление образа «вырожденца» и появление элементов соперничества (2010–2016) – этап, характеризующий-

ся ростом критики в адрес ЕС, акцентом на его внутренней фрагментации и институциональной слабости, а также формированием представлений о потенциальной конкуренции в отдельных политико-экономических сферах.

3. Сочетание образов «союзника» и «вырожденца» (2017–2023) – период амбивалентного восприятия, когда элементы кооперации сосуществуют с нарастающим скепсисом, отражающим обострение разногласий по вопросам ценностей, международной безопасности и экономической политики.

Анализ экспертного дискурса

Следующий уровень анализа – экспертный. Для формирования эмпирической базы были отобраны 6 авторитетных китайских аналитических центров (таблица 3). Такой набор институтов обеспечивает репрезентативность аналитического дискурса и позволяет выявить ключевые тен-

14 Steel Imports Report: European Union // Department of Commerce of the USA. – 2019. – URL: <https://legacy.trade.gov/steel/countries/pdfs/imports-eu.pdf?utm> (дата обращения: 01.03.2026).

Таблица 3. Описание массива данных
Table 3. Description of the database

Мозговой центр	Профиль исследований	Количество документов
中国社会科学院欧洲研究所 (Институт европейских исследований Китайской академии общественных наук)	европейские исследования	37
中国人民外交学会 (Китайский народный институт иностранных дел)	международные отношения	5
中国欧洲学会 (Китайская ассоциация европейских исследований)	европейские исследования	6
中国新代国际关系研究院(Китайский институт современных международных отношений)	международные отношения	13
中国国际问题研究院 (Китайский институт международных исследований)	международные отношения	22
中国社会科学院 (Китайская академия общественных наук) ¹⁵	широкий профиль	16

Составлено автором.

денции в эволюции восприятия ЕС китайским экспертно-аналитическим сообществом.

Целью исследования являлся сбор полного массива аналитических и программных материалов, опубликованных выбранными структурами в 2003–2023 гг. и посвященных Европейскому союзу. Однако из-за ограниченного доступа к архивным документам в итоговую выборку вошли материалы, охватывающие 2016–2023 гг. Недостаточное представительство источников более раннего периода может объясняться несколькими факторами. Во-первых, активизация деятельности китайских аналитических центров, равно как и возросшее внимание к европейской тематике, совпадает по времени с приходом к власти Си Цзиньпина, что связано как с масштабными внутренними преобразованиями, так и с изменением внешнеполитического позиционирования КНР. Во-вторых, большинство ана-

литических институтов в Китае традиционно ориентированы на подготовку экспертных заключений для государственных органов, а не на публичное распространение материалов, вследствие чего значительная часть исследований не публикуется в открытом доступе. В-третьих, значительный объем документов раннего периода, по-видимому, не был оцифрован и остается недоступным онлайн.

В результате был сформирован корпус из 104 документов – от кратких аналитических записок до развернутых исследований. Аналогично анализу официальной риторики идеал-типические образы империи и колонии были исключены из рассмотрения ввиду их крайне низкой представленности в собранных материалах.

Основные результаты исследования представлены на рисунке 2. Повышенное внимание китайских экспертов к тематике ЕС становится особенно за-

15 Несмотря на то что Китайская академия общественных наук не является мозговым центром, специализирующимся на международных отношениях, она была включена в список ввиду того, что был обнаружен достаточный объем исследований на тему отношений КНР – ЕС.

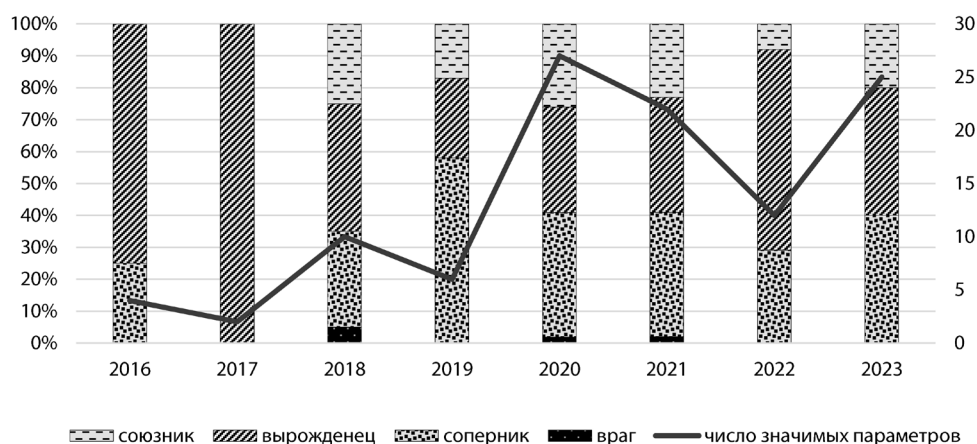

Рисунок 2. Эволюция образа ЕС в китайском аналитическом дискурсе

Figure 2. Evolution of the image of EU in Chinese analytical discourse

Составлено автором.

метным после 2019 г. – периода, когда Европейская комиссия впервые обозначила Китай одновременно как «партнера, конкурента и системного соперника». Существенный рост интереса к Европейскому союзу в 2020–2023 гг. также совпадает с рядом ключевых событий в двусторонних отношениях: введением взаимных санкций, отказом Европейского парламента от ратификации Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, а также усилением озабоченности Брюсселя позицией Китая в контексте российско-украинского конфликта.

Анализ динамики восприятия Европейского союза в экспертной среде КНР позволяет выделить два ключевых этапа трансформации его образа:

1. Европейский союз как «выродец» (2016–2018): в этот период эксперты акцентировали внимание на ограниченной способности ЕС к оперативной реакции на кризисные ситуации и внутренней разобщенности, что отражало восприятие его как института с ослабленными возможностями влияния на международную арену.

2. Усиление элементов соперничества (2019–2023): начиная с 2019 г. на фоне обострения двусторонних отношений и определения Китая Европейским союзом как «партнера, конкурента и системного соперника» в экспертных оценках возросло внимание к потенциальной конкуренции и противостоянию интересов, при этом сохранялись элементы критической оценки возможностей и мотивации Европейского союза.

Сравнение результатов двух уровней анализа и выводы

Сопоставление результатов анализа восприятия Европейского союза в китайском официальном и аналитическом дискурсе выявляет заметные различия в интерпретации его образа. В официальных заявлениях высокопоставленных представителей КНР образ ЕС в целом представлен в более сдержанной и умеренной форме по сравнению с оценками аналитических центров. С середины 2010-х годов в

политическом дискурсе преобладают характеристики ЕС как «союзника» и «вырожденца». В то же время в экспертной среде образ «союзника» проявляется лишь фрагментарно, тогда как интерпретации ЕС как «вырожденца» и «соперника» оказываются более выраженными и системными.

Данная разница объясняется рядом факторов. Прежде всего, китайский официальный дискурс традиционно отличается сдержанностью и стремлением минимизировать конфронтацию. Особенно это проявлялось в период ускоренного экономического роста и расширения международного присутствия КНР, когда внешние наблюдатели усилили обеспокоенность возможными гегемонистскими амбициями Пекина. Так, уже к середине 2000-х годов в США и ЕС активизировались дискуссии о так называемой китайской угрозе, в рамках которых особое внимание уделялось масштабам военной модернизации, экспансии китайских инвестиций за рубежом и росту экономической зависимости от КНР [Yang, Liu, 2012]. В этом контексте официальные заявления китайского руководства выполняли важную стратегическую функцию – демонстрацию конструктивного подхода и приверженности принципам ответственного государства. Подобная риторическая стратегия объясняет преобладание акцента на партнерстве, взаимной выгоде и диалоге в публичных заявлениях даже на фоне усиливающихся экономических противоречий и геополитической конкуренции.

Кроме того, в официальных заявлениях Китайская Сторона последова-

тельно отвергает квалификацию КНР Европейским союзом как «системного соперника», что подчеркивается как министром иностранных дел Китая Ван И¹⁶, так и послами КНР в ЕС¹⁷.

Наконец, следует отметить, что более сдержанная риторика китайских политических элит в конце 2010-х годов объясняется не только общими принципами внешнеполитической стратегии КНР, но и рядом прагматических факторов, связанных с международной и региональной динамикой. В этот период Китай стремился поддерживать дружественно-нейтральные отношения с ЕС, чтобы минимизировать риск того, что Брюссель будет следовать линии Вашингтона в вопросах, касающихся Китая, включая торгово-экономическую, технологическую и геополитическую сферы. В частности, это относилось к торговым конфликтам, вопросам кибербезопасности и технологического соперничества, а также региональным кризисам, таким как обострение ситуации в Южно-Китайском море.

Следует подчеркнуть, что позиции экспертов китайских аналитических центров чаще отражают реальные действия Пекина, чем официальную риторику, особенно после 2020 г. К ключевым событиям этого периода относятся введение Китаем ответных санкций против ряда европейских чиновников в ответ на аналогичные меры ЕС. Кроме того, обращает на себя внимание различие в протоколах и приемах официальных лиц ЕС: в 2023 г. президент Франции Эмманюэль Макрон был принят с традиционными почестями, тогда как председатель Европейской комис-

16 Ван И обсуждает построение четырехстороннего партнерства между Китаем и Европой = 王毅谈建设中欧四方面伙伴关系 // МИД КНР = 中华人民共和国外交部. – 2020. – 31 августа. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679134/xgxw_679140/202008/t20200831_9338870.shtml (дата обращения: 12.02.2026).

17 Например, см.: Посол Чжан Мин, глава миссии Китая в ЕС, опубликовал во французском издании журнала *China Today* статью под названием «Многосторонность – общий язык Китая и ЕС» = 驻欧盟使团团长张明大使在《今日中国》杂志法文版发表署名文章: 多边主义是中欧的共同语言 // Представительство КНР в ЕС. – 2020. – 13 января. – Кит. яз. – URL: https://eu.china-mission.gov.cn/dswz2017001/202001/t20200113_8341140.htm (дата обращения: 20.02.2026).

сии Урсула фон дер Ляйен не получила аналогичного уровня официального внимания¹⁸.

Наконец, представляет интерес тот факт, что, несмотря на относительно сдержанную риторику, позиция китайских политиков во многом совпадает с оценкой экспертов относительно образа «вырожденца». Отмечаются признаки относительного упадка ЕС, его ограниченная самостоятельность в принятии решений и восприимчивая к внешнему влиянию структура. Вместе с тем официальная риторика Китая традиционно смягчает такие акценты, подчеркивая надежду на сильную, независимую и устойчивую Европу. Этот подход отражает прагматичный баланс между признанием объективных слабостей ЕС и стремлением поддерживать стратегически важное партнерство, избегая чрезмерной конфронтации.

Учитывая заметное различие между дискурсом аналитического сообщества и официальной риторикой политических элит, возникает вопрос о характере их взаимосвязи: формируют ли экспертные оценки официальную позицию КНР или, напротив, аналитическое сообщество лишь воспроизводит уже заданные политические установки? С одной стороны, необходимо учитывать институциональный контекст деятельности китайских аналитических центров. Большинство организаций, использованных в данном исследовании, прямо или косвенно аффилированы с государственными структурами КНР, что неизбежно влияет на рамки их экспертных оценок. С другой стороны, ряд исследований показывает, что аналитическое сообщество способно оказывать влияние на процесс выработки политических решений (см.,

например, *Weaver*, 1989; *Zhu*, 2012). Многие исследователи также обращают внимание на значительную роль аналитических центров в формировании внешнеполитического курса Китая [*Cheng*, 2008; *Grünberg, Stec*, 2024; *Чжан, Фан*, 2018]. Кроме того, проведенный анализ показывает, что оценки, предлагаемые аналитиками, зачастую носят более критический характер и нередко точнее отражают базовые установки китайского правительства, включая отношение к Европейскому союзу, чем это можно увидеть в официальной риторике. Следовательно, можно говорить о существовании двустороннего процесса. С одной стороны, китайские эксперты выступают своеобразным «рупором» государства, транслируя более откровенные и аналитически насыщенные оценки. С другой стороны, сами аналитические центры также служат инструментом, с помощью которого политическая элита формирует и артикулирует внешнеполитическую позицию КНР.

Резюмируя, эволюцию образа ЕС в Китае в 2003–2023 гг. можно охарактеризовать следующим образом:

1. ЕС как «союзник» (2003–2006, официальная позиция): на начальном этапе формирования стратегического партнерства между КНР и ЕС официальные заявления Китайской Стороны подчеркивали дружественный и конструктивный характер двусторонних отношений. Европейский союз рассматривался как надежный партнер для сотрудничества в политической, экономической и технологической сферах.

В соответствии с образом «союзника» предпринимались шаги, направленные на расширение сотрудничества.

18 Лупальцова А.И. Реакция Пекина на европейский «дипломатический марш» // РСМД. – 2023. – 19 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/reaktsiya-pekina-na-evropeyskiy-diplomaticeskij-marsh/> (дата обращения: 27.12.2025).

Так, в 2003 г. Китай и ЕС официально объявили о создании Всеобъемлющего стратегического партнерства. Экономические взаимоотношения также демонстрировали динамичное развитие. В начале 2000-х годов рост был особенно заметен: только в 2003 г. экспорт ЕС в Китай вырос на 85%, а импорт из КНР в 2003–2004 гг. стабильно увеличивался примерно на 50% ежегодно [Виноградов, Лушик, 2017, с. 361]. Китай увеличивал объемы экспорта на европейский рынок, одновременно стимулируя приток европейских инвестиций в модернизацию собственной инфраструктуры и промышленной базы.

2. Переходный период с формированием образов «вырожденца» и «соперника» (2010–2016, официальная позиция и экспертное видение): в этот период восприятие ЕС в КНР стало более многогранным. Наряду с официальным признанием союзнических элементов усилились критические оценки, отражающие растущую сложность двусторонних отношений и изменившийся международный контекст. Если в начале рассматриваемого периода контакты активно расширялись (во многом благодаря приходу к власти Си Цзиньпина и запуску им ключевых инициатив, таких как «Один пояс – один путь» и формат «16+1» (сейчас «14+1»)), то к его завершению динамика изменилась. Уклонение ЕС от взятых на себя обязательств по предоставлению Китаю статуса рыночной экономики [Рогачев, 2016], а также критика в адрес Пекина из-за ситуации в Юж-

но-Китайском море¹⁹ подтолкнули Китайскую Сторону к переходу на более жесткую риторику и корректировке политического курса, в котором ЕС в большей степени соответствует образам «вырожденца» и «соперника».

Тем не менее официальная риторика сохраняла сдержанный тон: дипломатические заявления продолжали подчеркивать важность диалога и сотрудничества, хотя в экспертных публикациях уже отчетливо прослеживался более критический подход, выявляющий как слабые стороны ЕС, так и потенциальные точки противоречий между Брюсселем и Пекином.

3. Сохранение образа «союзника» в официальном дискурсе при признании «вырожденца» и проявление «соперничества» через фактический курс (2017–2023, официальная позиция и экспертная оценка): в последние годы официальная риторика КНР продолжает подчеркивать образ Европейского союза как «союзника». Одновременно признаются признаки относительного упадка ЕС и ограниченной самостоятельности в принятии решений, что соответствует категории «вырожденца». В то же время фактический политический курс Китая по ряду направлений демонстрирует элементы «соперничества»: введение ответных санкций²⁰, внимательное отслеживание координации ЕС с США, особенно в отношении КНР²¹, косвенное признание ответственности Европейского союза за ситуацию на востоке Украины²² и т.д. Этот дуализм отражает прагматичный

19 Китайский клин в Евросоюз никак не вбивается // Коммерсантъ. – 2018. – 6 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3677449> (дата обращения: 24.12.2025).

20 Chinese counter-sanctions on EU targets // European Parliament. – 2021. – May 19. – URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_ATA%282021%29690617 (дата обращения: 25.12.2025).

21 См., например: Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on December 3, 2021 // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. – 2021. – December 3. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lx-jzh/202405/t20240530_11347176.html (дата обращения: 25.12.2025).

22 Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on April 11, 2022 // Ministry of Foreign Affairs the People's Republic of China. – 2022. – April 11. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t20240530_11347260.html (дата обращения: 27.12.2025).

подход Пекина, сочетающий стремление к поддержанию партнерства и диалога с Евросоюзом с необходимостью защиты собственных стратегических интересов и реагирования на структурные вызовы международной среды. Экспертная оценка китайских аналитических центров подтверждает, что восприятие ЕС носит комплексный и многогранный характер, где элементы союзничества, соперничества и признаков упадка сосуществуют, формируя более реалистичную картину взаимодействия двух акторов.

Таким образом, эволюцию образа ЕС в КНР можно рассматривать как результат взаимодействия двух взаимосвязанных и взаимодополняющих процессов. С одной стороны, актор интерпретирует действия контрагента через призму уже сложившихся представлений. Это восприятие оказывает непосредственное влияние на формирование внешнеполитической линии по отношению к «другому». Подобная логика, как правило, носит взаимный характер: действия одной стороны неизбежно вызывают ответную реакцию другой, что способствует формированию своеобразных зеркальных образов и соответствующих стратегических установок. В связи с этим можно предположить, что в краткосрочной перспективе характер взаимодействия между Китаем и ЕС в целом сохранится в рамках модели, сложившейся к 2023 г.

С другой стороны, динамика восприятия определяется совокупностью разнородных факторов. Среди них – трансформация интересов самих акторов, изменения международной среды, а также влияние взаимодействия «другого» с иными участниками мировой политики. В долгосрочной перспективе это приводит к постепенной корректировке стратегий, которые стороны применяют друг к другу. Такие стратегии формируются на основе накопленного

опыта взаимодействия и его последующей интерпретации. Иными словами, трансформация восприятия зависит не только от действий «другого», но и от того, каким образом актор интерпретирует эти действия и интегрирует их в собственные когнитивные и нормативные рамки. Более того, подобные изменения затрагивают не только образ контрагента, но и представления акторов о собственной роли и миссии в международной системе, что приводит к трансформации самовосприятия «я». Для объяснения данного феномена применима теория ролевых моделей, предложенная К. Холсти [Holsti, 1970]. На 1-м этапе рассматриваемого периода – в начале и середине 2000-х годов – Китай воспринимал ЕС преимущественно как «союзника». В этих условиях его роль по отношению к Брюсселю можно охарактеризовать как «ориентированный на внутреннее развитие»: сотрудничество с Европой рассматривалось Пекином как инструмент ускорения внутренних экономических и технологических процессов. Однако по мере ухудшения восприятия и формирования более критических образов происходит и изменение ролевых установок. Изменившийся подход китайского руководства всё более активно подчеркивает статус великой державы и позиционирует страну как самостоятельный цивилизационный центр. В этой логике важную роль играют такие концепции, как «сообщество единой судьбы человечества» и дипломатия великих держав, активно продвигаемые китайским правительством. В терминологии К. Холсти подобную установку можно соотнести с ролью «активного и независимого» актора. Соответственно, восприятие действий ЕС в китайском дискурсе приобретает более сдержанный и прагматичный характер и в большей степени фокусируется вокруг образа «вырожденца», чью

нормативно-ценностную модель Пекин готов оспаривать, предлагая собственную альтернативу.

Эволюция образа Европейского союза в китайском официальном и аналитическом дискурсе отражает изменения в отношениях между Пекином и Брюсселем, а также устойчивые нарративы китайской риторики. На раннем этапе стратегического партнерства (2003–2006) ЕС представлялся Китаю перспективным актором, с которым возможно последовательное углубление политического и экономического взаимодействия. Однако с 2010-х годов заметно усиливается скепсис относительно способности Евросоюза обеспечивать автономность и институциональную согласованность, что смещает восприятие в сторону образа внутренне противоречивого и ослабленного субъекта. После 2017 г. в официальных заявлениях Китая сохраняется акцент на сотрудничестве, однако политическая практика и экспертные оценки всё яснее фиксируют усиление сопернического компонента, особенно на фоне взаимных санкций и изменения риторики ЕС, обозначившего Китай как системного соперника.

Сопоставление политического и экспертного уровней показывает устойчивый разрыв между дипломатически выверенной официальной позицией и более жесткими аналитическими интерпретациями. Первый выполняет имиджевую функцию, поддерживая образ Китая как ответственного актора и смягчая опасения относительно его растущего влияния. Второй отражает реальные тенденции внешней политики, в рамках которых ЕС рассматривается как фрагментированный и зависимый от внешних влияний субъект. С учетом текущей динамики можно ожидать, что подобная конфи-

гурация сохранится в среднесрочной перспективе лишь с незначительными колебаниями.

Подводя итог, взаимосвязь между восприятием и внешнеполитическим курсом можно представить как сочетание двух взаимодополняющих процессов. С одной стороны, действия «другого» интерпретируются через уже сложившуюся систему убеждений. С другой – сама практика взаимодействия постепенно трансформирует эти представления, что в дальнейшем влияет и на стратегические установки сторон. В этом контексте эволюция образа ЕС в КНР выступает важным фактором трансформации двусторонних отношений. Она влияет как на конкретные внешнеполитические решения, так и на более широкое самопозиционирование Китая.

Список литературы

Виноградов А.О., Луцник М.О. К истории формирования отношений КНР–ЕС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 352–368.

Рогачев А. Китай и ЕС: проблема предоставления статуса рыночной экономики // Международная жизнь. – 2016. – № 8. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1720> (дата обращения: 03.12.2025).

Cheng L. Think Tanks in China: growing influence and political limitations // The Brookings Institution. – 2008. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20091023_china.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

Cui H. EU's Bureaucracy Gets in Way of China Ties // CIIS. – 2017. – URL: https://www.ciis.org.cn/english/COM-MENTARIES/202007/t20200715_2660.html (дата обращения: 12.01.2025).

Grünberg N., Stec G. Whispering advice, roaring praises: The role of Chinese

think tanks under Xi Jinping // Mercator Institute for China Studies (MERICS). – 2024. – URL: <https://merics.org/en/report/whispering-advice-roaring-praises-role-chinese-think-tanks-under-xi-jin-ping> (дата обращения: 12.01.2025).

Herrmann R.K. Perceptions and Image Theory in International Relations / R. K. Herrmann // *The Oxford Handbook of Political Psychology*. 2nd ed / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. – Oxford : Oxford Academic, 2013. – 986 p.

Herrmann R., Fischerkeller M. Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the cold war // *International Organization*. – 1995. – Vol. 49, N 3. – P. 415–450.

Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. – 1970. – Vol. 14, N 3. – P. 233–309.

Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1976. – 445 p.

Kaveshnikov N.Yu., Lupaltsova A.I. The Transformation of China's Image in European Expert Discourse // *Современная Европа*. – 2024. – № 5. – С. 60–73.

Weaver R.K. The Changing World of Think Tanks // *PS: Political Science & Politics*. – 1989. – Vol. 22, N 3. – P. 563–578.

Yang Y.E., Liu X. The 'China Threat' through the Lens of US Print Media: 1992–2006 // *Journal of Contemporary China*. – 2012. – Vol. 76, N 21. – P. 695–711.

Zhu X. The Rise of Think Tanks in China. – London : Routledge, 2012. – 224 p.

Ван Ивэй. Назад в будущее или реальность – перспективы развития ЕС в 2022 г. = 王义桅. 回到未来还是现实——2022年欧盟发展展望 // Китайская академия социальных наук = 中国社会科学院 (CASS). – 2022. – 27 января. – Кит. яз. – URL: https://www.cssn.cn/gjgc/gjgc_gcld/202207/t20220728_5424071.shtml (дата обращения: 12.01.2025).

Ван Лингуй. Взаимовыгодное сотрудничество: открывая новую главу в отношениях Китая и ЕС = 王灵桂. 合作共赢 开创中欧关系新局面 // Европейские исследования = 欧洲研究. – 2021. – № 5. – С. 1–5. – Кит. яз.

Ли Мосы. Сотрудничество в области обмена данными между Китаем и ЕС на фоне «игры» между Китаем, США и ЕС = 李墨丝. 中美欧博弈背景下的中欧跨境数据流动合作 // Европейские исследования = 欧洲研究. – 2021. – № 6. – С. 1–24. – Кит. яз.

Лю Цзокуй. Неопределенности в сотрудничестве Китая и ЕС и как на них реагировать = 刘作奎. 中欧合作的变数及应对 // Институт Европейских исследований Китайской академии социальных наук = 中国社会科学院欧洲研究所 (IES CASS). – 2023. – 13 марта. – Кит. яз. – URL: http://ies.cass.cn/cn/work/media_interview/202303/t20230313_5602889.shtml (дата обращения: 30.12.2024).

Мэй Чжаожун. Дипломатические цели «Двух конструкций» Китая в контексте отношений между КНР и ЕС = 梅兆荣. 从中欧关系看中国外交“两个构建”目标 // Китайский народный институт иностранных дел = 中国人民外交学会 (CPIFA). – 2018. – Кит. яз. – URL: <https://www.cpifa.org/cms/book/120> (дата обращения: 30.12.2024).

Фэн Чжунпин. Отношения между Китаем и ЕС вполне возможно стабилизируются = 冯仲平. 中欧关系有望止跌回稳 // Институт Европейских исследований Китайской академии социальных наук = 中国社会科学院欧洲研究所 (IES CASS). – 2023. – 4 января. – Кит. яз. – URL: http://ies.cass.cn/cn/work/comment/202301/t20230104_5577878.shtml (дата обращения: 30.12.2024).

Чжан Цзи, Фан Цзюньшэн. Китайские мозговые центры по вопросам международных отношений и безопасности. Анализ международной дискурсивной силы = 张骥, 方炯升. 中国外交安全智库国际话语权分析 // Междуна-

родный обзор=国际展望. – 2018. – № 5. – с. 75–94. – Кит. яз.

Чжан Цзянь. Стратегическая ориентация Европы в условиях серьезных изменений и ее влияния = 张健. 大变局下欧洲战略取向及其影响 // Китайская академия современных международных отношений = 中国现代国际关系研究院 (CICIR). – 2021. – 5 апреля. – Кит. яз. – URL: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=a7402e13-0b39-4e5c-934b-4b5d0e51a2b4> (дата обращения: 30.12.2024).

Чжан Чао. Совместная работа над построением ориентированных на будущее отношений между Китаем и ЕС = 张超. 携手共筑面向未来的中欧关系 //

Институт Европейских исследований Китайской академии социальных наук = 中国社会科学院欧洲研究所 (IES CASS). – 2022. – 30 марта. – Кит. яз. – URL: http://ies.cass.cn/cn/work/report/202203/t20220330_5401479.shtml (дата обращения: 30.12.2024).

Чжу Цзин. Взаимовыгодные и бесприоритетные отношения между Китаем и ЕС приносят в мир стабильность и позитивную энергию = 朱京. 互利共赢的中欧关系为世界注入稳定性和正能量 // Китайский народный институт иностранных дел = 中国人民外交学会 (CPIFA). – 2019. – Кит. яз. – URL: <https://www.cpifa.org/cms/book/148> (дата обращения: 30.12.2024).

National Peculiarities

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.11

The Image of the European Union in Perception of Chinese Establishment and Think Tanks

Anna I. LUPALTSOVA

Lecturer of the Department for Integration Studies

MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-7174-2234

CITATION: Lupaltsova A.I. (2026). The Image of the European Union in Perception of Chinese Establishment and Think Tanks. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 196–215 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.11

Received: 11.12.2025.

Revised: 17.03.2026.

ABSTRACT. *The article analyzes the perception of the EU within Chinese official and expert discourses and traces its evolution between 2003 and 2023. Grounded*

in the image theory developed by R. Herrmann and M. Fischerkeller, the study reconstructs shifts in China's representation of the EU and examines how these shifts informed

Beijing's policy toward the Union. The research proceeds from the premise that expert discourse offers a more analytically sensitive reflection of foreign-policy adjustments while also influencing policymaking. The empirical base includes 56 official sources – statements by the President of the PRC, the Premier, the Minister of Foreign Affairs, the Head of the Mission to the EU, and strategic documents – and 101 publications from six major Chinese think tanks. Alongside five classical ideal-typical images of the “Other” (enemy, ally, degenerate, empire, colony), the study employs the additional category of rival, enabling a more precise conceptualization of China–EU relations. The findings reveal a progression from an initially allied image toward those of rival and degenerate, though elements of allied rhetoric remain. A systematic comparison of official and expert narratives identifies turning points in the EU's evolving image and demonstrates a consistent relationship between these transformations and China's policy toward the European Union.

KEYWORDS: China, EU, China-EU relations, perception, image theory, discourse, rivalry, content analysis.

References

- Cheng L. (2008). Think Tanks in China: growing influence and political limitations. *The Brookings Institution*. October 23. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20091023_china.pdf, accessed 12.01.2025.
- Cui H. (2017). EU's Bureaucracy Gets in Way of China Ties. *China Institute of International Studies (CIIS)*. February 27. Available at: https://www.ciis.org.cn/english/COMMENTARIES/202007/t20200715_2660.html, accessed 12.01.2025.
- Feng Zhongping (2023). Relations between China and the EU may well stabilize. *Institute of Europe of China Academy of Social Sciences (IES CASS)*. January 4 (in Chinese). Available at: http://ies.cass.cn/cn/work/comment/202301/t20230104_5577878.shtml, accessed 30.12.2024.
- Grünberg N., Stec G. (2024). Whispering advice, roaring praises: The role of Chinese think tanks under Xi Jinping. *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*. May 08. Available at: <https://merics.org/en/report/whispering-advice-roaring-praises-role-chinese-think-tanks-under-xi-jinping>, accessed 12.01.2025.
- Herrmann R.K. (2013). Perceptions and Image Theory in International Relations. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Psychology*. 2nd ed. Oxford: Oxford Academic, 986 pp.
- Herrmann R., Fischerkeller M. (1995). Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive–strategic research after the cold war. *International Organization*. Vol. 49, no. 3, pp. 415–450.
- Holsti K.J. (1970). National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy. *International Studies Quarterly*. Vol. 14, no. 3, pp. 233–309.
- Jervis R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 445 pp.
- Kaveshnikov N.Yu., Lupaltsova A.I. (2024). The Transformation of China's Image in European Expert Discourse. *Sovremennaya Evropa*. No. 5, pp. 60–73.
- Li Mosi (2021). Data-Sharing Cooperation Between China and the EU Amid the “Game” Among China, the United States, and the EU. *European Studies*. No. 6, pp. 1–24 (in Chinese).
- Liu Zuokui (2023). Uncertainties in China – EU Cooperation and How to Respond to Them. *Institute of Europe of China Academy of Social Sciences (IES CASS)*. March 13 (in Chinese). Available at: http://ies.cass.cn/cn/work/comment/202303/t20230313_5602889.shtml, accessed 30.12.2024.

Mei Zhaorong (2018). China's Diplomatic Goals under the "Two Constructions" in the Context of China – EU Relations. *Chinese People's Institute of Foreign Affairs (CPIFA)* (in Chinese). Available at: <https://www.cpifa.org/cms/book/120>, accessed 30.12.2024.

Rogachev A. (2016). China and the EU: the issue of granting market economy status. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 8 (in Russian). Available at: URL: <https://interaffairs.ru/jau-thor/material/1720>, accessed 03.12.2025.

Vinogradov A.O., Luschnik M.O. (2017). To the history of the development of China – EU Relations. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. No. 22, pp. 352–368 (in Russian).

Wang Lingui (2021). Mutually Beneficial Cooperation: Opening a New Chapter in China – EU Relations. *European Studies*. No. 5, pp. 1–5 (in Chinese).

Wang Yiwei (2022). Back to the Future or Reality: Prospects for the EU's Development in 2022. *China Academy of Social Sciences (CASS)*. July 28 (in Chinese). Available at: https://www.cssn.cn/gjgc/gjgc_gclld/202207/t20220728_5424071.shtml, accessed 12.01.2025.

Weaver R.K. (1989). The Changing World of Think Tanks. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 22, no. 3, pp. 563–578.

Yang Y.E., Liu X. (2012). The 'China Threat' through the Lens of US Print Me-

dia: 1992–2006. *Journal of Contemporary China*. Vol. 76, no. 21, pp. 695–711.

Zhang Chao (2022). Joint Efforts to Build Forward-Looking China – EU Relations. *Institute of Europe of China Academy of Social Sciences (IES CASS)*. March 30 (in Chinese). Available at: http://ies.cass.cn/cn/work/report/202203/t20220330_5401479.shtml, accessed 30.12.2024.

Zhang J., Fang J. (2018). Analysis of the International Discursive Power of Chinese Diplomacy/Security Think Tanks. *International Overlook*. No. 5, pp. 75–94 (in Chinese).

Zhang Jian (2021). Europe's Strategic Orientation Amid Major Changes and Its Impact. *China Institutes of Contemporary International Relations (CICIR)*. April 5 (in Chinese). Available at: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=a7402e13-0b39-4e5c-934b-4b5d0e51a2b4>, accessed 30.12.2024.

Zhu Jin (2019). Mutually beneficial and win-win relations between China and the EU bring stability and positive energy to the world. *Chinese People's Institute of Foreign Affairs (CPIFA)* (in Chinese). Available at: <https://www.cpifa.org/cms/book/148>, accessed 30.12.2024.

Zhu X. (2012). *The Rise of Think Tanks in China*. London: Routledge, 224 pp.

Вокруг книг

УДК 327(6)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.12

Читая книгу «Кто кому дает? Переосмысление Африки в гуманитарном представлении»

Любовь Владимировна ИВАНОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН)

Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, Российская Федерация, 119334

E-mail: caashoru@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2378-5598

Зенебе Тафессе КИНФУ

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: kinfu@inion.ru

ORCID: 0000-0002-0908-4736

ЦИТИРОВАНИЕ: Иванова Л.В., Кинфу З.Т. «Кто кому дает? Переосмысление Африки в гуманитарном представлении» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 216–228.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.12

Статья поступила в редакцию 14.03.2026.

Исправленный текст представлен 04.06.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье представлена рецензия на книгу «Кто кому дает? Переосмысление Африки в гуманитарном представлении» (под ред. К. Кемеджю и К. Линч) (*Who Gives to Whom? Reframing Africa in the Humanitarian Imaginary* (ed. by C. Kemedjio, C. Lynch) – ISBN 978–3-031-46552–9, ISBN 978–3-031-46553–6 (e-book), <https://doi.org/10.1007/978–3-031-46553–6> (268 стр.)), опубликованную издательством Palgrave Macmillan (Springer Nature, Switzerland AG) в 2024 г. Авторы

монографии, многие из которых работают в университете в Ирвайне (США), рассуждают о необходимости пересмотра принципов оказания гуманитарной помощи странам Африки. Они приводят примеры негативных последствий предоставления экономической помощи, содействия женским организациям, защите прав детей в Уганде, Гане, Конго и других африканских странах. Многие авторы описывают собственный опыт проведения полевых исследований и работы в гуманитарных

организациях. Основной вопрос книги – о соотношении даваемой и получаемой помощи, которую, по мнению авторов, именно Африка предоставляет Западу, а не наоборот, как традиционно принято считать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гуманитарная помощь, гуманитарная интервенция, колониализм в Африке, неоколониализм, расизм, панафриканизм, здравоохранение в Африке, экология в Африке, защита прав женщин и детей.

Коллективная монография под ред. Киласа Кемеджио и Сесилии Линч «Кто кому дает? Переосмысление Африки в гуманитарном представлении» вышла в серии «Культура и религия в международных отношениях». В предисловии к книге «Африка: взлетайте к звездам на собственных крыльях» Нгути ва Тхионго (1938–2025), кенийский писатель и драматург, указывает на то, что «Африка была вечным донором Запада, но, благодаря политическим и культурным манипуляциям, история превращает Запад в донора Африки» [Who Gives to Whom?..., 2024, р. vii–viii]. Основная идея этого сборника, обозначенная Нгути, – «континент должен разорвать психологическую связь, которая заставляет его правящую элиту верить и действовать так, как будто Африка не может обойтись без «помощи» Запада» [Who Gives to Whom?..., 2024, р. vii].

Книга состоит из 12 глав разных авторов, затрагивающих проблемы, связанные с оказанием гуманитарной помощи африканским странам. Особенностью сборника является отличная редакторская работа, которая очевидна в подборе разностороннего материала без повторяющихся рассуждений о гуманитаризме в каждой главе; знакомство всех участников коллектив-

ной монографии с работами друг друга до публикации отражается в ссылках на них в тексте.

Несмотря на интенсивные политические дебаты в последнее время, академическая дискуссия по вопросу гуманитарной интервенции гораздо старше – она затрагивалась в работах ученых XIX и начала XX вв., в которых уже существовали споры о правовых аргументах за и против интервенционистской доктрины [Stapleton, 1866; Arntz, Rolin-Jaequemyns, 1876]. Однако на фоне запрета на применение силы и интервенцию, прямо установленного в Уставе ООН (ст. 2, п. 4, 7), эти дебаты заметно утихли после 1945 г. Более того, английский юрист Я. Браунли пришел к выводу, что ни одного подлинного случая гуманитарной интервенции вообще никогда не происходило, и это составляет благотворное развитие международного сотрудничества [Brownlie, 1963, р. 340]. Вопрос о гуманитарной интервенции вновь приобрел актуальность в связи с кризисом в Биафре (Нигерия) в 1968 г. и военным вмешательством Индии в Восточный Пакистан в 1971 г., что побудило ученых вновь уделить этому явлению значительное внимание. В частности, начал подниматься вопрос о том, соответствует ли идея насильственного вмешательства в гуманитарных целях международному праву и может ли она получить какое-либо юридическое признание [Wiseberg, 1974; Weisberg, 1972].

Гуманитарные интервенции в Африке варьируются от прямой экстренной помощи до долгосрочных целей развития, от военной помощи до постконфликтного государственного строительства и наращивания потенциала, от небольших интервенций отдельных лиц в рамках миссий по оказанию услуг до ежегодных многомиллиардных пакетов государственной помощи. Страны-доноры предоставляют по-

мощь не случайным образом, а после критического расчета ее политических последствий. Таким образом, даже если большая сумма помощи была упакована как «экономическая помощь», она в равной степени несет в себе целый ряд политических целей [Fentahun, 2023].

Гуманитарная помощь как неоколониализм

Вводная глава 1 «Критическое прочтение гуманитаризма» написана в соавторстве редакторами сборника Силасом Кемеджио, профессором французского языка и франкоязычных исследований в Университете Рочестера, директором Института африканских и американских исследований имени Ф. Дугласа при Рочестерском университете (Рочестер, штат Нью-Йорк, США), и Сесилией Линч, профессором политологии в Калифорнийском университете в Ирвайне (Калифорния, США). Авторы дают обзор статей, представленных в сборнике, в которых исследователи пытаются изменить усиливающуюся за последние несколько десятилетий тенденцию превращения Африканского континента и его жителей в жертв. Они определяют гуманитарную помощь как гуманитарное вмешательство и новую форму колониализма, при котором зависимость от имперского центра с навязанными моделями развития воспринимается как естественный порядок вещей.

Вторая глава, «Недопонимание гуманитарной деятельности в постколониальном гуманитарном африканском представлении», написанная одним из редакторов книги Силасом Кемеджио, демонстрирует критическую оценку имиджа гуманитарной помощи и «предполагаемой западной доброжелательности по отношению к Африке и африканским народам».

В ней автор указывает на то, что после обретения независимости «цивилизаторские» миссии колониальной эпохи были преобразованы в неправительственные организации (НПО) и в большинстве случаев отправлены в бывшие колониальные метрополии с новыми гуманитарными миссиями. С. Кемеджио обращает внимание на существование традиционных местных практик благотворительности и взаимопомощи в африканских обществах и считает, что концептуализация гуманитарных практик в рамках местной культуры и на местных языках придавала бы им столь необходимую видимость и эффективное применение, поскольку Африка «использует стратегии, которые ускользают от западных аналитических инструментов, и стратегии, основанные на осмотрительности, без медийной шумихи, с философским принципом самоотречения на благо другого и коллектива» [Konaré Ba, 2020, p. 23]. Подобные практики существуют во всех африканских обществах, но они либо намеренно игнорируются западными гуманитарными организациями, либо недооцениваются, так как являются частью народной культуры и отдельно не рассматриваются.

Принудительный гуманитаризм

Третья и пятая главы на африканских примерах рассматривают вопрос о «принудительном гуманитаризме» [The Emergence..., 2016], который подрывает и ставит под угрозу процесс оказания гуманитарной помощи – как экономической, так и в области защиты прав человека.

В третьей главе, «Спасение путем добычи ресурсов: Ковчег Зои и этика гуманитаризма в Африке», С. Н'Затиула Гровоги, преподаватель африка-

нистики в Корнельском университете (США) и бывший профессор международных отношений, теории и права в Университете Джонса Хопкинса, родом из Гвинеи, обращается к проблемам спасения детей в чрезвычайных ситуациях и в юридическом оформлении гуманитарной помощи. Автор демонстрирует, что «цель гуманизма состоит не в том, чтобы исправить сложные материальные условия или смягчить неприемлемую степень человеческих страданий, а в том, чтобы поддержать моральные принципы и этические предикаты европейских претензий на попечительство над человечеством» [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 49]. Помимо обретения смысла жизни в спасении страждущих, французская благотворительная организация «Ковчег Зои» способствовала вывозу африканских детей и их коммерческому усыновлению в Европе в 2007 г. Сотрудники «Ковчега Зои» утверждали, что только они обладали видением, волей и способностью спасти детей, которые, по их мнению, были фактически брошены родителями. Президент Чада Идрисс Деби Итно объявил миссию «Ковчега Зои» зловещим заговором с целью похищения детей, чтобы вывезти их в Европу для получения денежной выгоды путем продажи их «педофилам», торговцам органами и другим подобным лицам [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 50]. Чадские власти арестовали, предъявили обвинения и осудили нескольких членов «Ковчега Зои». В результате судебного процесса выяснилось, что «Ковчег Зои» не только забирал детей, не затронутых войной, но и делал это без какого-либо юридического или родительского разрешения. В свое оправдание на суде сотрудники «Ковчега Зои» утверждали, что их «вмешательство» было основано на центральных принципах гумани-

таризма, что безопасность детей и неприкосновенность жизни стоят выше любого законодательства или конституционных положений.

Таким образом, Запад по умолчанию контролировал нормативные режимы благодаря своему моральному и интеллектуальному уровню, представлению о терпимости и правах человека, тогда как другие были обязаны им подчиняться. Начавшись во время колонизации Африканского континента, процесс подчинения и контроля превратился в построение демократии в постколониальный период, который характеризовался значительными потоками средств помощи, якобы способствующих развитию Африки. В 2005 г. Генеральной Ассамблеей ООН была одобрена доктрина R2P (*The Responsibility to Protect*) – «Ответственности за защиту», согласно которой «международное сообщество» несло ответственность за вмешательство в дела любой страны, где имели место нарушения прав человека, такие как «военные преступления» или «преступления против человечности» [Evans, 2009; Pattison, 2010; Hehir, 2012]. Что именно квалифицировалось как преступления против человечности, предстоит решить «международному сообществу», которое признает, что гуманитарная интервенция в рамках R2P – это новое проявление «цивилизаторской миссии», обязанности колонизировать, которая лежала в основе так называемого бремени белого человека [McMaken, 2024].

В главе 5 «Джозеф Кони, «Невидимые дети» и военный гуманизм в конфликте в Северной Уганде» Айеша Энн Ниббе, научный сотрудник Калифорнийского университета в Ирвайне, анализирует создание, деятельность и последующий крах организации «Невидимые дети», самой влиятельной

НПО в регионе Великих озер в 2000-х годах, и формулирует новое дополнение к длинному списку того, что Африка дает Западу – «чувство цели». «Невидимые дети»¹ быстро и экспоненциально росли, потому что, по мнению Ниббе, они предлагали американцам «выход из острого чувства социальной отчужденности», даже если результатом стало усугубление кризиса в Северной Уганде и усиление официальных попыток США и ООН, а также неофициальных попыток НПО осуществить военное вмешательство. «Гуманитарная деятельность, несомненно, создает “приятные” и целенаправленные занятия для людей с Запада – возможность остановить “плохого парня” в Африке, положить конец войне в далеком месте или, в более общем смысле, обрести чувство цели, выходящей за рамки личных интересов» [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 115].

Приведенный случай гуманитарной интервенции на севере Уганды служит наглядным примером того, как воображаемые представления об африканских мужчинах как о жестоких, варварских и иррациональных, и африканских женщинах и детях как о невинных, аполитичных и беспомощных вкупе с властными отношениями усиливают друг друга. В этой главе продемонстрировано, как «творение добра» может фактически еще больше усугубить условия, вызывающие конфликты, и гуманитарные кризисы, подавляя и вытесняя африканскую историю, религиозные убеждения, политические взгляды и социальную активность нарративами, политическими интересами, религиозными идеологиями и военными интервенциями внешних сил.

Гуманитарная помощь в сфере здравоохранения

Помощь в борьбе с различными заболеваниями – одно из наиболее популярных направлений гуманитарной медицинской помощи. Однако после нескольких провалов в предсказаниях западных исследователей об ухудшении ситуации со здравоохранением в Африке, в случаях тестирования непроверенных препаратов и нежелания признавать медицинские достижения местных африканских исследователей потоки гуманитарных средств на борьбу с болезнями стали публично рассматриваться как маскировка империалистических интересов, направленных на контроль над населением Африки и распределением ресурсов.

В главе 6 *«Переосмысление гендерного подхода к оказанию помощи: деколонизация глобального здравоохранения и искоренение гендерных стереотипов в сфере лечения ВИЧ в Африке»* южноафриканский антрополог Дебора Миндри обращается к проблеме искусственной стигматизации гуманитарными организациями местного населения. Они представляют африканских мужчин как «мужественных» и «жестоких», как источник гетеросексуальной передачи ВИЧ, а африканских женщин, напротив, как бесправных жертв, нуждающихся в спасении. Оказание гуманитарной медицинской помощи происходит в соответствии с этими стереотипами. В Малави было обнаружено, что молодые и взрослые мужчины были исключены из услуг в области репродуктивного и детского здоровья, а тестирование на ВИЧ в основном предлагалось женщинам [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 129]. Дис-

1 Благотворительная организация «Невидимые дети» из Сан-Диего, целью которой было захватить местного мессию Джозефа Кони, положить конец насилию, совершаемому Армией сопротивления Господа Кони, которая похищала и насильственно идеологически воздействовала на детей, чтобы те убивали, грабили и совершали зверства.

курсы о ВИЧ/СПИДе глубоко гендерно окрашены и напоминают колониальные дискурсы – представления об африканских женщинах как о «выючных животных» и ленивых африканских мужчинах, эксплуатирующих чернокожих женщин и «охотящихся на белых женщин» [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 121]. Отсюда берут начало неоколониальные представления об извращении и о гиперсексуальности африканских мужчин, ставшие основой усилий многочисленных НПО по снижению насильственных действий мужчин в отношении женщин.

В главе 10 «COVID-19 и африканская катастрофа, которой не было» конголезский поэт, священник и нынешний президент «Ассоциации исследований Африки африканцами» Туссен Кафарир Мурхула указывает еще на одну важную проблему в оказании гуманитарной помощи в области здравоохранения – возможность тестирования медицинских препаратов. Поскольку считается, что африканцы бедны, не защищены и в целом относятся к группам высокого риска, они могут служить экспериментальными образцами для проверки эффективности новых фармацевтических продуктов ради науки и прогресса [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 206].

Например, в 2005 г. в США был дважды отклонен коллективный иск, поданный против *Pfizer* 30 нигерийскими семьями, участвовавшими в испытании препарата *Trovan* в 1996 г. в штате Кано. Тровафлоксацин, антибиотик, который в то время еще только изучался, был введен детям, в результате чего 11 чел. умерли, а у десятков возникли серьезные осложнения (глухота, слепота, артрит, токсическое поражение печени) [Sierra, 2011]. Несмотря на решение в США, в январе 2008 г. Верховный суд Нигерии выдал ордер на арест 8 бывших директоров *Pfizer*,

которые продолжают отрицать, что испытание препарата было неэтичным [Lyons, 2009]. Похожий случай произошел с *MenAfriVac* – вакциной, разработанной в рамках деятельности Фонда М. и Б. Гейтсов для предотвращения вспышек менингита, особенно в Африке, и обеспечения доступной по цене вакцины. Проект *MenAfriVac* стартовал в 2010 г. в 12 африканских странах. К 2016 г. вакцину получили более 270 млн чел. в 26 странах. Были сообщения о нарушениях информированного согласия, сообщения о неблагоприятных последствиях для здоровья в Буркина-Фасо, но медицинские исследователи сочли их ожидаемыми, нормальными и не вызывающими сомнений по поводу безопасности.

Вирус COVID-19 обозначил крутой поворот в отношении к медицинскому гуманизму и вере в западную медицину, укрепив недоверие к западной благотворительной деятельности, якобы направленной на помощь Африке. С точки зрения Запада, надвигающаяся угроза для Африки была очевидна: история пандемий, таких как ВИЧ/СПИД и эбола, а также лежащая в основе хроническая бедность и недоедание были факторами, подкрепляющими пророчества о катастрофе. Африканское городское пространство с его перенаселенными трущобами и культурными обычаями делало физическое дистанцирование практически невозможным. Вдобавок к этим экологическим факторам нестабильность здравоохранения и устаревание инфраструктуры затрудняли внедрение карантинных мер или предоставление адекватных медицинских услуг на большей части Африки [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 204]. Экономическая комиссия ООН для Африки опубликовала доклад в апреле 2020 г., в котором утверждалось, что число жертв COVID-19 в Африке ожидается

от 300 тыс. до 3,3 млн чел. [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 206]. Этот прогноз, по мнению автора статьи, объяснялся сохранением колониального менталитета, противопоставляющего Африку Европе.

Прогнозы не оправдались, и статистика случаев заражения в Африке оказалась довольно низкой. Министерство здравоохранения Конго совместно со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) подтвердили в совместном отчете, опубликованном 10 октября 2021 г., что уровень смертности составил 1,9%, то есть всего 1089 смертей, связанных с пандемией [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 215]. В своей вступительной лекции 2023 г. под названием «Как наша иммунная система приобретает устойчивость к малярии и помогает нам выжить при COVID-19» ганский паразитолог Авандаре показал, как репрограммирование иммунной системы оказалось полезным для людей, живущих в эндемичных по малярии районах, во время пандемии COVID-19, защищая их от тяжелого течения болезни и смерти [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 207]. Здесь автор выявляет еще одну проблему – евроцентричную гегемонию и непризнание Западом авторитета местных исследователей, а также приоритеты в выделении исследовательских грантов «западным» ученым.

Гуманитарная помощь как разрушение экологии и социума

Глава 9 «Токсичное очищение в условиях цифрового разрыва» написана двумя авторами – Тамарой Джима, доктором философии и доцентом Колледжа медицинских наук Буве в Северо-восточном университете (Бостон, США), и Оладеле А. Огунсейтан, заведующим кафедрой в Калифорнийском универ-

ситете в Ирвайне (США). В ней авторы затрагивают проблему экологических последствий предоставляемой помощи африканским странам и пытаются разграничить внутренние и международные факторы, чтобы выявить возможности для более устойчивых мер вмешательства, направленных на балансирование воздействия «полезного и вредного» гуманитаризма. В течение последних трех десятилетий электронные отходы являлись самой быстрорастущей категорией опасных твердых отходов, производимых в мире [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 179]. С одной стороны, гуманитарная передача бывших в употреблении электронных изделий является потенциально выгодной для стран, которые не могут позволить себе растущие затраты на электронные устройства, а также создает рабочие места, но, с другой стороны, эти же страны, не имея центров по утилизации отходов, сталкиваются в проблемной негативного воздействия избыточного мусора на окружающую среду и здоровье людей в Африке, при этом обеспечивая «чистую совесть» благотворителей, бесплатно избавившихся от ненужных вещей. Авторы указывают, что спустя почти 30 лет после принятия Организацией Объединенных Наций Базельской конвенции о контроле за трансграничным перемещением опасных отходов и их утилизацией США, являясь одним из крупнейших экспортеров подержанных электронных и электрических приборов, до сих пор еще не присоединились к ней.

В главе 8 «Никому не доверяйте»: логика микрофинансирования, зависящая от того, кого вы спросите» Кристал Мерфи, доцент кафедры политологии и директор программы магистратуры по международным исследованиям в Университете Чепмена (США), рассуждает о том, как микрофинансирование разрушает экономику

в Северной Уганде и Судане, несмотря на публично декларируемые преимущества (например, присуждение Нобелевской премии в 2006 г. основателю *Grameen Bank* М. Юнусу). Сторонники микрофинансирования утверждают, что бедные могут обрести социальную и экономическую возможность, беря и погашая эти небольшие кредиты, которые они используют для предпринимательской деятельности. Согласно общепринятой точке зрения, эта финансовая помощь превосходит традиционные формы поддержки. Однако, как автор выясняет в общении с местными жителями, напротив, она способствует созданию семейной поруки (а не солидарности) и не оставляет шанса на развитие бизнеса из-за еженедельной выплаты процентов. Если член группы допускает просрочку платежа, то другие члены группы обязаны компенсировать это. В противном случае все теряют возможность получать кредиты в будущем [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 167]. Банки не принимают отсрочек по болезни или «семейным обстоятельствам», что, однако, учитывается в традиционной системе взаимопомощи. Автор призывает специалистов по микрофинансированию учиться у давно существующих африканских систем сбережений, не разрушая их, а также прислушиваться к отзывам своих клиентов [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 172].

Гуманитарная помощь и «женский вопрос»

В главе 7 «Как женщины Западной Африки «спасают» повестку дня в области женщин, мира и безопасности» Кэрри Рейлинг, доцент кафедры политологии и международных исследований Вашингтонского колледжа в Честертауне (США), рассуждает об очевидном разрыве между

направленностью и финансированием местных женских организаций транснациональными НПО и потребностями, которые формулируют сами африканки. Автор приводит примеры Кот-д'Ивуара и Гвинеи, где программы практически полностью игнорируют экономические потребности женщин, особенно в долгосрочной перспективе, в первую очередь выделяя финансирование на программы, направленные на борьбу с сексуальным насилием. Реализация этих программ происходила без прямого участия женских организаций внутри страны и без четкого плана, причем реализация следовала за финансированием, а не за актуальностью проблемы. Транснациональные НПО, предлагающие финансирование программ, решающих женские проблемы, дают приоритет международной повестке в первую очередь, а не местным проблемам, и только начиная реализовывать проект, понимают, что такие программы не могут быть эффективны в контексте страны. Вместо того чтобы пересмотреть первоначальную программу, они решают ее довести до конца либо из-за необходимости подотчетности перед донорами, либо потому, что они не осознают масштабы несоответствия. В случае, если первоначальная проблема остается, то организация может обратиться за дополнительной помощью и финансированием от доноров, продолжая создавать «лоскутное одеяло» из политик, в то время как потребности целевой группы остаются неудовлетворенными.

Программы по борьбе с калечащими операциями на женских половых органах финансировались в первую очередь, однако их результатом стало увеличение числа подобных хирургических вмешательств. В докладе Верховного комиссара ООН по правам че-

ловека отмечалось: «Многочисленные информационные кампании, проводимые правительством и национальными и международными партнерами, справедливо подчеркивали риски для здоровья, ... [что, таким образом,] способствовало усилению медицинской интерпретации калечащих операций и, возможно, способствовало формированию представления о том, что в медицинских учреждениях калечащие операции на женских половых органах разрешены и не представляют никакого риска» [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 147]. С учетом сложившейся ситуации в Гвинее местным женским организациям было проще следовать приоритетам доноров и стать местными партнерами по реализации проекта, ориентированного на борьбу с женским обрезанием или сексуальным насилием, чем пытаться найти деньги на другой проект, актуальный для местных женщин. Таким образом им удавалось реализовывать непопулярные для гуманитарного финансирования проекты по мелкому женскому бизнесу – переработке фруктов, изготовлению джема и соков.

Заключение, или деколонизация гуманитаризма

Глава 11 «Взять, дать, исправить и обратить вспять», написанная одним из редакторов тома Сесилией Линч, подводит итог коллективной монографии. Авторы, анализируя различные направления благотворительных проектов в Африке, демонстрируют несоответствие представления о гуманитарной помощи и реальных результатов, к которым она ведет.

С. Линч указывает на «некоторые аспекты западного невежества, которые необходимо преподавать, изучать и понимать тем, кто хочет «помочь

Африке»: игнорирование истории африканских народов и представление об африканцах как о пассивных и необразованных жертвах колониализма; незнание культуры африканских народов и тот факт, что западные люди пришли на континент с чувством культурного, политического, экономического, технического и религиозного превосходства, которое продолжает нарушать права африканских народов и окружающей среды, при этом принижая африканские знания и традиции; незнание истории христианства и ислама на континенте, а также африканских религий и духовных традиций [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 228].

Ссылаясь на интервью Джин Олман «Африка – это страна» [Allman, 2020], С. Линч (сама будучи «белой» западной исследовательницей) соглашается с идеей о том, что «западным белым ученым пора отойти в сторону» [Who Gives to Whom?..., 2024, p. 230]. Она приводит в пример деятельность африканоцентричных форумов, блогов (авторами которых являются многие авторы статей этого сборника), которые пытаются преодолеть разделение между учеными, студентами и активистами, чтобы «преобразовать феномен помощи Африке в эгалитарные и уважительные отношения, бросающие вызов неравным властным отношениям, патернализму и виктимизации, а также Ассоциацию исследований Африки африканцами (ASAA), соучредителем которой 10 лет назад была одна из авторов, А. Ампофо, и которую развила до статуса профессиональной ассоциации, укрепляющей солидарность и возвращающей ядро африканских исследований на континент.

Авторы монографии приходят к выводу, что Африка является крупнейшим получателем иностранной помощи, но эта помощь не способствует ни демо-

кратии, ни экономическому развитию. Вместо этого, по мнению Д. Мойо, «помощь способствовала тому, что бедные стали еще беднее... Сегодня миллионы людей в Африке беднее из-за помощи; нищета и страдания не прекратились, а усилились. Помощь была и остается безусловной, политической, экономической и гуманитарной катастрофой» [Моуо, 2009, р. 17]. Утверждая, что иностранная помощь, получаемая Африкой, представляет собой систематическую помощь с репрессивными политическими условиями, призванными навязать либеральные ценности нелиберальному континенту, они приходят к выводу, что иностранная помощь становится неокOLONIALНЫМ инструментом западного политико-экономического и идеологического господства, обменивающим суверенитет континента на помощь и кредиты. Неправительственные организации сами признают, что краткосрочная помощь для оказания экстренной помощи, например импорт продовольственных пайков для борьбы с голодом, может нанести непоправимый ущерб внутреннему производству продовольствия, и наоборот, некачественно оказанная долгосрочная помощь в целях развития может усугубить последствия гуманитарных кризисов для пострадавшего населения.

Список литературы

- Allman J. Academic Reparation and Stepping Aside. Africa is a Country // Africa Is a Country. – 2020. – URL: <https://africasacountry.com/2020/11/academic-reparation-and-stepping-aside> (дата обращения: 10.03.2026).
- Arntz E., Rolin-Jaequemyns G. Note sur la Théorie du Droit d'Intervention // Revue de Droit International et de Legislation Comparée. – 1876. – Vol. 8. – P. 673–682. – Франц. яз.
- Brownlie I. International Law and the Use of Force by States. – Oxford : Clarendon Press, 1963. – 564 p.
- Evans G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All // Irish Studies in International Affairs. – 2009. – Vol. 20. – P. 7–13.
- Fentahun G. Foreign aid in the post-colonial Africa: Means for building democracy or ensuring Western domination? // Cogent Social Sciences. – 2023. – Vol. 9, N 1. – DOI: 10.1080/23311886.2023.2241257.
- Hehir A. The Responsibility to Protect: Rhetoric, Reality and the Future of Humanitarian Intervention. – Basingstoke : Palgrave, 2012. – 307 p.
- Konaré Ba A. Discours inaugural du forum. Forum de Solidarité. L'Afrique face au défi humanitaire, organisé par la Fondation Partage (Bamako, 1, 2, 3 décembre 1998) // Présence africaine. – 2000. – P. 14–27. – Франц. яз.
- Lyons T. Pharmaceutical Colonialism – Ethical Issues for Clinical Research in Africa. Conference Paper // AFSAAP, Annual Conference, Brisbane. – 2009. – URL: https://www.academia.edu/68657481/Pharmaceutical_Colonialism_Ethical_Issues_for_Clinical_Research_in_Africa (дата обращения: 10.03.2026).
- McMaken R. Humanitarianism As an Excuse for Colonialism and Imperialism // Mises Institute. – 2024. – January 23. – URL: <https://mises.org/mises-wire/humanitarianism-excuse-colonialism-and-imperialism> (дата обращения: 10.03.2026).
- Moyo D. Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2009. – 188 p.
- Pattison J. Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene? – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 312 p.
- Sierra X. Ethics in Medical Research in Humans: A Historical Perspective // Actas

Dermo-Sifiliográficas (English Edition). – 2011. – Vol. 102, N 6. – P. 395–401. – DOI: 10.1016/j.adengl.2011.03.002.

Stapleton A.G. Intervention and Non-Intervention or The Foreign Policy of Great Britain from 1790 to 1865. – London : John Murray, 1866. – 356 p.

The Emergence of Humanitarian Intervention Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present / Ed. by F. Klose. – Mainz : Leibniz-Institut für Europäische Geschichte, 2016. – 376 p.

Weisberg H.L. The Congo Crisis of 1964: A Case Study in Humanitarian Intervention // Virginia Journal of International Law. – 1972. – Vol. 12. – P. 261–276.

Who Gives to Whom? Reframing Africa in the Humanitarian Imaginary / Ed. by C. Kemedjio, C. Lynch. – Switzerland : Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2024. – 268 p. – DOI: 10.1007/978-3-031-46553-6.

Wiseberg L.S. Humanitarian Intervention: Lessons from the Nigerian Civil War // Revue des droits de l'homme. – 1974. – Vol. 7, N 1. – P. 61–98.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.12

Reading the Book “Who Gives to Whom? Reframing Africa in the Humanitarian Imaginary”

Lyubov V. IVANOVA

PhD (History), Senior Researcher

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Leninsky Avenue, 32A, Moscow, Russian Federation, 119334

E-mail: caashoru@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2378-5598

Zenebe T. KINFU

PhD (Philosophy), Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: kinfu@inion.ru

ORCID: 0000-0002-0908-4736

CITATION: Ivanova L.V., Kinfu Z.T. (2026). Reading the Book “Who Gives to Whom? Reframing Africa in the Humanitarian Imaginary”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 216–228 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2026.01.12

Received: 14.03.2026.

Revised: 04.06.2026.

ABSTRACT. *This article is a review of the book “Who Gives to Whom? Reframing Africa in the Humanitarian Imaginary” (edited by C. Kemedjio and C. Lynch, Palgrave Macmillan, Springer Nature, Switzerland AG, ISBN 978-3-031-46552-9, ISBN 978-3-031-46553-6 (e-book), <https://doi.org/10.1007/978-3-031-46553-6>, 268 pp.) published in 2024. The authors of the monograph, most of whom work at the University of California, Irvine (USA), discuss the need to reconsider the principles of providing humanitarian aid to African countries. They provide the examples of the negative consequences of providing economic aid, promoting women’s organizations, protecting children’s rights in Uganda, Ghana, Congo and other African countries. Many authors describe their own experience of conducting field research and working in humanitarian organizations. The book’s main question is about the balance between given and received aid, which, according to the authors, is provided by Africa to the West, and not vice versa, as it is traditionally believed.*

KEYWORDS: *humanitarian aid, humanitarian intervention, colonialism in Africa, neocolonialism, racism, Pan-Africanism, healthcare in Africa, ecology in Africa, protection of women’s and children’s rights.*

References

- Allman J. (2020). Academic Reparation and Stepping Aside. Africa is a Country. *Africa Is a Country*. Available at: <https://africasacountry.com/2020/11/academic-reparation-and-stepping-aside>, accessed 10.03.2026.
- Arntz E., Rolin-Jaequemyns G. (1876). Note on the Theory of the Right of Intervention. *Revue de Droit International et de Legislation Comparée*. Vol. 8, pp. 673–682 (in French).
- Brownlie I. (1963). *International Law and the Use of Force by States*. Oxford: Clarendon Press, 1963, 564 pp.
- Evans G. (2009). The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All. *Irish Studies in International Affairs*. Vol. 20, pp. 7–13.
- Fentahun G. (2023). Foreign aid in the post-colonial Africa: Means for building democracy or ensuring Western domination? *Cogent Social Sciences*. Vol. 9, no. 1. DOI: 10.1080/23311886.2023.2241257.
- Hehir A. (2012). *The Responsibility to Protect: Rhetoric, Reality and the Future of Humanitarian Intervention*. Basingstoke: Palgrave, 307 pp.
- Konaré Ba A. (2000). Opening address of the forum. Solidarity Forum: Africa Facing the Humanitarian Challenge, organized by the Partage Foundation (Bamako, December 1–3, 1998). *Présence africaine*. P. 14–27 (in French).
- Lyons T. (2009). Pharmaceutical Colonialism – Ethical Issues for Clinical Research in Africa. Conference Paper. AFSAAP, Annual Conference. Brisbane. Available at: https://www.academia.edu/68657481/Pharmaceutical_Colonialism_Ethical_Issues_for_Clinical_Research_in_Africa, accessed 10.03.2026.
- McMaken R. (2024). Humanitarianism As an Excuse for Colonialism and Imperialism. *Mises Institute*. January 23. Available at: <https://mises.org/mises-wire/humanitarianism-excuse-colonialism-and-imperialism>, accessed 10.03.2026.
- Moyo D. (2009). *Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 188 pp.
- Pattison J. (2010). *Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene?* Oxford: Oxford University Press, 312 pp.
- Sierra X. (2011). Ethics in Medical Research in Humans: A Historical Perspective. *Actas Dermo-Sifiliográficas (English Edition)*. Vol. 102, no. 6, pp. 395–401. DOI: 10.1016/j.adengl.2011.03.002.
- Stapleton A.G. (1866). *Intervention and Non-Intervention or The Foreign Policy of*

Great Britain from 1790 to 1865. London: John Murray, 356 pp.

The Emergence... (2016). Klose F. (ed.). *The Emergence of Humanitarian Intervention Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present*. Mainz: Leibniz-Institut für Europäische Geschichte, 376 pp.

Weisberg H.L. (1972). The Congo Crisis of 1964: A Case Study in Humanitarian Intervention. *Virginia Journal of International Law*. Vol. 12, pp. 261–276.

Wiseberg L.S. (1974). Humanitarian Intervention: Lessons from the Nigerian Civil War. *Revue des droits de l'homme*. Vol. 7, no. 1, pp. 61–98.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 19 № 1 – 2026**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 30.06.2026
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 18,2
Тираж 1 000 экз.
Заказ № ____

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6